Б 26

Е. З. БАРСУКОВ

АРТИЛЛЕРИЯ РУССКОЙ АРМИИ

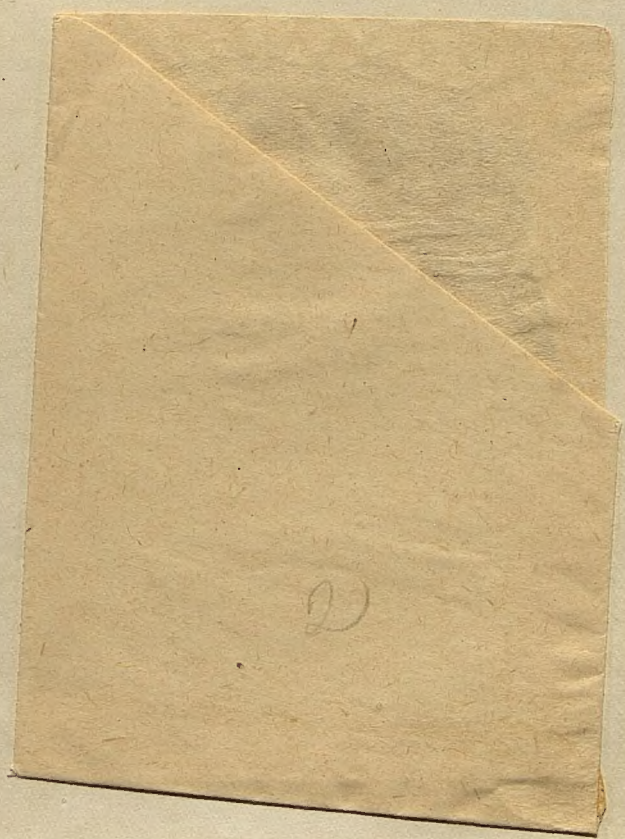
III

Е. З.
БАРСУКОВ
★
АРТИЛЛЕРИЯ
РУССКОЙ
АРМИИ
III

Е.З. БАРСУКОВ

АРТИЛЛЕРИЯ РУССКОЙ АРМИИ

III



ПРОВЕРЕНО 54 г.

ПРОВЕРЕНО 51 г.

Проверено 2015

ПРОВЕРЕНО 1980 г.

Доктор военных наук, лауреат Сталинской премии
генерал-майор артиллерии в отставке
Е. З. БАРСУКОВ

ПРОВЕРЕНО 1965 г.

АРТИЛЛЕРИЯ РУССКОЙ АРМИИ

(1900—1917 гг.)

11363

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

Том III

ЧАСТИ IV и V

ТАКТИКА И СТРЕЛЬБА АРТИЛЛЕРИИ

БИБЛИОТЕКА Г. Ш ВМ СССР

Военное Издательство
Министерства Вооруженных Сил Союза ССР
Москва—1949

358.11
Б26

Книга состоит из двух частей — четвертой и пятой. Часть четвертая посвящена вопросам тактики русской артиллерии. Разобрав сначала общие основы боевого применения артиллерии, которыми русское командование руководствовалось при подготовке этого рода войск к войне, автор переходит к характеристике каждого вида боя в отдельности, иллюстрируя их боевыми примерами участия артиллерии в войне. В заключение этой части автор дает выводы из опыта войны.

В части пятой дается описание всех способов стрельбы, которые существовали в предвоенный период и которыми русская артиллерия пользовалась в процессе войны. Так же, как и предыдущая часть, часть пятая иллюстрируется боевыми примерами из опыта войны.

Книга предназначается для генералов и офицеров Советской Армии.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТАКТИКА РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ

ГЛАВА I

ОСНОВЫ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ АРТИЛЛЕРИИ[1]

«Основное назначение артиллерии — содействовать в бою войскам других родов. Вся боевая деятельность артиллерии должна быть проникнута стремлением помогать другим. Поэтому артиллерия должна действовать в постоянном соответствии с целями и намерениями начальников войсковых соединений, коим она придана, и её боевая работа должна вестись совместно и согласованно с работой войск других родов». Так определялось боевое назначение артиллерии русским «Наставлением для действия полевой артиллерии в бою».

До издания указанного «Наставления» или почти до начала мировой войны 1914—1918 гг. русская артиллерия после окончания русско-японской войны руководствовалась главным образом указаниями бывшей офицерской артиллерийской школы, согласно которым основное боевое назначение артиллерии определялось следующими словами[2]: «Артиллерия назначается для содействия пехоте и коннице; своим огнём она подготовляет успех в выполнении общих задач боя».

«Роль артиллерии в бою сводится к огню по тем войскам противника, которые при данной обстановке имеют наибольшее значение для своей пехоты или конницы».

«Собственных конечных целей артиллерия в бою не имеет; лишь в исключительных случаях непосредственной самообороны она может временно направлять свои выстрелы против угрожающего ей неприятеля».

«Выбор целей для стрельбы артиллерии в бою всегда должен соответствовать тактической обстановке и обусловливается теми задачами, какие выпадают на долю артиллерии в бою».

«Наставлением» 1912 г. и указаниями офицерской артиллерийской школы подчёркивалась необходимость тесного взаимо-

---

[1] «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», утверждённое 28.II 1912 г., § 1—18, 76, 79. «Устав полевой службы», изд. 1912 г., § 444. «Пособие по стрельбе полевой артиллерии». Составлено группой артиллерийских офицеров (подполковник Добровольский, полковники Клейненберг 1-й, Барсуков, Гобято, Синеоков и Лукашевич) под руководством генерал-лейтенанта Краевского. С.-Петербург, 1911 г., стр. 129—141.

[2] «Пособие по стрельбе полевой артиллерии», 1911 г., стр. 134.

действия артиллерии с другими родами войск, хотя эта основная мысль не была выражена столь чётко, как в германском уставе 1908 г., в котором говорилось, что боевые действия артиллерии ни во времени, ни в пространстве неотделимы от пехоты, что артиллерия всегда должна бороться с теми целями, которые наиболее опасны для своей пехоты.

При подготовке русской артиллерии в тактическом отношении офицерской артиллерийской школой обращалось большое внимание на необходимость взаимодействия артиллерии с другими войсками, на выполнение ею боевой работы исключительно в целях содействия своей пехоте и коннице, в результате которого был бы обеспечен общий успех в бою. Но указанное стремление школы парализовалось в значительной степени отсутствием на её практических занятиях мирного времени пехоты и конницы.

Во всяком случае, при подготовке русской полевой артиллерии к войне имелось достаточно руководящих указаний, подчёркивающих назначение артиллерии — быть могущественной помощницей других войск в бою. Если же во время войны достаточно полное и должное взаимодействие артиллерии с пехотой не всегда замечалось, то происходило это крайне нежелательное явление не от недостатка руководящих указаний при подготовке в довоенное время, а вследствие других, более глубоких причин — малого знакомства пехоты со свойствами и боевыми действиями артиллерии, отсутствия внутренней органической связи и содружества между родами войск, некоторой розни между ними, далеко не изжитой до начала мировой войны, незнания свойств современной артиллерии большинством общевойсковых начальников, неправильной постановки ими боевых задач и предъявляемых требований к артиллерии, отсталости в отношении военных знаний, замечаемой среди некоторых артиллерийских начальников, в особенности старших, и т. д.

Боевые свойства артиллерии выражаются её способностью: наносить поражение огнём с больших расстояний и притом внезапно и быстро — сильное открытым живым целям и сравнительно меньшее живым целям, защищённым закрытиями; разрушать и уничтожать прочные закрытия, разного рода постройки и сооружения; оказывать своим огнём сильное моральное воздействие на противника; действовать своим огнём по неприятельским участкам широкого фронта и значительной глубины; сохранять в бою материальную и моральную устойчивость; оставаться по введении в бой в руках своих начальников.

Боевые свойства, определяющие силу огня и подвижность артиллерии, делают её могущественным средством, дающим возможность оказывать энергичное огневое воздействие на противника, преодолевать его волю и сопротивление и таким образом «подготовлять, развивать и закреплять успех боевой работы своих войск».

«Наставлением для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. подчёркивалось, что боевые свойства артиллерии до-

пускают: «а) введение её в бой в полном составе, без оставления в резервах; б) свободу её расположения в боевом порядке и широкое использование ею местности как для лучшего поражения противника, так и в видах лучшего предохранения от его огня; в) объединение работы артиллерии и, как следствие этого, целесообразное распределение огня и применение сосредоточенного огня многих артиллерийских частей, даже при широком или разбросанном их расположении; г) быстрые переносы огня для последовательного поражения различных целей».

Тем же «Наставлением» указывалось, что для наилучшего использования боевых свойств артиллерии требуется: правильная постановка ей боевых задач и объединение работы возможно большего количества артиллерии; постоянная и непрерывная связь артиллерийских начальников и частей между собой и тесная связь артиллерии с войсками других родов; широкое проявление старшими артиллерийскими начальниками инициативы и самостоятельности в действиях.

«Наставление» подчёркивало, что каждый артиллерийский начальник «обязан уметь принимать, не колеблясь перед риском ответственности, самостоятельные решения, когда этого требует быстрое изменение обстановки».

Ширина фронтов и глубина пространств, на которые может распространяться огневая работа артиллерии, и её способность к быстрым переносам огня в разных направлениях и к внезапному действию предоставляют много возможностей в бою для проявления инициативы артиллерийских начальников.

Проявление личной инициативы со стороны артиллерии имеет весьма важное значение, так как выгодные случаи для действия артиллерии представляются в бою иногда минутами, а свойства её позволяют наносить поражение огнём в самый короткий срок. В условиях боя маневренного периода первой мировой войны, когда обстановка быстро изменялась, создавая самые разнообразные и непредвиденные заранее положения, а управление боем было настолько затруднено, что приказания нередко было некогда, а подчас и неоткуда ждать, артиллерист не мог оставаться только исполнителем первоначально поставленной ему задачи, и, не ожидая распоряжения начальства, должен был сам избирать цели для своей стрельбы.

Офицерская артиллерийская школа настойчиво проводила ту мысль, что артиллерийские начальники, до командиров батарей включительно, обязаны принимать самостоятельное решение, когда требуется немедленная помощь соседним войскам или когда боевая обстановка изменилась, а новых соответствующих приказаний свыше не получено.

Для уместного проявления инициативы и для наиболее целесообразного направления огня артиллерийский начальник должен быть хорошо знаком со свойствами и тактикой всех родов войск, он должен был непрерывно находиться в курсе тактической об-

становки, предположений и намерений своего общевойскового начальника и всех получаемых последним сведений.

Обязанности начальников

Согласно уставам старой русской армии, общевойсковой начальник являлся ответственным за целесообразное использование артиллерии в бою и за правильность постановки ей боевых задач, артиллерийский начальник — за правильность работы подчинённой ему артиллерии, за выбор и применение средств, необходимых для наиболее успешного решения поставленных ей задач.

По «Наставлению для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. начальником артиллерии являлся во всех случаях старший артиллерийский начальник данного войскового соединения, подчинённый непосредственно старшему общевойсковому начальнику того же войскового соединения, который согласно «Наставлению», условно именовался во всех случаях начальником отряда.

Требовалось, чтобы начальник артиллерии непрерывно находился в курсе данной обстановки, намерений начальника отряда и всех получаемых им сведений. С этой целью начальник артиллерии должен был находиться при начальнике отряда во время походного движения, при расположении на отдых, при разведке, а равно и во время боя, если необходимость непосредственно руководить огнём артиллерии не требовала его присутствия при батареях; причём в случае необходимости удалиться от начальника отряда, начальник артиллерии должен был поддерживать с ним непрерывную связь.

Для наилучшего использования артиллерии начальник артиллерии должен был получить от начальника отряда приказания и указания, определяющие: а) исходную задачу артиллерии, обусловливающую её введение в бой; б) позиционный участок или район для расположения артиллерии; в) продолжительность подготовки артиллерии к действию, т. е. время, к какому она должна быть готова для открытия огня; г) распоряжение о первом открытии огня; д) новые задачи и новые позиционные участки, обусловливаемые развитием боя; е) вероятные пункты атаки, предполагаемое направление главного удара и приблизительно время начала главного удара.

В многодневном бою начальник артиллерии должен был иметь к вечеру каждого дня боя указания относительно предстоящих артиллерии в течение ночи боевых задач и могущих потребоваться перемещений, чтобы все подготовительные меры могли быть приняты по возможности засветло.

Начальник артиллерии, согласно «Наставлению» 1912 г., был обязан: а) докладывать или доносить начальнику отряда о всех важных сведениях, полученных артиллерийской разведкой, о положении артиллерии и результатах её работы, о самостоятельно принятых им решениях; б) держать непосредственно подчинённых ему артиллерийских командиров в курсе обстановки, намерений

командования и положения боя; в) направлять и объединять артиллерийскую разведку, подготовляя этим как первое вступление артиллерии в бой, так и решение ею получаемых боевых задач; г) объединять и согласовывать действия непосредственно подчинённых ему частей артиллерии, распределяя между ними общую исходную задачу на частные задачи и общий позиционный участок на частные участки; давать им новые частные задачи и новые позиционные участки, согласно указаниям начальника отряда, или самостоятельно — в случае внезапного изменения обстановки, причём самостоятельная перемена позиции разрешалась только в п е р ё д; д) непрерывно наблюдать и принимать меры к тому, чтобы все действия артиллерии были своевременны и чтобы технические соображения не замедляли её действий, необходимость которых вызывается тактической обстановкой или требованиями войск других родов; е) следить за расходом боеприпасов и принимать меры к непрерывному и своевременному их пополнению; ж) наблюдать за обеспечением безопасности артиллерии; наблюдать, чтобы физические и моральные силы личного состава расходовались осмотрительно, чтобы сберечь их к решительным минутам, когда потребуется высшее напряжение всех сил; принимать меры к тому, чтобы силы лошадей были сохранены для перемен позиций, для продвижения вперёд и для преследования противника; з) к вечеру каждого дня боя принимать меры к скорейшему восстановлению боевой готовности всех частей артиллерии.

Артиллерийская разведка, наблюдение и связь [1]

Артиллерийская разведка, наблюдение и связь являются одним из основных условий, обеспечивающих огневую поддержку и взаимодействие артиллерии с другими родами войск.

Правильно организованная и непрерывно осуществляемая артиллерийская разведка с неразрывно связанным с нею наблюдением обеспечивает меткий огонь артиллерии, уничтожающий противника, разрушающий сооружаемые им закрытия и преграды.

Артиллерия должна вести огонь не вслепую, не наудачу, а с выбором целей, имеющих более важное значение в общем ходе боя.

В русской артиллерии мировой войны 1914—1918 гг. признавалось вообще нецелесообразным вести огонь по площадям, огульно обстреливать целые участки неприятельского расположения. Она обязывалась вести огонь по конкретным целям, сосредоточивая его: при наступлении — по тем узлам сопротивления и огневым точкам противника, которые более всего задерживают и могут остановить продвижение атакующих войск; при обороне — по тем атакующим войскам неприятеля и его огневым средствам,

---

[1] «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г., § 24—46. «Пособие по стрельбе полевой артиллерии», 1911 г., стр. 161—170.

которые более всего угрожают и наносят поражение обороняющемуся на важнейших участках его расположения.

Правильный выбор целей для стрельбы артиллерии обеспечивается прежде всего артиллерийской разведкой и наблюдением, причём артиллерийский разведчик-наблюдатель обязан не только во-время отыскать цель, но и определить её значение, активность и характер; он должен уметь быстро и правильно оценивать обстановку и ориентироваться в сложных условиях боя. Знание тактики и военной техники помогает артиллерийскому наблюдателю делать выводы о степени важности той или иной цели и составить правильное заключение о необходимости её поражения артиллерийским огнём.

Офицерская артиллерийская школа обращала большое внимание на соответствующую подготовку командного состава в отношении производства артиллерийской разведки и наблюдения. Но к сожалению до самого начала мировой войны в разрешении этого вопроса школой и строевыми частями артиллерии не замечалось определённой чёткой установки и однообразия. Не внесло достаточной ясности в разрешение этого вопроса и «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», утверждённое в 1912 г., причём в указаниях о производстве разведки и наблюдения школы и «Наставления» 1912 г. замечалось некоторое расхождение.

Как бы то ни было, в маневренный период войны артиллерийская разведка, наблюдение и связь организовались по правилам «Наставления» 1912 г. и применительно к тем практическим приёмам, какие устанавливала офицерская артиллерийская школа, причём работа артиллерии во время войны в отношении разведки и наблюдения не вызывала нареканий за весьма немногими исключениями. Командиры пехотных соединений и нередко даже общевойсковые начальники и их штабы пользовались данными о противнике, добытыми артиллерийской разведкой попутно с исполнением возлагаемых на неё специальных задач.

Основания артиллерийской разведки, установившиеся в офицерской артиллерийской школе в 1910—1912 гг., в общем сводились к следующему.

Артиллерийская разведка имеет целью:

1) на походе, до развёртывания в боевой порядок головного и боковых отрядов, исследовать пути в смысле их проходимости для артиллерии;

2) по развёртывании в боевой порядок передовых охраняющих частей дать возможность артиллерии в кратчайшее время занять наиболее скрытно такое расположение, при котором получается наилучшая огневая поддержка своих войск при наименьшей уязвимости от неприятельского огня; для этого разведчики, не обнаруживая себя, должны: а) найти такие наблюдательные пункты, с которых можно определить расположение противника и наблюдать как за его передвижениями, так и за передвижением своих войск; б) заняв наблюдательные пункты, установить непрерывное наблюдение; в) наметить огневые позиции для своих

батарей; г) подыскать пути, обеспечивающие наиболее скрытное маневрирование своей артиллерии;

3) после занятия позиции своей артиллерией: а) продолжать непрерывно наблюдать за передвижением неприятеля и своих войск; б) отыскивать новые наблюдательные пункты, с которых обнаруживаются новые неприятельские части или с которых удобно управлять или наблюдать за стрельбой; в) подыскивать на случай передвижения новые огневые позиции и скрытые пути к ним; г) поддерживать постоянную связь со своими войсками.

Наблюдение считалось самой важной обязанностью разведчиков и должно было вестись независимо от количества разведчиков в партии (разъезде); подыскание возможных позиций в районе указанной разведчикам полосы местности и подступов к ним от пути следования батарей считалось второй задачей, которая исполнялась в зависимости от имеющегося времени и количества разведчиков.

«Наставлением» 1912 г. и указаниями офицерской артиллерийской школы организация артиллерийской разведки и наблюдения предусматривалась в условиях маневренных наступательных действий, главным образом в условиях встречного столкновения с противником. В производстве разведки в условиях обороны артиллерия почти не практиковалась; предполагалось, что при обороне артиллерийская разведка будет производиться применительно к тем правилам, какие установлены для разведки при наступлении. Об артиллерийской разведке в условиях позиционной борьбы не было даже предположений до второго года мировой войны, когда наступил период такой борьбы.

Офицерская артиллерийская школа считала, что началом артиллерийской разведки в бою является момент развёртывания для боя передовых охраняющих частей, так как огневая помощь артиллерии необходима только с того времени, когда наши войска, встретив противника, не будут в состоянии двигаться вперёд.

Артиллерийские разведчики-наблюдатели являются глазами командиров батарей и дивизионов, высланными вперёд; поэтому во время похода они должны к моменту столкновения с противником находиться на линии головного и боковых охраняющих отрядов. Школа установила, что в предвидении столкновения с противником на марше разведчиков необходимо высылать с началом походного движения вместе с головным и боковыми отрядами, и во всяком случае высылать с таким расчётом времени, чтобы к завязке боя они были бы при передовых частях. Лучше высылать разведчиков несколько раньше, чем запоздать, чтобы артиллерия вступила в бой своевременно, без задержек.

Артиллерийские разведчики, двигающиеся на линии головного и боковых отрядов, будут иметь время, чтобы установить непрерывное наблюдение за полем предстоящих боевых действий, за неприятелем и за своими войсками, найти для своей артиллерии наблюдательные пункты, наметить позиции для батарей и подыскать к ним скрытые пути.

Разведчики, высланные не к головному и боковым отрядам, а ближе, например к авангарду, не будут видеть развёртывания в боевой порядок передовых частей пехоты и не будут знать, какие пункты местности заняты противником, какие нашими войсками. Разведчики потратят много времени на ознакомление с обстановкой, а некоторых данных вовсе не смогут наблюсти, как, например, части артиллерии противника и его пулемёты, открывшие огонь по нашим передовым частям и затем почему-нибудь замолчавшие; неприятельские войска, передвинувшиеся и укрывшиеся ко времени прибытия разведчиков в складках местности, и т. п.

Признавалось уместным высылать к авангарду разведчиков лишь от тех артиллерийских частей, вступление которых в начале боя не предвиделось.

По указаниям школы, особых разведчиков специально для разведки пути движения артиллерии обычно не назначалось. Задача эта выполнялась теми же артиллерийскими разведчиками, которые высылались к головному отряду с целью боевой разведки. Особые партии разведчиков (слабого состава — 3—5 человек) для разведки пути высылались лишь при движении артиллерии в значительном удалении от противника, когда разведчики для боевой разведки не назначались.

Во время похода артиллерийские разведчики, высланные к передовым охраняющим частям (в большинстве случаев к головному отряду), идущим по той же дороге, по которой за ними двигалась артиллерия, только осматривали дорогу в смысле её проходимости для артиллерии и указывали сапёрам или другим специально назначаемым командам, какие следует сделать исправления дороги, чтобы артиллерия могла двигаться без задержки; в случае же невозможности скорого исправления дороги артиллерийские разведчики обязаны были подыскать удобные обходные пути для движения артиллерии.

Нельзя дать правил относительно того, следует ли сразу высылать вперёд всех разведчиков, или оставлять часть их в резерве, на случай производства разведки в новом, непредвиденном направлении. С этою целью, а также для поддержания непрерывной связи, посылки донесений, приказаний и т. п. следует часть разведчиков, по возможности в самом ограниченном количестве, оставлять в непосредственном распоряжении командиров дивизионов и батарей. При определении числа высылаемых разъездов (партий) артиллерийских разведчиков и состава каждого разъезда предлагалось иметь в виду, что для скорейшего и наиболее полного выяснения расположения противника надо наблюдать с разных мест, т. е. с момента соприкосновения с неприятелем занимать несколько наблюдательных пунктов, дающих наилучший сбзор. С этой целью считалось желательным, чтобы командир дивизиона мог бы выслать не менее трёх партий разведчиков и имел в своём распоряжении до 30 разведчиков при трёх офицерах, не считая его адъютанта, которого в разведку не назначали.

Офицерская артиллерийская школа установила, что при завязке боя передовыми охраняющими частями артиллерийская разведка командира дивизиона и высших артиллерийских начальников ведётся на основании общих указаний и задач начальника отряда (ширина фронта наблюдения, ширина фронта развёртывания отряда, цель развёртывания, район для расположения артиллерии, первоначальная её задача и т. п.), имея целью наивыгоднейшее расположение артиллерии. Разведка же командира батареи делается на основании указаний командира дивизиона, причём её цели: а) выбрать наилучший наблюдательный пункт, если он не был указан командиром дивизиона; б) выбрать позицию для батареи, с которой наилучшим образом выполняется поставленная задача стрельбы, не упуская из виду применение к местности (закрытую, маскированную), и в) указать путь для наиболее скрытного занятия позиции.

Командир дивизиона, высылая разведчиков, обязан был ознакомить их с обстановкой и указать по карте пути следования и полосы для разведки каждому разъезду. Полосы назначались с целью разграничить между разъездами район местности для выбора наблюдательных пунктов, подыскания позиций и подступов к ним, но полосы не должны были ограничивать собой наблюдение, которое следовало производить за всей впереди лежащей обозреваемой местностью.

В школе считалось, что при завязке боя основная цель артиллерийской разведки является постоянной и заключается в следующем: а) выбрать наблюдательный пункт и организовать непрерывное наблюдение за противником и своими войсками, причём *наблюдение является самой важной обязанностью разведчиков и должно быть выполнено прежде всего при всяком количестве разведчиков в разъезде* (партии); б) в зависимости от имеющегося времени и количества разведчиков в разъезде, наметить возможные позиции в районе указанной полосы и подыскать подступы к ним, ведущие от пути следования батарей, отнюдь не прерывая при этом установленное наблюдение с избранного пункта.

Командир дивизиона при высылке разведчиков ограничивался указанием, куда должны посылаться ими донесения, и принимал меры к тому, чтобы доставляющие донесение могли легко его отыскать, оставляя в необходимых случаях маяки.

Школа требовала, чтобы для обеспечения успеха разведки работа разведчиков производилась в определённой постепенности, начиная с главного, т. е. с выбора наблюдательного пункта и организации наблюдения, и производилась возможно быстрее и скрытно. По мнению школы, определять время для артиллерийской разведки не следовало, так как она должна быть непрерывной и так как в бою обстановка крайне изменчива. Подчёркивалось, что быстрота разведки необходима в особенности при наступлении, чтобы обеспечить передовым войскам своевременную огневую помощь артиллерии. Медленная артиллерийская разведка приведёт к тому, что помощь артиллерии запоздает, а наступление

может не только задержаться, но и вовсе остановиться. Быстрота производства разведки служит вместе с тем одним из условий её скрытности. Однако торопливость в производстве артиллерийской разведки может привести в результате к вредной суетливости и беспорядку.

Школа указывала, что только при заблаговременной обороне можно рассчитывать на большое время для артиллерийской разведки. При обороне приходится делать различные предположения о возможных направлениях движения противника, а потому необходимо тщательно изучать местность не только впереди, но и во всём районе занимаемой позиции, с целью наивыгоднейшей группировки артиллерии в смысле обстрела, а также в смысле выяснения мер, обеспечивающих удобство маневрирования и укрытие позиций от огня противника.

«Наставлением для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. указывалось, что *общей целью* артиллерийской разведки является сбор данных, позволяющих подготовить предстоящую боевую деятельность артиллерии и сделать её работу в бою наиболее продуктивной. Организации и искусству выполнения артиллерийской разведки придавалось большое значение.

Частными задачами разведки считались: изучение лежащей впереди местности; подыскание и исследование наблюдательных пунктов для своей артиллерии, её огневых позиций и подступов к ним, а также целей для стрельбы; наблюдение за результатами своего огня и за действиями противника, в особенности его артиллерии.

Артиллерийская разведка велась на местности, по большей части уже изученной общевойсковой разведкой и прикрытой передовыми частями других войск.

Каждому разведчику давалось вполне определённое, ясное и точное задание. Но каждый разведчик обязан был замечать по возможности всё, что могло иметь значение вообще и для артиллерии в особенности.

Артиллерийская разведка должна была производиться скрытно для противника и к требуемому сроку, точно указываемому начальником, дающим задание разведке. Обращалось внимание на то, что результаты самой полной и искусно произведённой разведки могут потерять значение, если не будут доставлены вовремя.

Некоторые войсковые начальники упрекали артиллерию в медленности производства разведки, влекущей за собой неготовность к открытию огня в назначенное старшим начальником время. Это нежелательное обстоятельство наблюдалось нередко на практических занятиях и в довоенное время. «Наставление» подчёркивало, что артиллерийская разведка должна *«обеспечить возможность немедленного открытия артиллерийского огня»*. «Артиллерийские начальники должны помнить, — говорилось в «Наставлении», — *что замедление во вступление артиллерии в действие может иметь для общих целей боя самые вредные последствия»*.

С другой стороны, «Наставление» предупреждало: *«Необходимо помнить, что успешность всей боевой работы артиллерии весьма много зависит от полноты и тщательности подготовки её первого вступления в бой. Поэтому для наилучшего использования артиллерии в бою чрезвычайно важно, чтобы артиллерийские начальники без крайности не были стесняемы во времени на разведку и на подготовительные действия».*

Большинство войсковых начальников не знало ни «Наставления», ни свойств артиллерии и не понимало поэтому, что всякое сокращение времени на подготовку артиллерии к открытию огня ведёт к уменьшению содействия, какое она может оказать другим войскам. Но и артиллеристы не всегда считались с необходимостью скорейшего, а иногда немедленного открытия огня и нередко не отдавали себе отчёта в тех последствиях, к каким могло привести промедление во вступлении артиллерии в бой.

При завязке наступательного боя важнейшей задачей передовых разъездов артиллерийских разведчиков являлось занятие пунктов, выгодных для наблюдения. Эту задачу они могли выполнить лишь под прикрытием идущих впереди прикрывающих частей (головных и боковых отрядов), непосредственно за которыми они двигались на походе. Бывали случаи, правда редкие, когда передовые прикрывающие части не обеспечивали артиллеристам захвата пунктов, выгодных для обозрения лежащей впереди местности и для наблюдения за неприятелем. Бывали и такие случаи, впрочем, как исключение, когда артиллерийские передовые разъезды неожиданно натыкались на войсковые части противника.

Не были исключены случаи, когда по небрежности или в надежде получить сведения о противнике от дальней кавалерийской разведки войсковые части не высылали своей ближней войсковой разведки, а, иногда, следуя на походе в составе авангарда, даже не имели частей походного охранения, требуемых «Полевым уставом» 1912 г. В этих случаях, наблюдавшихся только в начале мировой войны, не высылалась и передовая артиллерийская разведка.

Артиллерийскую разведку требовалось вести непрерывно и в течение всего боя, причём с развитием действий она должна была усиливаться, сливаясь с тщательным и непрерывным наблюдением за полем боя и за ходом сражения. Вместе с тем такая разведка во время боя могла бы обеспечить батареи, расположенные на огневых позициях, и от неожиданного нападения скрытно подобравшегося противника. Указанное требование не всегда соблюдалось, особенно в первый маневренный период войны.

Недопустимое нарушение уставных правил организации разведки и походного охранения по большей части безнаказанно не проходило.

Ниже описаны случаи гибели 4-й батареи 2-й гренадерской артиллерийской бригады и 3-й батареи 37-й артиллерийской брига-

ды в боях у Гораец в августе и у Залешаны в сентябре 1914 г., неудачи русского авангарда у Иоганнесбурга в августе 1914 г., обстрел русских батарей ружейным и пулёметным огнём незаметно подкравшегося к огневой позиции противника.

По «Наставлению» 1912 г. для *непрерывного* осмо́тра пути следования артиллерии в составе войсковой походной колонны требовалось высылать от идущего впереди артиллерийского дивизиона особый фейерверкерский *разъезд пути*, а для производства боевой разведки высылались *передовые артиллерийские разъезды* из вызванных от батарей офицеров и разведчиков, подчинявшихся одному из офицеров, назначенному по распоряжению командира дивизиона *начальником передовой разведки*, который во всё время боя должен был оставаться в распоряжении командира дивизиона. На практических занятиях офицерской артиллерийской школы в довоенное время особые разъезды пути не высылались (см. выше).

В «Наставлении» 1912 г. имеются подробные указания относительно распределения обязанностей и работы по артиллерийской разведке между артиллерийскими начальниками и специальными разведчиками.

Согласно «Наставлению», разведка начальников непосредственно предшествует вызову артиллерийских частей для занятия позиций и имеет целью подготовить *отдачу* ясных, определённых *приказаний, обеспечивающих вступление артиллерии в бой* сообразно намерениям командования, условиям обстановки и свойствам местности. Работа же разведчиков имеет общей целью *содействие работе начальников*, но на разведчиков не возлагаются задачи, решение которых составляет обязанность начальников.

Начальник артиллерии даёт общие указания по артиллерийской разведке, распределяя между непосредственно ему подчинёнными частями (командир артиллерийской бригады между дивизионами своей бригады) районы для разведки, объединяя и согласуя работу разведки и проверяя её главные результаты.

Командиры дивизионов непосредственно руководят разведкой в назначенных им районах, имея в виду главным образом *тактическую цель*; в их распоряжении сосредоточивались части и средства разведки и связи всех батарей дивизиона.

Командиры батарей ведут подробную разведку под руководством командиров дивизионов в назначенных ими пределах, преследуя преимущественно *технические цели*.

В предвидении столкновения с противником командир дивизиона высылает передовые артиллерийские разъезды из вызванных от батарей офицеров и разведчиков. Офицеры эти назначаются начальниками разъездов, один из них — начальником передовой разведки; ему подчинялись все передовые разъезды и разъезды пути. От дивизиона высылалось, в зависимости от обстановки, 1—3 передовых разъезда, в составе 6—8 всадников каждый.

Начальник передовой разведки, получив приказание командира дивизиона, выводит свои разъезды быстро вперёд и следует при головной походной заставе; по принятии же авангардом первых мер для развёртывания головных частей в боевой порядок, начальник передовой разведки высылает передовые разъезды, разделяя между ними район, назначенный дивизиону для разведки.

Передовые разъезды, двигаясь за прикрывающими наступление частями, стремятся занять пункты, выгодные для обозрения впереди лежащей местности и для наблюдения за неприятелем, а затем — последовательно занимать новые пункты с лучшим кругозором и более близкие к противнику.

Начальник артиллерии[1] сопровождает начальника отряда (общевойскового соединения) при выезде его на занятые, выгодные для наблюдения пункты, и, получив от него необходимые указания, вызывает к себе командиров дивизионов и приступает к своей разведке.

Подчинённые артиллерийские начальники вызываются на разведку заблаговременно; они могут быть вызваны к голове походной колонны ещё во время движения. Заблаговременный вызов позволяет ускорить разведку и этим сократить время подготовки артиллерии к открытию огня. Однако каждый артиллерийский начальник должен приступать к своей разведке, не ожидая прибытия вызванных подчинённых, чтобы задержка в их прибытии не могла служить поводом к замедлению его работы.

Начальник артиллерии, на основании приказания начальника отряда, сведений, полученных от передовых разъездов, и результатов собственной разведки, обязан: а) ознакомить вызванных командиров дивизионов с обстановкой, сообщить им сведения о противнике, решение начальника отряда и указания о предстоящих действиях своих войск; б) дать исходные задачи дивизионам, назначенным для введения в бой; указать им участки впереди лежащей местности, назначенные для их действия и наблюдения; в) указать позиционные участки и выгодные для наблюдения пункты, принимая вместе с тем меры для соблюдения надлежащего направления общего фронта артиллерии и определяя точные границы соприкасающихся участков; г) дать указания относительно первого открытия огня; д) указать место головного эшелона артиллерийских парков и место своего пребывания; е) доложить начальнику отряда сущность всех отданных артиллерии приказаний и распоряжений.

Командиры дивизионов выезжают на разведку со своими адъютантами и оставшимися в их распоряжении, после высылки передовых разъездов, разведчиками. Предварительно они указывают направление движения своих дивизионов и пункты последней, перед выездом на позицию, остановки.

---

[1] Под начальником артиллерии подразумевается командир артиллерийской бригады, действующей в составе пехотной дивизии.

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ
БИБЛИОТЕКА

По получении от начальника артиллерии указаний и распоряжений, командиры дивизионов вызывают к себе командиров батарей и посылают офицерам, ведущим дивизионы, имеющиеся сведения об обстановке, противнике и пр. для ознакомления с ними всех людей дивизионов; затем приступают к разведке, выслушав доклад или получив донесение начальников передовой разведки о данных, собранных разведкой.

Командир дивизиона, при содействии состоящих при нём офицеров и разведчиков, исследует назначенный дивизиону позиционный участок, имеющиеся наблюдательные пункты, ведущие к участку пути и прилежащую местность; изучает при помощи карты и непосредственным наблюдением впереди лежащую местность, намечает на ней выгодные ориентирные пункты, возможные наблюдательные пункты и позиции неприятельской артиллерии, места, удобные для укрытого расположения войск противника, и т. п.

На основании полученных приказаний и донесений, а также результатов личной разведки, командир дивизиона: а) ориентирует командиров батарей в обстановке, сообщает имеющиеся сведения о противнике, знакомит с полученными приказаниями, донесениями и пр.; указывает свой наблюдательный пункт и наблюдательные пункты батарейных командиров или представляет последним выбрать себе наблюдательные пункты самостоятельно; б) указывает общее исходное направление огня батарей (давая, например, азимут по буссоли) и общий для всего дивизиона ориентирный пункт; устанавливает наиболее удобный способ для быстрого указания важных точек на местности, появляющихся целей и т. п.; в исключительных случаях — делит между батареями участок, назначенный дивизиону для стрельбы и для наблюдения; назначает батареям первоначальные цели, указывает время и порядок открытия огня; в) указывает позиции батарей и батарейные участки в районе позиции дивизиона, точно определяя фронт района и границы смежных районов; указывает район расположения дивизионного резерва боеприпасов; г) определяет порядок выезда батарей и занятия ими позиций; указывает место для охранения дивизиона и место прикрытия; д) даёт указания относительно своей связи с непосредственным начальником, с соседними пехотными и артиллерийскими частями и с вспомогательными наблюдателями, назначает каждой батарее линии связи, которые она должна установить и обслуживать; е) даёт указания относительно организации вспомогательного наблюдения и продолжения работы передовой разведки; ж) выясняет, какую поддержку батареи дивизиона могут оказывать одна другой и соседним артиллерийским частям для поражения противника сосредоточенным огнём и для обстреливания мёртвых пространств и непоражаемых участков; определяет участки, совершенно необстреливаемые батареями.

Согласно «Наставлению для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., «*выбор позиций и наблюдательных пунктов для*

батарей, как общее правило, *принадлежит командиру дивизиона»*, хотя командиру дивизиона не запрещалось предоставлять, если он признавал нужным, командирам батарей выбрать свои наблюдательные пункты самостоятельно и указывать им, «по крайней мере», лишь «батарейные участки позиции дивизиона».

По «Наставлению» только в исключительных случаях командир дивизиона «делит между батареями участок, назначенный дивизиону для стрельбы или для наблюдения».

Выбор позиций и наблюдательных пунктов мог быть предоставлен командиру батареи, например, при значительном удалении какой-либо батареи от остальных, при сильно разбросанном расположении батарей и в тому подобных случаях.

Между тем, офицерская артиллерийская школа установила, что выбор позиции для батареи предоставляется, как правило, её командиру, так как командир дивизиона при наступлении не может отвлекаться от наблюдения за боем и в большинстве случаев у него не будет времени лично выбрать и точно указать места позиций и наблюдательных пунктов для всех батарей дивизиона. Школа полагала, что командир дивизиона при широком участке, назначенном для дивизиона, указывает (по карте или по местным предметам) прямо районы для выбора позиций батарей их командирами; при назначенном же узком районе для дивизиона указывает точно место позиции и наблюдательного пункта лишь для одной батареи (средней или направляющей), предоставляя командирам остальных двух батарей выбирать позиции, сообразуя своё положение с направляющей батареей. Только при крайне узком районе, назначенном для дивизиона, офицерская школа требовала, чтобы командир дивизиона указывал места не одной, а двух или всех трёх батарей. В большинстве случаев школа требовала, чтобы на наблюдательном пункте командира дивизиона находился один из командиров батарей.

Командиры батарей, вместе с оставшимися при них разведчиками, телефонистами и сигналистами, следуют за командирами своих дивизионов при выезде их на разведку (рекогносцировку), останавливаются укрыто, в возможной близости к месту разведки, и ожидают вызова к командирам дивизионов. При выезде они выбирают наиболее укрытый и кратчайший путь. Все лишние люди и лошади оставляются ими за последним укрытием.

По получении приказаний и распоряжений командиров дивизионов, командиры батарей при содействии находящихся при них и возвращённых из передовой разведки офицеров и разведчиков производят свою разведку, подробно исследуя назначенные им пункты и участки. Им разрешалось начать свою разведку и ранее окончания разведки командиров дивизионов, пользуясь их первоначальными указаниями.

«Наставлением» 1912 г. указывалось, что на основании приказаний командира дивизиона и результатов собственной раз-

ведки, каждый командир батареи: а) делает рекогносцировку относительно сборного пункта и своего наблюдательного пункта и установления связи с командиром дивизиона и с батареей; организует связь батареи с [illegible] и линии связи, назначенные командиром дивизиона; [illegible] на избранной огневой позиции места фланговых орудий батареи; исследует при содействии разведчиков местность в [illegible] позиции и путь для выезда батареи на позицию; делает распоряжение о выезде батареи, давая указания относительно [illegible] следования, способа занятия позиции и перехода в [illegible] боя, мест передков и батарейного резерва, порядка [illegible] окопов на позиции; в) подготовляет направление батарейного [illegible] на назначенный ориентирный пункт или в указанную цель; изучает непосредственным наблюдением и при помощи карты и приборов как лично, так и при содействии разведчиков впереди лежащую местность и обнаруженные цели, в особенности ту, которая назначена батарее: определяет направления, измеряет углы местности и расстояния до целей и до пунктов возможного появления неприятеля; заносит полученные данные на схемы, планы, крокі, перспективные наброски; в общем подготавливает данные для открытия огня и ведения стрельбы; г) определяет мёртвое пространство и непоражаемые участки перед позицией батареи; выясняет возможности поддержки огнём батарей других батарей дивизиона и соседних частей, доносит о результатах командиру дивизиона; д) устанавливает наблюдение за открытым флангом батареи.

Начальник артиллерии немедленно, по выяснении в ходе боя возможной надобности в дальнейших перемещениях артиллерии, обязывался указать командирам дивизионов на предполагаемые новые позиционные участки, а если возможно, то и самые участки.

Командиры дивизионов должны были высылать передовые разъезды разведчиков на указанные участки или в указанных направлениях с целью заблаговременно наметить подходящие наблюдательные пункты и позиции, отыскать удобные и укрытые пути для переездов и пр.

Передовые разведчики продвигались скрытно возможно более вперёд и в том случае, если новые позиционные участки ещё не были обеспечены своими войсками, выжидали возможности проникнуть в намеченный район, попутно изучая местность и следя за противником.

«Наставлением» 1912 г. подчёркивалось, что артиллерийская разведка *не является лишь предварительным актом боевой деятельности артиллерии*, что она ведётся *в течение всего боя*, усиливаясь с развитием действий и сливаясь с *наблюдением за полем боя и за ходом сражения*, и что это наблюдение составляет важную обязанность артиллерийских разведчиков и должно вестись *тщательно и непрерывно*, имея в виду, что получаемые наблюдением данные, даже отрывочные, при постепенном накоплении доставляют необходимый материал, облегчающий подготовку

данных для стрельбы и способствующий успешности ведения огня.

Наблюдение является надёжным средством для согласования работы различных частей артиллерии и для обеспечения её связи с другими войсками.

Результаты наблюдения, в сочетании с данными, получаемыми стрельбой, дают возможность определить менее опасные подступы, выяснить наиболее важные, удобные и выгодные для сосредоточения огня участки расположения противника, верно оценить боеспособность неприятельской артиллерии и т. п.

В целях непрерывности наблюдения артиллерийские начальники, до командиров батарей включительно, после выезда на разведку не возвращались к своим частям, а оставались на наблюдательных пунктах. Лишь при особенно трудных условиях занятия огневых позиций командиры батарей, по приказанию командира дивизиона, встречали свои батареи и лично выводили их на позиции.

Каждый артиллерийский наблюдатель обязан был: следить не только за участком, назначенным для его наблюдения, но и за всем полем в пределах возможного кругозора, чтобы во-время заметить и нанести поражение важной и выгодной, но скоропреходящей цели; о результатах важных наблюдений доносить непосредственному начальнику и сообщать соседним войскам. Считалось важным установить *непрерывный обмен наблюдениями* между артиллерийскими начальниками и между соседями.

Рекомендовалось *предварительное тщательное изучение карты и пользование ею во время наблюдения*, так как изучение карты и сравнение её с действительной местностью облегчают ориентировку и распознавание расположения войск, опорные и наблюдательные пункты противника и т. п.

«Наставлением» 1912 г. указывалось (§ 44), что *«наблюдение лежит главным образом на обязанности командиров дивизионов и высших над ними артиллерийских начальников»*.

Командиры дивизионов обязаны были лично и с помощью состоящих при них офицеров и солдат наблюдать не только за видимыми целями, но и принимать меры для обнаружения целей укрытых.

На поле сражения не должно быть, по возможности, ни одного пункта, недоступного наблюдению. С целью вести наблюдение с возможно большего числа пунктов, от каждого дивизиона высылались *вспомогательные — передовые и боковые — наблюдатели* из разведчиков. К передовым частям пехоты назначались особые наблюдатели, предпочтительно офицеры или опытные фейерверкеры, которые обязывались извещать командира дивизиона об изменениях в положении своих и неприятельских войск, о начале движения своих войск в атаку, об опасности стрельбы для своих войск и т. п.

Согласно «Наставлению», наблюдение командиров батарей, поглощённых ведением огня, «по необходимости распростра-

няется лишь на незначительный участок, прилежащий к обстреливаемой цели». Поэтому требовалось, чтобы при каждом батарейном командире, в непосредственной от него близости, находился особый, достаточно опытный наблюдатель за полем.

Офицерская артиллерийская школа считала, что ограничение района наблюдения было результатом полигонной практики мирного времени, когда каждая батарея, во избежание несчастных случаев, должна была стрелять строго по определённой директрисе, и что поэтому ограничивать район наблюдения командиров батарей вообще не следует. Действительно, складки местности, растительность, постройки и т. п., укрывающие противника перед фронтом одной батареи, могут не укрывать от наблюдательного пункта другой батареи, находящейся несколько в стороне от первой.

Во время войны, особенно в начале её, когда артиллерия действовала обычно побатарейно, т. е. батареи дивизиона работали самостоятельно, наблюдение возлагалось главным образом на командиров батарей, на разведчиков и на вспомогательных передовых и боковых наблюдателей.

Артиллерийские наблюдатели, начиная с командиров дивизионов, обязаны были принимать все меры для обнаружения мест нахождения укрытых целей, и в особенности огневых позиций и наблюдательных пунктов неприятельской артиллерии. Но кроме наземного наблюдения с помощью бинокля и стереотруб, у них в маневренный период мировой войны не было никаких средств для обнаружения укрытых целей — ни самолётов, ни привязных аэростатов.

Поэтому в самом начале войны, когда австро-германская артиллерия располагалась на маскированных позициях и легко обнаруживалась по блеску выстрелов, русская артиллерия быстро приводила их к молчанию; когда же неприятельская артиллерия научилась занимать хорошо укрытые позиции, борьба с ней при наличии только наземного наблюдения крайне затруднилась.

«Наставлением» 1912 г. указывалось, что для наилучшего использования боевых свойств артиллерии требуется постоянная и непрерывная связь артиллерийских начальников и артиллерийских частей между собой и тесная связь артиллерии с войсками других родов и что надлежащая организация и надёжное несение службы связи необходимы для управления артиллерией, передачи приказаний и донесений и своевременного использования результатов разведки и наблюдения.

Необходимость организации надёжной связи артиллерии с пехотой всё же недостаточно подчёркивалась «Наставлением», и это являлось одним из недочётов, особенно имея в виду недостаток внутренней органической связи между ними. Только в правилах об установлении связи упоминается, что «связь устанавливается от младшего начальника к старшему, от артиллерии к пехоте (коннице) и с тыла вперёд; между равными артиллерийскими частями справа налево» (§ 45, 46).

Назначаемые к передовым частям пехоты артиллерийские наблюдатели до некоторой степени служили связью между командирами пехотных и артиллерийских частей, но они не обеспечивали необходимой ближайшей непосредственной связи артиллерии с пехотой, что крайне неблагоприятно отражалось на их взаимодействии. С сентября 1914 г., т. е. начиная со второго месяца войны, со стороны общевойсковых и пехотных начальников к артиллерии предъявлялись требования: о высылке передовых наблюдателей ко всем передовым частям пехоты, поддерживаемым той или иной артиллерийской частью; о применении артиллерийских передовых наблюдателей не только на дивизионных участках, как это было установлено «Наставлением» 1912 г., но и на батарейных участках.

На службу связи обращалось серьёзное внимание.

Наиболее совершенным и удобным видом связи считался телефон, но артиллерия обязана была «*уметь обходиться без телефона*». Поэтому телефонная связь обычно обеспечивалась параллельным установлением другого вида связи.

Относительно средств, которыми пользовалась русская артиллерия во время мировой войны для разведки, наблюдения и связи, сказано выше (см. том I, первая часть). Можно только добавить, что представителями, так сказать, «живой связи» служили офицеры, командируемые иногда от артиллерии в штабы соседних дивизий или в передовые части расположения пехоты.

Кроме телефона, средствами связи могли служить ординарцы, знаки оптической сигнализации и в исключительных случаях — цепь передатчиков. Для ускорения и облегчения работы связи артиллерия при всякой возможности пользовалась общевойсковыми средствами связи — телеграфом, гелиографом, летучей почтой и т. п.

Связь ординарцами требует значительной затраты времени и большого расхода людей и лошадей, к тому же она малоприменима в сфере огня. Важные сведения передавались письменно, и для надёжности — через двух ординарцев, посылаемых разными путями; причём особо важные поручения передавались обычно через офицеров.

Оптическая связь считалась удобной ввиду быстроты её установления; но связь флагами применима в сфере огня линий на небольшие расстояния, причем ночью флаги заменялись фонарями.

В артиллерии обязанности офицера связи возлагались главным образом на адъютанта командира дивизиона. Он обязан был организовать необходимые линии связи, а также составлять отправляемые донесения и распоряжения и принимать поступающие к командиру дивизиона, подготовлять планы, крокй и пр. Поручений по разведке на дивизионного адъютанта обычно не возлагалось.

В позиционный период мировой войны 1914—1918 гг. обращалось большое внимание на организацию и работу артиллерийской разведки, наблюдения и связи.[1]

В первое время позиционной борьбы артиллерийская разведка производилась применительно к указанным выше правилам «Наставления для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. Определённые требования от артиллерийской разведки в позиционных условиях войны были установлены и затем соблюдались в последующее время русской артиллерией лишь после неудачи мартовской операции 1916 г.

В позиционных условиях войны, когда противные стороны находились продолжительное время в непосредственной близости друг против друга, артиллерийская разведка сводилась к непрерывному наблюдению за противником, главным образом для подготовки и уточнения данных для стрельбы по различным целям. К детальной артиллерийской разведке приступали, когда был достаточно уяснен план предстоящего прорыва укреплённой полосы неприятеля и выяснены задачи артиллерии. Разведке ставилась задача тщательно изучить расположение противника с возможно большего числа пунктов, сличая местность с картой и фотосхемой. При этом требовалось выяснить, насколько возможно: число полос проволочных заграждений и как они устроены, нет ли других заграждений (мин, электропроводов и пр.), длину и направление окопов и ходов сообщения, места и характер пулемётных гнёзд, блиндажей, блокгаузов и в особенности фланкирующих построек; устройство второй линии окопов, расположение неприятельских батарей, направление телефонных линий и вообще устройство тыла противника. Одновременно должна была производиться разведка и своего тыла в отношении огневых позиций, наблюдательных пунктов, дорог и пр.

Службе артиллерийского наблюдения придавалось исключительно серьёзное внимание в позиционный период войны.

«Наставлением для борьбы за укреплённые полосы», изданным ставкой (составленным комиссией, образованной при Упарте), требовалось, чтобы наблюдательные пункты давали возможность видеть отчётливо цели и чтобы система наблюдательных пунктов по возможности не оставляла ненаблюдаемых участков фронта и тыла противника. «*Разрушать и поражать, не видя цели, — нельзя*», указывалось этим «Наставлением». Впрочем, русские артиллеристы старой армии всегда твёрдо держались правила: «Не вижу — не стреляю».

В приложении I к ч. III «Наставления» 1917 г. были даны подробные указания об организации службы наблюдения (вообще и за неприятельской артиллерией), о ведении журнала наблюдений, составлении ведомостей и сводок наблюдений (приложения XII и XIII к ч. II и приложение I к ч. III).

---

[1] «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», ч. II и III, изд. штаба верховного главнокомандующего, 1917 г. «Общие указания для борьбы за укреплённые полосы», 1916 г.

Органами службы наблюдения являлись наблюдатели, находящиеся на всех наблюдательных пунктах. *«Их сила во взаимном ознакомлении и помощи друг другу»*, — говорилось в ч. II «Наставления для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г.

В каждой артиллерийской группе, артиллерийской бригаде, дивизионе полагалось иметь офицера службы наблюдения, который должен был отлично изучить местность и следить за тем, чтобы все наблюдения за неприятелем ежедневно поступали для обработки. Получаемые сведения (выписки из журнала наблюдения) он обязан был ежедневно сопоставлять, исследовать и выяснять: какие батареи противника, откуда и по кому стреляли, что замечено нового в районе окопов и тыла противника (наблюдательные пункты, пулеметы, новые траншеи и пр.). Всё наносилось ежедневно на план (карту). Считалось полезным прочерчивать на карте направление выстрелов неприятельских батарей стрелками, доводя эти стрелки до мест обстрела; против стрелки надписывалось, когда данная батарея противника стреляла. Таким образом получалась полная картина действий противника за прошлое время и за истекшие сутки.

Офицер службы наблюдения должен был все возникающие у него сомнения выяснять путём переговоров с командирами дивизионов и батарей по телефону или лично на наблюдательных пунктах.

В случае необходимости организовать специальное наблюдение или общую стрельбу офицер службы наблюдения должен был доложить соответствующему начальнику — командиру дивизиона, начальнику артиллерийской группы, начальнику артиллерии корпуса: например, что с двух разных наблюдательных пунктов видны вспышки одной и той же неприятельской батареи или с наблюдательного пункта другого дивизиона (артиллерийской группы) видна цель, невидимая для наблюдателей батарей, стреляющих по этому району расположения противника, и т. п.

Офицер службы наблюдения должен был давать новым целям номера и после доклада своему начальнику осведомлять об этом части артиллерии и пехоты.

Он же составлял «план видимости» и, согласно данным этого плана, докладывал своему начальнику об организации воздушного наблюдения или о необходимости установки дополнительных наблюдательных пунктов.

В помощь ему предполагалось давать чертёжника и двух-трёх хорошо грамотных солдат.

При тщательно организованном наблюдении получались ценные материалы, которые, повторяясь, давали уверенность в том, что заключения из наблюдений правильны.

В ч. III «Наставления для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г. даны подробные указания об организации *«службы наблюдения за артиллерией противника»* при обороне в условиях позиционной борьбы.

Согласно этим указаниям, служба наблюдения за неприятельской артиллерией должна давать в каждый момент сведения о числе и роде батарей противника перед определённым фронтом, о числе орудий в батареях, степени их активности и местах расположения огневых позиций батарей и наблюдательных пунктов, а также о местах своих окопов и тыловых районах, поражаемых артиллерийским огнём противника, и о том, какими именно его батареями. Попутно должны были определяться запасные, фальшивые, брошенные позиции неприятельской артиллерии и её позиции для ночной стрельбы.

Наблюдение за артиллерией противника объединялось в районе обороны каждого корпуса, имея при этом в виду, что: а) удаление цели определялось по засечкам, а точность их увеличивается с увеличением расстояния между наблюдателями (получается более длинная база); б) положение целей, находящихся на соприкасающихся краях участков войсковых соединений, определялось при содействии наблюдения соседа; в) самолёты и змейковые аэростаты (средства воздушного наблюдения) и дальнобойная артиллерия составляли принадлежность корпусов (или армий).

Для правильной организации наблюдения в корпусе инспектору артиллерии корпуса были подчинены органы наземного наблюдения через начальников артиллерии дивизий, а воздушного — непосредственно; инспектору артиллерии корпуса даны были средства для усиления связи и для обработки и распространения результатов наблюдения.

Обработка материалов, получаемых от наблюдения, нанесение результатов наблюдения на карту, ориентирование войсковых частей и распространение общих сводок выполнялись управлением (штабом) инспектора артиллерии корпуса, которое усиливалось одним артиллерийским офицером, одним чертёжником и писарем; иногда помогал и корпусный топограф.

Из числа всех наземных наблюдательных пунктов на фронте корпуса предписывалось избирать несколько (6—8) главных, обладающих особенно хорошим обзором расположения неприятеля. Желательно было, чтобы главные наблюдательные пункты были расположены равномерно по фронту и так, чтобы поля видимости их перекрывали друг друга (по возможности с трёх наблюдательных пунктов). Места главных наблюдательных пунктов определялись топографически и точно наносились на план в масштабе 250 саж. в 1 дм. (200 *м* в 1 *см*).

В каждой дивизии для руководства борьбой с неприятельской артиллерией должен был назначаться один из штаб-офицеров (полковник или подполковник) артиллерии, подчинявшийся начальнику дивизии и являвшийся вместе с тем ближайшим помощником инспектора артиллерии корпуса по согласованию и выполнению плана контрбатарейной борьбы. На этих штаб-офицеров возлагалось руководство работой главных наблюдательных пунк-

тов. В необходимых случаях они могли сноситься непосредственно с инспектором артиллерии корпуса.

Наблюдение на главных пунктах должно было производиться непрерывно днём и ночью сменными хорошо подготовленными наблюдателями, заносившими результаты своих наблюдений в журнал наблюдений. Выборки из журналов наблюдений передавались штаб-офицерам, руководящим борьбой с неприятельской артиллерией, а последние делали из них сводки за каждые сутки и представляли эти сводки инспектору артиллерии корпуса ежедневно к 14 час.

Теми же штаб-офицерами обрабатывались результаты наблюдений за местами падения снарядов неприятельской артиллерии и в виде сводки передавались также инспектору артиллерии корпуса (штаб-офицерам доставлялись дистанционные трубки, взрыватели и осколки артиллерийских снарядов противника).

По мере развития позиционной борьбы войсковые части и артиллерийские начальники, до командиров батарей включительно, снабжались разграфлёнными на квадраты картами, планами или схемами крупного масштаба (250 саж. в 1 дм.) района расположения своих войск и противостоящих неприятельских, с очертаниями укреплённых полос противника, нанесёнными путём фотографирования с самолётов. Схемы эти постепенно совершенствовались и дополнялись новыми целями по мере их обнаружения в расположении противника путём непрерывного артиллерийского наблюдения за полем боя.

В позиционной борьбе получили огромное значение артиллерийские передовые наблюдательные пункты. Они оказались крайне необходимыми для разведки подступов к неприятельским окопам, мало заметных или вовсе невидимых с командирских наблюдательных пунктов, а также для корректирования стрельбы по таким подступам и по окопам противника. Передовые артиллерийские наблюдательные пункты обычно совпадали с расположением наблюдательных пунктов командиров батальонов и рот, чем одновременно обеспечивалась непосредственная связь с пехотой в целях взаимной ориентировки и помощи.

Всесторонне изучая свой участок, передовые артиллерийские наблюдатели, по большей части офицеры, являлись передовыми органами артиллерийской разведки и наблюдения. На них же ложилась задача по обнаружению неприятельских орудий ближнего боя, открывавших себя ночной стрельбой, и по корректированию стрельбы по ним.

При сближении окопов иногда до десятков шагов русская пехота непрерывно несла потери от бомбомётного и миномётного огня противника, неизменно открываемого по ночам. По просьбе пехоты наши батареи открывали огонь с корректурой каждого выстрела с передового наблюдательного пункта по неприятельским миномётам и бомбомётам, которые немедленно замолкали. Но тогда по стреляющим русским батареям, обнаруживавшим

себя блеском выстрелов, открывала огонь неприятельская артиллерия.

Передовые артиллерийские наблюдатели, являлись необходимыми для корректирования ночной стрельбы и заградительного огня. Они же, продвигаясь в случае успеха атаки вперёд вместе с пехотой, восполняли почти неминуемый перерыв зрительной, а вместе с тем и огневой связи артиллерии с пехотой.

Передовые артиллерийские наблюдатели необходимы были и при решении специальных артиллерийских задач, требовавших детального наблюдения, например при проделывании проходов в проволочных заграждениях.

Передовые артиллерийские наблюдатели вообще оказывали большое содействие при прорыве укреплённой полосы противника и способствовали целеуказанию в смысле однообразного понимания целей артиллерией и пехотой данного участка.

Как пример большого значения передовых артиллерийских наблюдательных пунктов можно указать на зимне-весенний период 1915/16 г. позиционной борьбы 3-й пехотной дивизии за Сопанов. Левый фланг дивизии на протяжении около 2 км находился в непосредственной близости от противника. Местами окопы сближались до 30 шагов, вследствие чего русская пехота несла по ночам потери от минометного и бомбометного огня противника, со своей стороны обезопасившего себя от подобного огня возведением перед своими окопами специальных сеток.

Каждую ночь пехота (12-й пехотный полк) обращалась с просьбой о помощи к стоявшей на том же участке 1-й батарее 3-й артиллерийской бригады. Траншейный огонь неприятеля прекращался немедленно, как только батарея открывала огонь по минометам и бомбомётам противника с корректурой каждого выстрела передовыми наблюдателями, находившимися в пехотных окопах второй линии в 80—100 шагах от противника. Но, в свою очередь, 1-я батарея, открывавшая себя блеском выстрелов, тотчас же подвергалась обстрелу неприятельской артиллерии с трёх сторон.

Прорыв укрепленной полосы противника у Сопанов 4 июня 1916 г.[1], признававшейся, по показаниям пленных, недоступной для фронтального удара, произведён был двумя полками 3-й пехотной дивизии при содействии только двух лёгких пушечных и одной горной батарей и взвода лёгких гаубиц, блестящая работа которых была обязана показаниям и корректуре стрельбы передовыми наблюдателями.

Последовавшая 8 июня 1916 г. контратака противника, силой до пяти полков с многочисленной артиллерией, на занятые частями 3-й пехотной дивизии высоты (в районе Опышковец возле г. Кременца) была отбита благодаря артиллерийскому огню при помощи передовых наблюдателей, находившихся на указанных высотах.

Русская артиллерия, благодаря правильной организации наблюдения (командирские, боковые и передовые наблюдательные

[1] Все даты по новому стилю.

пункты), наличию точных оптических приборов достаточного увеличения, приобретённому навыку и искусству в наблюдении, имела более широкий кругозор и несравненно лучше других родов войск находила и определяла не только местоположение целей в позиционном районе противника, но и другие данные тактической обстановки, которыми пользовалось общевойсковое командование.

Командиры батарей и дивизионов получаемые ими донесения от своих наблюдателей и разведчиков передавали начальникам боевых участков, в состав которых входили их батареи и дивизионы, и командирам соседних войсковых частей, а более важные донесения, освещающие тактическую обстановку, сообщались войсковым штабам. Нередко общевойсковые штабы сами требовали сообщить им данные, собранные артиллерийским наблюдением и разведкой.

Как примеры приводятся копии донесений о результатах артиллерийского наблюдения и выдержки из журнала наблюдений в июньских боях 1916 г. и д. Доброноуц (на Юго-Западном фронте в период «Брусиловского прорыва»). Начальником артиллерийской группы в боях у Доброноуц был подполковник Кирей, автор известной брошюры «Артиллерия атаки и обороны». [1]

Командиру 4-й батареи 46 арт. бригады
1915 г. 25 марта, № 20

Около 7 часов утра партия человек в 50 прошла из д. Леснице в с. Скурково. В 8¾ ч. батарея противника левее еврейского кладбища дала одну очередь беглого огня по лощине левее наблюдательного пункта 4-й батареи. В 9 ч. по направлению из Мироннце пришло около ½ роты и разошлись по окопам, что левее Малогощ. Из тех же окопов вышло почти столько же человек и ушли по направлению Мироннце.

Около 10 ч. утра прошла партия в 12 человек с лопатами и бревнами из Малогощ по направлению Браговице. В 10 ч. около роты вышло из Малогощ и ходами сообщений разошлись по окопам, что правее Малогощ.

В 11 ч. открыла огонь батарея из-за высоты 141,9, дала 5 выстрелов правее наблюдательного нашего пункта и замолчала.

Работы по укреплению и маскировке окопов начались с 10 ч. небольшими партиями.

В 12 ч. 30 м. пролетел аэроплан в направлении на Кельцы.

В 12 ч. 40 м. опять открыла огонь батарея левее еврейского кладбища по нашим пехотным окопам левее наблюдательного пункта. Огонь вела 15 минут.

В 1 ч. 15 м. замечено было, что к д. Цесле подошли и прошли её 10 повозок, запряженные четвёрками, вышли на дорогу Цесле—Малогощ и скрылись за складками местности.

В 5 ч. 30 м. вечера пролетели ещё 2 аэроплана, взяв направление сначала на Кельцы, а потом круто повернули на север.

В 5 ч. 45 м. открыла огонь батарея из-за высоты 141,9 и сделала 4 выстрела по Волчьей Гати и 4 далее вглубь.

Штабс-капитан *Залесский*.

---

[1] Полевая книжка полковника Яковлева, личный архив Е. З. Барсукова. В. Ф. Кирей, Артиллерия атаки и обороны. Выводы из применения артиллерии на русском фронте в 1914—1917 гг., ГВИЗ, 1926 г.

Командиру 2-го дивизиона 46 арт. бригады.
1915 г. 29 марта, № 24

«С утра замечено было хождение мелких партий и одиночных людей около окопов, правее и левее посада Малогощ и у мельницы Браговице.

Около 9 часов дала 3 выстрела батарея, стоящая за высотой 141,9. Куда стреляла — не замечено.

С 10½ до 12½ ч. дня происходило ротное ученье между фол. Цесле и высотой 141,9.

В 1½ ч. дня открыла огонь батарея левее еврейского кладбища по линии левее наблюдательного пункта 4-й батареи.

В 1 ч. 40 м. на Волчьей Гати появилась партия в 7 человек и начала исправлять пр в очные заграждения.

С 2 до 4 часов особенного ничего не замечено.

В 4 ч. 30 м. открыла огонь по халупе д. Закруче, ближайшей к Волчьей Гати, дала 5 выстрелов, а потом перенесла огонь по окопам правее наблюдательного пункта батарея из-за высоты 141,9.

В 5 ч. 20 м. открыла огонь батарея левее еврейского кладбища; огонь был направлен правее конного брода, а потом по окопам левее наблюдательного пункта. Огонь вёлся редкий и закончился около 6 ч. 15 м. вечера.

За д. Бахинец небольшая партия производила какие-то работы».

Штабс-капитан *Залесский*

Командиру 2-го дивизиона 46 арт. бригады.
1915 г. 2 апреля, № 28. Телефонограмма к 2 ч. дня

«Утром часов в 7 из разрушенного домика с крестом, что на дороге из Малогощ в д. Закруче, вышла партия человек в 30 и ушла в Малогощ.

Около 8 ч. утра замечена была партия человек в 20, рывшая окопы в кустах на Волчьей Гати. Правее Волчьей Гати (на опушке леса) небольшая партия делала проволочные заграждения.

Между 9 и 9½ часами пролетели 6 аэропланов по направлению к Кельцам. Обратно же пролетели 5 аэропланов между 10½ и 11 ч., возвращение 6-го не замечено.

Артиллерия противника на наблюдаемом участке до сего времени огня не открывала.

Хождение одиночных людей из окопа в окоп наблюдалось попрежнему.

В 2 ч. дня из Малогощ верхами проехала группа офицеров на высоту впереди Малогощ и рассматривала впереди лежащую местность, потом перешла на высоту восточнее Малогощ.

Около 3 часов они уехали в Малогощ.

Больше ничего особенного не замечено.

Артиллерия не стреляла».

Штабс-капитан *Залесский*

Принял телефонист *Прялов.*

Командиру 4-й батареи 46 арт. бригады.
8 апреля 1915 г., № 33

«Утром на участке всё было спокойно; в окопах лёгкое движение.

В 10 ч. утра взвод тяжёлой артиллерии противника стал обстреливать прежнюю позицию 3-й батареи. Вскоре после того как этот взвод открыл огонь, он был обнаружен за высотой к востоку от шоссе, идущего от ст. Малогощ к нос. Малогощ в том месте, где (на карте) в слове «Малогощ» стоит буква Щ. Взвод этот был обстрелян полубатареей (2 взвода). После второй очереди взвод этот перенёс огонь на наблюдательный пункт и так сильно стал его обстреливать, что для дальнейшего продолжения стрельбы я

был принуждён перейти рядом на другой наблюдательный пункт. После еще двух наших очередей, попавших удачно, взвод прекратил огонь.

В 2 ч. 30 м. дня этот взвод снова открыл огонь по нашему наблюдательному пункту и поддерживал его в течение 10 минут. Мною выпущено 4 полубатарейных очереди (16 снарядов).

Вследствие сильного тумана, поднявшегося из-за дождя, больше ничего не замечено.

После 1½ часов на наблюдаемом участке ничего особенного замечено не было».

Подпоручик *Москвинов.*

Командиру Несвижского полка
1915 г. 11 ноября, 5 час. вечера
Место отпр. Наблюдательный пункт 4-й батареи 46 арт. бригады

В 9 ч. утра показалась группа людей от Пекушеза, идущих на Янов. В 9½ ч. утра проехал эскадрон кавалерии от д. Янов к опушке леса, где и скрылся.

В 12 ч. дня какая-то батарея от Щегельня стреляла по линии железной дороги.

В 1½ ч. дня в направлении из Келец на Белу шли цепи; чьи они—разобрать было трудно.

2½ ч. дня между фабриками Екльцы и Щегольня установили, видимо, прожектор — стекло блестит на солнце.

2 ч. 40 м. неприятельская батарея пристреливалась по линии Чернов, Неваклев.

3 ч. от усадьбы Вымослов к деревне Брыница показался неприятельский разъезд силою 6 человек.

3 ч. 10 м. из Янова в Яворжню проехал разъезд силою 15 человек.

3 ч. 30 м. из Брынице через ф. Звержинец на Янов проехало 15 кавалеристов.

4 ч. дня в Покашеве поставили прожектор.

4 ч. 05 м. к северу от Бучая поднялся воздушный шар.

4 ч. 30 м. в деревню Щегольня вошел эскадрон кавалерии.

Командир 4-й батареи
подполковник *Яковлев.*

Войсковые штабы для переноса на составляемые ими схемы целей, обнаруженных в расположении противника, обычно пользовались данными, получаемыми артиллерийским наблюдением и артиллерийской разведкой.

Дополненные схемы сводились штабами в общие для целых дивизий, размножались и рассылались войсковым частям.

Для более быстрой ориентировки с командирских наблюдательных пунктов заготовлялись перспективные чертежи, также дополнявшиеся по мере накопления новых целей параллельно с совершенствованием схем.

Во избежание затруднений, возникавших при пользовании схемами в отношении взаимопонимания целей пехотой и артиллерией, начальники пехотных участков иногда привлекались к наблюдению за пристрелкой целей и записывали номер цели, сообщаемый им по телефону стреляющим. В большинстве случаев начальнику пехотного участка удобнее всего было производить наблюдение с передового наблюдательного пункта. Благодаря совместному расположению начальника пехотного участка и передового артиллерийского наблюдателя достигалась согласованность понимания целей.

также возможность своевременного предупреждения об изменении в обстановке.

Составление на основании данных артиллерийского наблюдения и артиллерийской разведки подробных планов (в масштабе не менее 250 саж. в 1 дм. — 200 *м* в 1 *см*) соответствующей местности и укреплённых полос противника с его батареями, пехотными частями и возможно большим числом подлежащих разрушению сооружений и пулемётных гнёзд требовалось «Общими указаниями для борьбы за укреплённые полосы», изданными ставкой в 1916 г. В том же году стали требовать от артиллерии зарисовывание «полей невидимости» и были изданы составленные Управлением полевого инспектора артиллерии «Указания о составлении и вычерчивании полей видимости»[1]. В приказе ставки, при котором объявлялись к руководству эти «Указания», говорилось, что изучение полей видимости даёт возможность: а) судить о полноте наблюдения при наличии существующих наблюдательных пунктов; б) целесообразно подыскивать новые наблюдательные пункты для восполнения требуемого обзора местности; в) ставить артиллерии правильные задачи для стрельбы, в зависимости от имеющегося наблюдения; г) избирать при наступлении направления, на которых движение своих войск наблюдалось бы артиллерией и давало последней возможность помогать им; д) учесть значение невидимых районов.

В приказе добавлялось, что «Указания» полезны и для пехоты.

«Наставление» 1917 г. (ч. III, § 111) при обороне укрепленной полосы требовало от артиллерии: иметь на основных наблюдательных пунктах схему целей, табель стрельбы и журнал наблюдений, причём находящийся на наблюдательном пункте обязывался «указать как на местности, так и на плане цели, районы, наблюдаемые и не могущие быть обстрелянными».

Насколько серьезное значение придавалось службе наблюдения в русской артиллерии, показывает, между прочим, следующая телеграмма инспектора артиллерии Западного фронта (инспартзап), отправленная инспектору артиллерии 10-й армии 9 сентября 1917 г.:[2] «...На наблюдательном пункте не было офицера, а находившийся солдат не был ориентирован в обстановке и лежащих на нём обязанностях наблюдателя. Офицер-наблюдатель (в передовых частях 134-й пехотной дивизии) не имел схем заградительного огня и не знал расположения пехоты в районе батарей своего дивизиона. Журнал наблюдений был составлен наскоро и не мог служить показателем планомерной работы». Дальше инспартзап напоминает в своей телеграмме: а) о необходимости офицерского дежурства: на главных наблюдательных пунктах — не менее 1 офицера на дивизион, на остальных наблюдательных пунктах — дежурные, подготовленные начальниками и ориентированные в обстановке; б) о необходимости иметь на каждом наблюдательном пункте журнал наблюдения, схему заградительного огня, схему расположения

---

[1] ЦГВИА, приказ наштаверха 9 декабря 1916 г. № 1695.

[2] ЦГВИА, 171—751, л. 764 и 765.

ЖУРНАЛ НАБЛЮДЕНИЯ ПРОТИВОБАТАРЕЙНОЙ ГРУППЫ
С НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО ПУНКТА № 1

№ целей	Название целей	1 мая	2 мая	3 мая и т. д.
25	Наблюдательный пункт на высоте 458	11 час. — когда неприятельская батарея стреляла, из-за бугра на высоте 458 всё время высовывался наблюдатель с биноклем; батарея смолкла, и наблюдатель исчез 17 час. — очевидно, телефонист проверял провод, вышел из блиндажа и скрылся за горой	8 ч. 30 м. — пришёл офицер с блестящей папкой. 8 ч. 50 м. — началась стрельба той же батареи, и фигура опять выглядывала 20 ч. 40 м. — офицер ушёл из блиндажа	4 часа — бугор увеличился почти вдвое, появился ход сообщения за гору. Видно, как углубляют ход и выбрасывают землю 9 час. — в бугре щель
26	Батарея восточнее костёла в д. Хорошоуц	6 час. — передовой наблюдатель доложил, что из 5-й роты Рыльского полка вчера вечером видели блески впереди костёла	14 ч. 40 м. — батарея открыла огонь по окопам 5-й роты Рыльского полка. Ясно видны блески выстрелов между костёлом и серым домом. Стреляли 3 лёгких орудия шрапнелью. Выпустили около 20 снарядов 17 ч. 50 м. — батарея открыла огонь по левому флангу Старооскольского полка, выпустила 15 снарядов. 23 ч. 40 м. — у австрийцев началась паника; ночная отметка по блеску дала направление на эту же батарею	5 час. — за костёлом остановился зарядный ящик, люди носили патроны на батарею. Один был в белой рубашке и от костёла до батареи и обратно доходил в 6 мин. 19 час. — батарея стреляла двумя орудиями по 5-й роте Рыльского полка и по Ржавенцы

Продолжение

№ целей	Название целей	1 мая	2 мая	3 мая и т. д.
27	Шоссе на южной окраине Боянчукского леса, у домика с красной крышей	10 час.— у домика видна порыжевшая маскировка, за которой белеет шоссе. К красному дому подъехал автомобиль и подъезжали часто всадники.	11 час.—прошли обозы с севера на юг. 12 ч. 40 м.— к красному дому подъехал экипаж. 15 ч. 30 м.— прошли на север 5 шестёрочных запряжек	Переменили маскировку, и ничего не видно

ответственных целей батарей с пристрелочными данными, чертёж поля видимости и панораму впереди лежащей местности; в) о том, что каждый артиллерийский начальник обязан знать расположение своей пехоты в районе действия своей артиллерийской части.

Вычерчивание полей видимости и зарисовка артиллерийских панорам, в особенности последних, не получили широкого распространения. И если они исполнялись, то в большинстве случаев крайне неохотно, так как на практике во время войны почти не пользовались ни полями видимости, ни панорамами, так как последние пригодны лишь для того единственного наблюдательного пункта, на котором они были составлены. Увлечение зарисовкой перспективных панорам, возникшее во время войны с Японией, прекратилось приблизительно в 1908—1910 гг. В позиционный период мировой войны оно вновь возродилось, но не надолго: «*панорам требовать нельзя*» — так категорически указывало «Наставление для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г. (ч. III, § 111). Инспартзап, повидимому, упустил из виду это указание; иначе он в своей телеграмме от 9 сентября 1917 г. (приведённой выше) не предъявил бы требования иметь на каждом наблюдательном пункте панораму впереди лежащей местности.

Согласно тому же «Наставлению», для взаимного ориентирования войск и для целеуказания схемы, составляемые в управлении (штабе) начальника артиллерии каждого корпуса (а согласно ч. III «Наставления» — в штабе дивизии), должны были захватывать приблизительно 3—4 *км* тыла своего района обороны и 5—7 *км* у противника, а по фронту, кроме своего участка, еще по 2 *км* влево и вправо. На схему переносились данные фотографического плана, неприятельские и свои окопы с указанием номерных участков (целей), ориентиры, названия, наблюдательные пункты противника и его обнаруженные батареи. К схеме прилагалась ведомость с описанием номерных участков (целей) и указанием назначенных для стрельбы по ним (пристрелявшихся) своих батарей.

Расположение своих батарей и наблюдательных пунктов наносилось точно только на те схемы, которые передавались начальствующим лицам, не ниже командиров полков и артиллерийских дивизионов. Прочие начальники отмечали лишь районы батарей, работающих на их участке.

Указанные схемы передавались для руководства всем артиллерийским и пехотным начальникам. Артиллерийские начальники дополняли полученные схемы нанесением на них расположения своих батарей и наблюдательных пунктов. Брать схемы на передовые наблюдательные пункты, в передовую разведку или при движении в атаку воспрещалось.

Схемы изучались в применении к местности всеми артиллерийскими и пехотными офицерами, а также наблюдателями, и служили основой целеуказания и взаимной ориентировки.

Начальникам артиллерии корпуса и дивизии, командирам артиллерийских групп и дивизионов предлагалось изучать особенно тщательно эти схемы и вообще весь план действий артиллерии. При этом обращалось внимание на то, что только при условии тщательного изучения плана артиллерийских действий в связи с общим планом боевой операции данного войскового соединения и при условии надлежащего проявления инициативы артиллерийскими начальниками возможно достигнуть необходимой гибкости в управлении огнём артиллерии.

«Тогда, — говорилось в «Наставлении для борьбы за укреплённые полосы» (ч. III, § 32),— и малочисленная, но надлежаще управляемая артиллерия явится могучей силой».

«Наставлением для борьбы за укреплённые полосы», ч. II, подчёркивалось, что «связь требует обдуманной схемы и тщательного выполнения». Схему связи телефонную и других родов окончательно устанавливал начальник артиллерии корпуса. Заблаговременно (за два дня до боя) схема связи, с указанием телефонных проводов до командиров дивизионов включительно, вычерчивалась в штабе артиллерии каждого ударного корпуса и рассылалась в штабы дивизий, полков и артиллерийских начальников до командиров батарей включительно. Телефонную связь требовалось организовать без торопливости и проверить работой. Телефонная сеть устраивалась: магистрали на участках вне сильного обстрела по всем правилам долговременных линий (на прочных столбах, из голого провода на изоляторах); вблизи окопов и в сильно обстреливаемых районах провода укладывались в особо устраиваемые «телефонные ходы» (отрываемые в земле ровики), а для людей устраивались крытые помещения. Помещения для центральных телефонных станций (начальников артиллерии ударного корпуса, групп, командиров дивизионов) требовалось устраивать прочно, чтобы они выдерживали попадание 152-*мм* бомб. В распоряжение начальника артиллерии ударного корпуса назначалась телеграфная рота, преимущественно для устройства связи старших артиллерийских начальников, так как телефонных средств, имеющихся в артиллерии, было недостаточно.

Кроме телефонной связи, устанавливалась связь, особенно с пехотой, флагами, фонарями, цветными ракетами, посыльными, полевой почтой и пр.

От каждого дивизиона к начальнику группы и от каждой группы к начальнику артиллерии ударного корпуса высылалось по одному конному разведчику. Старший артиллерийский начальник каждого полкового участка назначал к начальнику своего боевого участка офицера связи и двух фейерверкеров (сержантов), снабжённых достаточным количеством средств связи. Офицер связи обязан был: а) иметь точные сведения, для доклада начальнику участка, о всех батареях, могущих обстреливать разные цели боевого участка; б) непрерывно держать начальника артиллерии участка в курсе обстановки на фронте; в) передавать в артиллерию просьбу об обстреле тех или других целей.

Устраивались приёмные радиостанции, центральные станции воздухоплавательного отряда, аэродромы, сигнальные площадки и пр.

Примерная схема связи начальника артиллерии ударного корпуса указана на рис. 1.

Боевой порядок артиллерии [1]

Боевой порядок артиллерии, согласно русским уставам довоенного времени, составляли: а) *боевая часть* — командные и наблюдательные пункты; орудия и находящиеся при них зарядные ящики первого эшелона, располагаемые на огневой позиции; б) *батарейный резерв* — второй эшелон зарядных ящиков.

Боевой порядок артиллерии должен обеспечивать возможность надлежащего решения ею поставленной задачи и прежде всего отвечать условиям нанесения сильного сокрушающего поражения противнику, т. е. иметь хороший наблюдательный пункт и огневую позицию, удовлетворяющие требованиям соответствующего направления стрельбы, расстояния до целей наименьшего прицела.

Артиллерия в боевом порядке располагалась обычно группами батарей, преимущественно подивизионно, избегая образования длинных непрерывных линий.

Такое расположение облегчает управление артиллерией, благоприятствует огневому охвату противника, способствует лучшему обстрелу впереди лежащей местности, облегчает применение к местности и использование закрытий, затрудняет неприятелю распознавание расположения артиллерии и стрельбу по ней.

Артиллерия располагалась в боевом порядке преимущественно вне сферы ружейного огня противника, но обязана была вступать и в эту сферу без колебаний, если это требовалось нуждами других войск.

---

[1] «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г., § 15, 16, 47—61. «Пособие по стрельбе полевой артиллерии», 1911 г., стр. 141—161. «Общие указания для борьбы за укреплённые полосы», 1916 г. «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», 1917 г.

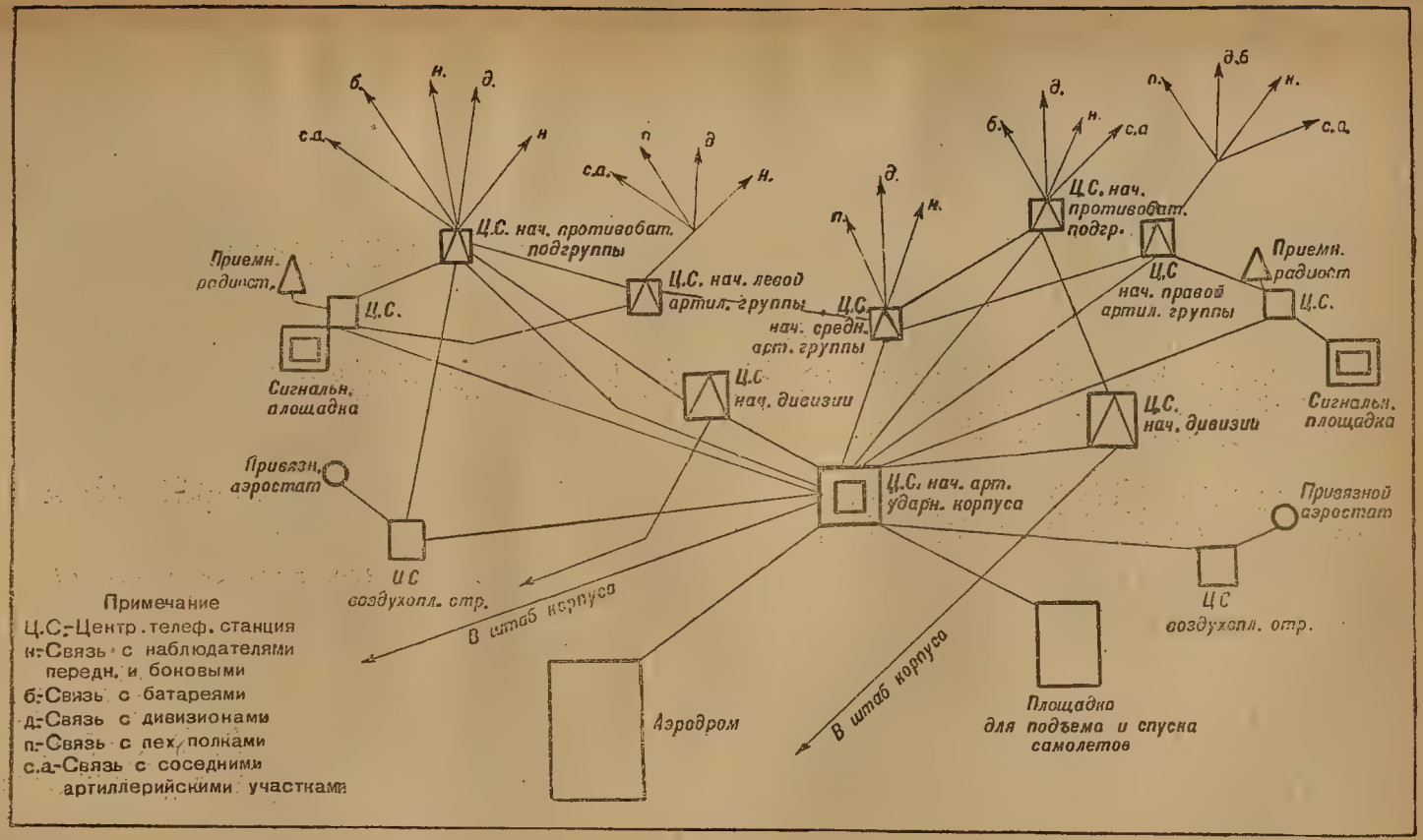


Рис. 1. Схема связи начальника артиллерии ударного корпуса.

Наблюдательные пункты (НП) являются основой боевого порядка артиллерии, как обеспечивающие её огневую деятельность. «Позиция без наблюдательного пункта не есть позиция», — говорилось в «Наставлении» 1912 г. (§ 53). [1]

Наблюдательные пункты выбирались там, откуда открывался хороший кругозор, дающий возможность отчётливо видеть цели в районе расположения противника, а также и свои войска. Этому требованию удовлетворяют в большинстве случаев возвышенные места, но на пересечённой местности, в особенности покрытой лесом и кустарниками, лучший кругозор открывается нередко с более низких мест (например, если с возвышенного места кругозор закрыт лесом или другими местными предметами).

Разведка и занятие мест, пригодных для наблюдательных пунктов, требуют большого уменья и опытности. В русской артиллерии дело это поставлено было весьма хорошо и вполне оправдалось боевым опытом войны.

От наблюдательного пункта требовалась прежде всего возможность наблюдения результатов стрельбы по назначенным целям и управления огнём артиллерии. Непрерывный артиллерийский огонь может вестись только при неразрывной связи между наблюдательными пунктами и орудиями (голосом, телефоном или семафором). Наблюдательный пункт составляет как бы центр или основание, около которого группируются разнообразные огневые позиции, выбираемые в зависимости от местности и тактической обстановки; около каждого НП можно поставить орудия на большем или меньшем от него удалении — спереди, с боков или даже сзади него.

Огонь артиллерии должен обеспечивать движение и действие своих войск и препятствовать движению и действию войск неприятеля. С этой целью, для целесообразного направления огня, артиллерийские начальники должны следить с занимаемых ими НП за расположением и передвижением войск противника, а также за действием своих войск. Это требует непрерывного наблюдения за всей впереди лежащей местностью (в сфере артиллерийского огня), занятой неприятелем и своими войсками. Такое наблюдение с одного НП невыполнимо, так как встречающиеся местные предметы и складки местности образуют ряд ненаблюдаемых секторов. Для обзора таких ненаблюдаемых секторов, а также для более полной разведки целей и лучшего выяснения тактической обстановки необходимо, смотря по местности, высылать от артиллерии наблюдателей вперёд и на фланги для занятия дополнительных наблюдательных пунктов, причём в наступательном бою передовые наблюдатели, двигаясь за пехотой вперёд,

[1] В старой русской армии под словами «артиллерийская позиция» понимался весь район расположения артиллерии в боевом порядке, т. е. не только огневая позиция, занимаемая орудиями с зарядными ящиками первого эшелона, но и наблюдательные пункты и места расположения батарейных резервов (зарядных ящиков второго эшелона).

будут всё более и более удаляться от своих орудий, и в случае значительных выгод, которые даёт передовой НП, командиру батареи придётся переместиться на этот передовой НП самому, но лишь когда связь орудий с НП уже установлена, а перемена позиции артиллерии вперёд невозможна.

Технические требования к НП стреляющей батареи ограничиваются условием видеть цели, по которым нужно вести огонь, и возможностью передавать ей команды, т. е. иметь возможность управлять огнём батареи. Кроме того, желательно, чтобы батарейный НП удовлетворял ещё следующим условиям: а) обеспечивал безопасное сообщение НП с батареей; б) располагался возможно ближе к батарее для удобства и надёжности управления огнём; в) давал возможно бóльшую ширину и глубину кругозора; г) позволял видеть место расположения орудий на огневой позиции; е) не выделялся бы резко на окружающей местности и давал укрытие от наблюдения и по возможности от выстрелов противника.

Тактические требования от НП не могут ограничиться малой шириной и глубиной кругозора. Чем бóльшую площадь обзора даёт НП, тем более обеспечивается возможность для суждения о ходе боя; поэтому в тактическом отношении НП должен давать возможно больший обзор всей впереди лежащей местности, и если один НП не может дать полного обзора, в особенности обзора неприятельского расположения, то в большинстве случаев будет необходима сеть наблюдательных пунктов.

Командиры артиллерийских дивизионов и высшие артиллерийские начальники, руководящие тактической стороной боевых действий артиллерии, обязывались занимать НП с наибольшей площадью обзора; тогда, на основании своих личных наблюдений и сравнительно немногих дополнительных донесений, или иногда даже совершенно без них, они могли решать, куда следует направить более сильный огонь или куда надлежит переместить подчинённую им артиллерию.

При выборе НП стремились к тому, чтобы открывающиеся с них кругозоры взаимно дополняли друг друга и чтобы все они в совокупности были расположены так, чтобы по возможности не оставалось ненаблюдаемых участков фронта и тыла противника. Причем в тех случаях, если в пределах боевого участка войск, в составе коих действовала артиллерия, не было хороших НП, не останавливались перед перемещением НП и даже артиллерийских частей в другой боевой участок соседнего, хотя бы и не своего войскового подразделения, лишь бы быть обеспеченным надлежащими и находящимися недалеко от орудий НП. Такое перемещение НП или батарей делалось с разрешения начальников обоих боевых участков.

Достоинства НП в отношении условий наблюдения повышаются с вынесением его вперёд, ближе к расположению неприятеля; с другой стороны, при расположении НП на линии или по-

зади огневой позиции орудий увеличивается надёжность связи с ними и облегчается надзор начальников за своими частями.

Взаимное положение НП и орудий должно быть таким, чтобы НП возможно меньше стеснял обстрел. Наблюдательный пункт, находящийся сзади орудий, совершенно не стеснит обстрела, но при таком расположении огонь противника по орудиям будет захватывать НП, и обратно. Но последнее соображение не должно было служить причиной того, чтобы не пользоваться такими НП. При расположении НП по продолжению фронта огневой позиции орудий не стесняется обстрел всей впереди лежащей местности, причём неприятельский огонь, направленный по батарее, менее опасен для такого НП. При расположении НП впереди орудий могут быть два случая: а) если НП выдвинут вперёд недалеко, то для возможности обстреливания района в стороне НП надо отодвинуть орудия в сторону от НП настолько же, насколько НП выдвинут вперёд; б) если НП выдвинут вперёд далеко, то можно вести стрельбу через НП на тех же основаниях, как она ведётся через головы своей пехоты, т. е. орудия должны быть расположены сзади НП не менее как на 600 *м*.

Расположение НП близко к огневой позиции выгодно в смысле надёжности связи, удобства управления огнём и в том отношении, что при всяких случайностях, происходящих у орудий, командир батареи может лично принять соответствующие меры.

Желание иметь НП близко к орудиям, а также невозможность в некоторых случаях воспользоваться возвышенностями для расположения НП, выдвинуло вопрос о применении переносных вышек или об устройстве НП на деревьях, крышах домов, на колокольнях и т. п.

Свойства переносных вышек выясняются сравнением их с НП на командующих высотах. Последние, являясь пунктами, с которых видно расположение неприятеля, одновременно закрывают от него своё расположение, тогда как вышка хотя и увеличивает кругозор, но вместе с тем не только не укрывает своё расположение от глаз противника, а наоборот, открывает место НП и место огневой позиции; между тем очень важно, чтобы НП, находящийся в сфере неприятельского огня, был хорошо замаскирован.

Располагать НП на хорошо заметных противнику высоких предметах или на резко выделяющихся вершинах не рекомендовалось. Не рекомендовалось также располагать НП скученно; считалось желательным, чтобы удаление их друг от друга по фронту было не менее 200 *м*.

Устраивать наблюдательные пункты на специально приспособленных вышках или на деревьях, колокольнях, крышах домов и т. п. разрешалось только в случаях крайней необходимости, имея в виду трудности удобного размещения на них наблюдателей и приборов, их маскировки и укрытия, сравнительную лёг-

кость повреждения и уязвимость от огня неприятельской артиллерии.

«Наставление» 1912 г. указывало, что наблюдательные пункты необходимо тщательно маскировать, а людей и приборы обеспечивать надёжными закрытиями, чтобы работа на пунктах могла производиться даже под сильным огнём противника. Указывалось также, что для обеспечения непрерывности наблюдения следует заранее подготовить запасные наблюдательные пункты и что для введения противника в заблуждение полезно устраивать ложные наблюдательные пункты.

Но все эти указания «Наставления» 1917 г. на практических стрельбах и занятиях артиллерии в довоенное время не выполнялись, так как действительного противника не было и не нужны были ни закрытия, ни маскировка. По привычке мирного времени, русская артиллерия обходилась без них и во время войны, особенно в начальный её период; в условиях маневренных действий она обычно также обходилась без окопов и маскировки огневых позиций.

С развитием военных действий, особенно с переходом к позиционной борьбе, русская артиллерия стала принимать меры к защите своих наблюдателей при занятии и оборудовании наблюдательных пунктов. Но не всеми частями артиллерии, не всегда и не повсюду эти меры считались обязательными к неуклонному исполнению, и некоторая беспечность русских артиллеристов в этом отношении не была изжита до конца войны.

В позиционный период артиллерии предлагалось обратить внимание не только на маскировку наблюдательных пунктов, но и на их прочность (с применением даже бетона и железобетона), а также на снабжение наблюдателей стереотрубами, перископами, шлемами и т. п. Все наблюдательные пункты должны были иметь маскированные от самолётов ходы сообщения и обеспеченную от артиллерийского огня телефонную связь. Однако и это редко соблюдалось на практике, что, конечно, приводило к нарушению связи и к перерывам в огне батарей иногда в самые нужные моменты. Запасные наблюдательные пункты обычно выбирались на случай, если основной будет разбит снарядами неприятельской артиллерии, но оборудовались они редко. Признавалось полезным устраивать и ложные наблюдательные пункты.

«Наставлением» 1917 г. все посещающие наблюдательные пункты, не исключая начальствующих лиц, обязывались подчиняться всем требованиям скрытности. Это соблюдалось в обстреливаемых ружейным огнём участках, в прочих же, как правило, игнорировалось.

Несоблюдение весьма существенных и выведенных на основе опыта войны правил организации наблюдательных пунктов (маскировка, запасные и ложные пункты, скрытность наблюдения и подходов к пунктам) объяснялось беспечностью, а иногда и излишним пренебрежением к опасности и причиняло немалый ущерб.

русской артиллерии, увеличивая потери главным образом среди командиров батарей и нарушая боевую работу артиллерии.

В маневренный период отдельные командиры батарей не соглашались укрываться даже в обычных окопах и располагались совершенно открыто на голых вершинах, стремясь использовать угломер Михаловского-Турова, непригодный для работы в окопе. Конечно, большинство таких командиров было выведено из строя в самом начале войны. Но неоправдываемое пренебрежение к опасности всё же имело место даже и в позиционный период, когда отдельные артиллерийские начальники, производя рекогносцировку перед наступлением, открыто целыми группами выходили из окопов и наблюдали противника до тех пор, пока огонь не заставлял их укрыться.

Между прочим, при производстве подобной рекогносцировки был убит ружейной пулей известный выдающийся артиллерист того времени Л. Н. Гобято (автор труда «Артиллерия полевых армий», изд. 1913 г.), бывший руководитель офицерской артиллерийской школы и преподаватель академии Генерального штаба, отличившийся и тяжело раненый при обороне Порт-Артура в русско-японскую войну.

Артиллерийские командные наблюдательные пункты стремились располагать, особенно в позиционный период, по мере возможности рядом или близко к командным пунктам соответствующих общевойсковых начальников: начальника артиллерии корпуса — близ командира корпуса, начальников артиллерийских групп и командиров дивизионов — близ начальников дивизий и командиров полков и т. д.

Трудность обнаружения и малая уязвимость артиллерии на закрытых позициях заставляли обращать особое внимание на отыскание и уничтожение наблюдательных пунктов неприятеля, что, в свою очередь, вызывало необходимость самого надёжного устройства и оборудования своих НП. Устройство артиллерийских наблюдательных пунктов видоизменялось в зависимости от требований войны, причём главным требованием всё время оставалась их маскировка. Что же касается защиты наблюдателей от неприятельского огня, то установленный образец сооружения наблюдательного пункта, состоявший из углублённого помещения для наблюдателей с перекрытием над горизонтом и с образуемой между горизонтом и перекрытием щелью для наблюдения, оказался на практике не вполне удовлетворительным; русские артиллеристы предпочитали вести наблюдение в стереотрубу поверх перекрытия.

Как показывают рис. 2—6, наблюдательные пункты устраивались в самых различных местах и оборудовались иногда весьма примитивно, а иногда очень солидно, в зависимости от обстановки и периода войны.

В маневренный период наблюдательные пункты чаще всего располагались на возвышенностях или на деревьях. В первом случае обычно устраивался открытый (иногда слегка замаскирован-

ный) ход сообщения и такой же открытый простой окоп. Во втором случае наблюдатели располагались прямо на ветвях дерева; лестницей часто служили прибитые к стволу дерева планки. Были даже случаи использования в качестве площадки для наблюдателя разорённого орлиного гнезда (см. рисунок 4).

Рис. 2. Наблюдательный пункт на высоком дереве в лесу близ Ченстохова. Ноябрь 1914 г.

В позиционный период наблюдательные пункты гораздо чаще размещались в хорошо оборудованных окопах и имели солидные блиндажи для укрытия в случае обстрела артиллерией противника. В этих или таких же дополнительных блиндажах постоянно находились телефонисты. Иногда и в период позиционной войны использовались деревья густых рощ, особенно если пункт был удалён от переднего края обороны на 2—3 км, но при этом

уже всегда делалась специальная площадка для наблюдателей, удобная лестница к ней и блиндаж вблизи.

Иногда на тыловых пунктах, удалённых на 3—4 *км* от окопов первой линии, строили специальные вышки, позволявшие наблю-

Рис. 3. Наблюдательный пункт на высоком дереве в роще. Апрель 1915 г.

дать со всеми удобствами (на дереве часто мешал наблюдать ветер). Изображённый на рис. 6 один из таких пунктов на вышке использовался начальником контрбатарейной группы, а в одном из боёв (июль 1916 г.) на нём присутствовал командующий армией с частью своего штаба.

В целях маскировки наблюдательных пунктов и отвлечения от них огня неприятельской артиллерии практиковались ложные наблюдательные пункты, располагаемые недалеко от действительных.

Рис. 4. Наблюдательный пункт в орлином гнезде.
Август 1915 г.

В октябре 1914 г. во время боёв под Сувалками ложный наблюдательный пункт, весьма искусно устроенный 51-й артиллерийской бригадой, привлёк на себя не одну сотню снарядов германской артиллерии, уменьшив вместе с тем обстрел противником других соседних русских наблюдательных и командных пунктов.

При выборе наблюдательных пунктов для командиров дивизиона и батарей рекомендовалось стремиться к тому, чтобы весь

участок впереди лежащей местности, назначенный дивизиону, был видимым хотя бы с одного из наблюдательных пунктов и чтобы секторы наблюдения последних взаимно дополняли друг друга.

По большей части НП одного из командиров батарей совмещался с НП командира дивизиона, т. е. командир дивизиона и его заместитель располагались на одном НП; остальные два батарейных командира занимали другой общий НП с дополнительным сектором наблюдения или каждый командир занимал свой отдельный НП так, чтобы, с одной стороны, обеспечить надёжность и быстроту целеуказания и передачи распоряжений, а с другой обеспечить для командира дивизиона управление огнём батарей.

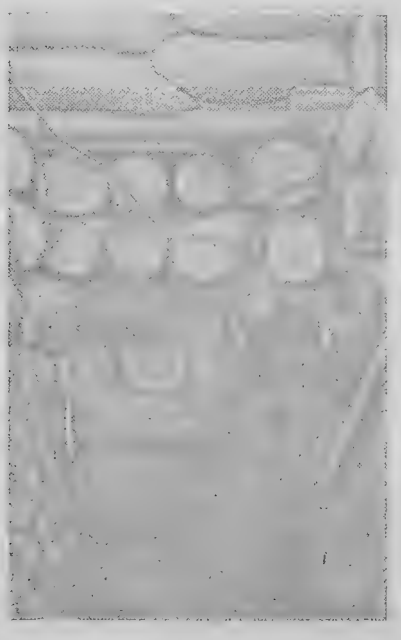


Рис. 5. Наблюдательный пункт в блиндаже в окопах у Заосье. Март 1916 г.

На открытых позициях командир дивизиона располагался предпочтительно между двумя батареями, имея при себе их командиров; командир третьей батареи оставался при ней, причём ему заранее предоставлялась свобода действий в пределах данных ему общих указаний.

Огневые позиции, т. е. места расположения в боевом порядке орудий первого эшелона и зарядных ящиков, должны отвечать определённым тактическим и техническим требованиям.

Действительность артиллерийского огня обусловливается положением и удалением от противника как отдельной ОП, так и общим расположением огневых позиций, рассчитанным на наилучшую взаимную огневую поддержку. Соотношение между отдельными ОП заключается:

а) в осуществлении взаимной огневой поддержки, состоящей в том, чтобы по целям, с которыми отдельные батареи не могут справиться, иметь возможность сосредоточить огонь нескольких батарей, стремясь получить косоприцельный, а если возможно, то и фланговый огонь; б) в восполнении недостатков одной позиции преимуществами других.

«Наставлением» 1912 г. требовалось располагать в бою артиллерию *группами батарей*, преимущественно подивизионно, избегая образования длинных непрерывных линий орудий. Такое расположение даёт более широкие возможности в обстреле района рас-

положения противника, облегчает применение к местности и использование естественных укрытий, затрудняет неприятелю разведку расположения нашей артиллерии и стрельбу по ней. Артиллерия располагалась преимущественно *вне сферы ружейного и пу-*

Рис. 6. Наблюдательный пункт на вышке под Барановичи. Июль 1916 г.

лемётного огня противника, но в «Наставлении» подчёркивалось, что она не должна колебаться вступать и в эту сферу, если этого требуют интересы других родов войск.

Главным требованием к артиллерийской позиции является её соответствие тактической цели, т. е. чтобы она обеспечивала возможность решения с неё поставленной боевой задачи. Поэтому каждая ОП должна: во-первых, отвечать условиям нанесения сильного поражения противнику, т. е. удовлетворять требованиям надлежащего направления её фронта и расстояния до целей, со-

образного с задачей вертикального и горизонтального обстрела, — при наличии хорошего НП; во-вторых, допускать возможно лучшее использование местности для укрытия артиллерии от наблюдения неприятеля и предохранения от его огня, причём стрельба с выбранной ОП не должна стеснять действий других войск.

Сверх того, если время и обстановка позволяют, при оценке ОП следовало принимать во внимание следующие технические требования: а) возможно бо́льший вертикальный и горизонтальный обстрел; б) достаточное протяжение по фронту и в глубину; в) поверхность почвы и грунт, облегчающие работу при орудиях и по возможности ослабляющие действие снарядов неприятельской артиллерии, и отсутствие предметов, могущих повысить действительность её огня (каменные постройки, большие камни и т. п.); г) наличие масок, укрывающих от наблюдения противника; д) наличие удобных мест для расположения передков и зарядных ящиков; е) отсутствие препятствий, затрудняющих установление сообщения и связи вдоль фронта орудий, от орудий к наблюдательным пунктам и в тыл; наличие удобных доступов с тыла и выездов вперёд и в стороны; ж) тыловой фон, препятствующий наблюдению со стороны противника, и отсутствие вблизи отчётливо видимых и резко выделяющихся местных предметов (отдельные здания, высокие деревья), облегчающих неприятелю ориентировку и пристрелку.

Позиции артиллерии могут быть *открытые, закрытые и полузакрытые* (или маскированные).

На открытой ОП артиллерия видна противнику даже во время бездействия, т. е. до открытия огня. Закрытая ОП позволяет укрыть артиллерию до и после открытия огня; на закрытой ОП неприятель не может заметить артиллерию, ни пыли, ни блеска выстрелов даже во время стрельбы. На полузакрытой или замаскированной ОП артиллерия укрыта от наблюдения противника, пока она не открыла огонь; с открытием огня она становится видимой, причём могут быть видны сами орудия, блеск или пыль выстрелов.

На закрытых и полузакрытых ОП укрытие достигается лишь от наблюдения и только по отношению к определённым точкам впереди лежащей местности. Артиллерия даже на хорошо закрытой ОП может быть обнаружена при наблюдении с фланга или при значительном превышении наблюдателя.

Выигрывая в укрытии при расположении на ОП, мы теряем в ближнем обстреле. Поэтому закрытые ОП занимаются главным образом для дальней стрельбы, маскированные — для стрельбы на более близкие расстояния; открытые дают возможность стрелять на все дальности стрельбы.

Огневая позиция считается совершенно закрытой (для 76-*мм* пушек), если линия, проходящая через наивысшую точку местности, занятой неприятелем, и через прикрывающий ОП гребень, пройдёт на 4—6 *м* выше орудия, стоящего на позиции. При мень-

ней высоте закрытия неприятелю будет виден огонь выстрелов или пыль, поднимающаяся при выстреле.

Применение закрытых ОП обеспечивает правильную и спокойную работу батарей и является надёжным средством для сбережения боеспособности артиллерии. Пользование закрытыми ОП способствует неожиданному для неприятеля открытию огня, облегчает выбор позиции, обеспечивает укрытое и лёгкое занятие и перемену позиции, облегчает питание боеприпасами и пополнение потерь. Закрытое расположение затрудняет противнику отыскание расположения батарей и стрельбу по ним, вводит неприятеля в заблуждение относительно количества и размещения артиллерии и уменьшает наносимые его огнём потери.

Но применение закрытых ОП требует наличия особых НП, обеспечивающих наблюдение за местностью, за целями и результатами стрельбы, а также надёжное управление огнём. Стрельба с закрытых позиций требует надёжной организации связи и тщательной подготовительной работы, для осуществления которых необходимо достаточно времени и наличия технических средств. Наконец, закрытое расположение батарей невыгодно в том отношении, что часть местности впереди гребня закрытия, называемая мёртвым пространством, не будет поражаться артиллерийским огнём. Величина мёртвого пространства возрастает с увеличением высоты укрытия; для обстреливания мёртвого пространства приходится применять особые меры. Величина мёртвого пространства, допустимого в каждом данном случае, является главной данной, определяющей степень укрытия при выборе позиции.

Закрытые ОП орудий с отлогой траекторией (76-*мм* пушки) закрывают главным образом от наблюдения противника; закрытые ОП орудий с крутой траекторией (гаубицы, мортиры) могут закрывать не только от наблюдения, но и от огня неприятельских орудий с отлогой траекторией.

Полузакрытые (маскированные) ОП допускают укрытое их занятие, а при некоторых условиях и оставление (снятие с позиций); облегчают питание боеприпасами и пополнение потерь. Но маскированные ОП укрывают артиллерию лишь до первого открытия огня, после чего она должна считаться видимой противнику. Некоторым преимуществом полузакрытых ОП над закрытыми является возможность меньшего удаления от них артиллерийских командиров и, как следствие этого, большая лёгкость установления связи и управления огнём.

Открытые ОП допускают прямую наводку орудий и полный обстрел впереди лежащей местности, а при видимых отчётливо целях, облегчают быстрое открытие и переносы огня без предварительной подготовки данных для стрельбы; применение открытых ОП позволяет командирам батарей и дивизионов находиться непосредственно при своих частях и легко управлять их огнём. Артиллерия на открытой ОП подвергается риску поражения неприятельским огнём и может потерять не только свободу действия, но и движения.

«Наставлением» 1912 г. (§ 51) предлагалось во всех случаях, когда это допускалось обстановкой, пользоваться «закрытыми позициями, обеспечивающими артиллерии свободу действия и способствующими её сохранению в руках начальников». Образующееся при этом мёртвое пространство требовалось обстреливать иногда особо назначенными артиллерийскими частями или огнём пехоты и пулемётов, а иногда шрапнелью с укороченной трубкой из тех же орудий, занимающих закрытую позицию; в последнем случае при стрельбе из орудий с отлогой траекторией можно рассчитывать на поражение только при небольших прицелах — менее 10 делений, так как вообще чем прицел меньше, тем оборона мёртвого пространства более надёжна. Оборона мёртвого пространства достигается лучше при стрельбе шрапнелью с укороченной трубкой из орудий с крутой траекторией, располагаемых около позиций, занятых орудиями с отлогой траекторией; так, например, горные 76-*мм* пушки дают мёртвое пространство в 3 раза меньше, чем полевые лёгкие 76-*мм* пушки, а 122-*мм* гаубицы при стрельбе уменьшенными зарядами сводят мёртвое пространство почти до нуля.

Полузакрытые ОП применялись реже — при невозможности по каким-либо причинам занять закрытую позицию.

Открытые ОП разрешалось занимать в тех случаях, когда обстановка ясна, неприятельская артиллерия подавлена или отвлечена, цели видны, закрытых или полузакрытых позиций не имеется или когда нет времени для подготовки огня и установления связи. При этом предполагалось, что бой на открытых позициях скоротечен и изменчив, почему поставленная артиллерии боевая задача должна быть до чрезвычайности проста, ясна и известна всему личному составу.

В период позиционной борьбы обращалось особое внимание на то, что батареи, поставленные открыто, немедленно приводятся к молчанию огнём неприятельской артиллерии или удушливыми газами и что открытые ОП допустимы лишь тогда, когда противник уже расстроен.

Для лучшего использования местности выгодно занимать позиции за гребнями высот с мягко (не резко) выраженным рельефом, в особенности если гребень, непосредственно укрывающий орудия, в свою очередь маскирован другим, а также за рядом разнородных закрытий, что сильно затрудняет противнику распознавание целей и наблюдение выстрелов; выгодно располагаться в широких и пологих впадинах местности, в особенности если общий колорит местности способствует неясной видимости и скрадывает блеск и пыль выстрелов.

При пользовании закрытиями и масками следует иметь в виду, что малое удаление от них орудий (не превосходящее примерно 200—400 *м*) почти не затрудняет стрельбы противнику, позволяя захватывать укрытую артиллерию в сферу поражения неглубокой площади, непосредственно прилежащей к закрытию. Необходимо также принимать меры к тому, чтобы свои снаряды не задевали

за укрытия, так как вызываемые этим разрывы могут поражать свои войска, находящиеся впереди, и выдают противнику позицию артиллерии.

Для использования всей силы артиллерийского огня необходимо, чтобы позиция давала возможность вести огонь по всем направлениям впереди своего фронта и на все расстояния, начиная с самых ближних до предельной дальности огня, обусловливающей наибольшую глубину обстрела.

Закрытые и маскированные позиции, не давая возможности стрелять на небольшие дальности, уменьшают глубину обстрела.

Позиция должна давать возможность обстреливать весь фронт впереди неё; этим определяется ширина обстрела. Горы, холмы, леса, постройки и другие местные предметы, закрывая цели, ограничивают обстрел в горизонтальной плоскости.

Глубина и ширина обстрела определяют величину площади, обстреливаемой с данной позиции.

Выбор артиллерийской позиции никоим образом не должен замедляться, если боевая обстановка требует немедленного открытия огня. В этом случае всякая позиция будет хороша, раз с неё можно выполнить поставленную артиллерии боевую задачу. Лучше остановиться на позиции лишь удовлетворительной, нежели в попытках найти лучшую, рисковать оставить свои войска без своевременной огневой поддержки артиллерии.

Артиллерийские части должны уметь и быть готовы занимать в бою позиции всех видов, в зависимости от представляющихся боевых задач и от изменчивых условий боевой обстановки.

Артиллерия обязана жертвовать собой во исполнение своего основного назначения — своим огнём поддерживать, обеспечивать успех боевых действий и выручать войска других родов.

Во время мировой войны 1914—1918 гг. русская артиллерия пользовалась преимущественно закрытыми огневыми позициями, но она никогда не забывала и в необходимых случаях всегда исполняла следующее указание «Наставления» 1912 г., которым подчёркивалось (§ 52), что: «*Артиллерийские начальники должны помнить, что бывают обстоятельства, когда от артиллерии требуется мужественная и самоотверженная работа на совершенно открытой позиции*».

Ярким примером этого может служить бой у Н. Александрии.

Авангардные части 25-го русского корпуса, переправившиеся в ночь на 10 октября 1914 г. на левый берег Вислы у Н. Александрии, утром были атакованы превосходными силами венгерцев, поддержанными огнём тяжёлой артиллерии. Венгерцы, обойдя оба фланга русских и окружив их тесным полукольцом, стали прижимать русских к Висле. Единственный мост, по которому русские могли отходить за Вислу, был под сильным обстрелом неприятельской артиллерии. Отход грозил полной катастрофой. Положение спасла русская артиллерия, продержавшаяся на открытых позициях в сфере ружейного огня в течение почти 6 часов и

отбившая своим огнём на прицеле 20—10 атаки венгерской пехоты, подошедшей на 800—400 *м*.

Такому успеху русских артиллеристов способствовало отчасти то обстоятельство, что артиллерия противника занята была главным образом обстрелом моста через Вислу, а огонь по русским батареям вела большей частью на перелетах, повидимому опасаясь поразить свою пехоту, наседавшую на русских.

Из оперативной сводки Юго-Западного фронта по 8-й армии за 25 мая 1915 г. видно, что одна из русских горных батарей стрельбой с открытой позиции «преследовала бегущих австрийцев прямой наводкой» [1]. Подобных случаев в течение маневренного периода войны было много. Но были случаи и необоснованного занятия батареями открытых позиций, приводившие, естественно, лишь к отрицательным результатам.

Один из таких случаев, приведший к гибели 4-й батареи 2-й гренадерской артиллерийской бригады в бою у Гораец 24 августа 1914 г., описан ниже.

Орудия с зарядными ящиками боевой части располагаются в боевом порядке на ОП рядом, составляя нераздельную боевую единицу. Задний ход зарядного ящика ставится рядом с орудием и левее его на полшага, стрелой в сторону стрельбы, причём ось зарядного ящика должна быть на 1 шаг сзади оси орудия.

На ОП батареи (взвода) орудия с зарядными ящиками располагались в одну линию на интервалах 10—30 шагов. Величины интервалов между смежными батареями и орудийных интервалов в батареях зависят от размеров фронта позиционного участка и от фронтальных размеров закрытий и масок, причём одинаковой величины интервалов не требовалось. Увеличение интервалов уменьшает уязвимость артиллерии, но затрудняет управление и выбор позиции. Наиболее подходящими интервалами между орудиями считалось 30 шагов, так как при этом разрыв отдельной неприятельской шрапнели против одного из орудий может поражать прислугу (орудийный расчёт) только одного этого орудия. При меньших интервалах батарея более уязвима от огня противника и будет нести большие потери. Меньшие интервалы допускались в виде исключения при недостатке места и при занятии закрытых и маскированных ОП, когда пристрелка неприятельской артиллерии затруднительна или совсем невыполнима.

Передки боевой части (орудийные и зарядных ящиков первого эшелона) или, как теперь их называют, «отделения тяги», располагались по-батарейно (отдельно от батарейного резерва) укрыто в некотором удалении от орудий — обычно не далее 1 *км*. В маневренный период войны основными требованиями при выборе места для передков были быстрота и удобство сообщения с орудиями и возможно лучшее укрытие, причём в отношении укрытия не останавливались перед расположением передков даже

[1] ЦГВИА, № 108009, л. 154.

впереди линии орудий. В виде исключения, например, в тех случаях, когда артиллерия переходила в боевой порядок и занимала позицию для боя на короткое время, разрешалось оставлять передки боевой части при орудиях.

В период позиционной войны быстрота и удобство сообщения передков (отделений тяги) с орудиями, расположенными на огневой позиции, не играли такой роли, как в маневренный период войны. Поэтому в позиционный период передки (отделения тяги) располагались обычно вместе с зарядными ящиками батарейного резерва (взводами боевого питания) в 3—4 *км* от огневой позиции, в хорошо укрытых от наблюдения с самолётов местах — в лесу, кустарнике и нередко возле строений, где люди и лошади могли удобно размещаться в жилых строениях, в сараях и под крышами.

В маневренный период иногда и орудия убирались на ночь с огневых позиций в тыл на 3—4 *км* к селениям, в которых люди и лошади располагались на ночлег под кровлей; перед рассветом под покровом темноты батареи возвращались на свои огневые позиции. На ночь на огневой позиции дежурные орудия или взводы оставались только от некоторых батарей, располагаясь по большей части несколько в стороне от действительной огневой позиции, чтобы в случае открытия огня ночью блеском выстрелов не обнаруживать места действительной огневой позиции (см. о ложных позициях).

Батарейные резервы (зарядные ящики второго эшелона) — ныне «взводы боевого питания» — при совместном действии батарей того или иного дивизиона иногда сводились в общий «дивизионный резерв» под командой офицера, подчинявшегося непосредственно командиру дивизиона. Основным требованием при выборе места для расположения батарейных резервов служили: быстрое и свободное сообщение с боевыми частями (огневыми позициями) и в тыл — с местом расположения головного артиллерийского парка, а также возможно лучшее укрытие. Обыкновенно батарейный резерв располагался укрыто не далее 4 *км* от огневой позиции батареи, вблизи и вне дорог, оставляя на дороге особые посты («маяки») для указания места резерва. Иногда, при значительном удалении резервов от огневых позиций и от головных артиллерийских парков, при дурном состоянии дорог и т. п., батарейные резервы (взводы боевого питания) приходилось распределять в глубину по частям (эшелонировать).

Батарейные резервы должны располагаться, тщательно применяясь к местности, и быть готовы в случае надобности переменять свои места. Требовалось подготовиться к таким переменам заблаговременно.

Офицер, назначенный начальником дивизионного резерва, обязан был по прибытии на место расположения: организовать связь с командиром дивизиона, с боевыми частями батарей и между частями резерва в случае раздельного его расположения, а также с головным артиллерийским парком, о месте расположения кото-

рого получить указания от командира дивизиона; организовать разведку местности между резервами и боевыми частями для отыскания кратчайших, удобнейших и наиболее укрытых путей сообщения; произвести разведку пути, ведущего от резерва к головному парку; принять меры для исправления дорог, устройства выездов на них и т. п., а равно для ближнего охранения резерва.

«Наставлением» 1912 г. требовалось (§ 59), чтобы позиции артиллерии, не исключая закрытых и полузакрытых, при всякой к тому возможности усиливались *искусственной маскировкой и окопами.*

С целью маскировки местность в районе позиции перерывается ровиками, покрывается хворостом, снопами, кучами сена и т. п., размещаемыми без определённого порядка, или применяются дымовые маски, принимая при этом во внимание, чтобы дымом не стеснять свои войска; наконец, с целью маскировки ОП избирались среди кустарника или полянок мелколесья.

Окопы получали особое развитие на заранее выбранных и заблаговременно занимаемых позициях. При постройке окопов обращалось внимание на обеспечение не только от фронтального, но и от флангового неприятельского огня, а также на тщательную маскировку. Окопы строились нередко ночью.

Для введения противника в заблуждение рекомендовалось устраивать ложные орудийные окопы в достаточном удалении от истинных; устанавливались иногда ложные орудия (макеты), причём с целью имитации выстрелов в ложных окопах или возле ложных орудий зажигались вспышки.

Как средства маскировки широко применялись ложные огневые позиции. Ложные позиции устраивались в некотором отдалении от истинных, представляя собой точные копии последних — искусственным проделыванием ведущих к ложным позициям тропинок и колей. На ложных позициях производили вспышки, предпочтительно одновременно с выстрелами фактических батарей. Иногда ночные стрельбы умышленно производили с ложных позиций, переводя на них к вечеру по 1—2 орудия от батареи, чем удачно отвлекалось внимание противника. Опыт показал, что удаление ложной позиции от действительной не должно быть большим, — лучше не более ½ *км*, чтобы вернее ввести неприятеля в заблуждение, но, разумеется, и не очень близким, чтобы артиллерийские снаряды противника, направленные на ложную позицию, не наносили поражения действительной.

В позиционный период войны ложные позиции довольно широко практиковались на русском фронте.

Весной 1917 г. 6-я батарея 3-й артиллерийской бригады, располагаясь укрыто на опушке небольшого леса (протяжение опушки 400—500 *м*) южнее Лопушаны (на Злочевском направлении), выдерживала почти в течение целого месяца систематический обстрел 15-*см* тяжёлой неприятельской батареи, огонь которой немцы корректировали с самолёта. Это удавалось русской батарее благодаря искусному применению ложных позиций.

После первого обстрела немецкой артиллерией, закончившегося потерей одного подбитого орудия, 6-я батарея была переведена на 140—150 *м* вправо вдоль опушки того же леска. С этой позиции стрельба производилась днём. Ночью же она продолжала изредка стрелять с прежней оставленной позиции, чтобы блеском выстрелов, особенно заметных ночью, вводить противника в заблуждение. Действительно, немцы в продолжение 7 дней не переставали громить артиллерийским огнём старую позицию, подвергая действительную позицию батареи опасности быть поражённой лишь случайным огнём при рассеивании снарядов. На восьмой день батарея была вновь открыта немецким самолётом, вследствие чего ей пришлось переместиться в третий раз на новое место — приблизительно на 200 шагов вправо и назад от второй позиции. Естественно замаскированная поваленными деревьями, разбросанными сучьями деревьев и хворостом, батарея, продолжая обманывать противника ночной стрельбой со второй оставленной позиции, продержалась на третьей позиции ещё пять суток, несмотря на то, что впереди позиции местность была изрыта воронками от разрывов неприятельских снарядов.

На практических стрельбах мирного времени ни маскировкой, ни рытьём окопов обычно не занимались, чтобы не затягивать время, назначенное на стрельбу. Русская артиллерия привыкла обходиться без закрытий и маскировки, не нужных в мирное время; по привычке она обходилась без них и в первый период войны, искусно располагаясь на закрытых позициях. Но с переходом к позиционной войне и особенно с усилением воздушного флота русской артиллерии пришлось обратить серьёзное внимание на сооружение для себя закрытий и на маскировку огневых позиций и наблюдательных пунктов.

Маскировка артиллерийских позиций (ОП и НП) получила первенствующее значение во второй половине мировой войны, с развитием авиации. Батареи необходимо было укрывать и от непосредственного их обнаружения неприятельскими самолётами и привязными аэростатами и от возможности аэрофотосъёмок с самолётов. Необходимо было замаскировать предметы, обнаруживающие себя при наблюдении сверху демаскирующими световыми контрастами, как то: выемки, брустверы орудийных ровиков, канавки под сошниками орудий, ведущие к позициям тропинки, выжженные места перед дулами орудий (так называемые «задульные конусы») и пр. Всё это маскировалось подручными материалами. Орудия маскировались чаще всего срезанными ветками растений, травой, соломой, сеном и т. п., иногда плетёными сетками с набросанным на них маскирующим материалом, а зимой — надевавшимися на орудия белыми чехлами.

Выжженные места перед дулами орудий обнаруживали воздушной разведке расположение орудий, а поднимавшаяся с этих мест при выстреле в сухую погоду пыль навлекала на себя довольно точный артиллерийский огонь противника. Чтобы избежать пыли, приходилось места перед орудиями поливать водой или по-

крывать эти места в перерывы стрельбы травой, ветками, соломой и т. п.

Так, в бою у Ольтенхаузен (в Восточной Галиции) 19 июня 1915 г. одна из русских батарей 3-й артиллерийской бригады навлекла на себя вследствие столбов пыли, поднимавшихся после каждого выстрела батареи, довольно точный огонь неприятельской артиллерии.

Русская артиллерия также выискивала неприятельские батареи по пыли от их стрельбы. Так, 6 июля 1915 г. один из командиров русской батареи, находясь на хорошем наблюдательном пункте у Ланерувка (в Восточной Галиции), старался обнаружить батарею противника, систематически обстреливавшую с закрытой позиции окопы русской пехоты. Всматриваясь в стереотрубу в направлении звука выстрелов неприятельской батареи, он заметил за одним из холмистых склонов, поросших кустарником, поднимающиеся на равных интервалах столбы пыли, отчётливо выделяющиеся на фоне зеленого ковра местности. Через несколько секунд оттуда послышалось 6 орудийных выстрелов, и почти в то же время над русскими окопами появилось столько же буроватых облачков шрапнельных разрывов.

Командир русской батареи открыл ответный огонь и после трёх очередей выстрелов на прицеле 135 заставил неприятельскую батарею прекратить огонь на весь день.

К последнему году войны в русской армии начались изыскания по применению так называемой «краскомаскировки», дающей возможность довольно быстро и просто делать маскировку путём распыления на местности специальных красочных смесей, противостоящих действию солнечных лучей и дождя. Окрашиванием отдельных местных предметов можно затруднить распознавание истинного рельефа местности. Благодаря комбинации накладываемых красок возвышенные места могут казаться углубленными, и наоборот. Подобное изображение рельефа вводит в заблуждение наблюдателей с самолёта или привязного аэростата. Русские артиллеристы считали в то время, что большую пользу в деле маскировки огневых позиций и наблюдательных пунктов может принести так называемый метод «камуфляжа», сводившийся к искажению контуров маскируемого предмета путём его разноцветной окраски. Метод «камуфляжа» получил довольно широкое применение в позиционный период в 1917 г.

В позиционный период войны немцы, благодаря постоянному с их стороны наблюдению за русским фронтом с помощью привязных змейковых аэростатов и самолётов, стали обнаруживать русские батареи, несмотря на расположение их на закрытых позициях, и систематически подвергали их обстрелу, в большинстве случаев огнем 15-*см* орудий в течение 2—3 часов ежедневно.

Инженерное оборудование позиций приходилось производить чаще всего средствами батарей, по усмотрению которых уставные формы построек и оборудование видоизменялись. Многие батареи отказались от установки на позиции рядом с орудиями задних ходов зарядных ящиков и для запаса снарядов устраивали на огневых позициях специальные ниши-погребки. Защита орудийной прислуги (орудийного расчёта) от шрапнельного огня достигалась устройством с боков орудий особых дощатых или бревенчатых заборов, осыпаемых землёй; углублением орудийных ровиков с максимальной крутизной стенок; засыпкой землёй щелей, образующихся между землёй и нижними откидными щитами орудий, для предохранения ног орудийного расчёта от шрапнельных пуль.

Немалыми преимуществами пользовалось расположение батарей на огневой позиции не в одну линию, а разбросанное поорудийно на некоторой площади, не получившее, однако, широкого применения во время войны. Разбросанное расположение батарей поорудийно обеспечивало: возможность наилучшего применения к местности, затрудняя обнаружение батарей как воздушной разведкой, так и по звуку и блеску выстрелов; меньшую уязвимость вследствие своей рассредоточенности; обманное впечатление неприятеля относительно действительного числа батарей; возможность обстрела косоприцельным огнём впереди лежащей местности и мёртвых пространств, образующихся перед орудиями, стреляющими с закрытых позиций. Недостатками поорудийного расположения батарей являлись: необходимость введения при выстреле индивидуальных поправок для каждого орудия, что усложняло и замедляло пристрелку и стрельбу на поражение; трудность создания и поддержания связи между отдельными орудиями.

Искусное инженерное оборудование огневых позиций, в сочетании с умелым расположением батарей и их маскировкой, обеспечивало живучесть русской артиллерии во время мировой войны. Так например, одна из русских гренадерских батарей, занимавшая в позиционный период войны хорошо оборудованную, укрытую и замаскированную огневую позицию возле м. Барановичи, в течение месяца усиленно обстреливаемая германской артиллерией, выпустившей по ней около 5 000 гранат, всё время полностью сохраняла свою боеспособность, так как из её расчёта пострадали лишь три человека (были ранены); но батарее пришлось постепенно сменить почти все свои орудия, так или иначе повреждённые осколками неприятельских снарядов (одно орудие было выведено из строя прямым попаданием).

Расположение артиллерии на огневых позициях предусматривалось «Наставлением» 1912 г. как линейное, так и уступное — в зависимости от местности, от хода боя и прочих условий боевой обстановки; допускалось на подходящей местности расположение и в две линии — для стрельбы тыловых эшелонов через передние.

Линейное расположение облегчает управление огнём и способствует свободе переносов огня, облегчает сообщение и связь между различными группами артиллерии, но до некоторой степени облегчает пристрелку и способствует действительности стрельбы неприятельской артиллерии.

Уступное расположение обеспечивает более полный обстрел впереди лежащей местности и позволяет лучше использовать имеющиеся закрытия для ОП и НП. При уступном расположении подступы к флангам одних эшелонов могут обстреливаться огнем других.

Офицерская артиллерийская школа подчеркивала огромные преимущества уступного расположения батарей на позиции, облегчающего сосредоточение огня: уступы справа для сосредоточения огня влево и, наоборот, уступы слева для сосредоточения огня вправо; средние батареи располагались уступом назад для сосредоточения огня в центр с обоих флангов.

При уступном расположении, во избежание стеснения переносов огня, между уступами (эшелонами) должны оставляться достаточные интервалы, — не меньше величины расстояния от одного уступа до другого.

Расположение в две линии применялось при недостатке места и при сосредоточении артиллерии на ОП в большом количестве.

При таком расположении, во избежание опасности от стрельбы через головы, тыловые эшелоны батарей должны находиться в достаточном удалении от передних (на ровной местности — около 600 *м*) и при условии стрельбы на расстояния, не меньшие некоторого предела (для 76-*мм* пушек примерно 2 *км*). Во вторую линию выгодно ставить гаубичные батареи.

Заблаговременно сокращать фронт занимающей ОП артиллерии приходилось иногда не только при недостатке места, но и в предвидении введения в бой новых артиллерийских групп.

Вновь вводимые в бой батареи предлагалось не располагать близко к ОП, занятым артиллерией, в особенности если она уже находилась под огнём противника. Безусловно воспрещалось ставить вновь выезжающие орудия в интервалы между орудиями, стоящими на ОП. Батареи же, вынужденные расположиться на ОП между батареями чужого дивизиона, поступали в подчинение его командиру.

Требовалось, чтобы командиры частей, находящихся в боевой линии, предупреждались по возможности заблаговременно о том, что в их боевые участки прибудут для занятия ОП новые батареи.

Согласно «Наставлению» 1912 г. дивизионы, как общее правило, должны были *«располагаться на позициях сосредоточенно, без умышленного разбрасывания батарей»* (§ 60). Допускалось разбросанное расположение батарей на ОП в небольших отрядах, при действиях отдельного дивизиона или на сильно пересечённой местности.

«Наставлением» предусматривалось, что в том случае, если обстоятельства заставляют значительно удалить какую-нибудь батарею от остальных, выгоднее заблаговременно предоставить её командиру «некоторую свободу, указав особый батарейный участок для действия или наблюдения, дав частную боевую задачу или предоставить известную самостоятельность в выборе целей».

Согласно «Наставлению», размещение батарей на ОП должно обеспечивать возможно лучший обстрел назначенного дивизиону участка. В случае невозможности дать каждой батарее полный обстрел, следовало добиваться, чтобы обстрелы батарей взаимно дополняли друг друга.

Офицерская артиллерийская школа, вопреки указаниям «Наставления», на своих практических занятиях мирного времени отдавала предпочтение рассредоточенному расположению батарей на позициях, имея в виду, что при таком расположении достигается возможность сосредоточения более сильного косоприцельного, если ещё не более сильного фланговой и перекрёстного огня, хотя вместе с тем и затрудняется управление артиллерией командиром дивизиона или другим старшим артиллерийским начальником. Школа, как об этом сказано выше, настойчиво проводила в жизнь мысль о необходимости проявления широкой инициативы артиллерийскими начальниками, до командиров батарей включительно, во всех случаях, когда это требуется боевой обстановкой, не ограничивая свободу действий командиров батарей случаями значительного удаления ОП той или иной батареи от остальных батарей дивизиона или артиллерийской группы.

Вместе с тем офицерская артиллерийская школа, отдавая предпочтение рассредоточенному расположению батарей на ОП, считала, что позиции батарей (76-*мм* полевых пушек) дивизиона могут быть удалены одна от другой не далее 1,5 *км*, так как при соблюдении этого условия получается взаимная огневая поддержка между средней и крайними батареями дивизиона.

Требованию взаимной огневой поддержки лучше всего удовлетворяют открытые ОП, так как они дают более широкий обстрел, чем позиции закрытые или полузакрытые.

Школа, желая, например, иметь взаимную огневую поддержку на фронте до 3 *км* для полевых батарей дивизиона, расположенных на закрытой ОП, требовала соблюдения следующих трёх условий: 1) удаление ОП от противника около 3 *км*; 2) обстрел с каждой ОП в горизонтальной плоскости 45° в каждую сторону от среднего направления; 3) расстояние между ОП батарей не более 1.5 *км*.

При соблюдении этих требований каждая батарея могла обстреливать фронт неприятельского расположения длиной до 6 *км* (т. е. по 3 *км* в каждую сторону от среднего направления), причём средняя и крайние батареи будут находиться во взаимной огневой связи и по целям, которые не могут быть уничтожены одним фронтальным огнём, можно сосредоточивать огонь всех

трёх батарей дивизиона. К указанным нормам желательно стремиться, но так как на войне не может быть ничего абсолютного, то артиллерия далеко не всегда будет занимать ОП в 3 *км* от противника; возможно, что позиции, занятые артиллерией в начале боя, окажутся удалёнными от противника более 3 *км*, а тогда взаимная огневая поддержка будет осуществима на фронте меньше 3 *км*.

Удаление ОП от противника влияет на взаимную огневую поддержку и на действительность стрельбы артиллерии.

Артиллерия должна стремиться занять ОП возможно ближе к противнику, чтобы получить решительные результаты в кратчайшее время при наименьшем расходе боеприпасов; это выгодно и в отношении наибольшей действительности шрапнельного огня, получения более глубокого обстрела расположения противника, лёгкости наблюдения и удобства связи с пехотой.

По опытам, произведённым русской артиллерией в довоенное время, установлена была следующая зависимость действительности шрапнельного огня 76-*мм* полевой пушки от дальности стрельбы: если поражение на 1 *км* принять за единицу, то при том же числе выпущенных шрапнелей и при одинаковых прочих условиях по мере увеличения дальности поражение убывает: на 2 *км* — до 80%, на 3 *км* — до 60%, на 4 *км* — до 40%, т. е. для получения на 4 *км* того же поражения, как и на 1 *км*, надо израсходовать почти вдвое больше шрапнелей.

Но стрельба на ближние расстояния в боевой обстановке ведётся более нервно, дистанционные трубки ставятся менее аккуратно, наводка менее точна, а потому в бою разница в действительности огня по мере увеличения дальности получается не такая большая. Боевой опыт показал, что шрапнель 76-*мм* полевой пушки наносит сильное поражение на всех дальностях от самых малых до 5 *км* включительно (в период мировой войны предельной дальностью для стрельбы шрапнелью 76-*мм* полевой пушки было 2 600 саж.).

В каждом частном случае близость занятия ОП зависит от силы сопротивления противника, наличия неприятельской артиллерии, местности и прочих условий обстановки.

В общем необходимо иметь в виду при занятии ОП, что: а) при расположении ближе 2 *км* артиллерия будет сильно и нередко напрасно страдать от неприятельского ружейного и пулемётного огня; б) взаимная огневая поддержка на широком фронте требует удаления ОП от противника около 3—3,5 *км*, так как при этом условии получается достаточная глубина шрапнельного обстрела неприятельского расположения и соседние батареи могут сосредоточивать огонь по целям, с которыми отдельные батареи не в состоянии справиться; в) артиллерийский огонь действителен на все дальности, допускаемые системой орудий, но при условии обеспечения надлежащего наблюдения за разрывами и падением своих снарядов.

В начале мировой войны в период маневренной борьбы на русском фронте общевойсковые начальники часто распределяли артиллерию для действия побатарейно, и при этом само собой получалось довольно разбросанное расположение батарей на огневых позициях.

Когда же осенью 1914 г. русская артиллерия стала распределяться для действия по большей части подивизионно, то многие командиры артиллерийских дивизионов для удобства управления придерживались формально «Наставления» и располагали свои батареи не только сосредоточенно, но нередко и в одну линию. Между тем линейное и сосредоточенное расположение артиллерии на позициях приводило к большим потерям от огня неприятельской артиллерии, а также крайне затрудняло ведение продольного (фланговой) и перекрёстного огня.

Позиционные условия войны подчеркнули необходимость эшелонирования боевого порядка артиллерии и по фронту и в глубину, чем достигалось уменьшение её потерь от неприятельского артиллерийского огня, обеспечивалась возможность фланкирования и значительно парализовались непредвиденные случайности боя.

Чрезмерная растянутость русского фронта, недостаточное количество артиллерии, требования фланкирования и ведения огня по соседним «отсекам», необходимость поддержки своих контратак и воспрепятствования распространению противника, ворвавшегося внутрь укреплённой полосы, — всё это потребовало значительного уширения сектора обстрела — от 90 до 120° и даже более. Так например, в 1915 г. и в начале 1916 г. на позиции у Носовице 6-я батарея 3-й артиллерийской бригады имела фронт обороны (правда, на пассивном участке), с поддержкой до половины соседних участков, протяжением около 10 *км*, а в середине 1916 г. длина огневого фронта 1-й батареи той же бригады южнее г. Броды достигала 9 *км*.

«Наставлением для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г. (ч. II, § 54—60) подчёркивалась желательность расположения артиллерии на позиции в несколько линий, так как «при расположении в одну линию контратака противника может заставить одновременно снять все батареи и лишить пехоту поддержки огнём артиллерии».

Тем же «Наставлением» указывалось, что расположение артиллерии в боевом порядке не должно ограничиваться районом расположения той пехоты, которую артиллерия должна поддерживать.

Батареи (дивизионы) рекомендовалось располагать в том районе, откуда они могли надёжнее решить поставленную им задачу, учитывая при этом возможность желательного использования фланговой (продольного) и косоприцельного огня, а также и то, что при фронтальном огне сокращается участок обстрела.

Фланговый огонь, ввиду его большой действительности (одно орудие, стреляющее вдоль окопа, сильнее, чем три-четыре ору-

дия, действующие фронтально), считался «основой обороны» в позиционных условиях для прострела подступов к позициям обороняющегося. Для получения флангового огня (или хотя бы возможно более косого) батареи обороны разрешалось устанавливать в районах расположения соседних полков, дивизий, корпусов или даже армий, если свойства местности и неприятельские позиции этого требовали. На боевой практике эти ценные указания, к сожалению, исполнялись очень редко, так как начальники пехотных участков стремились иметь «свою» артиллерию непременно на своём участке.

Удаление огневых позиций батарей от передних линий расположения неприятеля зависит от задачи и обстановки. Вообще считалось, что лучше поставить батарею хотя бы немного дальше, но на хорошо закрытую позицию.

В «Наставлении» 1912 г. (§ 133) имелись общие указания о том, что при наступлении первые позиции артиллерии следует выбирать «настолько близко к противнику, насколько это допускается обстановкой», но при этом иметь в виду, что удаление первых позиций «не может быть очень мало», так как артиллерия должна поддержать свою пехоту с самого начала её развёртывания. Кроме того, рекомендовалось располагать артиллерию на таком удалении от первой (главной) линии противника, чтобы оставался некоторый запас досягаемости, необходимый для обстрела тыловой полосы противника приблизительно 1—2 *км* глубиной, и чтобы возможно было переносить огонь достаточно широко по фронту противника.

В общем же применение закрытых позиций удалило артиллерию от своей пехоты не менее как на 2 *км*. Такое удаление вызывало ещё в период маневренной войны недовольство некоторых пехотных и общевойсковых начальников, обвинявших иногда артиллерию в боязни потерь и даже в трусости.

Обвинения эти, по большей части совершенно необоснованные, были результатом незнания боевых свойств артиллерии. Не из боязни потерь, а именно из свойств артиллерии вытекают следующие заключения, зафиксированные, между прочим, в «Наставлении для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г. (ч. II, § 60): а) при дальности менее 2 *км* найти закрытые позиции для лёгких батарей крайне трудно ввиду отлогости траектории 76-*мм* полевых пушек; при этом лёгкие батареи обычно уже не смогут обстреливать первую, ближайшую к ним линию противника из опасения нанести поражение своей пехоте; б) при подготовке прорыва укреплённой полосы противника уменьшение удаления батарей до первой линии неприятеля менее 2 *км*, не увеличивая чувствительно силы поражения, вводит батареи в сферу ружейного огня, чем затрудняется выполнение поставленной задачи; в) при подготовке прорыва «разумное приближение батарей к противнику» увеличивает запас дальности для поражения тыла неприятеля и сокращает связь с передовыми наблюдательными пунктами; г) при фронтальном огне надо ставить батареи вообще

ближе, при фланговом огне можно становиться дальше; д) иногда, в особенности в горах, гаубицы (и мортиры), имеющие более крутую траекторию, найдут позицию ближе к неприятелю, нежели лёгкие и тяжёлые пушки; последние придётся иногда ставить значительно дальше и выше гаубиц.

«Наставлением» 1917 г. указывалось, что при наличии закрытых позиций наиболее желательным удалением батарей от ближайших линий противника будет: а) около 2—3 *км* для батарей 76-*мм* лёгких и горных пушек, 107-*мм* пушек, 127-*мм* английских пушек, 114-*мм* и 122-*мм* гаубиц; б) около 2—4 *км* для батарей 152-*мм* и 203-*мм* пушек и гаубиц; в) для батарей, вооружённых орудиями калибром более 203-*мм*, — в соответствии с задачей, но при обязательном условии полного укрытия орудий.

Опыт обороны в период позиционной борьбы показал, что батареи, сильно выдвинутые вперёд и действующие фронтальным огнём, могут отбивать атаки очень недолго, так как противник в скором времени оказывается в их мертвом пространстве. Кроме того, угроза захвата неприятелем заставляла снимать батареи и уводить в тыл иногда преждевременно. «Наставлением» 1917 г. (ч. III, § 102) признавалось, что в обороне при фронтальном огне выдвигать батареи особенно сильно вперед не следует и что удаление артиллерии от первой линии неприятельских окопов вместе с тем не должно превосходить: а) для батарей лёгкой полевой, горной и гаубичной артиллерии — 3 *км*; б) для батарей тяжёлой полевой артиллерии — 4 *км*.

Русская артиллерия после войны с Японией, особенно с 1908 г., широко практиковалась в применении закрытых огневых позиций и во время мировой войны показала себя в этом отношении чрезвычайно высоко подготовленной — несравненно выше своих врагов и союзников.

При большом удалении командирского наблюдательного пункта от огневой позиции, что нередко бывает необходимо для обеспечения хорошего кругозора, затрудняется управление огнём, а потому австро-германцы и в особенности французы предпочитали занимать открытые или полузакрытые позиции, допускающие более близкое расположение командира батареи к своим орудиям. По свидетельству известного французского артиллериста Гаскуэна (Гаскуэн, Эволюция артиллерии во время мировой войны, ГИЗ, 1921 г., стр. 28), он сам не без удивления наблюдал за стрельбой артиллерийских групп, укрытых от руководителя стрельбы и значительно удаленных от него. В возможности управлять огнём с удаленного от батареи наблюдательного пункта французы убедились только накануне войны, весной 1914 г., а применению закрытых позиций они учились по необходимости, главным образом во время войны.

Австро-германская артиллерия, жестоко наказанная в начале войны русской артиллерией за открытые и полузакрытые позиции, вынуждена была переучиваться также во время войны.

Русская артиллерия, располагаясь на закрытых позициях, нередко уничтожала своим огнём батареи австро-германцев, занимавшие в начале мировой войны маскированные (полузакрытые) и даже открытые огневые позиции; при этом искусно укрытые русские батареи в большинстве случаев не подвергались поражению.

Особенно губительным для неприятельской артиллерии являлся фланговый или близкий к нему косоприцельный огонь русских батарей. Подтверждает это следующий весьма показательный пример.

Левый фланг 4-й русской армии вел атаку против германцев, упорно оборонявших позицию на фронте Драгны, Тарнавка, ф. Домбрувка, высота 133,0 (рис. 7). К утру 26 августа 1914 г. части гренадерского корпуса заняли высоты, а также опушки лесов западнее Гелчев, Долы, Слупечно, Мацеев.

Русская артиллерия располагалась на позициях в районе Гелчев, Долы, Мацеев, имея на правом фланге у гелчевского оврага 122-*мм* гаубичную батарею гренадерского мортирного дивизиона. Наблюдательный пункт командира этой батареи находился в ½ *км* к югу от батареи на высоте с кустарником (на рис. 7 показан крестиком). Русские батареи занимали закрытые позиции.

Неприятельская артиллерия стояла восточнее Тарнавка в двух линиях: в первой три лёгкие батареи на полузакрытой позиции, во второй линии три гаубичные батареи на позиции, закрытой с востока и полузакрытой с северо-востока.

Первоначальной задачей гренадерской гаубичной батареи был обстрел леса к востоку от ф. Домбрувка. Затем батарее было приказано уничтожить неприятельскую артиллерию у Тарнавка, в отношении которой гаубичная батарея занимала расположение, близкое к фланговому.

Артиллерия противника не была видна с наблюдательного пункта командира гаубичной гренадерской батареи, но была обнаружена передовым артиллерийским наблюдателем (офицером), высланным от легких батарей 2-й гренадерской артиллерийской бригады к ф. Юзефин. Выслать туда же своего наблюдателя командир гаубичной батареи не мог за недостатком средств связи; поэтому он связался с передовым наблюдателем от лёгких батарей, находившимся почти в 3 *км* от него, через два пехотных полка и, пользуясь им как боковым и передовым наблюдателем, открыл огонь. Пристрелка дала две вилки: 154—156 и 170—172, что несколько смутило командира батареи, который долго не мог понять, что ему приходится обстреливать не одну, а две линии неприятельских батарей. При этом фронт цели оказался почти в четыре раза шире фронта гаубичной батареи.

К 17—18 час., когда стало вечереть и германские батареи беглым огнём стали отбивать атаку гренадерских полков, захвативших деревни Высоке и Драгны, командир гаубичной батареи ясно увидел блеск выстрелов неприятельской артиллерии и понял, что ему приходится обстреливать вкось две линии батарей против-

ника, расположенных на широком фронте почти в затылок друг другу, и что поэтому необходимо вычислять не только два прицела, но отдельно прицел для каждой своей гаубицы (в батарее было 6 гаубиц).

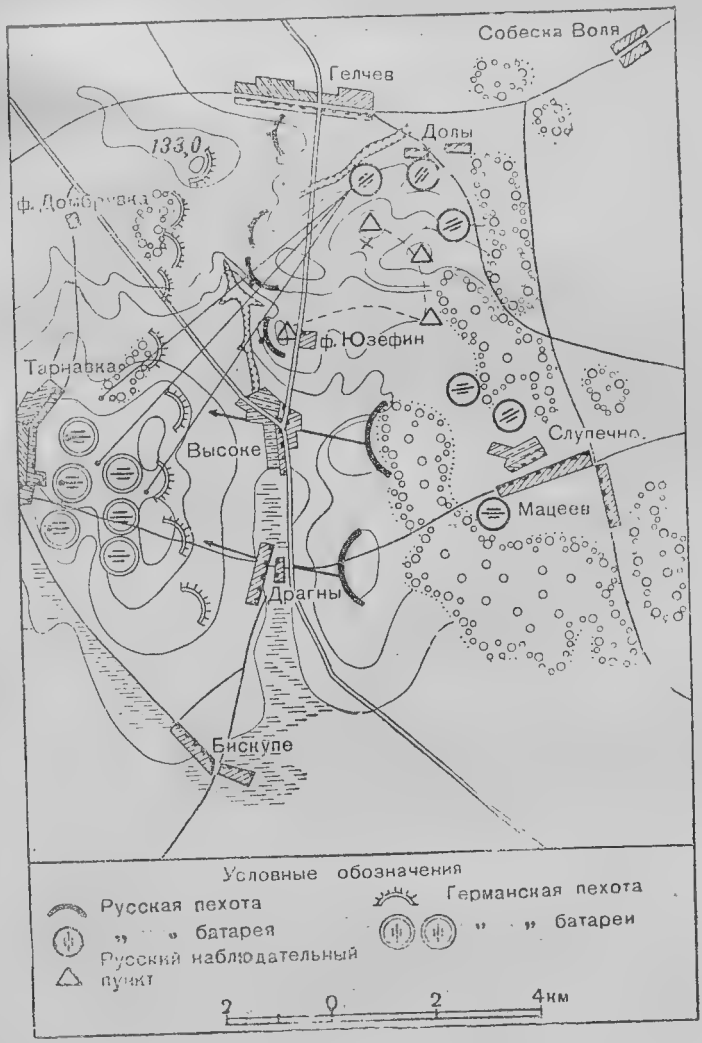


Рис. 7. Бой у деревни Тарнавка 26 августа 1914 г.

Приблизительно через час после перехода гаубичной батареи на поражение огонь батарей противника, обстреливавшихся до того времени без существенного результата другими русскими

полевыми пушечными батареями, стал затихать, а затем вовсе не стало видно ни вспышек выстрелов, ни разрывов шрапнели над атакующей русской пехотой. Прекратила огонь и гаубичная батарея, во избежание поражения своей пехоты, которая взяла позицию германцев и захватила у них 34 орудия.

Командир гренадерского корпуса приказал вызвать на фронт бывших германских батарей всех чинов гаубичной батареи, перед которыми предстала картина полного уничтожения: на месте осталось 34 орудия, из которых 3 орудия подбиты; одна гаубица взрывом гранаты переброшена через свой зарядный ящик и валяется в 12 шагах от него; 9 зарядных ящиков взорваны или разбиты; почти все люди орудийного расчёта перебиты и лежат возле орудий; около орудий валяется несколько передков с перебитыми лошадьми (очевидно, батарея пыталась уйти).

Несмотря на весьма трудные условия пристрелки и стрельбы на поражение (большое удаление бокового наблюдателя, косое направление выстрелов, изменение фронта батареи, построенного первоначально на запад для стрельбы по высоте 133,0 и лесу у ф. Домбрувка), русская гаубичная батарея, выпустив около 200 гранат, прекратила огонь шести батарей 22-го германского ландверного артиллерийского полка, который на некоторое время вовсе вышел из строя.

В гаубичной русской батарее потерь не было.

На маскированных (полузакрытых) огневых позициях батареи обнаруживали себя блеском выстрелов с открытием огня и тогда подвергались обстрелу неприятельской артиллерии. Располагаясь на закрытых позициях, русские батареи в первое время войны, пока авиация ещё не получила широкого применения, не принимали никаких мер к маскировке и закрытию орудий от наблюдений с воздуха. Поэтому в начале войны, хотя и редко, но были случаи обнаружения самолётами батарей, стоящих на закрытых позициях. Приведем примеры.

Во время арьергардных боёв русского 9-го корпуса в районе Холма при отходе из Галиции в июне 1915 г. один из дивизионов 42-й артиллерийской бригады занял полузакрытую позицию за песчаными буграми. Наблюдательные пункты всё же были удалены от батарей приблизительно на километр. В начале боя у противника не было артиллерии, и все атаки баварской пехоты были отбиты. Но как только открыли огонь неприятельские батареи, русские орудия были засыпаны снарядами и телефонные провода часто перебивались, вследствие чего затруднялось управление огнём. Замечено было накапливание баварцев для атаки, но русские батареи поражать их не могли, так как накапливание происходило в мёртвом пространстве. Чтобы поражать противника, необходимо было выкатить орудия на гребень закрытия, но этого сделать не удалось вследствие тяжёлого песчаного грунта и малого числа людей, оставшихся в расчёте при орудиях. Пришлось откатить орудия назад, взяв их в передки, чтобы уменьшить мертвое (необстреливаемое) пространство и тем получить возможность

поражать атакующих баварцев. Но когда были поданы передки, русская пехота под натиском противника уже отхлынула назад, и орудия удалось увезти лишь со значительной потерей людей и конского состава.

Этот пример указывает, между прочим, на необходимость принятия мер к уменьшению или к обстрелу мёртвых пространств, образующихся перед фронтом закрытых и маскированных огневых позиций артиллерии.

В сражении под Гумбиненом (в Восточной Пруссии) 19—20 августа 1914 г. (см. ниже, часть 7) авангард 28-й пехотной русской дивизии завязал бой с немцами на фронте Бракупенен, Ванагупхен. На авангардную 4-ю батарею 28-й артиллерийской бригады обрушилась своим огнём германская тяжёлая артиллерия. Подоспевшие на выручку авангарда 5-я и 6-я батареи той же артиллерийской бригады заняли по указанию командира дивизиона закрытую огневую позицию в 1,5 *км* к северо-востоку от Бракупенен. Германские батареи тщетно пытались пристреляться по невидимым для них русским батареям, которые своим огнем весь день 19 августа поддерживали действия своей пехоты, заставив временно замолчать сначала ближайшую немецкую батарею, лишённую возможности уйти с занятой ею позиции, так как пытавшиеся к ней подойти орудийные передки были разбиты огнём русской артиллерии, затем другую лёгкую батарею и, наконец, тяжёлую германскую батарею.

На следующий день, 20 августа, на 28-ю пехотную дивизию направлен был удар целого германского корпуса, усиленного частями кёнигсбергского гарнизона. Русская пехота, потеряв под ужасающим огнем противника почти всех офицеров и бо́льшую часть личного состава, стала отходить за свою артиллерию, которая своим огнём прикрывала отход и наносила чрезвычайно сильное поражение неприятельской пехоте, буквально усеявшей поле боя массой своих трупов. Но неожиданно над русскими батареями пролетел германский самолет, обнаружив их расположение на закрытой позиции. Почти в то же время германская артиллерия стала обстреливать губительным огнём русские батареи, до того времени не подвергавшиеся огню неприятельской артиллерии. Немецкая пехота, прикрываясь огнём своей артиллерии, стала надвигаться на русские батареи, обходя одну из них справа, в тылу которой вскоре затрещал пулемёт. Батарея эта погибла. Остальные 5-я и 6-я батареи 28-й артиллерийской бригады отбивали атаки наседающих немцев и отошли с своих позиций, выпустив последние патроны. Немцы, понесшие огромные потери от артиллерийского огня, прекратили наступление.

Русские батареи выполнили свой боевой долг: они поддерживали и выручали пехоту, они жертвовали собою ради её спасения. Пример боевых действий батарей 28-й артиллерийской бригады, прикрывших отход пехоты своей дивизии в крайне тяжёлых условиях и остановивших своим огнём наступление немцев, указывает вместе с тем на безусловную необходимость тщательной ма-

скировки огневых позиций артиллерии, не исключая закрытых позиций, от наблюдения противника — и не только наземного, но и от наблюдения с воздуха.

Маневрирование артиллерии[1]

Наиболее целесообразное использование артиллерии в бою основывается не только на искусном управлении её огнём с целью наивыгоднейшего распределения его по целям, но и на ее способности к маневру.

В полевом наступательном бою артиллерия должна оказывать своевременную огневую поддержку своей пехоте, а потому её маневр имеет первенствующее значение. При заблаговременной подготовке к обороне и в условиях позиционной борьбы, когда подготовительный период для выбора и занятия НП и ОП продолжителен, наилучшее боевое использование артиллерии нельзя основывать на быстроте маневрирования.

На основании опыта действий артиллерии в маневренных сражениях русско-японской войны офицерская артиллерийская школа разработала указания по тактике и стрельбе артиллерии, которые применялись в артиллерии на практических стрельбах в мирное время на учебных артиллерийских полигонах. Указания эти признавались в общем правильными и не расходились с основными положениями изданных позднее — в 1911 г. «Наставления для действия полевой артиллерии в бою» и в 1912 г. «Устава полевой службы».

Согласно указаниям офицерской артиллерийской школы наилучшее использование в бою полевой артиллерии основывается: во-первых, на маневрировании, под которым надо разуметь такую предварительную подготовку артиллерии к боевым действиям, которая даёт ей возможность скрытно и быстро занимать наиболее выгодные огневые позиции (закрытые и маскированные, фланговые и вообще охватывающие); во-вторых, на управлении огнём, имеющим в виду наивыгоднейшее распределение огня по целям.

Маневрирование и управление огнём имеет различное значение и носит различный характер в зависимости от рода боевых столкновений — в полевом бою, в позиционной борьбе, при обороне и осаде крепости.

Подготовительный период для занятия и оборудования позиций и для подготовки данных для стрельбы артиллерии в позиционной борьбе, в крепостной и осадной войне может занимать продолжительный срок. В крепостной артиллерии он измеряется годами.

Ввиду большого подготовительного периода наилучшее использование артиллерии в позиционной и крепостной войне основы-

[1] «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г. «Общие указания для борьбы за укреплённые полосы», 1916 г. «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», 1916 и 1917 гг. «Пособие по стрельбе полевой артиллерии», 1911 г., стр. 129—134, 170—180.

вается не на быстроте маневрирования, а на заблаговременном тщательном выборе и оборудовании позиций, на хорошо организованной и налаженной связи и на детально разработанном и подготовленном управлении огнём. В этих условиях хорошо налаженная связь и подготовленные планы стрельбы дают возможность единолично руководить огнём большого числа батарей, личная инициатива командиров батарей имеет меньшее значение, чем в полевом бою.

В полевом наступательном бою, в особенности встречного характера, артиллерия должна оказывать своевременную огневую поддержку своей пехоте. Наступление пехоты может быть обеспечено только в том случае, если полевая артиллерия будет способна к своевременной поддержке пехоты, т. е. к быстрому маневрированию и к немедленному открытию огня. В этих условиях единоличное управление огнём большого числа батарей невыполнимо. Личная инициатива командира батарей и других артиллерийских начальников, особенно в начале боя, — необходимое условие, обеспечивающее своевременную поддержку пехоты и успех боя. Ждать разрешения на открытие огня по быстро проходящим целям, в особенности во встречном бою, равносильно оказанию помощи не своим войскам, а неприятелю.

Открытие огня батареями не может задерживаться неготовностью или отсутствием телефонной связи с командиром дивизиона. Подготовка дивизиона к действию может потребовать до двух часов времени, если считать, что дивизион может открыть огонь только тогда, когда все батареи будут связаны телефоном между собой и с командиром дивизиона. Во встречном и наступательном бою такая затяжка в открытии огня не может быть допущена. В условиях маневренного полевого боя нельзя также требовать, чтобы командир дивизиона с самого начала вступления в бой имел возможность в любой момент сосредоточить огонь всех батарей в любом участке неприятельского расположения. Подобная подготовка огня может выполняться только в условиях позиционной или осадной и крепостной борьбы, как она могла выполняться во время русско-японской войны в Манчжурии в позиционный период, когда батареи месяцами стояли на одних позициях и пристреливались по лежащим впереди селениям и местным предметам. Такое долгое стояние на одних позициях давало возможность составлять таблицы, пользуясь которыми сосредоточивался огонь по пристрелянным пунктам одновременно до шести батарей.

Японцы хорошо знали расположение русских батарей, знали пункты, по которым они могли сосредоточивать огонь. Перед наступлением японцы занимали исходные рубежи на местах, не пристрелянных русскими, их пехота продвигалась и окапывалась в новых местах, сводя, таким образом, всю пристрелку русских батарей к нулю.

Офицерская артиллерийская школа считала, что в полевом маневренном бою командир артиллерийского дивизиона обязан

руководить маневрированием своих батарей при занятии и перемене позиций и управлять их огнём, т. е. *распределять огонь батарей своего дивизиона по целям.* При этом предлагалось иметь в виду, что *целеуказание*, исходящее от командира дивизиона, не может служить основой управления огнём. Для надлежащего управления огнём по целеуказаниям необходимо, чтобы командир дивизиона со своего наблюдательного пункта видел всё, что видят командиры батарей его дивизиона, чтобы телефонная связь не нарушалась, чтобы базы от него до батарей и расстояния до целей были измерены и чтобы сам командир дивизиона был неуязвим. Ясно, что далеко не всё из указанного выполнимо, в особенности в начале встречного боя. Офицерская артиллерийская школа считала, что командир батареи — не только техник стрельбы; который стреляет исключительно по целям, указанным командиром дивизиона. В бою всегда будут цели, которые не видны командиру дивизиона, а могут быть видны командирам батарей; в любой момент может быть разорван телефонный провод; командир дивизиона может быть выведен из строя. Несмотря на всё это, каждый командир батареи должен продолжать безостановочный огонь и должен быть готов заменить командира дивизиона. В случае разрыва связи с командиром дивизиона или выбытия его из строя командиры батарей должны вести огонь по собственной инициативе. Но чтобы при самостоятельном действии батарей огонь не носил бы характер беспорядочной стрельбы, командиры батарей должны понимать тактическую обстановку, знать свойства всех родов войск, понимать значение и выгоды сосредоточенного, флангового и косоприцельного огня.

Школа установила, что при выборе целей и распределения по ним огня батарей командир дивизиона и командиры батарей в тех случаях, когда им приходится действовать по собственной инициативе, должны придерживаться следующих положений:

1. Артиллерия должна вести огонь по неприятельским целям, наиболее сильно вредящим или наиболее мешающим движению и действиям своей пехоты и других войск.

2. Наиболее уязвимые и быстро проходящие цели должны обстреливаться раньше мало уязвимых и неподвижных; поэтому выезжающая на позицию или замеченная в движении артиллерия противника, пехота, вышедшая на открытую местность, — обстреливаются раньше неприятельской артиллерии, стоящей на закрытой позиции, или пехоты, укрывшейся в складках местности; неподвижные ближние цели обстреливаются раньше дальних; неокопавшиеся неприятельские части — раньше окопавшихся.

3. По открытым целям, быстро и легко уничтожаемым огнём отдельных батарей без применения сосредоточенного огня, батареи могут открывать огонь, не ожидая особых указаний. Но если подобная цель уже обстреливается нашим артиллерийским огнём и фронт ее не так широк, то на неё не должны переносить огонь другие батареи, в особенности ведущие огонь по заданным им целям.

4. В современных боях войска стремятся к самому широкому использованию местных и искусственных закрытий. Поэтому необходимо, чтобы между батареями была взаимная огневая связь, т. е. чтобы батареи могли стрелять не только по целям, находящимся перед ними, но и по целям, расположенным в стороне, чтобы косым огнём поражать прикрытие цели, не поражаемые прямым (фронтальным) огнём соседних батарей.

5. Доносить непосредственному начальнику о принятом решении стрельбы по личному почину.

Офицерская артиллерийская школа полагала, что в наступательном и особенно во встречном бою командиру дивизиона часто придётся предоставлять командирам батарей право открытия огня до установления телефонной связи. При обороне, когда связь установлена заранее и когда желательно возможно дольше не обнаружить своего расположения, открытие огня будет производиться с разрешения командиров дивизионов и нередко даже высших начальников.

Подход к полю сражения артиллерии совершался в походном порядке в составе частей пехоты и других родов войск по правилам «Устава полевой службы» 1912 г.

Во время движения начальник артиллерии каждой части походной колонны (авангарда, главных сил) находился при соответствующем общевойсковом начальнике. Командиры дивизионов следовали в голове своих колонн, имея при себе состоящих при них чинов, командиров батарей и высланных в распоряжение командиров дивизионов от каждой батареи одного офицера и большей части разведчиков, лишь крайне необходимое число которых разрешалось оставлять в распоряжении батарейных командиров.

Батареи следовали на походе под командой старших офицеров. Из них старший вёл на походе дивизион, но в случае движения в особо трудных или опасных условиях командир дивизиона мог оставить в качестве своего заместителя непосредственно при батареях дивизиона одного из командиров батарей, вместо которого вызывался в таком случае к командиру дивизиона старший офицер батареи.

Безопасность артиллерии на походе обеспечивалась общевойсковым походным охранением и прикрытием, назначаемым к артиллерии от других родов войск. В случаях необходимости артиллерийские части, сверх того, высылали отдельных конных наблюдателей для освещения местности по сторонам пути следования.

Беспрепятственность походного движения артиллерии обеспечивалась непрерывным осмотром пути особым разъездом пути, высылаемым от артиллерии к головной части походного охранения (в авангарде — к головной походной заставе). Разъезд этот обязан был предупредить о всех препятствиях или затруднениях для движения артиллерии и изыскивать способы их обхода или преодоления (см. выше).

Иногда, при движении в значительном удалении от противника, производилась заблаговременная разведка пути офицерскими разъездами, высылаемыми от артиллерии с места отдыха с разрешения общевойскового командования. Заблаговременная разведка производилась с целью исследования пути предстоящего движения во всех отношениях, касающихся артиллерии.

Нормальной формой строя для движения артиллерии была орудийная колонна, допускающая прохождение узких мест пути. Но при благоприятных условиях глубину походной колонны рекомендовалось сокращать.

Во избежание обнаружения артиллерии при движении вблизи от противника предлагалось продвигать батареи «скачками», т. е. небольшими частями ускоренными аллюрами от одного закрытия до другого.

При непродолжительных остановках артиллерия оставалась на дороге, в походной форме строя. При остановках на больших привалах, на сборных пунктах и т. п. расположение артиллерии обусловливается свойствами и размерами местности. Во всех случаях, в особенности при остановках на более или менее продолжительное время, приходилось маскировать расположение артиллерии теми или иными подручными средствами, прикрываться постройками, располагаясь в сараях, во дворах, под деревьями и т. п. Это оказалось безусловно необходимым, чтобы укрываться от наблюдения с самолётов. В период мировой войны походные движения стали совершать всё чаще и чаще ночью, чтобы под покровом темноты не быть обнаруженным с неприятельских самолётов.

Выбор и занятие наблюдательных пунктов и огневых позиций. Неизменных правил и способов, которыми должна руководствоваться артиллерия при выборе и занятии НП и ОП, дать шаблона для действий батарей в этом отношении — нельзя, так как эти действия крайне изменчивы и разнообразны в зависимости от местности, тактической обстановки и времени, имеющегося в распоряжении артиллерии до открытия ею огня; установление определённых неизменных правил было бы даже вредным, так как связало бы проявление инициативы артиллерийских начальников и командиров, необходимое во всех случаях.

На войне почти никогда нельзя определить, сколько будет дано времени для подготовки артиллерии к началу её боевых действий; она должна всегда стремиться быть готовой возможно скорее и для достижения скорейшей готовности к бою ей следует во всех случаях исполнять сначала наиболее важное, а потом второстепенное. Ввиду этого способ действия артиллерии, необходимый во всяком встречном маневренном бою и основанный на быстроте и решительности, применим в сущности во всех видах боевых столкновений, не исключая и обороны в маневренных условиях, тем более, что и при обороне, когда противник наседает, приходится занимать позицию очень быстро и открывать

огонь без промедления. Только при заблаговременном выборе оборонительных позиций и в условиях позиционной борьбы характер подготовительных работ артиллерии ко вступлению в бой будет другой, так как в этих случаях подготовительный период может длиться несколько дней и даже иногда несколько месяцев.

Район выбора НП и ОП указывается общевойсковым начальником, ставящим артиллерии боевую задачу. В этом районе артиллерия должна так расположиться, чтобы выполнить поставленную боевую задачу, используя наилучшим образом свойства местности.

Сравнительно малочисленная артиллерия, но расположенная на вполне закрытых ОП, может, вследствие её неуязвимости, нанести противнику более сильное поражение, чем много артиллерии, расположенной открыто. Артиллерия на полузакрытых позициях будет сильнее расположенной на открытых, так как по ней неприятелю будет труднее пристреливаться. Артиллерия, расположенная на открытых ОП, будет наиболее уязвима.

Полевая артиллерия должна занимать в бою все типы ОП, так как практика войн русско-японской и мировой 1914—1918 гг. показала, что, несмотря на всю желательность закрытых и полузакрытых ОП, открытые ОП, в целях успешного решения боевых задач, артиллерией занимались и будут заниматься.

Горным батареям, вооружённым орудиями с более крутой траекторией, занимать закрытые позиции легче, чем полевым батареям, вооружённым орудиями, обладающими большой настильностью траектории.

Гаубицы могут занимать почти исключительно закрытые ОП, если местность это допускает, так как большая крутизна траектории позволяет гаубицам решать почти все боевые задачи с закрытых позиций.

Что же касается штурмовых и противоштурмовых пушек и миномётов, полученных на вооружение русской армии в ограниченном количестве к концу мировой войны, и орудий полковых, батальонных, отдельных дивизионных и противотанковых, которых русская армия не имела в период мировой войны, то всем этим орудиям необходимо действовать почти исключительно с открытых позиций, уничтожая своим огнём прямой наводкой огневые средства и танки противника.

Офицерская артиллерийская школа при подготовке командного состава старой русской артиллерии подчёркивала, что наивыгоднейшие условия действия в бою заключаются в том, чтобы, нанося противнику наибольшие потери, самому нести наименьшие, но тем не менее *артиллерия, которая будет занимать только закрытые позиции в целях самосохранения, не сообразуясь при этом с необходимостью вести уничтожающий огонь по противнику, не выполнит своего назначения, как и пехота, которая вместо движения вперёд будет в бою только окапываться.*

Выбор НП и ОП не представляет затруднений в том случае, если батарея действует отдельно и ей предоставлен широкий уча-

сток, так как командиру батареи приходится согласовать только взаимное положение ОП и своего НП. Но почти всегда батарея действует в составе дивизиона, и тогда её командиру приходится согласовать положение выбираемой ОП и НП с положением ОП и НП соседних батарей, чтобы они не стесняли друг другу обстрел. С этой целью при уступном расположении интервалы между ОП должны быть не меньше того, насколько одна позиция выдвинута вперёд или назад относительно другой, а при стрельбе через голову необходимо заднюю ОП отнести назад не менее как на 600 *м*.

Выбор ОП затрудняется, если командиры батарей начинают искать их одновременно, так как до выезда соседних батарей не видно, где их ОП, а потому нельзя быть уверенным, что выбранная позиция не стеснит обстрел соседней батареи, и обратно.

Командир дивизиона, пользуясь данными, добытыми разведчиками, регулирует выбор батарейных ОП и обязан произвести его возможно быстрее. В наступательном маневренном бою командиру дивизиона в большинстве случаев не будет времени лично выбрать и точно указать места ОП и НП для всех батарей, так как он должен возможно меньше отвлекаться от наблюдения за боем. Командиру дивизиона проще всего будет указать точно места НП и ОП лишь для одной средней батареи (батарея равнения) и предоставить командирам крайних двух своих батарей выбирать ОП и НП самостоятельно, сообразуясь с положением средней батареи. Возможно, однако, в особенности при узком районе, назначенном для расположения дивизиона, что командиру дивизиона придётся указать места двух батарей. При широком же участке, назначенном для дивизиона, командир его может прямо указать командирам батарей по карте районы выбора ими батарейных ОП и НП.

Офицерская артиллерийская школа при подготовке начальствующего состава артиллерии обращала особое внимание на то, что при выборе НП и ОП никогда и ни под каким видом не следует ограничивать районы наблюдения батарей. Наоборот, наблюдать необходимо всегда за всей впереди лежащей местностью. Складки местности, растительность, постройки и т. п., укрывающие противника перед фронтом одной батареи, могут не укрывать от батареи, находящейся несколько в стороне. Ограничение района наблюдения равносильно закрыванию глаз и являлось вредным результатом полигонных практик старой артиллерии, когда каждой батарее размерами полигонов допускалась стрельба в узком секторе только по определённой директриссе.

Ограничивать районы огневого действия батарей возможно только, когда обстановка выяснена, т. е. в большинстве случаев батареям, действующим в условиях маневренной борьбы, можно ставить узкие специальные задачи в конце боя (держать под огнём определённый участок расположения противника, ту или иную его батарею, огневые средства и пр.). В начале же боя, особенно встречного, когда обстановка ещё мало выяснена,

подобные узкие задачи возможны лишь как исключение, чтобы не стеснять инициативу не только старших артиллерийских начальников, но и командиров батарей.

В старой русской артиллерии окончательный выбор НП и ОП производился в общем следующим порядком.

Командир батареи, получив указания от командира дивизиона, отправлялся в назначенный ему район, и если командиром дивизиона НП указан не был, то, оценивая местность, прежде всего выбирал и занимал НП. По большей части НП был уже выбран и занят разведчиками командира дивизиона и командир батареи пользуясь их указаниями, изучал с НП расположение неприятеля и своих войск. Вызвав на НП своих батарейных наблюдателей, командир батареи делил между ними фронт наблюдения и приказывал им, пользуясь указаниями разведчиков, изучить и затем непрерывно наблюдать за своими и неприятельскими войсками.

На местности пересечённой командир батареи замечал по буссоли или по компасу направление на цель, по которой предполагается открыть огонь.

Определив с НП направление стрельбы (буссоль) и наименьший прицел, командир батареи приступал к выбору ОП. Оставшиеся на НП наблюдатели должны были тщательно следить за всеми передвижениями своих войск и неприятеля, за открывшими огонь его батареями и пулемётами, чтобы по возвращении командира батареи на НП доложить ему обо всех изменениях в обстановке.

На ровной местности и если для выбора позиции назначен небольшой район, а также если необходимо немедленное открытие огня, командир батареи, осмотрев с НП указанный для выбора позиции район, прикинув на-глаз величину наименьшего прицела и справившись у разведчиков о скрытых путях для выезда на позицию, сразу отправлялся для окончательного выбора позиции.

Если же местность пересечённая и для выбора позиции указан большой район, то при наличии времени командир батареи изучал местность по карте и наблюдением, а затем объезжал район ОП и намечал ее, сообразуясь с местами соседних ОП и НП. При этом командир батареи должен был всё время помнить направление местности предстоящей стрельбы, имея в виду, что на пересечённой местности можно было легко сбиться, не имея буссоли (компаса), так как спустившись в низину (при выборе закрытой или полузакрытой ОП) инстинктивно выбирают позицию фронтом параллельно впереди лежащему прикрывающему хребту; выбранная же таким образом ОП может иногда оказаться почти фланг ом к противнику. При выборе ОП в туман или сильный дождь компас необходим.

Для обеспечения правильного занятия ОП командир батареи жалонировал направление фронта выбранной ОП местными предметами или поставленными людьми и обозначал место одного или обоих крайних орудий.

Выбрав ОП, командир батареи приказывал установить связь с НП и посылал к старшему офицеру, находящемуся при батарее,

разведчиков, которые должны были указать скрытый путь для выезда батареи к ОП, и полевую записку (или словесное приказание) к старшему офицеру с указанием: а) как обозначен фронт ОП; б) порядок выезда к ОП (фронтальный или фланговый, аллюр), величины интервалов между орудиями на позиции; в) места для расположения передков и батарейного резерва; г) буссоли для основного орудия (это указание не было необходимым, так как направление фронта ОП определяет и направление стрельбы); д) порядка питания боеприпасами.

При выезде батареи на открытую ОП командир батареи должен был принять все меры к тому, чтобы весь состав батареи был возможно лучше ориентирован в обстановке. С этой целью он должен был, раньше чем батарея выедет на местность, обстреливаемую противником, ознакомить офицеров и по возможности орудийных фейерверкеров (командиров орудий) и наводчиков с местом, где выбрана ОП, и с целью, по которой предположено открыть огонь.

Выбрав ОП и отправив старшему офицеру приказание выводить батарею на позицию, командир батареи возвращается на НП и определяет данные для открытия огня (буссоль или угломер для основного орудия, угол места цели и дальность до цели, т. е. уровень и прицел), устанавливает связь с командиром дивизиона и со своими войсками, расположенными впереди и по сторонам батареи, высылает передовых и боковых разведчиков-наблюдателей. Передовых разведчиков требовалось высылать в с е г д а; они обязаны были: следить за передвижением передовых частей своей пехоты и продвигаться с ними вперёд, отнюдь не теряя связи; наблюдать за противником и разыскивать неприятельские батареи, пулемёты и прочие огневые средства; следить за стрельбой своей батареи и в случае, если с НП батареи нельзя было корректировать стрельбу, вести корректуру.

Опыт ещё русско-японской войны указал на необходимость, чтобы батареи сами поддерживали непосредственную связь с передовыми частями своей пехоты. Во время той же войны связь артиллерии с передовыми частями пехоты устанавливалась через общевойсковых начальников, вследствие чего сведения от передовых частей пехоты доходили до батарей несвоевременно и артиллерийская поддержка нередко опаздывала.

Передовой НП даёт возможность наблюдать складки местности, ненаблюдаемые с командирского НП, замечать всё происходящее на переднем крае атаки или обороны и во-время направлять артиллерийский огонь на важнейшие участки неприятельского расположения. Передовой НП обеспечивает во многих случаях своевременную и непрерывную огневую поддержку пехоты, так как находится в непосредственной близости от пехоты и так как батареи не будут прерывать огня для перемены позиции или командирских наблюдательных пунктов.

На передовой НП требовалось назначать офицера, в особенности в том случае, если предвиделась корректура стрельбы передовым наблюдателем.

Передовой НП соединялся с батареей телефоном, а на случай перерыва телефонной связи должен был иметь при себе флаги и другие средства сигнализации.

Боковые наблюдатели высылались: а) всегда — на открытый фланг; б) в тех случаях, если командир батареи не знал, какие войсковые части находятся по флангам батареи, или если на фланге имелся удобный боковой НП, или местный предмет (лес, деревня) закрывал обзор и т. д. Боковые наблюдатели обязаны были следить за передвижениями своих и неприятельских войск, отыскивать батареи противника, не видные с фронта, доносить о появляющихся неприятельских войсках, наблюдать за стрельбой и пр.

Командир батареи личным наблюдением и на основании донесений передовых и боковых наблюдателей обязан был стремиться наилучшим образом определить положение противника: его фланги, протяжение по фронту и в глубину, места ОП и НП неприятельских батарей и пр., а также характер местности, на которой обнаружены части противника.

Командир батареи определял буссоль до резко заметных точек местности, находящихся в стороне противника.

Требовалось, чтобы и пехота все сведения, полезные для стрельбы артиллерии, сама передавала ближайшему к ней артиллерийскому начальнику независимо от того, какие сведения он соберёт своими средствами.

При обороне район для артиллерийских позиций указывался старшим общевойсковым начальником. Указанный район делился старшим артиллерийским начальником на бригадные и дивизионные районы.

Командир дивизиона разграничивал батарейные участки для детального выбора НП и ОП. При заблаговременной подготовке к обороне командир дивизиона, разграничив батарейные участки, последовательно объезжал их, изучая более детально местность с целью определения наиболее целесообразной группировки батарей, командирам которых давал указания для выбора дополнительных НП и ОП. Командир дивизиона руководствовался при этом следующими соображениями:

а) Артиллерия при обороне должна располагаться таким образом, чтобы батареи давали полный обстрел всей впереди лежащей местности.

б) При обороне артиллерия назначается главным образом для обстрела дальних подступов, пехота и пулемёты — ближних. Считая, что пехота будет на 600 и до 1000 *м* впереди артиллерии, для лёгких пушечных батарей мёртвое пространство при обороне может быть допущено до 2 000 *м*.

в) В том случае, если ОП приходится занимать с полным закрытием и большим мёртвым пространством (более 2 000 *м*), необходимо заблаговременно подготовить скрытый переезд для последующего занятия ОП с малым мёртвым пространством. Если же это нельзя выполнить, то приходится часть артиллерии ставить закрыто для стрельбы на большие дальности, а часть маскиро-

ванно — для стрельбы на близкие расстояния, причём для обстрела ближних подступов выгодно назначать горные и гаубичные батареи.

г) При обороне должны быть приняты все меры для усиления артиллерийских позиций. Оборудовав одну ОП, командиры батарей должны выбирать ещё дополнительные ОП сообразно различным предположениям о движении противника, а также с целью перемены занятой позиции, если неприятель к ней пристреляется.

Оборудование артиллерийских позиций при обороне производится в зависимости от имеющегося времени. При выборе оборонительных позиций под натиском противника позиции будут в начале боя так же оборудованы, как и при наступлении, т. е. приблизительно в следующем порядке: 1) организация наблюдения; 2) организация связи; 3) высылка разведчиков и наблюдателей на дополнительные НП; 4) измерение расстояний от НП командиров батарей до НП командира дивизиона; 5) подготовка данных для стрельбы; 6) усиление позиций.

При заблаговременном выборе оборонительных позиций для артиллерии требовалось сделать промеры баз, определить расстояния до впереди лежащих резко заметных предметов и подготовить планы для стрельбы.

При заблаговременном выборе оборонительных артиллерийских позиций хорошо выбранная сеть НП является главной данной, обеспечивающей успех обороны. Наблюдательные пункты должны быть так расположены, чтобы, дополняя друг друга, они обеспечивали обзор всей местности — впереди лежащей и по сторонам, не оставляя ненаблюдаемых пространств или сводя их до минимума.

Переход артиллерии в порядок для боя зависит от условий обстановки, местности и от вида занимаемой позиции.

При наступлении батареи в составе своих дивизионов, по выезде их командиров на разведку, продолжают своё движение в походных колоннах, подтягиваются, с началом развертывания головных частей пехоты в боевой порядок, до пунктов последней остановки, избираемых настолько близко к позициям, насколько это допускается требованием скрытности.

По получении приказания о выезде и о порядке его выполнения батареи выезжали на позиции независимо одна от другой. Причём офицеры, ведущие батареи к позициям, обязаны были принять меры, по выяснении проходимости пути, для укрытости, безопасности и ближнего охранения выезда.

Скрытность и быстрота—основные требования при выезде батарей на позиции.

Скрытность выезда обеспечивает внезапность вступления артиллерии в бой и сохраняет её от потерь. Скрытное выполнение выезда является весьма трудной задачей. Ночь бывает наиболее удобным временем для незаметного вывода батарей на позиции. Приходится иногда избирать более длинный и кружный путь, если это может обеспечить скрытность выезда. В случае обнаружения выезда про-

тивником полезно ввести его в заблуждение ложным направлением движения.

В тех случаях, если боевая обстановка требует скорейшего выезда артиллерии на позицию, следует избирать кратчайший путь, хотя бы это и было сопряжено с большой опасностью.

Движение артиллерии вблизи тыла батарей, уже ведущих огонь, избегалось; предлагалось избегать длинных фланговых движений в сфере неприятельского огня.

Приближение к позициям совершалось в орудийной колонне, а без дорог — в линии орудийных колонн, как в форме строя, наиболее гибкой и удобоприменимой к местности. Остановки отдельных орудий или зарядных ящиков не должны были служить причиной задержки движения батарей. Открытые и сильно обстреливаемые пространства проходились «скачками» движением отдельных орудий быстрыми аллюрами от одного закрытия к другому, а иногда переездом «врассыпную», т. е. самостоятельным движением отдельных орудий к указанному общему сборному пункту за каким-либо укрытием.

Аллюр при выезде назначался в зависимости от обстановки, имея в виду, что необходимое сохранение личным составом достаточного спокойствия вообще нарушается при быстром движении.

Закрытый выезд производился различными аллюрами, но если по условиям погоды и свойствам грунта можно было опасаться, что поднимаемая пыль обнаружит выезд противнику, то предпочитали выезжать шагом.

Открытый выезд, в особенности под огнём, производился возможно быстрее развёрнутым строем с большими интервалами.

Приходилось иногда выводить батареи на позицию со спешенными ездовыми и выкатывать орудия, после снятия с передков, на руках. Применение флангового выезда и спешивание ездовых сокращают длину выкатывания орудий при сохранении необходимой скрытности.

Перемена позиции связана с желательным перерывом в стрельбе артиллерии и с возможностью потерь при переезде.

Продолжительное занятие позиции позволяет артиллерии хорошо изучить впереди лежащую местность и расположение неприятеля, накопить данные для стрельбы, лучше оборудовать НП и организовать связь, надёжнее усилить ОП окопами и наладить службу питания боеприпасами.

Поэтому старая русская артиллерия меняла позицию лишь тогда, когда занимаемая уже не соответствовала изменившейся обстановке, например — не давала возможности решать вновь поставленные боевые задачи, или когда наступление пехоты могло привести к слишком большому удалению от неё артиллерии. Причем иногда, если позволяла обстановка, ограничивались переносом лишь НП, без переезда самих батарей. Но «Наставлением для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. (§ 70) подчёркивалось, что «артиллерия не должна колебаться переменить позицию, раз это вызывается тактическими требованиями или непосредственными

нуждами других войск». Подчёркивалось также, что «всякая перемена позиции должна производиться своевременно, чтобы другие войска никогда не могли остаться без поддержки со стороны артиллерии».

Перемена позиции вперёд производилась по приказанию общевойскового начальника или начальника артиллерии, обязанного об этом донести, а в случаях, требующих быстрого и безотлагательного решения, по инициативе частных артиллерийских начальников, до командиров дивизионов включительно.

Перемена позиции назад производилась не иначе, как по приказанию начальника отряда (старшего общевойскового начальника).

Перемена позиции, связанная с выездом артиллерии из боевого участка войск, которым она была придана, производилась по приказанию или с предварительного разрешения начальника этого участка.

О каждом переезде на другую позицию командование артиллерии обязано было донести непосредственному начальнику и сообщить соседним войскам.

Для уменьшения перерыва в огне, для сокращения времени на перемену позиции и для уменьшения потерь требовалось заблаговременно подготовить переезд разведкой новых мест и путей и выполнить переезд незаметно для противника. Переезжающие части артиллерии предупреждались о предстоящей им перемене позиции возможно ранее. Позиция оставлялась обычно с тыла, чтобы скрыть уход с позиции и направление движения на новую позицию. При оставлении открытых и полузакрытых позиций признавалось целесообразным предварительно откатить орудия назад на руках и затем уже укрыто взять их на передки.

Отступательное движение при оставлении позиции начиналось всегда шагом.

Трудность переезда артиллерии под неприятельским огнём в особенности на открытой местности, часто заставляла менять позицию ночью.

Командир дивизиона, по получении приказания о перемене позиции, передавал управление огнём дивизиона своему заместителю, а сам переезжал с необходимыми ему разведчиками и прочими чинами своего управления (штаба) на новый позиционный участок для разведки и выбора НП и ОП. По выборе новых НП и ОП подготовлялось их оборудование, устанавливалась связь и высылались проводники за батареями. При перемене позиции назад командир дивизиона оставался на прежнем НП до окончательного его снятия, а для разведки нового позиционного участка в тылу высылал своего заместителя.

Переезд на другую позицию, в зависимости от обстановки, производился частями артиллерии в полном составе или эшелонами.

При эшелонном переезде обеспечивалась непрерывность огня и переезжающие части прикрывались огнем тыловых, остающихся на прежней позиции.

Отдельно действующие батареи меняли позиции по большей части в полном составе; дивизионы чаще переезжали поэшелонно.

При эшелонном переезде дивизиона последовательно выезжающие на новую позицию батареи принимались и направлялись на места командиром дивизиона (при наступательном движении) или его заместителем (при движении отступательном). Огонь с новой позиции открывался по переезде всего или части дивизиона.

Прежний НП командира дивизиона снимался лишь по переезде на новую позицию всего дивизиона. При перемене позиции назад телефонная связь снималась по возможности заблаговременно и переводилась на новый НП.

При движении назад на новые тыловые позиции требовалось, чтобы командиры батарей лично вели свои батареи.

Охранение артиллерии [1]

Охранение артиллерии на походе и в бою составляло обязанность войск других родов. Считалось, что безопасность артиллерии достигается общим распределением войск. Всякая пехотная часть, в соседстве с которой расположилась артиллерия, обязана была без особого приказания принять меры для непосредственного обеспечения её безопасности.

«Устав полевой службы» 1912 г. указывал, что пехота должна жертвовать собой для выручки других, «особенно артиллерии» (§ 468).

Иногда разрешалось назначать к артиллерии «отдельное прикрытие» не только для обеспечения её безопасности, но и для оказания ей помощи при преодолении более трудных участков пути, при перемещении орудий и зарядных ящиков на руках, возведении окопов, подносе боеприпасов и т. п.; люди прикрытия привлекались иногда к исполнению простейших действий при орудиях.

Отдельное прикрытие подчинялось командиру той артиллерийской части, которой оно было придано.

На походе отдельное прикрытие двигалось обычно рядом с батареями, по сторонам дороги, в зависимости от глубины походной колонны артиллерии, местности, свойств дороги и пр. При глубоких артиллерийских колоннах части пехотного прикрытия размещались между частями артиллерии.

В бою место прикрытия определялось количеством артиллерии, местностью и обстановкой. При небольшом фронте артиллерийской позиции прикрытие располагалось по большей части на одном из флангов, более открытом; при длинных линиях позиций — на флангах и в интервалах между частями артиллерии.

Наличие прикрытия не снимало с артиллерийских начальников заботы о безопасности подчинённых им частей, которые во всяком случае должны были охраняться своими особыми артиллерийскими

---

[1] «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г., § 118—121. «Устав полевой службы», 1912 г., § 468.

дозорами. Всякая фланговая или отдельно расположенная на позиции артиллерийская часть обязана была самостоятельно принимать меры для освещения и охранения своего открытого фланга.

Несмотря на определённое указание «Устава полевой службы», пехота в маневренный период войны в силу разобщённости родов войск иногда забывала об охранении своей артиллерии, весьма редко назначала к ней отдельное прикрытие, и бывали случаи, особенно при отступлении после неудачного боя, когда пехота предоставляла артиллерию самой себе или приходила на выручку с большим запозданием.

Передовые части русской 37-й пехотной дивизии после ночной переправы через р. Сан с утра 15 сентября 1914 г. вели оборонительный бой с перешедшими во встречное наступление австрийцами на фронте Мотычи, Залешаны (в Галиции).

У деревни Залешаны занимала закрытую огневую позицию 3-я батарея 37-й артиллерийской бригады. Назначенная к ней в прикрытие полурота пехоты расположилась в окопе уступом впереди, левее батареи, между нею и шоссе, идущим со стороны австрийцев в 400 шагах от левого фланга позиции батареи. Пользуясь наступившим затишьем боя, полурота прикрытия оставила свои окопы и разбрелась по полю возле Залешаны, чтобы накопать картошки.

Около двух рот австрийцев незаметно пробрались по никем не наблюдаемой густо заросшей кустарником лощине, пролегавшей впереди батареи, и стремительно её атаковали приблизительно с 1 000 шагов. Предоставленная своим силам, батарея не растерялась, и картечным огнём (шрапнелью с постоянной установкой трубки) отбила несколько повторных атак австрийцев. Они залегли на опушке кустарника и оттуда открыли ружейный огонь по батарее с 600—800 шагов, а часть австрийцев под прикрытием этого огня стала перебегать ближе к батарее по шоссе, проходившему в глубокой выемке. Вскоре австрийцы накопились в канаве вдоль шоссе, откуда открыли убийственный ружейный огонь с 300—400 шагов по левому флангу батареи, перебив в короткое время бо́льшую часть её людей.

Батарея продолжала отбиваться картечным огнём: правые три взвода — от австрийцев, угрожающих с фронта, а левофланговый взвод, повернув орудия налево на 90°, — от австрийцев, залегших в канаве шоссе. Но огонь этого взвода был недействительным, так как австрийцы были хорошо скрыты канавой и толстыми стволами дубов, окаймлявших шоссе.

После короткой и ожесточённой неравной огневой борьбы русская батарея, потеряв всех офицеров и бо́льшую часть людей орудийного расчёта, была захвачена австрийцами. Но не успели они попытаться привести в негодность захваченные орудия, как подоспела внезапная помощь. Одна из рот подходившего к Залешаны русского 300-го пехотного полка бросилась на выстрелы отбивавшейся от австрийцев батареи и, увидев последних на батарее, ударила в штыки — часть австрийцев была перебита, часть взята в

плен. Орудия были спасены. Батарея была укомплектована за счёт состава 37-й артиллерийской бригады и уже на следующий день снова принимала участие в бою.

Кавалерия также оставляла иногда свою конную артиллерию без прикрытия, предоставляя ей самостоятельно отбиваться от нападающего противника.

В виде примера приводится краткое изложение «Письма с войны», напечатанного в журнале артиллерийского училища «Михайловец» 1914 г., № 2 [1]. Автор письма пожелал поделиться с читателями всем, что ему пришлось пережить в бою за переправу у деревни К. — в этом, по его выражению, «неслыханном деле в истории конной артиллерии».

Русская кавалерийская дивизия, сбив в спешенном строю австрийскую пехоту с пулемётами и захватив переправу, продолжала движение вперёд. Вскоре авангард дивизии был обстрелян артиллерией противника, занявшей высоты за деревней К. Для поддержки авангарда конноартиллерийский дивизион, быстро свернув с шоссе, занял под огнём позицию между лесом справа и деревней А. слева и открыл огонь по австрийской артиллерии, которая немедленно стала отвечать, сосредоточив огонь трёх батарей по одной конной батарее русских. Батарея эта стояла на открытой позиции, но поражений от артиллерийского огня не несла благодаря тому, вероятно, что наступившие вечерние сумерки затрудняли наблюдение выстрелов, а также благодаря орудийным щитам, хорошо прикрывавшим от шрапнельных пуль.

Стало почти совсем темно — артиллерийский огонь прекратился. Номера орудийного расчёта русской конной батареи отдыхали возле орудий, разговаривали, курили. Вдруг из-за домов деревни А. показался мчавшийся во взводной колонне в атаку на батарею эскадрон венгерских гусар. «Хобота вправо! Картечью!» — скомандовал командир батареи. Первый выстрел четвёртого орудия батареи раздался в тот момент, когда головной взвод венгерских гусар был в 60—70 шагах от батареи. Весь взвод упал и преградил путь скачущим за ним остальным взводам. Произошло замешательство. Беглый картечный огонь батареи превратил эскадрон венгерцев в груду трупов.

Второй эскадрон венгерских гусар, свернув с шоссе, когда первого уже не существовало, бросился в атаку на батарею с фронта. Встреченный убийственным огнём батареи, прекратил существование и этот эскадрон. От него осталось несколько человек, наскочивших на соседнюю батарею и там застреленных из револьверов.

Не прошло и несколько минут, как опять раздалась команда командира батареи: «Хобота налево кругом! Картечь!» Оказалось,

---

[1] В письмах из действующей армии запрещалось называть войсковые части и местные населенные и прочие пункты. Восстановить названия по архивным источникам автору, к сожалению, не удалось.

что третий эскадрон венгерцев, обойдя деревню, шёл в атаку на батарею с тыла, но и этот эскадрон не дошёл до батареи, оставив груду трупов людей и лошадей.

Когда после отбития третьей атаки батарея была взята уже в передки, на помощь к ней пришёл эскадрон улан — и пришёл во-время, так как из-за деревни показались ещё два эскадрона венгерских гусар, направлявшихся в атаку на батарею. Четвёртая атака была отбита в конном строю уланами совместно с номерами орудийного расчёта батареи.

В бою у деревни К. погиб считавшийся одним из лучших венгерский 9-й гонведный гусарский полк.

Русская конная батарея, проявившая в этом бою исключительные выдержку и стойкость, отбила сама без поддержки прикрытия атаки трёх эскадронов гусар — последовательно с фланга, фронта и тыла. Но если бы эти атаки происходили не последовательно, а с трёх сторон одновременно, не во взводных колоннах, а в развёрнутом разомкнутом строю, если бы не подоспели на помощь уланы, принявшие четвёртую атаку венгерских гусар на себя, то исход боя мог быть другой, и в историю русской артиллерии, быть может, не пришлось бы вписать эту славную боевую страницу.

Опыт маневренного периода войны показал, что независимо от наблюдения и разведки открытых флангов, обязательно организуемых самой артиллерией, к ней в большинстве случаев следует придавать особое прикрытие от пехоты или конницы, по возможности с пулемётами. Прикрытие должно располагаться на открытом фланге позиции артиллерии и высылать разведку в сторону, откуда возможно ожидать нападения противника на батарею.

В позиционный период войны «Наставлением для борьбы за укреплённые полосы» необходимость особого охранения артиллерии вовсе не предусматривалась, так как достаточная безопасность артиллерии достигалась самым расположением войск на укреплённой полосе. Между тем при прорывах русского фронта австро-германцами или при неудачных попытках прорыва фронта последних русскими войсками бывали случаи потери орудий, оставляемых пехотой без прикрытия и захватываемых поэтому немцами. Такие случаи участились в 1917 г. Ввиду этого решено было сформировать при каждом артиллерийском дивизионе специальную организационно с ним связанную пулемётную команду, которая служила бы постоянным прикрытием артиллерии. В августе 1917 г., например, было отправлено 212 пулемётов системы Кольта для снабжения команд, формируемых для артиллерии Кавказского фронта [1]. Однако до конца войны артиллерия таких команд не имела.

---

[1] ЦГВИА, 683, д. 80.

Пополнение боевых припасов [1]

Боевые припасы являются главным источником боевой силы артиллерии.

Скорострельность орудий, дающая возможность выпускать большое число выстрелов в короткое время, длительность и грандиозность современных сражений вызывают огромный расход боевых припасов. В решающие периоды сражения и во многих других случаях боя артиллерия не имеет права жалеть снарядов. Необходимо, с одной стороны, в возможной степени ограничивать расход снарядов, с другой — обеспечивать непрерывный и обильный прилив их на пополнение израсходованных.

«Наставлением для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. (§ 102) указывалось: «Артиллерийские начальники всех степеней обязаны принимать меры для бережливого расходования боевых припасов; но в *решительные минуты боя огонь должен вестись с полным напряжением, хотя бы с риском израсходовать все снаряды*».

Причём израсходование боеприпасов не могло служить основанием для снятия артиллерии с позиции. Батарея, расстрелявшая снаряды, обязана была оставаться на позиции и, укрыв людей, ожидать пополнения.

К мерам, обеспечивающим пополнение снарядов, относятся:

а) надлежащая организация службы боевого питания, непрерывная и надёжная связь между тылом и боевыми позициями артиллерии;

б) проявление всеми работниками службы питания широкой инициативы и твёрдой решимости доставить снаряды в боевую линию во что бы то ни стало, если бы даже и не последовало распоряжений старших начальников;

в) соблюдение в частях, обслуживающих боевое питание, строжайшего порядка и дисциплины, так как малейший беспорядок в тылу может повлечь за собой загромождение путей и повести к гибельным последствиям.

Служба питания боеприпасами распределяется между батарейными и дивизионными резервами (взводами боевого питания), артиллерийскими (подвижными) парками и организуемыми в тылу подвижными артиллерийскими складами, называвшимися местными парками.

Для своевременного и непрерывного пополнения боеприпасов требовалось, чтобы работа питания начиналась, даже в самых тыловых эшелонах, одновременно с первым открытием артиллерийского огня.

Войсковые боевые комплекты боеприпасов возились в орудийных передках и в зарядных ящиках батарей, дивизионных резервов и подвижных артиллерийских парков.

---

[1] «Наставление, для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г., § 99, 101—114. «Указания» и «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», ч. II и III, 1916 и 1917 гг.

Выше указывалось, что в боевом порядке батарейные передки (отделение тяги) располагались в небольшом удалении от батареи, по возможности укрыто, и что батарейные резервы сводились в большинстве случаев в общий дивизионный резерв в непосредственном подчинении командиру дивизиона и располагались укрыто в 0,5—1 *км* от боевых частей дивизиона. Причём при выборе места для передков и батарейных резервов требовалось иметь в виду быстроту и беспрепятственность сообщения с боевыми частями, а также возможно лучшее укрытие от наблюдения и огня неприятеля.

Командир дивизиона являлся распорядителем питания боеприпасами боевых частей батарей из резервов. Он регулировал расход снарядов батареями, пополняя его из резерва по своему усмотрению и передавая боеприпасы, в случае надобности, из одной батареи в другую.

Командиры батарей должны были следить за расходом снарядов, но с них снималась непосредственная забота относительно их пополнения. Только находящийся в отделе командир батареи получал в своё распоряжение батарейный резерв и обязан был следить не только за расходом, но и за пополнением боеприпасов.

Передковый комплект боеприпасов считался чрезвычайным, как бы неприкосновенным, запасом и расходовался только в случаях крайней необходимости, причём сделанный расход из передкового запаса пополнялся при первой возможности.

Непосредственное питание орудий боевыми припасами производилось из зарядных ящиков боевой части, которые в свою очередь пополнялись подачей боевых припасов на позицию из батарейных резервов. Дальнейшее пополнение производилось из артиллерийских парков и местных парков (складов боевых припасов). В зависимости от удаления местных парков от войск артиллерийские парки разделялись на эшелоны: при удалении не свыше четырех переходов — на два, а при большем — на три. Головной эшелон располагался в 3—5 *км* от боевой линии войск, второй (промежуточный) — в полупереходе за головным, тыловой — на полупути между промежуточным эшелоном и местным парком. Пополнение батарейных резервов производилось посылкой зарядных ящиков из резервов за боевыми припасами к головным эшелонам парков; головные парки пополняются посылкой своих ящиков за боевыми припасами в парки промежуточных эшелонов, а эти парки пополняются посылкой своих опорожненных ящиков в тыловые эшелоны парков, если же их нет, то посылкой ящиков к местным паркам (складам огнеприпасов); тыловые эшелоны артиллерийских подвижных парков пополнялись посылкой зарядных ящиков к местным паркам.

Схема подачи боеприпасов в армейском районе батарейными и дивизионными резервами и артиллерийскими парками показана на рис. 8.

Пополнение боеприпасов местных парков (армейских передовых огнескладов) производилось в порядке, указанном выше (см. том II, третью часть «Боевое снабжение русской армии»).

Рис. 8. Схема подачи боеприпасов в армейском районе.

Питание батарей боеприпасами из резерва производилось путём подачи снарядов на позиции. Каждая батарея пополнялась из своего резерва, если не последовало иного приказания командира дивизиона.

Способ доставки боеприпасов зависит от условий местности и обстановки. Предполагалось подвозить зарядные ящики с боеприпасами возможно ближе к орудиям. Под огнём трудно подвозить запряженные зарядные ящики. Поэтому приходилось подкатывать зарядные ящики на руках, выпрягши лошадей и пользуясь ящиком как защитой. Для выкатывания удобнее не разъединять ходов зарядных ящиков, но иногда требовалась частичная их разгрузка. При невозможности подвезти или подкатить зарядные ящики, боеприпасы выгружались и доставлялись в лотках на руках или на вьюках.

Иногда обстоятельства могут заставить выдвинуть зарядные ящики в боевую линию, несмотря на огонь противника. В этих случаях необходимы быстрота и внезапность выезда зарядных ящиков, быстрая выгрузка боеприпасов, укладка пустых лотков и немедленный отъезд ящиков, причём для уменьшения потерь выгоднее выезжать по 1—2 ящика.

Начальник дивизионного резерва (взвода боевого питания) должен быть постоянно осведомлен о количестве боеприпасов в батареях и резервах. Он являлся ответственным за непрерывность доставки на позиции боеприпасов из резерва и был обязан заботиться о своевременном пополнении резерва боеприпасами из артиллерийских парков.

При перемене позиции батареи и резервы заблаговременно пополнялись боеприпасами до нормы, а всё почему-либо оставленное на позиции боевыми частями батарей подбиралось резервами и перевозилось ими.

Боевое питание каждой артиллерийской бригады производилось из парковой артиллерийской бригады, состоящей из трёх парков (в начале войны — см. том I, первую часть, «Организация артиллерии»)[1].

Отдельные артиллерийские дивизионы, за исключением конных, пополнялись боеприпасами из соответствующих им парковых артиллерийских дивизионов, состоящих из двух парков каждый (см. том 1, первую часть).

Мортирные (гаубичные), горные и тяжёлые батареи пополнялись из своих парков, назначаемых по одному на каждую батарею.

Конно-артиллерийские дивизионы и другие части конной артиллерии не имели своих парков и пополнялись боеприпасами из парков ближайших артиллерийских бригад и дивизионов.

В военное время все артиллерийские полки, входившие в состав того или иного армейского или гвардейского корпуса, со-

[1] На парках, сверх питания боеприпасами артиллерии, лежало пополнение ружейных и револьверных патронов в войсках всех родов (см. том I, первую часть).

стояли по специальной их службе в ведении старшего артиллерийского начальника в корпусе.

В предвидении боя артиллерийские парки, предназначенные в первый (головной) эшелон, двигались на походе непосредственно за войсковыми колоннами, а предназначенные во второй (промежуточный) и в третий (тыловой) парковые эшелоны шли в голове колонны обозов второго разряда, составляя самостоятельный парковый артиллерийский отдел.

Командиры парковых артиллерийских бригад (дивизионов) находились при старшем в корпусе артиллерийском начальнике, а при распределении парков по дивизиям (стрелковым бригадам) — при начальнике дивизии (стрелковой бригады).

Командиры парков находились при своих парках.

При пополнении батарейных или дивизионных резервов опорожнённые зарядные ящики резерва отправлялись к головным парковым эшелонам; по возвращении пополненных зарядных ящиков подвезённые боеприпасы принимались начальником резерва (или старшим вожатым зарядных ящиков) по выданным из парка талонам.

В исключительных случаях разрешалось, по письменному требованию командира батареи, за личной его ответственностью, отправлять к батарее из головного паркового эшелона не более четырёх зарядных ящиков с боеприпасами для непосредственного боеснабжения батареи.

Пополнение производилось путём перекладки боеприпасов (в лотках, цинковых коробках и т. п.) без обмена при этом зарядными ящиками. Зарядные ящики, в особенности опорожненные, двигались по возможности усиленными аллюрами.

Парки головных эшелонов начинали пополнение своё посылкой опорожнённых зарядных ящиков за боеприпасами к промежуточным парковым эшелонам. При этом допускалось для более успешного пополнения выгружать по усмотрению командиров парков не более половины боевого комплекта каждого парка для образования временных складов боеприпасов в пунктах расположения головных парковых эшелонов.

Парки промежуточных эшелонов, удовлетворив первое требование об отпуске боеприпасов головным паркам, начинают свое пополнение посылкой за боеприпасами к местным паркам или к тыловым парковым эшелонам, если таковые назначены, опорожнённых зарядных ящиков взводами или более крупными частями, выгружая при этом свой боевой комплект для образования временных огнескладов.

Парки тыловых эшелонов пополнялись из местных парков (армейских передовых огнескладов) применительно указанному для парков промежуточных эшелонов.

Места парковых эшелонов указывались: а) головного эшелона артиллерийского парка — в приказе для боя; б) промежуточного и тылового парковых эшелонов — распоряжением старшего артиллерийского начальника, в ведении которого состояли парки,

а при распределении артиллерийских парков по дивизиям (стрелковым бригадам) — распоряжением командира парковой артиллерийской бригады (дивизиона)

Командиры парков обязаны были: установить связь с командиром своей парковой бригады или дивизиона (телефон, конные ординарцы, телеграф, сигналы и пр.) и принять меры для более лёгкого нахождения места расположения парков (маяки, флаги, ночью фонари и пр.).

Места расположения местных парков (армейских передовых огнескладов) должны были быть известны заблаговременно всем парковым начальникам.

Пункты расположения головных парковых эшелонов, указанных приказом для боя, изменялись лишь по распоряжению начальника, отдавшего приказ для боя. В исключительных случаях пункты эти могли изменяться за личной ответственностью командиров парков, но с немедленным об этом донесением непосредственному начальнику, а также начальнику, отдавшему приказ для боя.

В течение боя парки обязаны были прилагать все усилия к тому, чтобы батареи могли поддерживать огонь непрерывно, хотя бы и не при полных боевых комплектах.

Все артиллерийские начальники, до командиров батарей и парков включительно, обязаны были постоянно знать наличное количество и расход боеприпасов в подчинённых им частях и периодически, а вечером каждого дня боя обязательно доносить об этом своим непосредственным начальникам.

Парки обязаны были приложить все усилия, чтобы в ночь после боя боеприпасы в войсках были пополнены, а их собственный запас был доведен до возможно большего количества.

Парки должны были удовлетворять во всякое время требования об отпуске боеприпасов как письменные, так и словесные приёмщиков, к какой бы войсковой части они ни принадлежали. При выдаче из парков боеприпасов требовалась лишь расписка приёмщика в талонной книге парка с указанием войсковой части, для которой отпускаются боеприпасы, и их количества.

Указанный порядок питания войск боеприпасами, установленный для боевых действий в маневренных условиях борьбы, признан был вполне целесообразным, как показал опыт войны на русском фронте.

Боевое питание войск посылкой за снарядами назад, как требовалось «Наставлением» 1912 г., отличалось от способа боепитания, установленного во французской армии, в которой, наоборот, боеприпасы подавались войскам подвозом с тыла вперёд. Русская артиллерия не могла заимствовать этого порядка у французов, так как не была настолько богато снабжена выстрелами, чтобы подавать их батареям с началом боя во всех случаях, не считаясь с тем, израсходованы ли ими имеющиеся снаряды и нужно ли их пополнение или нет. При относительной бедности русской артиллерии в снарядах считалось более целесообразным

и отвечающим экономному расходованию снарядов подвозить их с тыла средствами самих войск, нуждающихся в снарядах.

Для позиционной войны организация питания снарядами была несколько изменена. При прорывах укреплённой полосы противника подача артиллерийских выстрелов к войскам малыми пор-

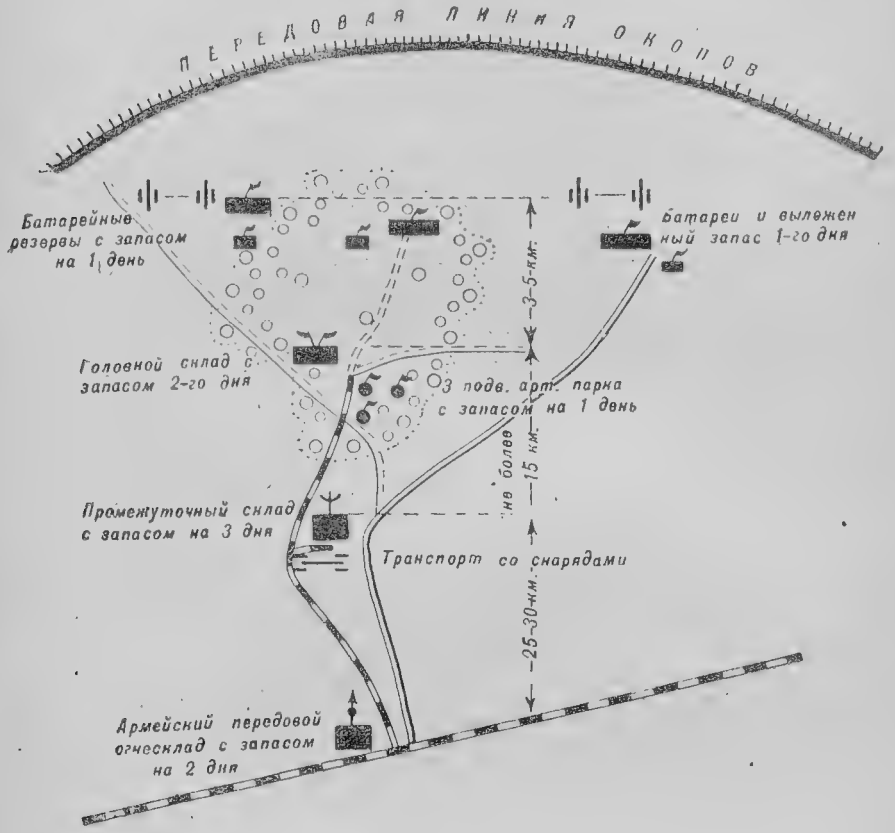


Рис. 9. Схема организации питания боеприпасами при прорывах укрепленной полосы противника в 1916—1917 гг.

циями, дающими возможность только поддерживать огонь, вместо того чтобы наносить мощные удары, считалась недопустимой. Поэтому производились заблаговременно расчёты снарядов, необходимых для выполнения той или иной боевой операции, которые и подавались заранее возможно ближе к батареям, как указано на рис. 9. Снаряды, необходимые для предполагаемого расхода на первый день операции, выкладывались накануне на батареях (сверх возимого при батареях боевого комплекта). В 3—5 *км* от батарей устраивались головные склады, обеспечивающие сум-

марно потребность в снарядах второго дня операции. Подвоз из головного склада до позиций производился средствами батарей (при удобстве подвоза снаряды при батареях не выкладывались, а в головном складе сосредоточивался запас на первые 2 дня операции).

Возле головных складов располагались подвижные артиллерийские парки со своим комплектом боеприпасов.

В расстоянии не более 15 *км* от головных складов устраивались *промежуточные склады*, обеспечивающие, в сумме, огневую работу артиллерии еще на три последующих дня (3, 4 и 5-й). Подвоз снарядов из этих промежуточных складов в головные производился средствами артиллерийских парков.

Наконец, в расстоянии не более 30 *км* от промежуточных складов, обычно возле или на станции железной дороги широкой колеи, располагался *армейский передовой склад* (местный парк) *с двухдневным* запасом выстрелов. Из армейского передового склада в промежуточные склады снаряды подвозились транспортами (конными или автомобильными) или по прокладываемой узкоколейной железной дороге. В случаях небольшого удаления (12—20 *км*) армейского передового склада от головных промежуточные склады не устраивались и совпадали с передовым армейским, в котором в таких случаях сосредоточивался запас выстрелов на 5 дней операции.

При обороне укреплённой полосы разрешалось выкладывать при батареях для отбития атак снаряды на *однодневную потребность* по расчёту, указанному в части III «Наставления для борьбы за укреплённые полосы» (по 250 патронов на 76-*мм* пушку), но с оговоркой, что выкладывание больших запасов на батареях крайне нежелательно, так как хранение в погребах вредно отражается на балистических качествах пороха, а в случае неудачи обороны запасы выстрелов будет трудно вывезти.

Отпуск снарядов войскам из головных складов (головных парковых эшелонов) производился по требованиям войск. Пополнение запасов головных и промежуточных складов производилось по их требованиям из армейских передовых складов.

В армейских передовых складах боеприпасы пополнялись из армейского тылового склада по требованиям передовых складов, но не иначе, как по распоряжениям зача, согласованным с оперативными указаниями командарма. Подача боеприпасов из армейского тылового склада в передовые производилась по железным дорогам или транспортами.

Подвоз боеприпасов к армейскому передовому складу должен обеспечивать подачу в размере дневной потребности.

На рис. 10 показана примерная схема кругооборота питания лёгких 76-*мм* батарей при распределении огнескладов согласно схеме, представленной на рис. 9. Из схемы на рис. 10 следует, что при удалении армейского передового огнесклада на 25—30 *км* от промежуточного и отсутствии узкоколейной железной дороги или автотранспортов на 8-й день наступит полное истощение

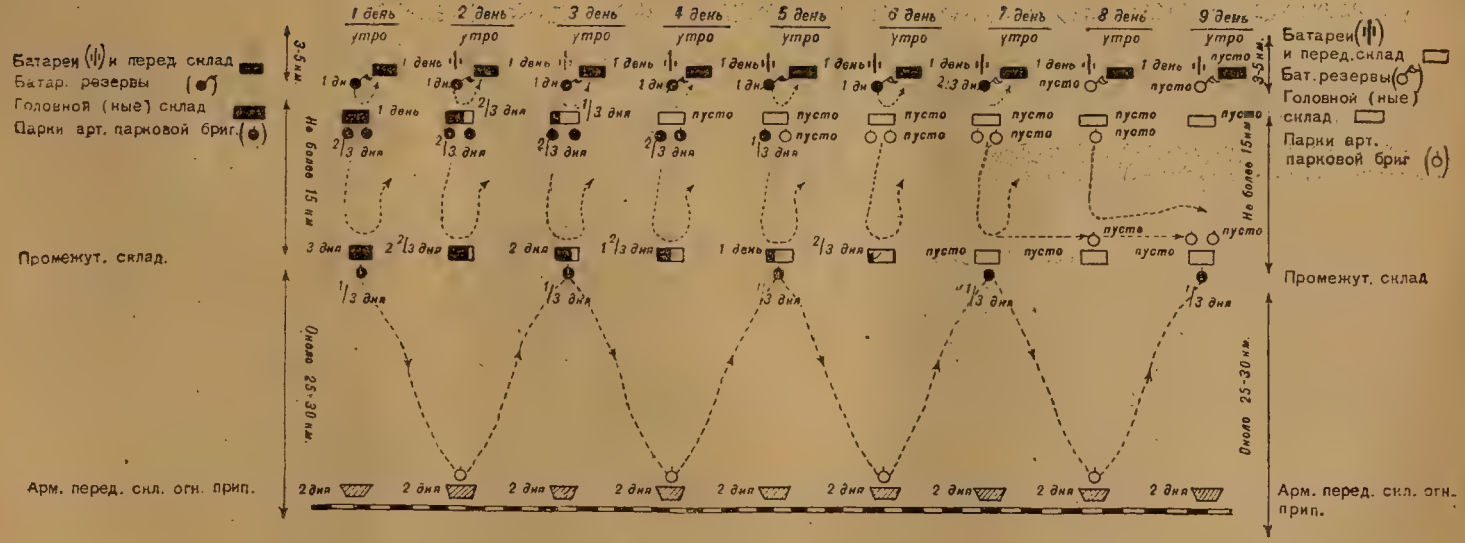


Рис. 10. Схема подачи боеприпасов для легкой артиллерии.

боеприпасов, если между промежуточным и головным складом работают два парка и только один парк выделен для работы между промежуточным и армейским складом. При работе же между головным и промежуточным складом одного, а между промежуточным и армейским передовым складом двух парков результат ещё хуже: полное истощение боеприпасов в районе батарей, их резервов и головного склада наступит на 5-й день операции.

Питание боеприпасами тяжёлых батарей обеспечивалось ещё хуже. При некоторых тяжёлых артиллерийских бригадах имелись автомобильные парки, но для использования их необходимы отличные дороги, при плохих же дорогах, каких было большинство на русском театре войны, на автомобильные транспорты нельзя было рассчитывать.

По схеме рис. 10 парки должны проходить по 30 *км* ежедневно, а такие переходы сильно изматывали лошадей при длительных боях.

При движении вперёд питание боеприпасами без содействия железной дороги или автотранспортов обеспечивалось плохо: обычно к вечеру 6-го дня движения вперёд питание боеприпасами было уже *не обеспечено*.

В общем выяснилось, что для полного обеспечения артиллерии боеприпасами необходимо: питание головного склада из промежуточного вести всеми имеющимися парками полностью, не выделяя парков для питания промежуточного склада из армейского передового; питание промежуточного склада из передового армейского вести конно-железной или паровой узкоколейной дорогой и транспортами, при условии общей суммы подвоза не менее суточной потребности в боеприпасах.

При организации питания боеприпасами предлагалось иметь в виду, что подача боеприпасов батареями малыми порциями, дающими возможность *только поддерживать* огонь вместо того, чтобы наносить *мощные удары,* или расходовать только «дневные порции» боеприпасов недопустима.

Для обеспечения правильности доставки боеприпасов необходимо было заблаговременно составить соображения о «кругообороте» артиллерийских парков и своевременно испросить содействие от корпуса или армии к устранению возможной задержки в питании боеприпасами. Контроль организации питания и ответственность за последствия нарушения правильности питания возлагались на инспекторов артиллерии корпуса, армии и фронта.

Работа по организации огнескладов и по осуществлению питания боеприпасами распределялась так: от позиций батарей до головных складов — на начальников артиллерийских частей; от головных до промежуточных складов, включая те и другие,— на инспекторов артиллерии корпусов; от промежуточных до армейских передовых складов, включая последние, — на заведующих артиллерийской частью армии (зач).

Армейские передовые огнесклады питались распоряжением штаба армий фронта.

Для обеспечения питания боеприпасами требовалось: распоряжением общевойсковых начальников привести дороги в полный порядок и поддерживать их в надлежащем состоянии, привлекая к работам местных жителей по специальным нарядам или команды солдат; устроить на огнескладах подъездные пути и крытые помещения хотя бы только для гильз с зарядами, дистанционных трубок и взрывателей; при сыром грунте устроить помосты под бунты со снарядами.

Пополнение потерь [1]

Каждая батарея обязана напрягать все силы и применять все средства, чтобы непрерывно сохранять способность к ведению огня и к передвижению.

Убыль людей и лошадей и повреждения материальной части ни в каком случае не могли служить основанием для снятия батареи с боевой позиции.

При батареях состояли запасные люди и лошади, из которых в первую очередь производилось пополнение убыли. Пополнение убыли в артиллерийских бригадах и парках производилось из передовых артиллерийских запасов, организуемых в тыловых районах действующей армии, или из находящихся в тылу запасных частей артиллерии.

При истощении батарейных запасов или при невозможности своевременного пополнения убыли из передового артиллерийского запаса, пополнение временно производилось: а) уравнением числа людей и лошадей между батареями одного дивизиона — распоряжением командира дивизиона, а между дивизионами — распоряжением командира артиллерийской бригады: б) вызовом людей из прикрытия — распоряжением командира батареи или командира дивизиона или из ближайших войсковых частей (пехоты, конницы) по сношению с начальниками этих частей.

В исключительных случаях пополнение людей, лошадей и некоторых предметов имущества в батареях допускалось производить непосредственно из артиллерийских парков, но не иначе, как по приказанию командира корпуса, а в случае распределения парков по дивизиям (стрелковым бригадам) — начальника дивизии (стрелковой бригады).

Пополнение потерь и исправление повреждений в материальной части, происшедших во время движения, производились по исполнении передвижения, если повреждённые орудия или зарядные ящики возможно было перемещать. Требовалось, во всяком случае, чтобы остановка орудия или ящика отнюдь не служила основанием для задержки движения остальных. При этом если орудие вынуждено было остановиться при движении вперёд, то командир взвода обязан был сделать необходимые распоряжения и затем присоединиться к своей батарее; при движении же

---

[1] „Наставление для действия полевой артиллерии в бою", 1912 г., § 115—117.

назад — должен был остаться при остановившемся орудии и принять все меры для его увоза. При остановке зарядного ящика необходимые меры принимались ящичным вожатым или особо назначенным чином.

Артиллерия в бою

Русский Генеральный штаб, готовясь к предстоящей войне с Германией и Австро-Венгрией, был уверен в том, что при политико-экономических условиях того времени (1900—1914 гг.) война не может быть сколько-нибудь продолжительной и будет исключительно маневренной. Такая уверенность подтверждалась имевшимися в русском Генеральном штабе сведениями о плане войны бывшей союзницы Франции, в основу которого положены были те же указанные выше соображения, и о плане войны Германии, которая рассчитывала быстро закончить войну нанесением молниеносных сокрушительных ударов.

В соответствии с планом предстоящей войны русская армия, в том числе её артиллерия, готовилась к маневренным действиям, в недостаточной степени учитывая сравнительно недавний опыт русско-японской войны, подчеркнувший не только значение силы артиллерийского огня, но и значение укреплённых позиций, сковывающих свободу манёвра.

При подготовке русской армии к войне подчёркивалось, что артиллерия может решительно воздействовать на исход сражения, если она: *«с самого начала будет введена в бой в таких силах, чтобы достигнуть перевеса в огне»* («Устав полевой службы» 1912 г., § 444).[1]

«Наставлением для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. указывалось, что быстрое подавление противника достигается успешнее всего сосредоточением огня многих артиллерийских частей, в особенности при сочетании фронтального огня с фланговым (косоприцельным или продольным), и что результаты артиллерийского огня значительно повышаются при совместной стрельбе многих батарей, «объединённых общим управлением».

Согласно «Наставлению» 1912 г. (§ 76, 79), сосредоточение огня крупных артиллерийских частей должно выражаться: *«в более согласованном решении огневых задач, объединённых общей идеей, нежели в одновременной стрельбе по общим целям»*.

Офицерская артиллерийская школа, со своей стороны, утверждала, что *«в полевом бою надо сосредоточивать огонь только по таким целям, с которыми отдельные батареи справиться не могут»* (в полевом бою такие цели обнаруживаются по большей части только в конце боя), и что по целям, ширина фронта которых около 0,5 *км*, огонь более трёх полевых лёгких батарей

---

[1] Подробное исследование вопросов боевой подготовки русской артиллерии в довоенный период и в период войны (1900—1917 гг.) — см. шестую часть второго тома настоящего труда.

сосредоточивать не следует. По мнению школы, сосредоточенный огонь шести батарей (48 орудий при 8-орудийных батареях) по такому узкому фронту ведёт не только к бесцельному расходу снарядов, но и к полному ослаблению артиллерийского огня на боевом участке целой дивизии ради непроизводительного его усиления на одном пункте неприятельского расположения.

Офицерская артиллерийская школа в своих указаниях подчёркивала, что в бою важно не массирование орудий в данном позиционном районе, а возможность *сосредоточения огня* в заданном участке расположения противника.

Необходимо иметь в виду, что целесообразность сосредоточения огня нескольких батарей по важнейшей цели обеспечивается правильностью постановки задач артиллерии (общевойсковым командованием) и умелым централизованным управлением ею (артиллерийским командованием).

При подготовке русской артиллерии в довоенное время всегда подчёркивалась необходимость объединения действий артиллерии в руках старшего артиллерийского начальника для достижения массированного уничтожающего огня в решающем направлении по важнейшим целям. Для сильнейшего поражения цели сосредоточенным фланговым или хотя бы косоприцельным огнём батареи располагались раздельно, чтобы занять охватывающее положение в отношении расположения противника. Но вместе с тем для облегчения управления огнём считалось полезным не разделять артиллерийские дивизионы без особой надобности. Иногда же, в зависимости от обстановки, управление огнём всей артиллерии или артиллерии нескольких боевых участков сосредоточивалось в руках одного старшего артиллерийского начальника (начальника артиллерии данного войскового соединения). В этом случае начальник артиллерии, руководствуясь общим планом боя, обязан был: объединять огневую работу подчинённых ему артиллерийских частей, обеспечивать своевременное развитие наибольшей силы огня на важных пунктах и организовать сосредоточение огня возможно большего числа батарей и дивизионов.

В «Наставлении» 1912 г. считалось, что: *дивизион является тактической артиллерийской единицей*, способной к самостоятельному решению боевых задач, действующей, как правило, *нераздельно; батарея — огневой артиллерийской единицей*, способной к самостоятельному ведению огня.

Отдельно действующие батареи признавались способными к решению лишь несложных боевых задач. Части батареи — полубатареи, взводы, отдельные орудия считались способными, в известной мере, к самостоятельному ведению стрельбы и к решению простейших огневых задач.

Ввиду устранения во время войны, особенно в первый её период маневренной борьбы, от руководства боевой работой артиллерии не только старших, но нередко даже тех начальников и командиров, которые ведали обучением артиллерии в мирное время, ей приходилось действовать в бою часто не на основе тех начал, на

которых её обучали и воспитывали, а по приказаниям и распоряжениям неизвестных ей, иногда случайных войсковых начальников, почти вовсе незнакомых с основами обучения и боевого применения артиллерии.

При подготовке русской артиллерии в довоенное время требовалось, чтобы исходные задачи, поставленные артиллерии общевойсковым командованием, старший артиллерийский начальник распределял между подчинёнными ему частями артиллерии. Причём требовалось каждому артиллерийскому начальнику предоставлять, в пределах поставленной задачи, самостоятельность в выборе целей для стрельбы.

В действительности во время мировой войны 1914—1918 гг., особенно в её начальный, маневренный период, общевойсковые начальники, за немногими исключениями, вовсе не ставили своей артиллерии исходных задач, которые нужно было бы старшему артиллерийскому начальнику распределять между подчинёнными ему частями. В первое время войны старшим артиллерийским начальникам в большинстве случаев не приходилось ни ставить самостоятельно исходные задачи своей артиллерии, ни распределять их, так как они фактически оказались отстранёнными от руководства артиллерией, с одной стороны, вследствие неправильной организации высшего управления артиллерией вообще (см. первую часть), с другой — ввиду того, что полевая артиллерия действовала в бою нередко вопреки «Наставлению для действия артиллерии в бою» и «Уставу полевой службы», почти всегда побатарейно и редко в составе дивизиона, не говоря уже о более высшем соединении, как артиллерийская бригада.

Батареи и дивизионы, разбросанные по мелким боевым участкам, подчинённым по большей части командирам пехотных полков (артиллерийских полков не было), реже — командирам пехотных бригад, предоставлены были в общем самим себе, причём командирам батарей и дивизионов предоставлялась по существу полная самостоятельность в выборе целей для стрельбы. Если же иногда командиры батарей и дивизионов и получали от начальников боевых участков задачи, то нередко не отвечающие ни правилам использования в бою артиллерии, ни даже её основным свойствам.

В общем случае целесообразного сосредоточения огня нескольких батарей по важнейшим целям в решающем направлении бывали довольно редким исключением, особенно в первый период войны; ещё более редкими бывали случаи централизованного управления огнём артиллерии.

Согласно «Наставлению» 1912 г. батареи полевой артиллерии назначались в бою:

Лёгкие батареи — для действия главным образом по живым целям, а также по всякого рода другим целям, за исключением хорошо укрытых и достаточно прочных.

Гаубичные батареи — для действия по целям, неуязвимым для лёгких батарей, преимущественно в решительные моменты

боя, на важных пунктах — по селениям, по войскам в опорных пунктах, по батареям с орудиями, прикрытыми щитами.

Горные батареи — для действия в гористой местности, а также для действия в полевом бою в ближней связи с пехотой, для действия на малодоступных и труднопроходимых местах, вообще в тех случаях, когда от артиллерии требуются особенная лёгкость и удобоприменимость к местности.

Конные батареи — для действия с кавалерией и в общем бою, при обстоятельствах, требующих особенной быстроты перемещений.

Полевые тяжёлые батареи — для решения особых, непосильных для прочих полевых батарей задач, представляющихся при разрушении весьма прочных сооружений или весьма удалённых целей, при борьбе с неприятельской тяжёлой артиллерией и т. п.

Основные положения довоенной подготовки русской артиллерии в значительной мере оправдались в начале маневренного периода мировой войны, когда имелось достаточно боевых припасов и не нужно было особенно стесняться в их расходовании и когда приходилось иметь дело с открытой живой силой противника или только с лёгкими полевыми укреплениями.

Чрезвычайно искусные действия русской артиллерии в то время получили должную высокую оценку не только со стороны своей пехоты и общевойсковых начальников, но и со стороны австро-германцев.

Из русской ставки начальник штаба главковерха в начале сентября 1914 г. сообщал военному министру [1]: «Трёхнедельные бои на Юго-Западном фронте совершенно определённо указали, что центр тяжести их лежит в широком применении артиллерийского огня, без чего невозможно достигнуть каких-либо ощутительных результатов. При применении противником самоокапывания, подготовке ряда параллельных окопов и разбросе громадного числа пулемётов по всему фронту продвижение вперёд пехоты возможно лишь при энергичном и притом непрерывном содействии артиллерии, расчищающей доступы к противнику.

Вся тяжесть современных боёв — на артиллерии. Она одна сметает смертоносные пулемёты противника и уничтожает его артиллерию...

Пехота не нахвалится артиллерией. Стреляет она великолепно..

Боясь нашей артиллерии, австрийцы стали предпринимать ночные нападения».

Один из видных артиллеристов того времени, командированный в октябре 1914 г. в Галицию для выяснения причин большого расхода артиллерийских снарядов, говорит в своем отчёте [2]:

---

[1] Красный Архив, т. I, «Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем».
[2] ЦГВИА, личный архив Барсукова. Отчёт ген. Карачана.

«Благодаря огромному могуществу своего огня и отличной подготовке личного состава, наша артиллерия, открывая огонь, достигала быстро блестящих результатов.

Противник отдавал должное нашей артиллерии, называя её волшебной, судом божьим и пр., он боялся её смертельно. Наша пехота боготворила свою артиллерию, называя её своей спасительницей...

Артиллерия начинает бой, она его ведёт и решает».

Временно командующий 8-й германской армией генерал Франсуа в своих выводах из опыта войны, подписанных 12 октября 1914 г., говорит о действиях русской артиллерии следующее [1]:

«Наблюдение за целями в русской полевой артиллерии организовано очень хорошо. Артиллерия выезжает на позицию с большим искусством. Стреляет в общем хорошо, но высокие разрывы шрапнелей понижают действительность и силу огня. Позиции занимаются исключительно закрытые.

Высшие и войсковые штабы при появлении их открыто на высотах всегда обстреливаются. Впереди лежащая местность (площади) обстреливаются планомерно, но без существенных результатов.

Русская артиллерия не жалеет снарядов и нередко развивает уже с дальних дистанций такой сильный и интенсивный огонь, что вводит в заблуждение наши войска относительно своего численного перевеса, которого на самом деле нет.

... Разрушительная сила снарядов русской тяжёлой артиллерии[2] оказалась не слишком большой, и площадь их поражения очень ограничена. 12-*см* русские мортиры ничуть не превосходят по своим балистическим качествам пушку нашей тяжёлой артиллерии».

Известно, что артиллерия австро-германцев, стрелявшая в начале войны с полузакрытых маскированных позиций, жестоко за это поплатилась и вынуждена была переучиваться во время войны, заимствуя русские приёмы закрытого расположения батарей и отчасти русские правила стрельбы.

Некоторые из офицеров русского Генерального штаба, побывавшие в плену в Германии, рассказывают, что в августе 1914 г. после разгрома 2-й русской армии Самсонова в Восточной Пруссии германские газеты и журналы были переполнены статьями, восхваляющими своих генералов и победоносную армию. Неожиданно среди этих статей появилась заметка, дающая должную высокую оценку действий русской артиллерии, и даже с сенсационным заглавием: «Долой шапки перед русской артиллерией»[3].

В июне 1915 г. в австро-германской печати в журнале «Stuttgarter Neues Tageblatt» появилась статья военного корреспон-

---

[1] ЦГВИА, 435—357, л. 55.

[2] Это относится не к тяжёлой артиллерии, а к русским полевым лёгким 122-*мм* гаубицам.

[3] К сожалению, подтвердить это документально не удалось.

дента при главной квартире австро-венгерской армии, в которой говорилось, между прочим, следующее:

«Надо признать, что в последних боях русские обнаружили неожиданную мощь. В особенности следует отметить необычайную силу артиллерии..: у Олыки, на фронте Луцка, огонь русской артиллерии оказался столь интенсивным, что создалось впечатление, будто перед нами одна митральеза, без передышки извергающая бесчисленные снаряды... Во многих местах *победа решалась неприятельской артиллерией»* [1].

Статья эта появилась в то время, когда, вследствие истощения комплекта боевых припасов, русской артиллерии приходилось ограничивать стрельбу иногда несколькими выстрелами в день боя и когда поэтому её действия бывали далеко не столь удачными, как в первое время войны при наличии достаточного количества боевых припасов.

Слова автора статьи, что «во многих местах победа решалась артиллерией», указывают, очевидно, на искусное сосредоточение огня русской артиллерии в решающих направлениях главного удара. Но автор статьи, как и некоторые представители высшего командования русской армии, несомненно, преувеличивал значение артиллерии.

Опыт маневренного периода мировой войны показал, что роль артиллерии в современных условиях боя чрезвычайно велика, что без мощного содействия её огня нельзя рассчитывать на успех в бою. Артиллерия действительно начинала бой, вела его и своим огнём обеспечивала успех боя. Однако в конечном итоге артиллерия не решала и не может решать участь боя, так как по своим основным свойствам она не способна сразиться грудь с грудью с неприятелем, не может ни захватить то или иное у противника, ни удержать захваченное. Всё это свойственно пехоте и в некоторых случаях кавалерии, и только эти рода войск могут окончательно решить участь боя.

Наиболее ярким подтверждением того, что артиллерия не может решить бой, могут служить примеры боевых действий русской артиллерии в июльских операциях 1917 г. при попытках прорыва австро-германского фронта на Юго-Западном и Западном русских фронтах (см. седьмую часть, «Русская артиллерия на фронте 10-й армии в операцию 19—23 июля 1917 г.»).

В этих операциях русская артиллерия своим огнём уничтожила проволочные заграждения противника, сравняла с землёй его укрепления, уничтожила или деморализовала его живую силу настолько, что русская пехота без всякого сопротивления и потерь овладела неприятельским позиционным районом и прошла в некоторых местах до 20 *км* в глубину его.

Но когда пехота, оказавшаяся в глубине неприятельской оборонительной полосы без непосредственной огневой поддержки артиллерии, остававшейся далеко позади на занятых своих пози-

---

[1] Разрядка автора статьи. — *Ред.*

ниях, стала под натиском противника отходить, первоначальный успех русских войск свёлся к нулю или даже превратился в общий отход, прикрываемый огнём артиллерии, которой пришлось оставаться на позициях до последней крайности.

Таким образом, русская артиллерия обеспечила успех прорыва в июльской операции 1917 г. на фронте 10-й русской армии, но закрепить достигнутый успех артиллерия, конечно, не могла.

В конце 1914 г., когда стал остро ощущаться недостаток боевых припасов, блестящие действия артиллерии бывали уже довольно редким явлением. Наступающая пехота стала нести большие потери от огня неподавленной неприятельской артиллерии и при подходе к противнику натыкалась на уцелевшие его пулемёты, под убийственным огнём которых погибала. Без предварительной артиллерийской подготовки атака пехоты стала невозможной. Между тем, для такой подготовки требовалось для артиллерии огромное количество боеприпасов, а их почти вовсе не было.

В 1915 г. австро-германцы, пользуясь слабостью русской армии, имевшей большой некомплект в людях, ощущавшей острый недостаток в боевых припасах, не имевшей почти вовсе мощной тяжёлой артиллерии, предприняли ряд удачных для себя операций прорыва русского фронта, растянувшегося в одну линию от Балтийского до Чёрного моря на позиции с окопами полевой профили.

Перед верховным русским командованием предстала трудная задача — вывести из-под ударов австро-германцев истощённую русскую армию (к лету 1915 г. на Юго-Западном фронте некомплект людей в армиях достигал ½ миллиона, а некомплект боевых припасов — до 60% установленного размера). На все просьбы русского правительства, обращённые в то тяжёлое время к союзникам России о помощи артиллерийскими орудиями и боевыми припасами, последние отвечали только сочувственными обещаниями помочь, но только после того, когда будут удовлетворены потребности французской и английской армий.

Русская армия отошла в 1915 г. за выгодные для обороны естественные рубежи и принуждена была перейти к позиционной борьбе. Она была надолго лишена возможности возобновить активные действия, но все же австро-германцам не удалось вывести её из строя окончательно. Победа досталась им дорогой ценой чрезвычайного форсирования сил своей армии и привела к её расстройству, в результате которого австро-германцы вынуждены были, как и русские, также обратиться к позиционной войне.

Нужно отдать должное русской артиллерии в том, что она как в период тяжёлого отхода армий в 1915 г., так и в последовавший затем период позиционной борьбы всегда оказывала мощную огневую поддержку своей пехоте как при отбитии ею атак австро-германцев, так и обеспечивая успех при прорыве укреплённой полосы противника.

В мае 1915 г. для прорыва у Горлицы австро-германцы скрытно сосредоточили на пространстве 35 *км* 4 корпуса с массой тяжёлой артиллерии, миномётов и бомбомётов. Русские на этом участке имели лишь около $1\frac{1}{2}$ корпусов, расположенных на примитивно укреплённой позиции (в то время на русском фронте позиционная война была ещё в зачаточном состоянии). Ближайшие резервы русских (около $1\frac{1}{2}$ корпусов) могли подойти через 4—5 дней.

После сильнейшей подготовки артиллерийским огнём, произведённой вечером 14 мая, причём русские окопы полевого профиля были сравнены с землёй, германцы на другой день утром, 15 мая, под прикрытием ураганного огня своей артиллерии атаковали русских. Русская полевая лёгкая артиллерия (76-*мм* пушки и 122-*мм* гаубицы) не в состоянии была бороться с превосходящей её по числу и мощности орудий австро-германской артиллерией и почти весь свой огонь сосредоточила на атакующей пехоте немцев.

Огонь артиллерии наносил настолько сильное поражение немцам, что русская пехота отбивала их яростные атаки в течение двух дней, 15 и 16 мая, и только на третий день немцам удалось овладеть двумя линиями разрушенных русских окопов.

После прорыва у Горлицы на фронте 3-й русской армии отход соседней справа 4-й русской армии прикрывался 25-м армейским корпусом. Действия частей русской артиллерии при активной обороне 25-го корпуса на фронте Броды, Опатов описаны ниже (см. седьмую часть).

В сентябре того же 1915 г. после ряда упорных боёв с немцами между 5-й и 10-й русскими армиями образовался разрыв на участке между Двинском и Вильной. Немцы бросили в этот разрыв в направлении Вилькомир, Свенцяны кавалерийскую массу, поддержанную егерями, которая вскоре достигла Свенцян и прошла в тыл, даже до Борисова. Однако свенцянский прорыв германской кавалерии, наткнувшийся на сосредоточенную русскую пехоту и не поддержанный своей пехотой, не привёл к существенным результатам.

При ликвидации свенцянского прорыва русская артиллерия неоднократно выручала свою пехоту, попадавшую иногда в тяжёлое, критическое положение из-за недостатка и даже отсутствия ружейных патронов.

Одним из показательных примеров, подтверждающих сказанное, может служить эпизод, происшедший при ликвидации свенцянского прорыва в бою у Жуйраны и Солы 29 сентября 1915 г.

Русская 10-я армия отходила на восток. Зашедшая в тыл германская кавалерия заняла рубеж р. Ошмянка с целью замкнуть пути отхода русских. С утра 29 сентября части 10-й пехотной русской дивизии, имея 39-й пехотный полк в районе Жуйраны и батальон 40-го пехотного полка в Солы, вошли в соприкосновение с 4-й германской кавалерийской дивизией на линии р. Ошмянки и вели с нею перестрелку.

Вскоре 39-й пехотный полк расстрелял весь комплект ружейных патронов и вынужден был драться только штыками. Германская кавалерия решила этим воспользоваться и атаковать русскую пехоту в конном строю.

Тем временем на поддержку 39-го пехотного полка была направлена русская 4-орудийная батарея 76-мм пушек, прибывшая из Вильны на ст. Гудогай (железнодорожная линия Вильна, Молодечно). Командир этой батареи ещё на походе к д. Жуйраны получил сведения от своей разведки о переправе германской кавалерии с восточного на западный берег р. Ошмянка и, выехав вперёд, увидел перестраивавшуюся для атаки германскую кавалерию. Не теряя ни минуты времени, он вывел галопом свою батарею на ближайшую открытую позицию и прямой наводкой с расстояния ружейного выстрела неожиданно открыл убийственный беглый огонь по кавалерии немцев, которая после нескольких очередей шрапнельного огня шарахнулась врассыпную в разные стороны, отказавшись не только от атаки и уничтожения 39-го пехотного полка, но и от удара в тыл 10-й русской армии.

Опыт прорывов русского фронта австро-германцами в 1915 г. не может служить для определённых выводов о методах действий артиллерии при обороне в условиях позиционной борьбы, так как 1915 г. на русском фронте являлся переходным периодом от маневренной к позиционной войне, когда борьба велась не за укреплённые полосы, а на полевых позициях, едва усиленных слабыми окопами полевой профиля. Да и к тому же истощённая русская армия, слабо вооружённая и в общем почти не обеспеченная достаточным количеством боевых припасов, не могла оказывать сколько-нибудь упорного сопротивления наступающим австро-германцам.

Для успешной борьбы за укреплённые полосы оказалось безусловно необходимым производить предварительно основательно продуманную подготовку и составлять план действий артиллерии, с расчётом заблаговременного сосредоточения необходимых артиллерийских и прочих сил и средств, обеспечивающих подавляющее превосходство над противником вообще и в решающем направлении главного удара в особенности.

Русская артиллерия, в лице её главного командования и высшего руководства, осознала это в полной мере лишь к началу третьего года мировой войны, наученная горьким опытом напрасного пролития крови при попытках ведения операций методами маневренных действий при штурме крепости Перемышль в октябре 1914 г., при прорыве германской укреплённой позиции у оз. Нарочь в марте 1916 г. (обе эти операции описаны ниже, в седьмой части) и других операциях позиционного характера в конце 1915 г. и в начале 1916 г.

В июне 1916 г. наступательная операция русской армии на Юго-Западном фронте, так называемый Брусиловский прорыв, была весьма удачной, причём артиллерия оказала мощное огневое содействие успеху этой операции.

В сражениях 1917 г. в условиях позиционной борьбы, русская артиллерия действовала в общем весьма искусно; её отличная боевая работа, могущественная артиллерийская подготовка обеспечила удачные прорывы укреплённой полосы австро-германцев в июльском наступлении 1917 г. русских на Юго-Западном и Западном фронтах. Не от неё зависела участь сражений 1917 г., а от пехоты, боеспособность которой в тот период стала весьма низкой.

На фронтах империалистической войны 1914—1918 гг. позиционная борьба отняла большую часть времени, продолжаясь на русском фронте почти два года — с осени 1915 г. до конца 1917 г. — и на французском фронте больше трёх лет — с конца 1914 г. до осени 1918 г. Но это обстоятельство не может служить показателем того, что позиционная борьба является основным видом вооружённых столкновений и будет постоянно повторяться.

Позиционная борьба представляет особый, так сказать, окаменелый, способ ведения войны, вызванный непредвиденными, исключительными условиями обстановки, сложившейся в период мировой войны.

Только маневренные боевые действия могут привести к окончательному и сравнительно быстрому решающему успеху на войне. Поэтому в позиционный период мировой войны каждый из противников на всех фронтах стремится вырваться из «позиционного сиденья» и перейти к подвижным маневренным действиям путём широкого развития тактического успеха, достигнутого при прорывах укреплённых позиций.

Необходимо, разумеется, изучать условия и особенности позиционной борьбы, но не следует обобщать её законы и явления в применении к борьбе в маневренных условиях. Тенденция к подобным обобщениям может привести к тяжёлым ошибкам в будущем.

ГЛАВА II

АРТИЛЛЕРИЯ В МАНЕВРЕННЫЙ ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Артиллерия в наступательном бою [1]

В «Уставе полевой службы» 1912 г. указывалось, что «*стремление к наступательным действиям должно быть положено в основание при всякой встрече с неприятелем*».

Русская артиллерия основной своей задачей в наступательном бою считала: «*проложить пехоте путь*» для беспрепятственного её наступления, облегчить и обеспечить успех её боевой работы.

Согласно указаниям офицерской артиллерийской школы,[2] на основании которых производилась главным образом боевая подготовка русской артиллерии к первой мировой войне, «*в наступательном бою полевая артиллерия обязана обеспечить движение вперёд своей пехоте*».

Огонь артиллерии должен быть направлен на то, чтобы поражать и разрушать всё, что при данной обстановке наиболее вредит и мешает наступлению пехоты.

Задача эта сводится к следующим главным обязанностям артиллерии в наступательном бою:

1) заставить замолчать неприятельскую артиллерию, чтобы она не мешала движению нашей пехоты и огню нашей артиллерии;

2) уничтожить или во всяком случае прижать к земле обороняющуюся пехоту и лишить её возможности препятствовать ружейным и пулемётным огнём движению нашей пехоты;

3) разрушить сооружения противника, мешающие нашему наступлению;

4) препятствовать передвижению резервов и подкреплений обороняющегося.

---

[1] «Устав полевой службы», 1912 г., § 424, 444, 469, 495, 496, 506, 508, 514. «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г., § 87, 127, 128, 129, 132, 136, 138, 139—151.

[2] Указания эти были составлены автором настоящего труда в бытность его руководителем тактики в офицерской артиллерийской школе. См. «Пособие по стрельбе артиллерии» и «Артиллерийский журнал» за 1911 г.

По существу, сила атаки состоит в движении пехоты вперёд. Наступление пехоты замедляет не только тот огонь, который она выдерживает со стороны неприятеля, но и тот, который она сама ведёт. Пехота должна стрелять только тогда, когда безусловно не может итти вперёд. Огонь и движение несовместимы: при желании выполнить их одновременно лучшая пехота теряет и свой порыв и свои пули.

Артиллерия как могущественная помощница пехоты должна позволить последней подойти к противнику возможно ближе без ружейного огня. Огонь артиллерии и наступление пехоты должны быть одновременны: *первая, стоя на месте, стреляет, вторая идёт вперёд без стрельбы.* В таком разделении боевого труда, требующем искусного согласования, заключается, в сущности, внутренняя связь и взаимодействие между пехотой и артиллерией.

Действие артиллерии наступающего в бою против неподвижного обороняющегося противника и в бою встречном различны, в особенности при завязке боя.

В бою с неподвижным противником, занявшим оборонительную позицию и тем ограничившим себе свободу действий, наступающий имеет время и возможность выяснить обстановку с достаточной полнотой; артиллерия атакующего может получить более определённую задачу, действия её могут быть объединёнными, планомерными и более осторожными.

При завязке такого боя наступление пехоты авангарда, при содействии огня его батарей, должно заставить противника показать свою артиллерию и до некоторой степени раскрыть своё расположение. Первыми целями для стрельбы авангардных батарей могут быть неприятельские войска, занимающие передовые опорные пункты и остановившие наше движение. Затем, когда противник откроет свою артиллерию и очистит передовые пункты, но наступающая пехота ещё не войдёт в сферу ружейного и пулемётного огня, батареи авангарда, поддержанные артиллерией главных сил, должны обрушиться на батареи обороняющегося, стремясь сразу получить перевес над огнём неприятеля. Однако борьба с батареями противника не должна быть самостоятельной целью для артиллерии атакующего и служит лишь средством облегчить движение вперёд своей пехоте.

Со вступлением пехоты в сферу ружейного и пулемётного огня обороны артиллерия, в целях поддержания наступления и атаки, обязана: прижать неприятельскую пехоту к земле, чтобы она вовсе не стреляла или плохо стреляла, и заставить молчать ту артиллерию противника, которая или непосредственно останавливает пехоту или мешает батареям наступающего пролагать путь своей пехоте.

Атака требует чрезвычайного превосходства в артиллерии, чтобы она была способна для обеспечения движения вперёд своей пехоты одновременно привести к молчанию батареи противника

и затушить его ружейный и пулемётный огонь. Всегда возможно достичь необходимого превосходства, искусно сосредоточивая огонь лишь в одном районе, намеченном для нанесения противнику главного удара, и прибегая, в случае надобности, к обороне на всём остальном фронте.

Сосредоточивая сильнейший огонь по атакуемому району главного удара, артиллерия должна обстреливать и смежные с ним участки, а также ближайшие тыловые и фланговые подступы, чтобы воспрепятствовать подаче помощи атакуемым войскам.

Артиллерия должна как можно дольше поражать войска противника, избранные для нанесения решительного удара, принимая меры к сокращению той полосы перед противником, в которой её огонь опасен для своих; с этой целью предпочтительно вести огонь по атакуемым войскам теми батареями, которые занимают фланкирующие позиции (или хотя бы охватывающее положение).

При успехе атаки артиллерия обязана его закрепить. С этой целью она должна, пользуясь своей дальнобойностью и подвижностью, во-первых, помогать пехоте опрокидывать того неприятеля, который ещё упирается или пытается вернуть утраченные пункты, и во-вторых, добивать преследуемого противника, начиная обстреливать более удалённые части отступающего, где легче возникает паника.

При неудачной атаке артиллерия встречает своим огнём неприятеля, перешедшего в наступление, и прикрывает отступление своих войск, ведя огонь до последней крайности и жертвуя собой для их выручки.

Действия артиллерии, особенно при завязке боя, различаются при *встречном бое*, когда обе стороны стремятся к наступлению, и при атаке неприятеля, *занявшего позицию для обороны*.

Насколько успех *встречного столкновения* обусловливается главным образом быстротой введения в бой подавляющей артиллерии, настолько при наступлении на остановившегося противника, занявшего оборонительную позицию и тем ограничившего себе свободу действий, возможно и необходимо предварительно выяснить обстановку с достаточной полнотой и произвести тщательную подготовку, выработав план действий.

«Тщательная и полная разведка, а равно планомерность действий артиллерии, в особенности необходимы при *атаке укреплённой позиции*», указывалось «Наставлением» 1912 г. (§ 128). Но это указание «Наставления» не останавливало на себе сколько-нибудь серьёзного внимания русских артиллеристов того времени. Воспитанные в духе пренебрежительного отношения к «подлой обороне», они в течение почти двух первых лет войны не считались с силой обороны, которая при современном вооружении и техническом оснащении оказалась очень велика даже тогда, когда не имелось достаточно времени на её подготовку.

Артиллеристы ограничивали свою задачу необходимостью только прикрыть своим огнём наступление пехоты и подвести её возможно ближе к противнику — и не только в условиях полевого открытого боя, но даже и при штурме укреплённых позиций.

Несомненным крупным недостатком довоенного руководства боевой подготовкой русской артиллерии являлась недооценка силы и возможностей обороны и почти полное отсутствие указаний на необходимость *артиллерийской подготовки атаки*, заключающейся не только в уничтожении живой силы противника, но и в разрушении укреплений, защищающих живую силу, и искусственных препятствий, преграждающих путь пехоте. При довоенной подготовке артиллерии это предусматривалось лишь вскользь и только теоретически, в том предположении, что в боевых действиях маневренного характера, к которым почти исключительно готовились, ни укреплений, ни искусственных препятствий не будет, вследствие чего от артиллерии потребуется только поддержка наступления пехоты.

Предварительная подготовка атаки артиллерийским огнём, в сущности, не предусматривалась уставами старой русской армии.

В «Уставе полевой службы» 1912 г. указывалось, что при наступлении артиллерия в начале столкновения поддерживает развёртывание пехоты в боевой порядок, затем должна своим огнём «прокладывать дорогу пехоте и для этого поражать те цели, которые препятствуют в достижении поставленных пехоте боевых задач», когда же пехота атакует, «артиллерия сосредоточивает огонь по атакуемым целям, а если они закрыты, то по резервам», и что батареи, «особо назначенные», должны выдвинуться к атакующим войскам, чтобы «поддержать атаку пехоты» (§ 469); что артиллерия при выборе целей «должна всегда иметь в виду облегчение наступления пехоты», обстреливая в начале боя преимущественно неприятельскую артиллерию, чтобы «отвлечь её от своей пехоты», когда же последняя подойдёт на действительный ружейный огонь, действовать «преимущественно по пехоте неприятеля» (§ 495). В том же § 495 указывалось, что «*мортирные* (гаубичные) батареи особенно выгодно применять: по целям, закрытым спереди; по щитовым орудиям, по пехоте и артиллерии в окопах; по пехоте, занимающей населённые пункты и укрывшейся в лесу, и по опорным пунктам»; что «*тяжёлая полевая артиллерия* применяется для разрушения прочных целей» и что «*тяжёлые полевые пушки* выгодны также для поражения с дальнего расстояния войсковых колонн и войск, сосредоточенных на небольшом пространстве»... В § 496 указывалось, что по мере развития боя, когда определится участок в расположении противника, на который должен быть направлен *решительный удар*, «артиллерия сосредоточивает огонь возможно большего числа орудий: по войскам противника и опорным пунктам, расположенным в избранном для атаки участке; по резервам неприятеля, направляемым

к этому участку, и по войскам, обстреливающим подступы к нему».

Наконец, относительно действий артиллерии при атаке неприятеля, занимающего заранее *укреплённую позицию*, в «Уставе полевой службы» (§ 506 и 508) говорилось только, что охватывающее расположение артиллерии способствует «перекрёстному обстреливанию опорных пунктов», что «для разрушения опорных пунктов, укреплений и блиндажей особенно ценно применение мортирных (гаубичных) и полевых тяжёлых батарей» и что «*искусственные препятствия*, если возможно, надо сбить или ослабить огнём тяжёлой артиллерии, или завалить, или испортить их, препятствуя ружейным и артиллерийским огнём их исправлению».

Согласно «Наставлению для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. при наступлении батареи авангарда должны были помогать пехоте выигрывать пространство и содействовать захвату передовых опорных пунктов противника.

Размещаясь на широком фронте, занимая позиции с широким обстрелом и пользуясь своей подвижностью, авангардные батареи должны были стремиться поддержать наступающую пехоту на возможно большем числе пунктов.

Под прикрытием действий авангарда артиллерия главных сил выдвигалась на обеспеченные боем авангарда позиции, причём в большинстве случаев первоначально располагалась в «наблюдательном положении». Такое положение артиллерия боевой части принимала до открытия ею огня и во время его перерывов, т. е. располагалась на боевой ОП в готовности открыть огонь, непрерывно ведя наблюдение за полем боя и за противником, имея материальный и личный составы по возможности укрытыми от наблюдения и огня противника. Огонь открывался, по возможности, по окончании развёртывания в боевой порядок всей артиллерии. Однако в тех случаях, если требовалось закрепить или развить успех авангарда, а иногда и выручить его из критического положения, батареи главных сил вводились в бой и открывали огонь по мере их прибытия к избранным позициям.

Расстояния до неприятеля (дистанции) первых артиллерийских позиций зависят от плана боя и от местности. Вообще предлагалось открывать артиллерийский огонь внезапно и с действительной дистанции, почему первые позиции следовало выбирать *настолько близко к противнику, насколько это допускалось обстановкой.* С другой стороны, артиллерия должна поддержать своим огнём пехоту с самого начала её развёртывания, почему удаление первых позиций не может быть мало. Что же касается артиллерии авангарда, то ей иногда необходимо бывает открывать огонь на дальние дистанции, чтобы заставить противника развернуться, открыть ответный огонь и раскрыть своё расположение.

При занятии артиллерийских позиций необходимо иметь в виду, что в тылу главной линии обороны противника должна оставаться достаточно глубокая полоса (1—2 *км*), обстреливае-

мая с занятых позиций; запас досягаемости выстрелов необходим также для возможности переносов артиллерийского огня по возможно широкому фронту расположения неприятеля.

Необходимо принимать во внимание и то, что с развитием боя может потребоваться перемена позиции вперёд — при возникновении новых боевых задач, или если первые позиции пришлось занять в большом удалении от противника, или же если с продвижением наступающей пехоты вперёд становится затруднительным ведение огня с прежних позиций — действительного и отвечающего потребностям пехоты.

Артиллерия атакующего обязана использовать выгоды закрытых ОП, применение которых по большей части не встретит затруднения в начале боя, когда оно особенно выгодно ввиду неясности обстановки и опасности от огня батарей обороны. Когда же по мере развития боя и достижения боевого успеха обстановка разъясняется, приобретает преимущественную важность элемент времени, — артиллерии придётся действовать также с полузакрытых и открытых ОП, допускающих более быстрое открытие огня и в меньшей мере требующих применения искусственной связи.

«Наставлением для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. указывались следующие задачи артиллерии при наступлении:

а) Пока пехота ещё не вступила в сферу ружейного и пулемётного огня, главной задачей артиллерии атакующего является «борьба с батареями противника» с целью подавить или по крайней мере отвлечь их огонь от наступающей пехоты.

В случае нерешительного исхода артиллерийской борьбы и невозможности достигнуть определённого успеха над батареями обороны, артиллерия атакующего должна была перенести свой огонь на непосредственную поддержку наступления пехоты. Но при этом часть батарей атаки оставлялась для огневого наблюдения за артиллерией противника, которое требовалось вести в течение всего боя, отвлекая на себя неприятельский огонь, а также следя за возможным появлением новых батарей противника. В том случае, если нерешительность артиллерийской борьбы являлась результатом больших расстояний, артиллерия атакующего должна была продвинуться вперёд на более действительные дальности стрельбы.

Требовалось, чтобы в период артиллерийской борьбы батарей наступления действовали одновременно и по другим целям как для оказания непосредственной помощи пехоте, так и для получения пристрелочных данных для ведения огня по более важным пунктам неприятельского расположения, в особенности по району, намечаемому для нанесения главного решающего удара.

б) С вступлением пехоты в сферу ружейного огня обороны обязанности артиллерии атакующего заключаются «*в подавлении артиллерийского, ружейного и пулемётного огня противника, в содействии частным ударам пехоты* на всем фронте во время

подготовительного *боя и в поддержке её главного удара на избранный участок.* В этот период боя для обеспечения успеха и уменьшения потерь пехоты огромное значение имеют *сила артиллерийского огня и искусное им управление».*

«Для разрушения укреплений в большинстве случаев потребуется содействие *тяжёлых батарей...»*

в) «С началом наступления пехоты для ведения решительного огневого боя, подготовляющего *главный удар,* возможно бо́льшая часть артиллерии должна направить подавляющий огонь, предпочтительно с охватывающих позиций, на атакуемый участок боевой линии противника с целью облегчить пехоте приближение на дистанцию штыкового удара...»

Затем указывался ряд частных задач, которые должна была выполнять артиллерия, и, между прочим, подчёркивалось, что артиллерийский огонь обороны «должен быть затушен не только на атакуемом участке, но и по обе стороны, на достаточно широком фронте, чтобы *пехота была надёжно обеспечена от противодействия со стороны неприятельских батарей».*

В частности, артиллерия обязывалась:

1) удерживать приведённые к молчанию неприятельские батареи в подавленном состоянии, отвлекать огонь неподавленных и вновь появляющихся батарей противника;

2) обстреливать атакуемый и смежные с ним участки неприятельского фронта на достаточном протяжении с целью подавить ружейный и пулемётный огонь обороны;

3) обстреливать внутреннее пространство обороны, тыловые и фланговые подступы к атакуемым участкам расположения противника с целью прервать сообщения в тылу неприятеля, препятствовать подходу его резервов и усилению его обороняющихся войск, разрушить его закрытия, искусственные препятствия и пр;

4) обеспечивать наступающую пехоту от контратак противника, обстреливая подступы к району, в котором ведётся наступление.

Указанные задачи артиллерия могла выполнить частью с прежних занятых ею позиций, частью требовалось для их выполнения переместить некоторые дивизионы или батареи, или перенести наблюдательные пункты и выслать новых вспомогательных передовых и боковых наблюдателей.

«Наставлением» 1912 г. подчёркивалось, что *«переменами позиций следует пользоваться для занятия флангового положения с целью повысить действительность огня и получить возможность дольше вести стрельбу по пунктам атаки без опасности для своих войск».*

Для обеспечения успешности огневой артиллерийской поддержки главного удара считалось существенно важным, чтобы:

1) Начальник артиллерии заблаговременно получил указания непосредственно старшего общевойскового начальника (начальника отряда) относительно неприятельского участка, на который будет направлен главный удар, и приблизительно о времени на-

чала атаки. Артиллерия должна ещё к началу наступления занимать позиции, позволяющие ей наилучшим образом выполнить поставленную задачу: она должна обеспечить успех своей стрельбы путём подготовки данных заблаговременной пристрелкой и т. п., в равной мере обеспечить пополнение предстоящего ей огромного расхода боеприпасов.

2) Для поддержания главного удара назначалось возможно большее количество артиллерии, иногда с выделением части её в особый артиллерийский участок, привлекая к содействию батареи соседних боевых участков, с изъятием их, в случае надобности, из подчинения начальникам последних, причём вся артиллерия, назначенная для поддержки удара, за вычетом небольшой части, назначаемой для ближайшего содействия пехоте, поступала в подчинение одному начальнику, ответственному за успех её боевой работы, т. е. начальнику артиллерии войсковой части, назначенной для нанесения решительного удара.

3) Вся артиллерия, в том числе тяжёлая и почему-либо ещё не вступившая в бой, обязательно вводилась в действие.

В наступательном бою необходимо, чтобы артиллерия атаки с самого начала боя достигла перевеса в огне над неприятелем. Артиллерия всегда может достичь необходимого превосходства при искусном сосредоточении огня возможно большего числа орудий в районе расположения противника, избранном для нанесения главного удара. Одновременно артиллерия должна обстреливать смежные участки и ближайшие тыловые и фланговые подступы, чтобы воспрепятствовать подаче помощи войскам, атакуемым в районе главного удара.

«Наставлением» 1912 г. указывалось (§ 141), что для выполнения всех задач, выпадающих на долю артиллерии, при поддержке главного удара пехоты, требуется «*согласованная, объединённая общностью целей и единством управления работа большого количества артиллерии*».

«Уставом полевой службы» 1912 г. предлагалось иметь в виду (§ 444), что артиллерия может решительно воздействовать на исход сражения, если она «*с самого начала будет введена в бой в таких силах, чтобы достигнуть перевеса в огне*» и что поэтому «артиллерию предпочтительно назначать в боевые участки». *Оставление артиллерии в резерве представляется вообще нецелесообразным*, хотя в том же «Уставе» говорилось, что в крупных отрядах часть артиллерии может оставаться и в общем резерве, располагаясь вместе с ним или «занимая выжидательное положение на удобном для сего месте», т. е. на боевой позиции в готовности открыть огонь или в так называемом «наблюдательном положении»[1].

Из описаний боевых действий русской артиллерии в период маневренной войны (в материалах ЦГВИА) видно, что части

[1] Артиллерия в «наблюдательном положении», т. е. расположенная на ОП, но временно в грозном выжидательном молчании, является, по существу, артиллерией в резерве.

артиллерии оставлялись иногда в резерве и до конца боя не принимали в нём участия.

Во время боёв в Карпатах в декабре 1914 г. две батареи 19-й артиллерийской бригады и взвод мортирной (гаубичной) батареи оказались в резерве, впрочем, по объяснению командования, за отсутствием для них подходящих огневых позиций.

В бою 1 апреля 1915 г., когда русская 19-я пехотная дивизия должна была содействовать успеху наступления сводного корпуса на Гуменна, приказом начальника дивизии (№ 96) 2-я батарея 12-го мортирного артиллерийского дивизиона (4 лёгкие 122-*мм* гаубицы) была оставлена в общем резерве дивизии у Мезалоборч. В данном случае оставление в резерве 122-*мм* гаубиц не оправдывалось никакими соображениями.

В маневренный период войны русская артиллерия действовала в боях большей частью побатарейно. Объединённого управления огнём не только крупных артиллерийских соединений, но даже артиллерийских дивизионов обычно не бывало.

В описаниях боевых действий той же 19-й артиллерийской бригады в период карпатских боёв в ноябре-декабре 1914 г. приводится только один случай объединённого управления несколькими батареями в руках командира бригады (считавшегося лучшим боевым командиром, отличившимся ещё во время русско-японской войны). Под его общим начальством в наступательном бою 24 декабря 1914 г. был образован особый артиллерийский участок в составе 2-го дивизиона 19-й артиллерийской бригады, 2-й батареи 12-го мортирного артиллерийского дивизиона, двух гаубичных и одной пушечной батареи 4-й тяжёлой артиллерийской бригады (всего 42 орудия, в том числе: 24 полевые 76-*мм* пушки, 6 полевых 122-*мм* гаубиц, 8 полевых тяжёлых 152-*мм* гаубиц и 4 полевые тяжёлые 107-*мм* пушки).

Объединённые действия этого артиллерийского боевого участка были весьма удачными; в этом бою артиллерия оказала существенную помощь своей пехоте.

В отношении действий артиллерии при атаке укреплённой позиции в «Наставлении» имелись только неопределённые указания общего характера, а необходимость предварительной артиллерийской подготовки не предусматривалась. В «Наставлении» говорилось лишь о том, что при атаке укреплённой позиции в особенности необходима «тщательная и полная разведка, а равно планомерность действий артиллерии»; что стрельба артиллерии по фортификационным сооружениям «полезна в тех случаях, когда этим могут быть облегчены действия своих войск»; что «разрушительная способность орудий, назначаемых для стрельбы по таким целям, должна соответствовать и прочности последних»; что в этом случае «большое значение приобретают содействие тяжёлых батарей и широкая подготовка артиллерийского огня» (а не артиллерийская подготовка атаки); что «при упорной обороне сильно укреплённой позиции для приближения к пунктам атаки может потребоваться несколько дней» (это положение

можно считать лишь намёком на то, что требуется более или менее длительная предварительная артиллерийская подготовка); что при атаке укреплённых позиций «частое применение получают ночные действия артиллерии».

«Наставлением» 1912 г. указывалось, кроме того, что при атаке укреплённой позиции общая группировка артиллерии должна способствовать охватывающему обстреливанию атакуемого участка, в особенности его опорных пунктов, и что «в этом случае важное значение имеют искусное применение закрытого расположения артиллерии, тщательное оборудование её позиции и широкая подготовка стрельбы».

Требовалось, чтобы при атаке укреплённой позиции артиллерии было «предоставлено время, необходимое ей для полного изготовления».

Имелось в виду при этом, что иногда невозможно будет занять намеченные позиции днём и батареям придётся лишь продвинуться до сферы артиллерийского огня и засветло произвести разведку, что в данном случае позиции придётся занимать под покровом темноты и огонь открывать с рассветом.

Начальник артиллерии обязан был доносить начальнику отряда (старшему общевойсковому начальнику) о готовности открыть огонь.

В предвидении неизбежного при атаке укреплённой позиции огромного расхода боеприпасов начальник артиллерии должен был целесообразно распределить артиллерийские парки, своевременно их подтянуть к боевым линиям и разместить эшелонами на путях, ведущих от войск к местным паркам (передовым складам боеприпасов).

Для непосредственной поддержки атакующей пехоты ей придавались особые небольшие части артиллерии, вооружённые более лёгкими орудиями. Артиллерия, назначенная для ближайшего содействия пехоте, распределялась между частями атакующих войск. Командиры придаваемой пехоте артиллерии обязаны быть постоянно осведомлёнными о непосредственных боевых надобностях пехоты, постоянно стремиться преодолеть огнём и устранить всякое препятствие, какое может затруднить её наступление. По мере продвижения пехоты вперёд приданная ей артиллерия меняет свои позиции также вперёд, причём трудность стрельбы через головы при постоянно уменьшающихся и вообще небольших дистанциях заставляет занимать позиции на флангах и в интервалах между частями пехоты и менять позиции, когда с прежних позиций стрельба становится невозможной.

Артиллерии непосредственной поддержки пехоты приходится действовать небольшими частями — батареями, взводами — без надёжной связи их между собой и с начальниками. Командиры этих частей *«обязаны проявлять самую широкую инициативу и должны быть беззаветно готовы поддержать свою пехоту во что бы то ни стало»*.

Сопровождающие атаку пехоты артиллерийские части должны были следовать за ней, выбирая формы строя, наиболее отвечающие свойствам местности. Нередко единственным возможным способом перемещения будет прерывчатое движение мелкими частями и даже отдельными орудиями, от закрытия к закрытию. В случае большой убыли в лошадях или невозможности движения конной тягой пехота должна была помочь передвижению орудий и зарядных ящиков на руках. Артиллерия обязана быть готовой во всякую минуту открыть огонь — или для поражения целей, которые остановили пехоту, или для оказания ей помощи в случае неудачи.

Артиллерийские части, назначенные для сопровождения атаки, должны были следовать за пехотой до самых малых дальностей, не останавливаясь перед риском.

Полевые лёгкие батареи, ввиду большого веса системы 76-*мм* полевых пушек, в сущности, не были в состоянии сопровождать атакующую пехоту. Поэтому при наличии горных батарей непосредственное сопровождение пехоты возлагалось на них. Нередко единственным возможным способом перемещения за атакующей пехотой оказывалось прерывчатое движение мелкими частями и даже отдельными орудиями, от укрытия к укрытию, причём в случае убыли в лошадях пехота должна была помогать передвижению орудий и зарядных ящиков на руках, что возможно было лишь при наличии 76-*мм* горных пушек.

На обязанности артиллерии, назначенной для непосредственного содействия наступающей пехоте, лежало: отыскание укрыто расположенных неприятельских орудий и пулемётов, обстреливающих ближние подступы к атакуемым участкам противника, и подавление их огня; разрушение препятствий, непосредственно задерживающих движение атакующей пехоты и поддающихся разрушению с небольших расстояний; противодействие встречным ударам обороняющегося; сопровождение атакующей пехоты не только для материальной, но и моральной её поддержки, а также для немедленного занятия захваченной позиции.

Мировая война многими примерами подтвердила необходимость иметь в составе пехотных подразделений свою артиллерию (полковую, батальонную), которая всегда служила бы для сопровождения и ближайшей непосредственной поддержки, а иногда и для выручки своей пехоты при неблагоприятно сложившихся для неё условиях боевой обстановки.

Во время войны до 1916 г., т. е. в маневренный её период, русская армия не имела в своём составе соответствующей облегчённой артиллерии, которая могла бы действовать в ближайшей связи с пехотой и сопровождать её в бою. Роль такой артиллерии приходилось иногда возлагать на горные батареи.

В феврале 1915 г. в Карпатах один из русских стрелковых полков, получивший задачу захватить Лупковский перевал и железнодорожный туннель, проходящий в перевале, наткнулся у туннеля на казарму-блокгауз и, встреченный оттуда ружейным

и пулемётным огнём, вынужден был остановиться. Обратились за помощью к своей батарее горного дивизиона 3-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Взвод горной батареи, быстро спустившись с горы, открыл огонь по блокгаузу-казарме с открытой позиции прямой наводкой с расстояния 350—400 *м*. После восьмого выстрела защищавшие блокгауз австрийцы сдались — не пехоте, а, как сказал их офицер, «сумасшедшей русской батарее». Между прочим, в этом горном артиллерийском взводе потерь не было.

При наступлении на Черновицы в начале мая 1915 г. русская пехота овладела гребнем высот у Рапанче, но, встреченная за гребнем сильным пулемётным огнём противника, не могла продвинуться дальше. С артиллерийских наблюдательных пунктов не было видно, что происходило за гребнем. Тогда взвод горной батареи карьером помчался к пехоте на помощь. Однако ко времени выезда его на гребень русская пехота была почти сбита с него контратакой противника. При этом командир горного взвода был ранен и попал в плен. Орудийные запряжки были перебиты. Тем не менее уцелевшие люди орудийного расчёта по своей инициативе успели выпустить 4—5 шрапнелей на картечь, что остановило австрийцев и дало возможность задержаться русской пехоте на гребне, на линии своих горных пушек.

В описаниях военных действий русской 19-й артиллерийской бригады указывается случай, когда в наступательном бою 4 апреля 1915 г. пришлось одну горную 76-*мм* пушку обр. 1909 г. поставить в окопы Кубанского пехотного полка рядом с пулемётом, лишь в 800 шагах от противника. Эта пушка на другой день боя, 5 апреля, оказала весьма существенную поддержку своему полку. Находясь под сильным ружейным, пулемётным и артиллерийским огнём противника, это горное орудие своим огнём разбило противолежащие окопы неприятеля и принудило противника очистить их. Окопы были взяты Кубанским полком, и в них оказалось много убитых артиллерийским огнём. Командовавший горным орудием офицер был смертельно ранен.

В тех же описаниях указывается на необходимость иметь при передовых частях пехоты передовых наблюдателей из артиллерийских офицеров, благодаря которым не только обеспечивается взаимодействие артиллерии с пехотой, но и облегчается отыскание неприятельских батарей, расположенных на закрытых позициях.

Передовыми наблюдателями, офицерами 19-й артиллерийской бригады, были обнаружены: в бою 2 апреля 1915 г. две неприятельские батареи, а в бою 16 апреля того же года три батареи.

Согласно «Наставлению» 1912 г. *«артиллерийский огонь по укреплениям, местным предметам и пунктам атаки должен вестись одновременно с наступлением на них пехоты... Угроза удара пехоты* удерживает обороняющегося на линии огня, заставляет его стрелять, не позволяет укрываться и этим даёт артиллерии уязвимые цели. Стрельба артиллерии без одновременного

наступления пехоты не может дать плодотворных для последней результатов; работа артиллерии должна вестись в тесной связи с боевой деятельностью пехоты». Согласованность работы артиллерии и пехоты должна базироваться на общности целей и боевых задач, проявляться в содействии артиллерии успеху атаки в целом, а внешним образом выражаться в подчинении артиллерии общевойсковому начальнику, назначенному для нанесения удара противнику, но не в распределении артиллерии небольшими единицами между частями пехоты.

Непосредственно перед решающим ударом атакующей пехоты артиллерия должна довести огонь до высшего напряжения, не позволяя обороняющемуся показываться из-за закрытий, пока пехота не бросится в штыки.

Непосредственное обстреливание укреплений и опорных пунктов в большей части случаев оказывается возможным лишь по ослаблении огня артиллерии обороны.

Батареи, оставшиеся во время атаки на тыловых позициях, должны вести огонь до тех пор, пока продолжение стрельбы по атакуемым пунктам не станет опасным для своих. Тогда батареи атаки переносят огонь на тыл и фланги позиции противника, его резервы, и т. п., будучи при этом всегда готовыми преградить своим огнём встречный удар обороняющегося.

В случае успеха атаки батареи непосредственного ближайшего содействия пехоте должны быстро занять захваченную позицию, чтобы успеть своим огнём пресечь попытки противника вернуть потерянное и дать возможность своей пехоте восстановить порядок, чтобы безостановочно продолжать наступление в глубину неприятельского расположения. Они обязаны приложить все усилия, чтобы хотя часть орудий прибыла на захваченный участок одновременно с пехотой и немедленно открыла огонь.

Батареи, действующие с дальних позиций, частью также переезжают за пехотой на захваченную позицию, чтобы окончательно закрепить её занятие и оттуда начать преследование противника огнём; остальные батареи ведут огонь по отступающему неприятелю, а по выходе его из сферы поражения также переезжают возможно быстрее вперёд, чтобы поражать противника с небольших дальностей.

Преследование разбитого противника, самое энергичное и безостановочное, необходимо для достижения окончательного решающего успеха.

Артиллерия, благодаря своей дальнобойности и подвижности (в особенности самоходная и на автотяге), может оказать огромное содействие при преследовании, не давая своим огнём противнику возможности задерживаться на рубежах и уничтожая всякую его попытку восстановить положение контратаками.

Назначенные для преследования батареи должны быстро двигаться вперёд, перемещаясь во избежание перерывов в огне эшелонами и занимая ОП на дальностях самого действительного огня. При этом они должны стремиться занимать фланговые по-

зиции, или хотя бы обеспечивающие возможность вести косоприцельный огонь, и направлять огонь преимущественно на те части противника, которые ещё сохраняют порядок, и на те неприятельские батареи, которые пытаются стрелять. Необходимо обстреливать также более удалённые части отступающего, так как в них легче возникает паника.

Для преследования следует выдвигать батареи с кавалерией, в особенности конно-артиллерийские батареи (в современных условиях — с конницей, танками и батареи с самоходными орудиями и на автотяге).

Во время преследования артиллерия должна вести огонь непрерывно; при занятии ОП соображения относительно укрытия, протяжения позиций по фронту, величины интервалов, поддержания связи и т. п. теряют своё значение; необходимо занимать позиции и открывать огонь без малейшего промедления. Нередко придётся батареям преследования действовать с открытых позиций прицельным огнём (прямой наводкой), с неполным числом орудий и с неполным комплектом людей и лошадей.

В большинстве случаев преследующие батареи не будут получать приказаний и должны будут действовать самостоятельно по инициативе своих командиров. Артиллерия, как и другие наступающие войска, обязана вести преследование с полным напряжением энергии, до предела сил своих людей и лошадей, до окончательного разгрома и уничтожения отступающего неприятеля. Артиллерия должна стремиться наносить своим огнём настолько сильное поражение противнику, чтобы отнять у него последнюю способность к сопротивлению.

Во время преследования артиллерийским начальникам, даже младшим, представится много случаев для проявления почина и самостоятельности. Они всегда должны уметь разбираться в самой трудной, изменчивой боевой обстановке и быстро приводить свои части в порядок, имея в виду, что в больших современных сражениях местный успех ещё не обусловливает окончательного решения и за ним может неожиданно последовать резкое изменение обстановки.

Старшие артиллерийские начальники должны своевременно позаботиться о достаточном и безотказном пополнении боеприпасов, без чего успех преследования может стать сомнительным и даже свестись на-нет.

Относительно действий артиллерии в случае неуспеха атаки будет сказано ниже (см. «Артиллерия при выходе из боя»).

До русско-японской войны считали, что артиллерия должна *начать бой* с неприятельской артиллерией и *отвлечь её огонь* от своей пехоты, что всё остальное в бою — дело самой пехоты.

После войны с Японией пришли к убеждению, что артиллерия не только *начинает* бой, но и *ведёт* его, провожая и прикрывая

огнём свою пехоту до момента атаки, когда переносит огонь в тыл и на резервы противника за невозможностью помогать непосредственно атакующей пехоте, во избежание поражения её своим огнём, что в атаку пехота идёт сама и *завершает* бой уже без непосредственной помощи артиллерии.

В первое время мировой войны твёрдо держались этого убеждения.

Даже в приказании блокадному корпусу для штурма крепости Перемышль 4 октября 1914 г. (см. седьмую часть «Действия русской артиллерии при штурме Перемышля 7 октября 1914 г.»), составленном при участии начальника артиллерии Дельвига (известного в то время выдающегося артиллериста, бывшего помощника начальника офицерской артиллерийской школы), командир корпуса Щербачев (бывший начальник академии Генерального штаба) не упоминает о необходимости предварительной артиллерийской подготовки штурма, а обращает внимание лишь на взаимодействие пехоты с артиллерией и подтверждает основы тактики артиллерии, проводившиеся в жизнь в мирное время. Приказанием предлагается [1]:

«Войскам блокадного корпуса помнить, что успех артиллерийского огня в значительной степени зависит от организации связи пехоты с артиллерией. Артиллерия должна стрелять, чтобы заставить противника скрыться, а пехота должна наступать, чтобы заставить его открыть живые цели... Требовать от артиллерии высылки передовых наблюдателей к пехоте и от пехоты стремительного движения вперёд...»

При штурме Перемышля русская артиллерия стреляла, заставляла неприятеля укрыться, подводила свою пехоту почти без потерь к самым укреплениям Перемышля, но затем оставляла её без огневой поддержки, так как, во избежание её поражения, вынуждена была переносить огонь в тыловой район укреплений. Уцелевшие в своих неразрушенных укреплениях австрийцы встречали штурмующую русскую пехоту убийственным огнём и отбивали штурм, нанося пехоте огромные потери.

Несмотря на кровавую неудачу штурма Перемышля, русская артиллерия осталась при убеждении, что задача её в наступательном бою — прикрывать огнём свою наступающую пехоту и обеспечивать её продвижение к противнику без потерь от его огня до момента её атаки. Такое убеждение вытекало из опыта удачных боевых действий в маневренный период войны.

В сражении на р. Дубиссе 27—28 мая 1915 г. немцы заняли г. дв. [2] Иозефово за р. Дубиссой, «отличную», как тогда рекомендовалось тактикой, позицию для пехоты на так называемом стрелковом гребне крутого ската, командовавшего над всей совершенно открытой долиной реки, шириной 1 200—1 500 шагов. Германская пехота окопалась на гребне довольно основательно,

---

[1] ЦГВИА. 11—124, л. 8.
[2] Господский двор.

но о маскировке окопов не позаботилась. Русская артиллерия показала в этом бою, между прочим, что лучшей защитой для окопов является не столько солидность их, сколько незаметность.

Батареи 1-го Кавказского стрелкового артиллерийского дивизиона (всего 10 полевых 76-*мм* пушек) открыли убийственный огонь по ясно видному окопу германской пехоты и не позволили ей показывать голов из-за бруствера для встречи атаки ружейным и пулемётным огнём. Русские стрелки одним махом прошли открытую долину р. Дубиссы с самыми небольшими потерями, бросились на штурм и выбили немцев из окопов.

Участник этого боя со стороны немцев пишет, что «даже на Западном (т. е. на французском) фронте мы (т. е. немцы) никогда не испытывали во время позиционной войны столь смертоносного огня, как в этот момент» (Poseck. «Die Deutsche Kavallerie»).

По «Наставлению» 1912 г. батареи авангарда в наступательном бою должны помогать пехоте выигрывать пространство и содействовать захвату передовых опорных пунктов неприятеля. Не задаваясь целью борьбы с неприятельской артиллерией, они обязаны оказывать непосредственное содействие пехоте. Общий характер их действий должен быть «*энергичным, смелым, решительным*». Однако при наступлении против неприятеля, занявшего оборонительную позицию, батареи авангарда должны произвести тщательную разведку, и чтобы не подвергнуться подготовленному огню превосходных сил артиллерии обороны, они должны возможно лучше применяться к местности, занимая преимущественно закрытые позиции. С целью наилучшего и наиболее безопасного расположения авангардных батарей признавалось полезным иногда попытаться вызвать огонь артиллерии обороны огнём небольших «разведочных» артиллерийских частей, которые при искусном действии, расположении на широком фронте и быстрой стрельбе с разных позиций могли ввести неприятеля в обман относительно сил и размещения артиллерии атаки.

Словом, действия авангардной артиллерии против неприятеля, занявшего оборонительную позицию, должны были быть решительными, но вместе с тем и осторожными.

Русская артиллерия, практиковавшаяся в мирное время почти исключительно в действиях при встречных столкновениях с противником, а не с остановившимся и приготовившимся для обороны, в маневренный период войны часто игнорировала приведённые выше указания.

Авангардный полк 1-й Финляндской стрелковой бригады с одной лёгкой 76-*мм* батареей, прикрывавший сосредоточение войск русского 22-го корпуса к границе с Восточной Пруссией, вел 5—6 сентября 1914 г. наступление от Бяла на Иоганисбург.

При подходе к Иоганисбургу передовые части полка были обстреляны артиллерийским и ружейным огнём противника. Развернувшись в боевой порядок, полк занял позицию приблизительно в 1,5 *км* от противника и завязал с ним перестрелку. К 8 час.

6 сентября подошли ещё два стрелковых полка с тремя лёгкими батареями (24 полевые 76-мм пушки) и казачий полк (рис. 11).

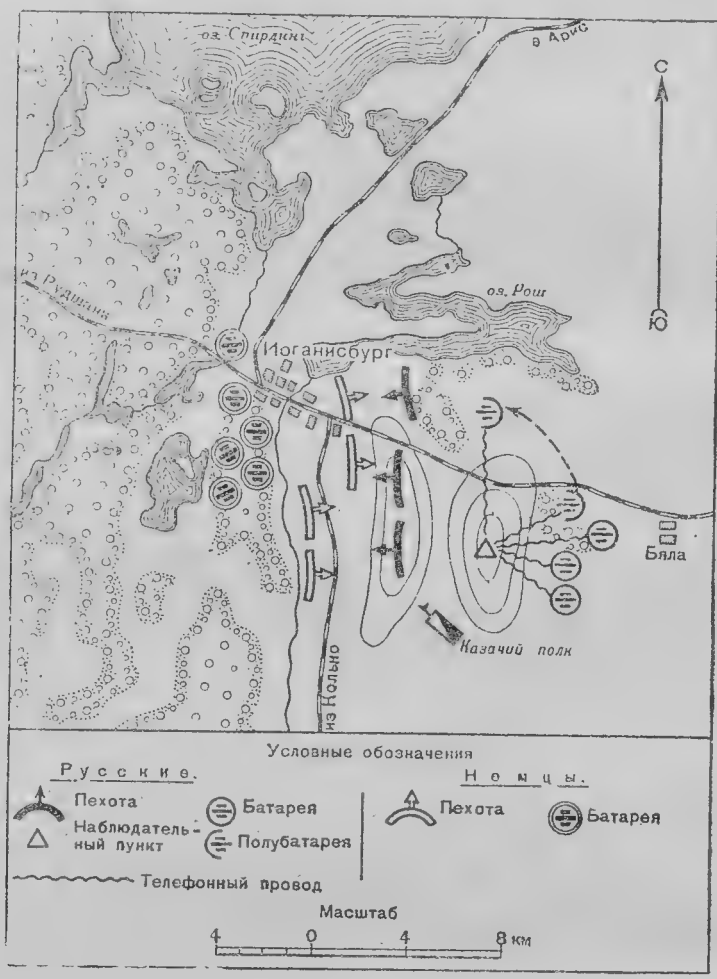


Рис. 11. Наступление 1-й Финляндской стрелковой бригады на Иоганнисбург 5—6 сентября 1914 г.

В течение 5 сентября разведка с целью подготовки наступления не велась ни пехотой, ни артиллерией. Предполагалось, что около трёх германских батальонов с одной батареей занимают позицию на восточном берегу речки, протекающей через Иоганнисбург.

Не проверив этих сведений и не зная определённо ни сил, ни расположения противника, начальник стрелковой бригады, ориен-

тировавшись поверхностно с наблюдательного пункта командира авангардной батареи, приказал:

а) артиллерии начать подготовку атаки, ведя огонь по пехоте и по батарее противника; через час перенести огонь по городу; выделить одну полубатарею (4 орудия) для сопровождения пехоты;

б) пехоте одним полком атаковать противника, занимающего восточную окраину города; другим полком наступать левее — юго-восточнее города, в обход правого фланга противника; 3-му полку оставаться в резерве уступом за левым флангом;

в) коннице, переправившись через речку южнее Иоганнисбурга, ударить в правый фланг и тыл противника.

Артиллерия заняла огневые позиции в 2—3 *км* за пехотой, прикрываясь лесом, имея лишь один общий наблюдательный пункт за 2-м полком (приблизительно в 2,5 *км* к юго-востоку от города).

После короткого обстрела огнём 32 полевых 7-*мм* пушек восточной окраины Иоганнисбурга стрелки правофлангового полка двинулись в атаку, но, неожиданно встреченные сильным огнём четырёх лёгких и двух гаубичных германских батарей (а не одной, как считали), расположенных укрыто в лесу — западнее и юго-западнее города, и пулемётным огнём подошедших частей 1-й германской дивизии, вынуждены были отойти в исходное положение.

Другой полк, выйдя на высоту к юго-востоку от Иоганнисбурга, неожиданно очутился перед пехотой противника, которая, как оказалось, скрывалась в боевом порядке за той же высотой (к западу от неё); встреченный сильным ружейным и пулемётным огнём этой пехоты, другой полк также отошёл в исходное положение.

Казачий полк попал под артиллерийский огонь из леса юго-западнее Иоганнисбурга и задачи выполнить не мог.

К вечеру 6 сентября русские отступили к Бяла. Основная причина неудачи русских — отсутствие необходимой разведки и, как следствие, предвзятое представление командования о силах и расположении противника, не соответствующее действительной обстановке. Не зная сил противника, русская артиллерия не смогла, естественно, оказать нужную помощь своей пехоте.

Авангард в наступательном бою должен действовать вообще решительно, однако сообразно обстановке. Авангард, действуя вслепую, может нарваться на превосходные силы противника или же на противника, основательно подготовившегося к обороне, потерпеть поражение и не только не проложить пути к победе главным силам или хотя бы обеспечить их развёртывание и вступление в бой, но и открыть их противнику для нанесения удара.

В данном случае начальник Финляндской стрелковой бригады должен был действовать не столько решительно, сколько осторожно, так как вверенная ему бригада являлась усиленным авангардом, имеющим главной своей задачей прикрытие сосредоточения главных сил корпуса, а не захват Иоганнисбурга.

Далеко не второстепенной причиной неудачи служили также весьма несообразные с обстановкой действия русской артиллерии в этом бою.

Получив задачу вести огонь сначала по неприятельской пехоте и по батарее, которые предполагались на восточной окраине Иоганисбурга, а потом по городу, русские батареи заняли огневые позиции в 2—3 *км* за своей пехотой (за исключением назначенной для сопровождения пехоты полубатареи, которая переехала вперед к северо-западу и стала ближе, за лесом, что у озера) и в 5—6 *км* от Иоганисбурга, т. е. почти на предельной дальности шрапнельного огня 76-*мм* пушек. От неприятельских же батарей, оказавшихся западнее и юго-западнее города, русские батареи оказались даже в 7—8 *км*. При таком большом удалении от целей артиллерия не могла оказать должной огневой поддержки своей пехоте, с которой к тому же, как только она двинулась в атаку, была утрачена связь.

Очевидно русская артиллерия в данном случае не только не организовала необходимой своей специальной разведки о противнике и предстоящих целях для стрельбы, но и не произвела разведки местности для выбора наблюдательных пунктов и позиций, а наспех расположилась на первых встреченных укрытых лесом огневых позициях, не считаясь ни с удалением от своей пехоты, ни с расстоянием до противника. Также наспех остановилась она на первом удобном наблюдательном пункте и притом единственном для всех командиров батарей и дивизиона, что вообще не рекомендовалось и даже запрещалось при подготовке артиллерии в мирное время.

«Блестящие действия» русской артиллерии, отмеченные в начале маневренного периода мировой войны, с третьего-четвёртого месяца войны, когда стал остро ощущаться недостаток боевых припасов, бывали уже довольно редким явлением, что послужило поводом для некоторых общевойсковых начальников к обвинению артиллерии в неумелом действии в бою.

Наступающая пехота стала нести большие потери от огня неподавленной неприятельской артиллерии и при подходе к противнику натыкалась на уцелевшие его пулеметы, под убийственным огнём которых погибала.

Без предварительной артиллерийской подготовки, уничтожающей огонь артиллерии и пулемётов противника, разрушающей защищающие его закрытия, атака пехоты стала невозможной.

Русская полевая артиллерия не в состоянии была решить задачу такой подготовки: для подавления огня неприятельской артиллерии нехватало 76-*мм* патронов, к тому же дальнобойность 76-*мм* полевых пушек оказывались не всегда достаточной, а полевых тяжёлых 107-*мм* было на вооружении очень мало и ещё меньше было к ним боеприпасов; пулемёты противника, представляющие мелкую и хорошо замаскированную цель, были часто не видны с удалённых наблюдательных пунктов командиров стреляющих батарей; стрельба по пулемётам, замечаемым передо-

выми артиллерийскими наблюдателями, находящимися в первых линиях пехоты, была крайне трудна при несовершенстве передачи целеуказания от значительно удалённых передовых наблюдателей или оказывалась рискованной, так как при подходе атакующей пехоты близко к противнику она могла попасть под выстрелы своей артиллерии.

Опыт маневренного периода войны на русском фронте показал, что в наступательном бою артиллерия, чтобы проложить своей пехоте путь к победе, должна предварительно *подготовить своим огнём атаку*, не ограничиваясь только прикрытием наступления пехоты, содействием её частным ударам и огневой поддержкой её главного удара на избранный участок.

Без предварительной артиллерийской подготовки атака пехоты оказалась невозможной даже в условиях открытого маневренного боя; атака же сколько-нибудь укрепившегося противника, хотя бы укрывшегося в полевых окопах, безусловно, не имела успеха и вела к огромным напрасным потерям пехоты.

Необходимость предварительной артиллерийской подготовки, недостаточно определённо трактуемой русскими уставами довоенного времени и совершенно отрицавшейся французским уставом 1913 г., стала очевидной во время мировой войны, и в первую очередь для французов.

В полученных штабом русского верховного главнокомандующего указаниях Главной квартиры действующих армий союзников России, составленных по опыту первого месяца войны на французском фронте, между прочим, говорилось [1]:

«... Атаки велись без должной связи пехоты с артиллерией. Каждая наступательная операция состоит из целой серии детальных действий, имеющих целью захват опорных пунктов. Каждый раз, когда желают захватить опорный пункт, *надо подготовить атаку артиллерией* и пускать пехоту в штыки лишь с такого расстояния, когда можно быть уверенным, что цель будет достигнута. Каждый раз, когда пехота шла в атаку со слишком больших расстояний, раньше чем результаты артиллерийской подготовки давали себя знать, пехота попадала под огонь пулемётов и несла потери, которых можно было избежать».

Затем, в начале 1915 г., русская ставка получила от главного командования французской армии подробную инструкцию Жоффра от 2 января 1915 г., подтверждающую безусловную необходимость тщательной предварительной подготовки боевых операций, планомерного развития последних, а также необходимость предварительной артиллерийской подготовки.

В отношении действий артиллерии при подготовке атаки указанной (первой) инструкцией Жоффра предусматривалось [2]:

1. Успех каждой атаки обусловливается *могучей артиллерийской подготовкой*, прокладывающей дорогу пехоте.

---

[1] ЦГВИА, 714, л. 133.
[2] ЦГВИА, 392, л. 173—182.

2. Артиллерия может подготовить атаку только первых линий окопов и подступов к ним. Поэтому наступление должно разбиться на несколько последовательных атак, следующих одна за другой с промежутками времени, возможно короткими, но всё же достаточными для организации следующей необходимой подготовки.

3. Пехота должна избегать атаки естественных опорных пунктов, вроде деревень и лесов, которые не могут быть *уничтожены артиллерийским огнём.*

4. Пехотная атака должна следовать непосредственно за артиллерийской подготовкой.

5. Между пехотой и артиллерией необходима самая *тесная связь* не только во время подготовки атаки, но и во время самой атаки и даже по достижении успеха.

Главное командование русской армии, несмотря на ряд крупных боевых неудач, не предприняло ни в 1914, ни в 1915 гг. никаких мер, чтобы обратить внимание войсковых начальников на необходимость не только сопровождения и поддержки пехоты артиллерийским огнём, но и предварительной артиллерийской подготовки атаки.

Ставка главковерха, повидимому, предоставляла фронтовому и армейскому командованию решение этого вопроса, а это последнее ограничивалось в большинстве случаев напоминанием уставных положений и требованиями от пехоты стремительного движения вперёд на противника во что бы то ни стало (затем посылались донесения верховному командованию о причинах неудачи той или иной операции).

Так, например:

а) Приказом главкома Северо-Западного фронта от 5 октября 1914 г. (п. 2) предписывалось: «Напомнить войскам, что артиллерия должна всемерно помогать действиям пехоты, но и пехота должна помнить свою священную обязанность выручать артиллерию и не оставлять её ни при каких обстоятельствах. Потеря артиллерии всецело ложится на ответственность ближайших к ней пехотных частей и на нераспорядительность начальников боевых участков».[1]

б) Приказ 1-й армии от 17 октября 1914 г. гласил: «Войска указывают на впечатление от огня тяжёлой артиллерии, задерживающего часто наступление. Главком приказал внушить войскам, что сила огня тяжёлой артиллерии проявляется главным образом при стрельбе на большие дистанции и лучшее средство ослабить потери от него — приблизиться к противнику, так как на близких дистанциях огонь тяжёлой артиллерии значительно слабее, переменить же позиции тяжёлая артиллерия скоро не может».[2]

[1] ЦГВИА, 81—77 л. 116.
[2] ЦГВИА, 81—22, л. 171.

в) Записка главкома Юго-Западного фронта Иванова главковерху говорит, между прочим, об огромных потерях от огня неприятельской артиллерии, потрясающе действующих на моральные силы бойцов, и о том, что за недостатком пушечных патронов нельзя ответить тем же противнику, что «... лишенные поддержки артиллерийским огнём, встречая огневую завесу и неразрушенные артиллерийским огнём искусственные препятствия, наши наступательные операции развиваются крайне медленно или вовсе не осуществляются».[1]

Даже ко второму году войны общевойсковые начальники русской армии всё ещё не пришли к ясному сознанию необходимости предварительной подготовки атаки артиллерийским огнём. Это подтверждается приказом войскам 4-й армии от 1 мая 1915 г.

Приказ этот начинался словами: «Восьмимесячный период войны, несомненно, обогатил славные войска вверенной мне армии огромным опытом, заставил всех не раз призадуматься над условиями и характером современного боя, и если и не внёс существенных изменений в усвоенные нами уставные положения и нормы, то, во всяком случае, оживил их опытом и выяснил относительную важность тех или иных тактических положений».

Затем командующий армией Эверт считал необходимым обратить внимание на следующее:

«... При наступательных боях замечено, что большей частью дело сводится к фронтальным атакам. При современной силе артиллерийского и ружейного огня это приводит к громадным, а иногда безрезультатным потерям. Только сочетание фронтальной атаки с атакой во фланг ведёт к решительному успеху, причём, ввиду громадной силы и морального влияния флангового огня, крайне необходимо в состав направляемой для удара во фланг колонны назначать артиллерию и пулемёты. Для поражения противника фланговым огнём с большим успехом могут быть применяемы 42-лин. (107-*мм*) пушки соседних участков, что всегда надо иметь в виду.

... Опыт показал, что современные бои развиваются чрезвычайно медленно, требуют громадной затраты патронов и снарядов. Поэтому на правильное употребление огня должно быть обращено самое серьёзное внимание всех начальников.

... Настоящая война выяснила, какое решающее значение имеет огонь как при обороне, так и при наступлении. Только правильное и целесообразное сочетание ружейного, пулемётного и артиллерийского огня с решительным движением пехоты вперёд может привести к победе с наименьшими потерями. Но это достижимо только при *полном взаимодействии всех родов войск* [2] и при правильном и твёрдом руководстве боем со стороны старших начальников.

---

[1] ЦГВИА, 80—254, л. 100, 101.

[2] Разрядка в выписках из этого приказа везде моя. — Е. Ф.

...*Артиллерийская подготовка* как отдельный акт боя *отжила свой век* и ведёт лишь к излишней трате патронов, так как противник на это время укроется в окопах. Продолжительный опыт нашего стояния доказывает, как мало мы несли потерь, несмотря на то, что противник патронов не жалел. *Артиллерия должна обрушиваться на противника всей силой одновременно с наступлением пехоты.* Заблаговременная артиллерийская подготовка *уместна*, когда *необходимо разрушить* искусственные препятствия, опорный пункт, каменные здания и стенки или когда *необходимо подавить огонь неприятельской батареи*, положение коих известно. В первом случае артиллерийская подготовка должна производиться по возможности только мортирами (гаубицами) и орудиями тяжёлой артиллерии, во втором случае должна принять участие и полевая артиллерия.

...Главная роль лёгкой артиллерии начинается лишь с *началом движения вперёд пехоты*, когда она обязана своим огнём прокладывать дорогу пехоте, поражая противника и вынуждая его сидеть укрыто и прекращать огонь.

...Артиллерия наша работает великолепно; действие её, особенно тротиловых гранат и бомб, наводит ужас на противника, но замечалось, что иногда она располагается слишком далеко позади пехоты и лишает последнюю своей поддержки в самую нужную минуту. Нужно принять как незыблемое правило, что артиллерия своим огнём должна вести пехоту до самого удара в штыки, имея всюду глаза, и энергично, подобно пехоте, приближаться к противнику, если бы это потребовалось. После удара в штыки, когда противник начинает отступать, содействие артиллерии также крайне необходимо. Тут может быть один из случаев, когда артиллерия может пренебречь закрытыми позициями, и хотя бы частью сил, энергично продвинуться на линию пехоты, чтобы расстреливать отступающего противника или подходящие его резервы. Артиллерийское преследование лучше всего вести в этом случае перекатами, чтобы огонь ни на минуту не смолкал. Такому действию артиллерии противник придаёт большое значение, и неоднократно повторялись случаи, когда на линии передовых окопов выдвигалась полевая артиллерия, а тяжёлая следовала при наступлении в авангардах.

...Конечно, полное взаимодействие может быть достигнуто только при поддержании надлежащей связи как с начальником отряда, так и с впереди наступающими пехотными начальниками, на что должно быть обращено особое внимание. Артиллерийский огонь только тогда принесёт пользу, когда артиллерийский начальник будет вполне ознакомлен с обстановкой и с целью, которой начальник стремится достигнуть.

...Занятый у противника участок может считаться окончательно закреплённым за нами... если он надёжно защищён огнём нашей артиллерии и пулемётов...»

В отношении управления войсками в приказе имеется общее указание, что «ясно поставленная цель боя, твёрдое, решительное

и энергичное проведение принятого плана в исполнение являются главнейшими условиями успеха».

Но о постановке войсковыми начальниками определённых боевых задач артиллерии никаких указаний в приказе не имеется.

В конце приказа, как и в начале, подтверждается мысль о том, что опыт войны не внёс существенных изменений в основы боевой подготовки армии в мирное время. В конце приказа говорится:

«Война есть экзамен уже сделанному, переучизать поздно, а потому надлежит требовать точного проведения в жизнь действующих уставов и из них особенно полевого...»

В указаниях главкома Юго-Западного фронта 4 июня 1915 г. также не подчёркивается необходимость предварительной артиллерийской подготовки атаки, но имеется по существу совершенно правильное наставление о применении сосредоточенного огня артиллерии и о её взаимодействии с пехотой. В указаниях говорится[1]: «... Если батареи будут рассыпаны по полковым или подобным участкам и будут рассеивать огонь по всему фронту понемногу перед каждым участком, по указаниям начальников сих последних, а не будут сосредоточивать его на наиболее важных пунктах неприятельской позиции, по указаниям долженствующих быть на поле сражения начальников дивизий обязательно и командиров корпусов — при первой к тому возможности и под руководством старших артиллерийских начальников, то никаким расходом снарядов серьёзных результатов достигнуто быть не может. Вынужден просить... объявить это господам начальникам дивизий и командирам корпусов, а лиц, не могущих давать такие целесообразные указания или находящих это почему-либо излишним, заменять другими.

... *Артиллерия сломить сопротивление противника может только сосредоточенным и хорошо управляемым огнём, а пехота должна разведывать и избирать для своего удара доступные или наиболее подготовленные артиллерийским огнём пункты, а не валить стихийно по всему фронту равномерно по равномерно распределённым участкам, как то практикуется многими*, что, конечно, проще, ибо можно расписать заранее независимо от хода боя и даже накануне, что, между тем, ведёт в большинстве случаев к неудачам, несмотря на большие потери, и подрывает вконец авторитет начальников.

... Подготовка артиллерийским огнем атаки должна начинаться одновременно с наступлением пехоты в сфере артиллерийского огня неприятеля, а не в то время, когда пехота ещё не наступает, как то практикуется часто, ибо времени, которое необходимо для наступления пехоты, с расстояния трёх примерно верст, вполне достаточно для подготовки атаки целесообразно направленным и хорошо руководимым артиллерийским огнём. И эта

---

[1] ЦГВИА, 17—659, *л.* 1229.

подготовка только тогда принесёт желаемые результаты, когда её естественным продолжением без всякого перерыва будет штурм...»

Командующий 8-й армией Брусилов, как видно из приводимых ниже телеграмм его, обращал лишь некоторое внимание на необходимость артиллерийской подготовки и более серьёзное — на сосредоточение огня, а также на слишком большое удаление позиций артиллерии, а именно:

а) Телеграммой от 7 июня 1915 г. предлагалось «приказать Истомину зря не атаковывать, а подготавливать артиллерией».

б) Телеграмма от 13 июня 1915 г. гласила: «Вновь замечается, что лёгкие батареи становятся позади линии пехоты в 2—3 верстах (2—3 *км*), а мортирные (гаубичные) и тяжёлые в 3—4 верстах (3—4 *км*), что делает стрельбу артиллерии по целям, удалённым от нашей пехоты далее 2 вёрст (2 *км*), мало действительной и лишает возможности взаимной артиллерийской поддержки дивизий и корпусов. Подтверждаю ставить артиллерию ближе к пехоте — лёгкую по возможности не далее 1,5 версты (1,5 *км*). Во избежание поражений от преждевременных разрывов своих шрапнелей устраивать в убежищах резервов тыльные козырьки. Расстановка артиллерии должна обеспечивать возможность обстреливания каждым дивизионом цели в участках соседних дивизионов, что особенно важно для мортирных (гаубичных) и тяжелых батарей. Назначением соответствующих лиц, подготовкой наблюдательных пунктов и связи обеспечивать возможность управления огнём двух и более дивизионов на случай объединённых действий артиллерии соседних участков. Для быстрого указания целей применять в таких случаях не только карты, но также специально приготовленные перспективные виды. Иметь в виду комбинирование фронтального огня с фланговым или огня лёгкой артиллерии с огнём мортирной и тяжёлой артиллерии».

в) Телеграмма от 18 июня 1915 г. указывала: «Из показаний пленных вновь выясняется, что огонь нашей артиллерии оказывается мало действительным, и главным образом потому, что артиллерийские позиции выбираются слишком далеко от передовых частей и артиллерия ведёт огонь в большинстве случаев на предельных дистанциях. Вновь подтверждаю мои неоднократные требования упорядочения артиллерийской стрельбы и категорически приказываю не располагать батареи дальше 1—1,5 версты (1—1,5 *км*) от стрелковых цепей, обратив должное внимание на наблюдение, корректирование стрельбы и связь батарей с пехотой...»

В общем, распоряжения фронтового и армейского командования сводились к подтверждению и требованию исполнения основных положений уставов и наставлений мирного времени. При этом общевойсковое командование, недостаточно осведомленное о свойствах современной артиллерии, особое внимание обращало на то, чтобы артиллерия располагалась на позиции возможно ближе за своей пехотой, чего в большинстве случаев вовсе не требовалось.

На необходимость предварительной подготовки атаки артиллерийским огнём если и указывалось в распоряжениях, то весьма осторожно. Большинство общевойсковых командиров считало, что главная роль артиллерии начинается лишь с началом движения вперёд пехоты, что подготовка атаки артиллерийским огнём должна начинаться не заблаговременно, а одновременно с наступлением пехоты в сфере артиллерийского огня противника. Некоторые общевойсковые начальники находили заблаговременную артиллерийскую подготовку уместной, когда необходимо что-либо разрушить или подавить огонь неприятельских батарей; некоторые начальники необходимость артиллерийской подготовки совершенно отрицали.

В результате русская артиллерия при наступлении в маневренный период войны действовала обычно по тем правилам, каким ее учили в мирное время.

Артиллерия в оборонительном бою [1]

Во время русско-японской войны 1904—1905 гг. выяснилось, что русская армия плохо умела вести наступательные бои. Поэтому после войны главное внимание было обращено на «внедрение наступательного духа» в армии, а подготовка армии к оборонительным действиям считалась второстепенной.

В «Уставе полевой службы» 1912 г. указывалось, что «*стремление к наступательным действиям должно быть положено в основание при всякой встрече с неприятелем*». В том же «Уставе полевой службы» говорилось, что «к обороне приходится прибегать, когда поставленная цель *не может быть достигнута наступлением*». При этом предлагалось при обороне «стремиться всеми способами и средствами расстроить неприятеля огнём и, подорвав его нравственные силы, *перейти в наступление и разбить его*». Таким образом, «Устав полевой службы» признавал лишь активную оборону.

«Наставление для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. предусматривало, кроме перехода от обороны к наступлению с целью нанести противнику *решительное поражение*, ещё и случай оборонительного боя, «имеющего целью прикрыть действия других отрядов, преградить неприятелю путь, вообще — *выиграть время*».

В оборонительном бою, имеющем в виду переход в наступление, чтобы нанести противнику *решительное поражение*, артиллерия обороны должна была, пользуясь временем, подготовить данные для стрельбы, обеспечить себе свободу маневрирования и господство над местностью, чтобы внезапно обрушиться на противника сильным огнём, расстроить его наступление и поддержать встречный удар своих войск.

---

[1] «Устав полевой службы», 1912 г., § 424, 514, 521, 525, 512. «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г., § 153—168. «Пособие по стрельбе полевой артиллерии», 1911 г.

В оборонительном бою, имеющем целью *выиграть время*, артиллерия должна была стремиться вызвать преждевременное развёртывание противника, замедлить его движение и ввести в заблуждение относительно сил и расположения обороны. Размещаясь на широком фронте — часто отдельными батареями, иногда даже взводами, переменяя укрыто свои позиции, возмещая малочисленность орудий скоростью стрельбы, артиллерия обороны открывала огонь «по походным колоннам и вообще крупным целям с дальних расстояний» и при этом должна была по возможности избегать «решительных схваток» с неприятельскими батареями, если это «не противоречило общему ходу боя...»

«Наставление» 1912 г., уделяя большое внимание выбору, занятию и оборудованию артиллерийских позиций и отдавая предпочтение применению при обороне закрытых позиций, признавало полезным ставить мелкие артиллерийские части, даже отдельные орудия, обильно снабжённые боеприпасами, на особо важные пункты, позволяющие обстреливать укрытые ближние подступы и мёртвые пространства перед фронтом, допускающие стрельбу во фланг атакующему противнику, и т. п. Такое выделение мелких артиллерийских частей ограничивалось «пределами строгой необходимости» и отнюдь не должно было вызывать дробления артиллерии. В большинстве случаев части эти и отдельные орудия если во время войны и назначались, то главным образом не с указанной целью, а для создания обманного впечатления противника относительно действительного числа батарей и пр.

В обороне при заблаговременном выборе позиции особенно принималось во внимание удобство действия артиллерии.

В зависимости от вероятных направлений атаки неприятеля и от местности, избиралось нередко несколько артиллерийских позиций. Выбранные позиции должны были обеспечивать возможность сосредоточения огня на вероятных подступах атакующего и поражения его пехоты до самых близких дистанций, а также способствовать ограждению флангов артиллерии обороны от покушений со стороны противника.

Для обеспечения артиллерии обороны от действительного ружейного неприятельского огня, для ограждения своей пехоты от огня, направленного по артиллерии, и от случайных поражений при стрельбе своей артиллерии через головы пехоты признавалось желательным, чтобы расстояние между нею и передовой линией ОП артиллерии составляло 600—1 000 *м*. В крайнем случае, в зависимости от условий местности, допускалось отступать от указанной нормы и располагать батареи даже на линии, занятой пехотой обороны.

В обороне артиллерии предлагалось применять по возможности *закрытые* ОП и пользоваться имеющимся в распоряжении временем для организации обстрела всей впереди лежащей местности от дальних до самых близких расстояний, а также для надлежащего оборудования связи, обеспечивающей управление огнём.

При размещении артиллерии учитывалась возможность достижения взаимной огневой поддержки и применения флангового и перекрестного огня, в особенности для обстреливания укрытых участков и мёртвых пространств.

В том случае, если при расположении артиллерии на закрытых ОП не достигалось обстреливание впереди лежащего района местности, она должна была для поддержки своей пехоты передвинуться, хотя бы некоторыми батареями, на *полузакрытые или открытые* ОП. Если же не было уверенности в том, что такое передвижение будет возможно во время боя, то для непосредственной поддержки пехоты заранее назначались и располагались на подходящих позициях батареи в необходимом числе, причём эти батареи нередко приходилось до начала открытия огня держать некоторое время в молчании в *наблюдательном положении*, во избежание их обнаружения противником.

Требовалось принимать меры для *усиления* артиллерийской позиции, её тщательного *оборудования и подготовки*. С этой целью организовывалась сеть наблюдательных пунктов и связь всех видов, производилась подготовка данных для стрельбы по всем важным пунктам местности и заблаговременная пристрелка для проверки определённых данных; составлялись крокй, перспективные наброски и схемы стрельбы.

Признавалась весьма полезной *предварительная артиллерийская разведка района наступления* противника. При этом намечались и исследовались его вероятные наблюдательные пункты, места для расположения батарей, подступы к ним, укрытые пути выездов и переездов на позиции, укрытые подступы для неприятельской пехоты; принимались меры для лучшего распознавания неприятельских позиций со своих НП; определялась видимость своих позиций с НП противника и принимались меры для её уменьшения.

Обстрел с избранных позиций улучшался путём расчистки местности, уничтожения мешающих предметов (построек, заборов, деревьев) и т. п. Уничтожались находящиеся близ позиций предметы (отдельные деревья и пр.), могущие облегчить противнику распознавание артиллерии и стрельбу по ней. Возводились *земляные закрытия* (укрепления), принимая при этом все меры к тому, чтобы они не могли облегчить неприятелю ориентировку и разведку позиции обороняющегося. Устраивались *маски*. Подготавливались и улучшались пути сообщения от позиций в тыл и вдоль их фронта, исправлялись мосты и т. п.

На случай перемещения артиллерии обороны подготовлялись для неё *запасные позиции*.

Как общее правило, орудия в сомкнутых укреплениях не ставились.

Принимались меры для обеспечения возможности ведения *ночной стрельбы*.

Для обеспечения своевременного, обильного и надёжного *питания боеприпасами* вблизи батарей обороны сосредоточивались за-

пасы снарядов, а подвижные артиллерийские парки сближались между собой и с батарейными и дивизионными резервами.

При вероятности нескольких возможных направлений наступления противника считалось целесообразным не располагать сразу всю артиллерию обороны на боевые позиции, а выдвинуть до начала боя на ОП лишь часть батарей. Эти батареи располагались укрыто в готовности к действию на тех пунктах, откуда удобнее было встретить огнём противника ещё в походном порядке. Остальная (бо́льшая) часть артиллерии удерживалась в готовности занять намеченные позиции, которые занимались по выяснении в общих чертах наступления противника, имея при этом в виду, чтобы он не предупредил обороняющегося в развертывании артиллерии для боя.

Согласно «Наставлению» 1912 г., *время вызова артиллерии обороны на позиции и первого открытия ею огня* определялось старшим общевойсковым начальником. Но при обстоятельствах, не допускающих промедления, начальник артиллерии обороны мог сделать распоряжения об этом самостоятельно.

«Наставление» 1912 г. предусматривало, что «артиллерия обороны *не должна быть неподвижной*» и что, напротив, она должна, пользуясь знанием местности, последовательно действовать на различных участках частью своих сил. При таком способе действий противник вводился в заблуждение в отношении силы и расположения артиллерии обороны, а получающаяся разбросанность батарей позволяла наносить сильнейшее поражение атакующей пехоте сосредоточенным огнём с разных сторон и иногда добиваться успеха над превосходными силами неприятельской артиллерии (§ 165).

«Обороняющемуся выгодно открыть артиллерийский огонь сразу с дальности действительного огня, предоставляя первое открытие огня неприятелю». Поэтому «Наставление» 1912 г. указывало, что «артиллерия обороны не должна торопиться начинать стрельбу», чтобы преждевременным открытием огня не обнаружить оборонительной позиции. Но вместе с тем обращалось внимание на то, что промедление в открытии огня может повести к упущению обстрела важных и уязвимых целей (войска в походных колоннах, выезжающая артиллерия). Стрельба артиллерии обороны на дальние дистанции с целью заставить противника развернуться возможно раньше может производиться лишь небольшим количеством артиллерии, в том числе батареями, обороняющими передовые опорные пункты.

Огонь артиллерии на дальние дистанции может быть выгоден также при действии в арьергардах или в боковых отрядах и вообще в тех случаях, когда требуется лишь замедлить или на некоторое время приостановить наступающего неприятеля.

Согласно тому же «Наставлению», батареи противника до начала наступления его пехоты будут преимущественно «первыми целями для артиллерии обороны», которая должна стремиться уничтожить их во время выезда на позицию или добиваться пере-

веса в огне, открывая его внезапно достаточным числом батарей. Если артиллерийская борьба не обещает успеха, то часть батарей обороны может временно прекратить огонь или даже может быть выведена из сферы огня, чтобы сберечь артиллерию обороны для противодействия решительному удару противника. С началом наступления неприятельской пехоты артиллерия обороны, продолжая действовать и по батареям противника, «*главной своей задачей ставит противодействие приближению пехоты*», причём особо назначенные для этого батареи обороны должны действовать по наступающим войскам, не обращая внимания на огонь неприятельской артиллерии. С началом атаки противника все батареи обороняющегося, в том числе и выведенные временно из боя, «*обязаны усилить или возобновить огонь*».

«В Наставлении» 1912 г. указывалось, что пехота обороняющегося, благодаря силе своего ружейного и пулемётного огня, нередко будет в состоянии самостоятельно остановить наступление противника, но лишь в том случае, если сама не будет подвержена огню его батарей, не позволяющему ей спокойно стрелять и заставляющему искать укрытия. «Отвлечение огня батарей атакующего от пехоты есть обязанность артиллерии обороны», говорилось в «Наставлении», и подчёркивалось, что «*правильное, в этот период боя, распределение огня между артиллерией и пехотой противника есть важнейшая обязанность артиллерийских начальников обороняющегося*».

«Устав полевой службы» 1912 г. требовал: а) «артиллерийский, ружейный и пулемётный огонь обороняющегося должен быть сосредоточиваем по тем наступающим войскам, которые наиболее энергично и успешно продвигаются вперёд»; б) артиллерия обороны, пользуясь выгодами укрытого расположения, должна стремиться, «*сколь возможно, погасить артиллерийский огонь противника*»; в) когда выяснится направление *главной атаки* неприятеля, артиллерия обороны должна сосредоточивать огонь «*большей своей части по наступающим в этом направлении*, оставляя лишь необходимое количество батарей или орудий для действия против других войск наступающего и *его артиллерии, обстреливающей участок главной атаки*». В общем «Уставом полевой службы» подчёркивалось, что при обороне главное содействие артиллерии выражается: «в противодействии приближению неприятеля; в обстреливании укрытых участков и мёртвых пространств; при переходе своей пехоты в наступление — в поддержке его решительными действиями» и т. д.

В этом случае, если атака противнику не удалась, артиллерия обороны, согласно «Наставлению» 1912 г., должна была оказывать энергичное огневое содействие своим войскам, переходящим в наступление. Преследуя отступающего неприятеля сильным огнем, она обязана была направлять огонь преимущественно на те части противника, которые сохраняли порядок.

Если же атака противнику удалась, батареи обороны должны были сосредоточить огонь по ворвавшейся неприятельской пехоте

и непосредственно за нею следующим войскам. Только те батареи, которые не могли действовать по пехоте, обязаны были стрелять по неприятельской артиллерии, переезжающей на захваченную позицию. «В эти минуты», говорилось в «Наставлении», «*артиллерия должна жертвовать собою, стреляя до последней возможности*».

При боевой подготовке русской артиллерии в мирное время имелось в виду, что при обороне главная роль принадлежит огню всякого рода, который должен не только остановить наступающего, но и расстроить его настолько, чтобы обороняющийся мог перейти в наступление и разбить противника. При этом придавалось большое значение борьбе с неприятельской артиллерией и подчёркивалось, что артиллерийский огонь обороны должен быть направлен преимущественно против артиллерии атакующего. Особенно настойчиво проводилась в жизнь эта идея офицерской артиллерийской школой, которая в этом отношении несколько отступала от утверждённых в 1912 г. официальных «Устава полевой службы» и «Наставления для действия полевой артиллерии в бою».

Офицерская артиллерийская школа считала, что при обороне *главная роль принадлежит огню* вообще *и что главной задачей артиллерии при обороне является обеспечение своей пехоте полной возможности отразить атаку ружейным и пулёметным огнём*, и так как мешать этому огню будут главным образом *батареи атакующего, то против них преимущественно должен быть направлен артиллерийский огонь обороны.*

При подготовке командного состава школа требовала, чтобы артиллерия обороны ни в каком случае не оставляла безнаказанными батарей противника, а по наступающей неприятельской пехоте, и почти исключительно по направленной для главного удара, стреляла только в случаях, когда она обнаруживала себя в положениях, удобных для поражения её артиллерийским огнем или, укрываясь местными предметами, была неуязвима для ружейного и пулемётного огня. Школа настоятельно проводила мысль, что пехота обороны, если она избавлена от поражения артиллерийским огнем противника, вполне способна своим ружейным и пулёметным огнём остановить и расстроить атакующего, так как она лучше артиллерии может обстреливать складки местности на близких расстояниях.

Опыт маневренного периода мировой войны показал, что, вопреки основному положению, проводимому при подготовке русской артиллерии в довоенное время, главной целью действий артиллерии при обороне является не борьба с неприятельской артиллерией, а уничтожение живой силы атакующего и такое моральное воздействие на него, которое вызвало бы потерю наступательного порыва. В период маневренной борьбы русской артиллерии нередко приходилось при обороне, в особенности при активной обороне, отбивать атаки неприятельской пехоты почти исключительно своим огнём, а при обороне, заблаговременно не преду-

смотренной и не подготовленной (как это случается при встречных столкновениях для одной из сторон, вынужденной перейти к обороне), артиллерия иногда открывала огонь по наступающей пехоте противника даже с открытых позиций, чтобы обеспечить своей пехоте развёртывание и захват опорных пунктов.

В старой русской армии замечалось стремление к занятию при обороне сплошной линии окопов. В начале войны, даже в тех случаях, когда приходилось занимать заранее подготовленные позиции из ряда опорных пунктов, находившихся в огневой связи, войска, как бы боясь промежутков, соединяли опорные пункты длинными окопами. Такие сплошные линии укреплений оказались в полевой войне невыгодными, так как они ослабляли обороноспособность позиции, поглощая много войск, причём получались тонкая боевая линия и слабые резервы.

Не прошло года войны, как русское командование стало издавать приказы о том, чтобы оборонительные позиции состояли не из сплошных окопов, а из ряда опорных пунктов, находившихся в тесной огневой связи.

Так, в приведенном выше (стр. 127) приказе войскам 4-й русской армии 1 мая 1915 г. указывалось, что «сосредоточив всю работу на укреплении опорных пунктов, их действительно можно сделать неодолимыми... При надлежащем расположении фланговых окопов и опорных пунктов уступами назад, при устройстве заграждений в промежутках и при надёжной огневой связи перекрёстным огнём ни охват опорного пункта, ни прорыв между двумя соседними опорными пунктами немыслимы.

... Сила этих позиций — в сильном резерве и гибкости обороны, куда бы противник ни направлял свой удар, везде можно дать ему отпор сильным резервом... причём выдвижение резервов в промежутках между опорными пунктами, естественно, приводит к удару во фланг тех частей противника, которые, изнывая под перекрёстным огнём, пытаются прорвать наше расположение или охватить опорные пункты с флангов».

В последующих тогда же приказах командира 25-го корпуса, начальника 46-й пехотной дивизии и других — везде подчёркивалось, что оборону необходимо вести активно, для чего позицию иметь не в виде сплошной линии окопов, а в виде «узлов сопротивления», основывая всю оборону на активности резервов.

В том же приказе по 4-й армии от 1 мая 1915 г. имелись следующие краткие указания о расположении артиллерии и её действиях при обороне:

«При обороне замечено, что артиллерия становится далеко и не всегда имеет достаточное количество хорошо оборудованных запасных позиций, дабы иметь возможность менять свои места, в зависимости от развития боя, а также в случае, если будет обнаружена тяжёлая артиллерия противника.

...Замечено, что без особой надобности батареи разбрасываются и командир дивизиона лишается возможности руководить огнем батарей дивизиона. Старшие артиллерийские начальники

не должны ограничиваться наличием передовых наблюдателей, но иметь наблюдательные пункты для себя, дабы лично следить за стрельбой своих частей.

...Широкое развитие ложных батарей, наблюдательных пунктов, ложных окопов необходимо. Ложные вспышки следует производить исключительно с выстрелом ближайшей батареи, ибо внимательный наблюдатель сразу заметит, что после вспышки нет разрыва снаряда.

...Тяжёлую артиллерию надлежит располагать по возможности вне огня лёгких батарей противника, но так, чтобы самим держать эти батареи под самым действительным огнём. Главное усилие тяжёлой артиллерии должно быть направлено для борьбы с артиллерией противника, дабы дать полную возможность лёгкой артиллерии поражать войска.

...Стрельба ночью на дальних дистанциях по малой действительности только ободряет противника и обнаруживает наше расположение, поэтому является недопустимой...»

В приказе командующего 4-й армией нет определённых указаний о расположении артиллерии в глубине района обороны. Между тем опыт маневренного периода войны уже указал на необходимость эшелонирования артиллерии обороны в глубину, имея в виду поражение артиллерийским огнём войск противника не только на подступах к оборонительной позиции, но и в глубине обороны на случай вклинения туда неприятеля.

Замечание же командующего 4-й армией о нежелательности разбросанного расположения батарей обороны нельзя считать правильным.

В связи с развитием во время войны глубокого расположения обороняющейся пехоты оказалось необходимым эшелонированное размещение и артиллерии обороны, именно — разбросанное и по фронту и в глубину. Разбросанное расположение батарей обороны, обеспечивая огневое маневрирование, использование фланкового и косоприцельного огня при его сосредоточении в необходимом направлении, вместе с тем даёт возможность надёжного огневого содействия пехоте как при отбитии ею атак неприятеля на передний край занятой оборонительной позиции, так и при контратаках, имеющих целью выбить противника, ворвавшегося в глубь позиционного района обороны. Кроме того, такое разбросанное эшелонированное размещение батарей обороны облегчает их укрытие и маскировку, заставляет неприятельскую артиллерию разбрасывать свой огонь и вообще затрудняет её боевую работу.

В большинстве случаев к обороне прибегает более слабая сторона, силы и средства которой недостаточны для разгрома неприятеля в наступательном бою. Сила обороны заключается в более выгодном использовании местности и всех видов огня в сочетании с контратаками.

Опыт войны подтвердил необходимость при обороне целесообразного маневрирования артиллерийским огнём, перегруппировок, использования косоприцельного и фланкового огня, а также

указал, что лучше всего это достигается при централизованном управлении артиллерией.

Максимальное использование огневой силы артиллерии и соблюдение принципа экономии артиллерийских средств достигается при объединённом централизованном управлении огнём артиллерии. Однако централизованное управление огнём артиллерии обороны ни в коем случае не должно вызывать сосредоточенного расположения батарей на позициях в районе обороны. Нельзя забывать, что успех боевых действий артиллерии обеспечивается не столько массированием орудий на поле сражения, сколько массированием и умелым сосредоточением артиллерийского огня.

В Гумбиненском сражении 20 августа 1914 г. на 1 *км* фронта 35-й германской пехотной дивизии, наступавшей на Ширгупенен в стык русских 25-й и 27-й пехотных дивизий, приходилось в среднем по 17 орудий, а у русских на 1 *км* фронта имелось лишь около 9 орудий, но, когда немцы повели атаку, русские артиллеристы сумели сосредоточить против атакующих частей огонь до 24 орудий на 1 *км* их фронта и, нанеся огромные потери немцам, отбили их атаку (см. часть 7).

В октябрьских боях 1914 г. близ Сувалки приданные русской 51-й пехотной дивизии семь лёгких полевых батарей, благодаря искусному централизованному управлению их огнём, поочерёдно отбивали атаки германцев то на 202-й, то на 204-й пехотные полки. Этого нельзя было бы достигнуть при распределении указанных батарей между полками и обслуживании батареями в таком случае только своих полковых боевых участков.

Чрезмерная централизация управления огнём артиллерии, когда в непосредственном подчинении начальников боевых участков пехоты не оставляется никакой артиллерии, может в некоторых случаях привести к тому, что пехота окажется без своевременной огневой артиллерийской поддержки, как, например: при необходимости быстрой непосредственной поддержки пехоты артиллерийским огнём вследствие неожиданно изменившейся боевой обстановки, при необходимости частых переносов артиллерийского огня, при неудовлетворительной организации связи артиллерии с пехотой, при слабо подготовленном и малоопытном командном составе артиллерии, на неблагоприятной местности и т. п. Поэтому русская пехота во время войны всегда проявляла, особенно в оборонительном бою, стремление разобрать артиллерию по своим полкам, предпочитая, как говорится, «иметь лучше синицу в руках, чем журавля в небесах».

Объединённое управление огнём артиллерии в оборонительном бою не должно ограничивать проявления личной инициативы, в пределах поставленных задач, всеми артиллерийскими начальниками, начиная от самых младших до самых старших. В современных условиях ведения оборонительного боя требуются подвижность и маневренность от всех войск, проявление инициативы от каждого из участников боя, в особенности от артиллерийских начальников: командир батареи, ожидающий приказаний для

переноса или открытия огня в то время, когда он знает о грозящей своей пехоте опасности, опоздает оказать ей должную огневую помощь.

При малочисленности артиллерии обороны по сравнению с артиллерией атаки разгром атакующего и нанесение ему поражения могут быть обеспечены лишь при условии применения артиллеристами разумной инициативы, не выходящей за пределы планомерности общей огневой работы, которая в свою очередь должна регулироваться путём централизованного управления артиллерией.

Для проявления разумной инициативы артиллеристы должны обладать знаниями, известной широтой взглядов и навыками правильной оценки тактической обстановки, а также твёрдой волей для немедленного принятия того или иного определённого решения.

В маневренный период войны действия русской артиллерии при обороне бывали в большинстве случаев вполне целесообразными, что можно подтвердить следующими примерами.

В самом начале войны для ликвидации прорыва, образовавшегося между гренадерским и 16-м армейским русскими корпусами и грозившего захватом Люблина, был выдвинут к Яблонна отряд в составе Таврического гренадерского полка со 2-й батареей 2-й гренадерской артиллерийской бригады (рис. 12).

На рассвете 29 августа 1914 г. отряд после двух ночных утомительных маршей подошел к Яблонна, где приостановился, ожидая окончания разведки выехавшими вперёд начальником отряда и командиром батареи с разведчиками.

С высоких деревьев у Яблонна разведчики увидели колонны австрийцев, спускавшихся от Быхава к разветвлению дорог от Быхава на Оссова и Тушов.

Начальник отряда немедленно отправил один батальон гренадер, чтобы захватить Верцишев как опорный пункт, а командир батареи вывел на-рысях один взвод (два орудия) на открытую позицию на южном скате высоты 115,6 (южнее Яблонна) и беглым огнём задержал и заставил начать развёртывание в боевой порядок колонны австрийцев, которые к тому времени подошли уже к высоте 126 (у Быхава) и стали спускаться с неё в направлении Верцишев.

Затем командир батареи, желая отвлечь австрийцев от движения на Тушов и далее на Люблин, а также помочь своей пехоте занять не только Верцишев, но и рощу к югу от этой деревни, представлявшую лучший опорный пункт, вывел карьером ещё четыре орудия своей батареи на открытую позицию на скате высоты 115,6 и поставил их рядом с выехавшими ранее двумя орудиями. Остальным двум орудиям батареи командир приказал стать укрыто близ рощи к северу от высоты 115,6 (между Яблонна и Тушов), имея в виду вести этими орудиями огонь по артиллерии противника в случае её появления.

После нескольких очередей беглого огня австрийская пехота, подошедшая уже к Верцишев, была не только отогнана, но и выбита из рощи (южнее деревни), обстрелянной смешанным огнём гранатой и шрапнелью. Деревня Верцишев и роща были заняты русскими гренадерами, где они и закрепились. В то же время

Рис. 12. Бой у Яблонна 29—30 августа 1914 г.

пулемёты австрийцев, незаметно подобравшиеся, так как командир батареи, не имевший прикрытия, не организовал разведки на наружном открытом фланге, неожиданно стали обстреливать батарею с левого её фланга. Но после двух снарядов беглого огня батареи на прицеле 40—42 австрийские пулемёты умолкли.

Только к вечеру по открыто стоящим трём взводам русской батареи начали стрелять подошедшие гаубицы противника. По ним был открыт ответный огонь взвода, расположенного за лесом между деревнями Яблонна и Тушов, и под прикрытием этого огня открыто стоявшие шесть орудий были спущены с высоты 115,6

на руках в лощину, пролегавшую перед их позицией, и поорудийно укрытым путём выведены на закрытую позицию за рощу к стрелявшему взводу.

К рассвету на другой день, 30 августа, на поддержку отряда подошли Киевский гренадерский полк и ещё одна лёгкая батарея, которая была подчинена командиру находившейся в бою 2-й батареи. Киевский полк окопался на гребне южнее Тушов, а приведшая с ним батарея расположилась на закрытой позиции за рощей возле 2-й гренадерской батареи.

Австрийская артиллерия ещё до восхода солнца начала обстреливать расположение русских. Артиллерийские наблюдатели, находившиеся в передовых частях пехоты, донесли, что пехота противника накапливается в низине вдоль р. Косоржавка, южнее Тушов. Направленный против этой пехоты огонь четырёх русских орудий заставил её отойти к югу, в направлении на Быхава.

Вскоре неприятельская артиллерия стала обстреливать косоприцельным огнём почти во фланг окопы Киевского полка. Поддержанная сильным огнём своей артиллерии и пулемётов, австрийская пехота потеснила киевских гренадер, оставивших свои окопы и начавших отходить к роще, за которой стояли гренадерские батареи. Беглым огнём обеих батарей австрийцы были выбиты из захваченных ими окопов, которые были вновь заняты киевскими гренадерами.

По восстановлении боевого порядка гренадер командир 2-й батареи, оставив четыре орудия для обстрела неприятельской пехоты, остальными 12 орудиями обрушился на австрийскую батарею, обнаруженную у Быхава, и заставил её замолчать. Затем обе батареи (всеми 16 орудиями) отбили ещё четыре повторные атаки австрийцев, которые вследствие больших потерь и под угрозой контратаки Таврического гренадерского полка со стороны Верцишев в направлении на Оссова и высоту 126 начали спешно отступать к Быхава и дальше в южном направлении.

Таким образом, цель была достигнута — прорыв ликвидирован. К вечеру 30 августа фланги гренадерского и 16-го армейского корпусов вошли в соприкосновение, и подступы к Люблину были закрыты.

В описанном примере обращают на себя внимание:

а) Чрезвычайно смелые, самостоятельные, но вместе с тем и очень рискованные действия командира 2-й гренадерской батареи русских, которые могли бы привести к гибели шесть его орудий, выведенных на открытую позицию при завязке боя, в том случае, если бы к тому времени у австрийцев имелась наготове артиллерия. Было бы осторожнее и без ущерба для достижения успеха не выводить все шесть орудий на открытую позицию на высоту 115,6, а ограничиться занятием этой позиции лишь одним взводом (двумя орудиями), имея в виду огнём этого взвода возможно скорее задержать и заставить развернуться австрийцев, наступающих от Быхава; с остальными же тремя взводами батареи следовало занять закрытую позицию у рощи между Яблонна

и Тушов. Правда, оттуда до Быхава пришлось бы вести огонь почти на предельную дальность, но огонь был бы действителен: с той же позиции обе батареи гренадер, как мы видели, заставили замолчать австрийскую артиллерию, обнаруженную у Быхава.

б) Почти полное отсутствие управления артиллерией и постановки ей задач со стороны общевойскового командования, если не считать того обстоятельства, что, по некоторым сведениям, начальник штаба гренадерской дивизии будто бы в ночь с 29 на 30 августа взял слово с командира 2-й батареи, что он не уйдёт с позиции и не оставит без поддержки свою пехоту «ни при каких обстоятельствах».

в) Отсутствие прикрытия и разведки в стороне открытого фланга артиллерийской позиции на высоте 115,6. Появившиеся против левого фланга позиции австрийские пулемёты могли бы нанести большие потери русским артиллеристам, если бы австрийские пулемётчики определили более точно расстояние и стреляли по батарее на верном прицеле.

Наиболее ярким положительным примером активной обороны могут служить действия 25-й и 27-й артиллерийских бригад в Гумбиненском сражении 20 августа 1914 г., о котором сказано ниже (см. седьмую часть).

В дальнейшем приводится в более подробном изложении показательный пример действий русской артиллерии в условиях активной обороны (см. седьмую часть, «Артиллерия в активной обороне правого боевого участка позиции 25-го армейского корпуса на фронте Броды, Опатов в мае 1915 г.).

Действия русской артиллерии при обороне в маневренный период войны в 1914—1915 гг. бывали обычно весьма удачными.

Штаб верховного главнокомандующего не счёл нужным, по крайней мере в первые два года войны, вносить какие-либо изменения в уставные положения 1912 г. в отношении указаний об использовании артиллерии в оборонительном бою.

Опыт мировой войны на русском фронте подтвердил, что задачи артиллерии при обороне в маневренных условиях сводятся к решительному поражению огнём атакующего и к борьбе с его артиллерией. Но, как отмечалось выше, не борьба с артиллерией наступающего противника, а уничтожение его живой силы является важнейшей целью действий артиллерии обороны.

Действия артиллерии обороны в маневренных условиях должны основываться на искусстве сосредоточения массового уничтожающего огня в важнейших направлениях на тех силах и средствах наступающего противника, которые наиболее угрожают обороне, на использовании флангового и косоприцельного огня, в общем на искусстве *маневрирования огнём*, не исключая в некоторых случаях необходимости маневрирования и колёсами с целью перемены или занятия новых позиций. Достижение всего указанного надёжнее обеспечивается при *централизованном управлении огнём артиллерии*, но не оставляя при этом без ближайшей непосредственной огневой поддержки свою пехоту на

важнейших участках обороны. Огневая работа артиллерии при обороне, как и во всех других условиях боевых столкновений, должна протекать в *полном согласовании и связи с боевой деятельностью пехоты.* Поэтому объединённое управление огнём артиллерии не должно ни приводить к сосредоточенному расположению артиллерии на огневых позициях в районе обороны, затрудняющему достижение важнейшей задачи артиллерии (сосредоточение огня в решающих направлениях), ни к оставлению без ближайшей огневой поддержки своей пехоты на более важных участках обороны, ни связывать проявление личной инициативы артиллерийских начальников и командиров.

Артиллерия во встречном бою[1]

Относительно действия артиллерии во встречном бою в утверждённых в 1912 г. «Уставе полевой службы» и «Наставлении для действия полевой артиллерии в бою» имелись лишь краткие указания общего характера.

«Уставом» указывалось для всех родов войск, в том числе и для артиллерии, что при встрече с неприятелем «очень важно предупредить его в развёртывании боевого порядка, дабы захватить почин в действиях», и что поэтому при встречном столкновении следует возможно быстрее производить развёртывание как авангарда, так и главных сил; что «*развитие сразу наиболее сильного артиллерийского и ружейного огня* создаст выгодные условия для действия против неприятеля и может заставить его притти к решению обороняться»; что каждый начальник должен проявлять «*самостоятельность* в принятии решений сообразно общей цели действий и сложившейся для него обстановке».

«Наставлением» подчёркивалось, что при встречном столкновении преимущество будет на стороне того из противников, который сумеет ранее достигнуть бо́льшей готовности к бою и обеспечить себе бо́льшую свободу действий. Поэтому при завязке боя действия артиллерии авангарда должны быть «*дерзки, быстры, решительны*», артиллерийские начальники должны уметь быстро оценивать обстановку, «быстро принимать решения и энергично приводить их в исполнение».

Требовалось, чтобы при столкновении на походе двух наступающих против друг друга сторон батареи смело выезжали на позиции и открывали огонь, стремясь поражать противника ещё в походных колоннах, вызвать его на поспешное и преждевременное развёртывание в неблагоприятных для него условиях обстановки.

«Наставлением» указывалось, что в том случае, если авангард вынужден отстаивать захваченную им местность под сильным натиском противника, бывает выгодно батареям авангарда занять

[1] «Пособие по стрельбе полевой артиллерии», 1911 г. «Устав полевой службы», 1912 г. § 501, 502, 505. «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г., § 130, 131.

позиции с ограниченным обстрелом, позволяющие обстреливать лишь подступы к отстаиваемым пунктам, но надёжно укрытые от дальнего огня противника. В том же случае, если противнику удалось предупредить в развёртывании, батареям авангарда предлагалось: или, пользуясь выгодами закрытого расположения на широком фронте, стараться держаться против более сильной неприятельской артиллерии, добиваясь возможного успеха, или, избегая неравного боя, укрыться, по особому приказанию начальника авангарда, и ожидать развёртывания в боевой порядок артиллерии главных сил.

Встречный бой считался в довоенное время нормальным видом боевых столкновений в маневренных условиях; поэтому на подготовку войск к действиям в условиях встречного боя обращалось большое внимание.

Офицерская артиллерийская школа при подготовке командного состава русской артиллерии к действиям во встречном бою проводила в основном те же мысли, что и «Устав полевой службы» и «Наставление» 1912 г., но несколько шире их развивая и более определённо высказывая, а именно:

Во встречном бою решающее значение имеет быстрое развёртывание войск в боевой порядок, предупреждающее противника в развёртывании, в открытии артиллерийского огня и в переходе в наступление и атаку. От командиров требуется захват в свои руки инициативы, смелость и решительность действий, подчиняющих себе волю неприятеля.

Задача артиллерии во встречном бою: *быстрое достижение огневого превосходства над противником* с целью сковать его маневр, прикрыть развёртывание своих войск, поддержать и обеспечить успех их удара.

Успех встречного боя обеспечивается: быстротой развёртывания и вступления в бой подавляющего количества более сильной артиллерии, проявлением самой широкой энергии и почина со стороны командиров батарей, дивизионов и других артиллерийских соединений, тесной и непрерывной связью с пехотой, знанием и пониманием свойств и задач пехоты всеми артиллеристами.

На походе, в предвидении встречного боя, артиллерия выдвигается вперёд ближе к голове колонны, причём в авангард назначается настолько сильная, в том числе и дальнобойная артиллерия, чтобы она в состоянии была быстро пробивать своим огнём дорогу авангарду, поражать неприятеля на походе, сковывать его развёртывание и поддерживать вступление в бой своих главных сил.

Во встречном бою артиллерия авангарда не должна терять время на производство детальной разведки, на сколько-нибудь полное выяснение обстановки, на выбор и занятие позиции, на тщательность подготовки огня. Быстрота открытия огня имеет первостепенное значение. Батареи авангарда должны без колебаний занимать первые подходящие позиции, не считаясь с удобствами первоначального своего расположения, и действовать решительно, чтобы захватить противника своим огнём возможно раньше и вынудить к

развёртыванию в неблагоприятных для него условиях. По мере развития боя батареи авангарда открывают огонь по тем целям противника, которые более всего мешают и вредят пехоте.

Артиллерия главных сил должна возможно скорее выдвигаться из походной колонны к авангарду, развёртываться и занимать позиции скрытно и вместе с тем быстро, чтобы успеть своим огнём не только поддержать ведущий бой свой авангард, но и прикрыть переход в боевой порядок своей пехоты главных сил и обеспечить успех вступления её в бой. Артиллерия главных сил должна была располагаться на позициях на широком фронте, чтобы возможно было сосредоточить перекрёстный, по возможности фланговый или косоприцельный огонь по тому участку позиции противника, куда будет направлен главный удар. Старший начальник артиллерии, указывающий район артиллерийских позиций, должен быть осведомлён в предположениях старшего общевойскового командования о направлении главного удара. В том случае, если район, назначенный для артиллерийских позиций, захватывал участки местности, не прикрытые развернувшимся для боя авангардом, для прикрытия выдвижения вперёд и развёртывания артиллерии главных сил назначались особые войсковые части, по большей части конницы, которые должны были упредить свою артиллерию, чтобы прикрыть её своевременно на более опасных направлениях — с открытых флангов и участков фронта.

Офицерская артиллерийская школа, начиная с 1908 г. и до 1914 г. включительно, большинство практических групповых стрельб проводила с тактическими задачами на встречный бой.

Основы тактики артиллерии во встречном бою, проводившиеся при боевой подготовке русской артиллерии в мирное время, в общем, оправдались на опыте встречных столкновений в маневренный период мировой войны.

В происходивших встречных боях один из противников обычно вынужден был остановиться и перейти к обороне со всеми присущими ей особенностями: с одной стороны, потерей инициативы и свободы действий, с другой стороны, получением возможности использовать местность для организации огневой обороны. Остановившийся противник стремился нанести своим огнём тяжёлые потери неприятелю, задержать дальнейшее продвижение его пехоты, ослабить её порыв к атаке и возобновить своё наступление. Наоборот, захватившая в свои руки инициативу наступающая сторона стремилась развить при мощном содействии своей артиллерии достигнутый успех и не позволить противнику закрепиться.

В Галиции при встречном столкновении 26 августа 1914 г. на Злочевском направлении 5-й русской пехотной дивизии с 22-й австрийской каждая дивизия двигалась одной походной колонной, имея в авангарде пехотный полк. К авангарду русской дивизии придан был артиллерийский дивизион в составе трёх батарей — 24 лёгких 76-*мм* пушек.

В предвидении близкого столкновения оба авангарда заблаговременно развернулись в боевой порядок, причём в русском аван-

гарде две батареи быстро заняли позицию и приготовились к открытию огня, тогда как в австрийском авангарде артиллерия запоздала и, повидимому, ещё двигалась в походной колонне. Как только на гребне холмов появились стрелковые цепи шедшего в авангарде австрийского 4-го Тирольского полка, на них сразу обрушились беглым огнём обе русские батареи, а минут через десять к ним присоединила свой огонь и третья авангардная батарея русских (в данном случае на 1 *км* неприятельского фронта приходилось 12 пушек). Попав под внезапный сильный огонь всех трёх русских авангардных батарей, открыто наступавший австрийский Тирольский полк через 15—20 минут понёс огромные потери и в течение всего боя не мог проявить активности.

Австрийская авангардная артиллерия открыла огонь почти на 1 ч. 30 м. позже русской. Австрийцы, потеряв наступательную инициативу, пытались перейти к обороне, но и это им не удалось. Русские сумели использовать достигнутое огневое превосходство, стремительно атакавали, разбили австрийцев и принудили их к поспешному отступлению.

Этот пример и ряд подобных примеров маневренного периода мировой войны показали, что придача авангарду сильной и в особенности дальнобойной артиллерии и быстрое развертывание её для боя давали большое преимущество в отношении захвата инициативы в свои руки, что является главнейшим условием обеспечения успеха во встречном бою.

В предвидении встречного столкновения придача авангарду сильной дальнобойной артиллерии является обязательной. Быстрое вступление в бой авангардной артиллерии, неожиданно открывшей огонь с большого расстояния, может заставить противника остановиться, развернуться в неблагоприятных для него условиях и даже обратиться к обороне. Вместе с тем авангардная артиллерия своим огнём обеспечит скорейшее развёртывание и вступление в бой пехоты авангарда и артиллерии главных сил, которая должна без малейшего промедления усилить огонь авангардной артиллерии и прикрыть своим огнём вступление в бой пехоты главных сил.

Опыт войны резко подчеркнул необходимость дальнобойной артиллерии (107-*мм* полевых тяжёлых пушек, которых было очень мало на вооружении русской артиллерии); в особенности она нужна была в составе авангардов и арьергардов.

При наступлении русской 3-й пехотной дивизии 4 июня 1916 г. к г. Радзивиллову артиллерия, следовавшая тремя параллельными колоннами по совершенно открытой местности, была внезапно обстреляна шрапнелью неприятельской 10-*см* артиллерии из-за гряды холмов, находившихся в 10—11 *км* впереди. Противник стрелял на пределе дальности своих орудий. Русские батареи, отойдя назад лишь на 200 — 300 *м*, оказались уже вне поражения. Выпустив несколько снарядов, большинство которых дало недолёты или ткнулось клевками в землю, противник прекратил огонь.

Тем не менее даже такая преждевременная и безрезультатная стрельба заставила русские батареи свернуть со своего пути и вы-

слать разведку для розыска укрытых подступов, потеряв почти 4 часа времени до возобновления дальнейшего движения.

Очевидно, при передовой артиллерийской разведке не было разведчиков пути или разведка укрытых подступов ими не производилась.

При совершении марша в ожидании встречи с противником должна быть организована общевойсковая и артиллерийская разведка при передовых частях походного охранения. Встречное столкновение, даже и при наличии артиллерии в авангарде, может привести к поражению стороны, совершающей марш вслепую.

В самом начале войны русская 2-я гренадерская дивизия, перейдя австрийскую границу, направлялась походным порядком к р. Сан, имея в авангарде полк с батареей, но без боковых мер охранения и с весьма сомнительной передовой разведкой — и общевойсковой и артиллерийской.

Утром 24 августа 1914 г. на привале у Радечница (рис. 13) перед тем как выйти в теснину, образуемую болотистой р. Гораец, находившийся при авангарде начальник дивизии был предупреждён каким-то шляхтичем из местных жителей, что у Чёрный Сток (около 8 *км* к югу от Радечница) уже несколько дней австрийские войска возводят укрепления. Начальник дивизии не поверил шляхтичу, хотя от своей разведки сведений о противнике не имел. Между прочем, на вопрос командира авангардной батареи о противнике, обращённый к начальнику авангарда во время привала, последний ответил: «Противник, должно быть, за Саном дожидается. . .»

Около 9 час. авангард при выходе из Гораец неожиданно был остановлен ружейным огнём австрийцев, укрывавшихся в кустарнике на высотах Чёрный Сток. Начальник авангарда приказал двум ротам выбить пехоту противника, замеченную на высоте 138,6 (к западу от Гораец), а батарее «выехать на позицию впереди Гораец и пугнуть австрийцев, задерживающих движение».

Командир батареи, не произведя никакой разведки, вывел батарею, как на параде, на открытую позицию на лужайке южнее Гораец и стал обстреливать отдельных людей сторожевого охранения австрийцев (т. е. открыл огонь по целям, недостойным расхода снарядов), быстро скрывшихся в кустах. После первых же выстрелов на русскую батарею обрушилась с трёх сторон австрийская артиллерия, укрывавшаяся за холмами в районе Теодорувка, Трясины, Чёрный Сток — к западу, юго-западу и почти к югу от Гораец. Через несколько минут 4-я гренадерская батарея, потеряв почти весь свой личный состав (30% убитыми и 55% ранеными), умолкла, не успев даже ответить на огонь неприятельской артиллерии.

Колонна главных сил 2-й гренадерской дивизии была остановлена, не входя в Гораец. Командир головного полка с командиром 2-й батареи, шедшей за головным батальоном, прискакали к авангарду для выяснения обстановки. Находившийся при авангарде начальник дивизии приказал командиру 2-й батареи немедленно вы-

ехать на позицию возле погибающей авангардной 4-й батареи, чтобы «спасти её».

Командир 2-й батареи, не желая увеличивать трофеи противника, что было бы неизбежным при расположении на открытой позиции рядом с погибшей батареей, произвёл со своими разведчиками быстро и скрытно разведку и выбрал для себя наблюдательный

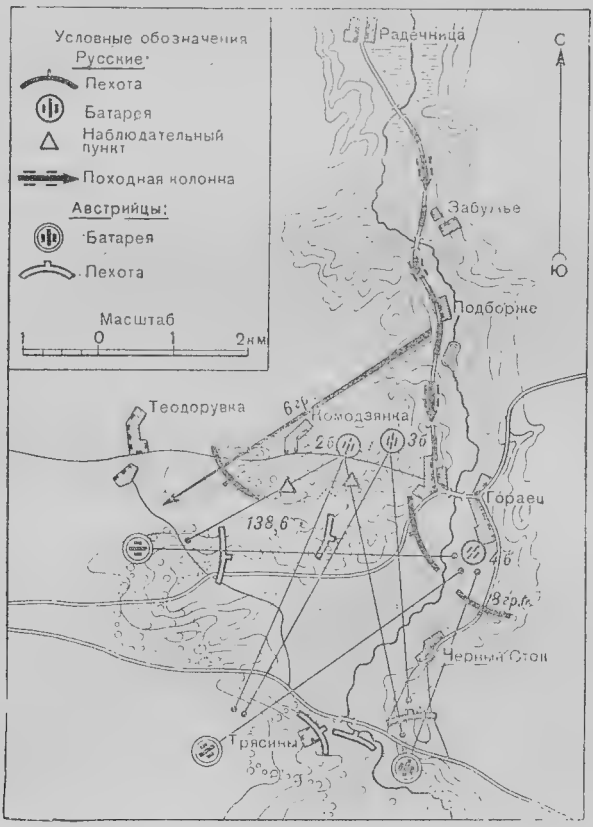


Рис. 13. Бой у деревни Гораец 24 августа 1914 г.

пункт в опушке кустарника южнее Комодзянка, а для батареи — закрытую огневую позицию приблизительно в $1^3/_4$ *км* к северо-востоку от себя и в 2 *км* в стороне от погибшей 4-й батареи.

Почти одновременно заняла позицию возле 2-й и 3-я батарея с наблюдательным пунктом командира на той же опушке кустарника, где находился наблюдательный пункт командира 2-й батареи.

Первые выстрелы 2-й батареи, направленные по австрийским пулеметам, обстреливавшим с фланга развернувшийся авангард гренадер, зажгли копны хлеба, в которых скрывались пулеметы, и заставили пулемётчиков разбежаться.

Вскоре обе батареи — 2-я и 3-я — открыли огонь по обнаруженным неприятельским трём батареям и, перенося огонь поочерёдно с одной на другую, заставили их замолчать.

Вся гренадерская дивизия развернулась и наступала вдоль р. Гораец по обоим её берегам, выбивая при поддержке своей артиллерии австрийцев, засевших и окопавшихся в разных местах. Часам к 18-ти бой достиг высшего напряжения, развиваясь для русских при недостаточно ясной обстановке. В это время от Чёрный Сток показалась группа всадников, направлявшихся на-рысях к Гораец, где находился штаб гренадерской дивизии. Это был запоздавший казачий разъезд, принятый ординарцами штаба за неприятельскую кавалерию. Повернув свой автомобиль, ординарцы понеслись обратно на Радечница с криками о появлении австрийской конницы, внося панику на всём пути в тылу, запруженном артиллерийскими парками, обозами и подводами, отвозившими раненых. Паника передалась и войскам, среди которых быстро распространился слух, что австрийцы отрезали, окружили... Началось беспорядочное отступление пехоты. Расположенные укрыто и довольно далеко от пехоты, 2-я и 3-я гренадерские батареи узнали об отступлении случайно от казачьего разъезда. Под шрапнельным огнём противника 2-я батарея снялась с позиции и присоединилась к колонне отступающих главных сил своей дивизии. Командир 3-й батареи переменил карьером позицию и, став почти у самой дороги возле Гораец, открыл при наибольшем прицеле огонь через головы своей пехоты в сторону противника. Огонь этот едва ли был вреден для неприятеля, но отступавшая в панике пехота, видя, что своя артиллерия не уходит и спокойно продолжает стрелять, стала успокаиваться, сознавать, что никакой опасности нет; постепенно восстанавливался порядок, паника прекратилась.

Австрийцы не могли не заметить отступления русских, но в решительное контрнаступление почему-то не перешли и преследовали русских лишь артиллерийским огнем, разбрасывая снаряды куда попало и не нанося существенного вреда.

В этом бою 2-я гренадерская дивизия потеряла около 2 500 человек и 7 полевых 76-*мм* пушек.

По распоряжению высшего командования дивизия отошла ночью, несмотря на переутомление после неудачного боя, почти на 30 *км* в тыл.

Главная причина неудачи — безграмотные действия высшего командования, выразившиеся в несоблюдении элементарных правил походного движения (без разведки, связи и должных мер охранения) и в нелепых распоряжениях, в особенности в отношении артиллерии, при завязке боя. Исполнившая беспрекословно приказание командования 4-я батарея поплатилась за это своим существованием. В дальнейшем течении боя артиллерия действовала самостоятельно, по инициативе своих командиров, и в общем оказала существенную помощь своей пехоте, не поддаваясь до конца боя панике, охватившей пехоту. Отсутствие специального прикрытия от

пехоты могло привести к гибели почти всех русских батарей, если бы австрийцы воспользовались паническим отступлением русских и стали энергично их преследовать.

Авангардная артиллерия во встречном бою, запоздав с занятием позиции и открытием огня, может оставить свою пехоту вовсе без поддержки, как это было с 22-й австрийской пехотной дивизией в бою 26 августа 1914 г. (см. выше), или может быть вынуждена к отходу, даже не открыв огня. С другой стороны, могут быть случаи, когда, заняв позицию слишком заблаговременно, артиллерия настолько отстанет от своей пехоты, что та, продолжая движение вперёд, выйдет из поля зрения артиллерийских наблюдателей и из сферы дальности артиллерийского огня, вследствие чего батареи авангарда должны будут передвигаться вперёд на новые позиции и терять время.

В сражении при Гумбинене 20 августа 1914 г. батареям 2-го дивизиона 25-й артиллерийской бригады пришлось семь раз менять позиции, из них четыре раза до открытия огня. В то же время 99-й пехотный русский полк попал в критическое положение из-за того, что поспешно двигался вперёд, не ожидая развёртывания и открытия огня своих батарей.

Начало боя 20 августа было неудачным для 25-й пехотной русской дивизии. Когда же батареи 25-й артиллерийской бригады расположились на позициях и приготовились к бою, под их губительный огонь попали и понесли огромные потери густые цепи германской пехоты, перед тем сбившие 100-й и поставившие в тяжелое положение 99-й пехотные полки русских. Наступление немцев было отбито; они в беспорядке отступили.

Встречное столкновение пехоты без артиллерии обычно приводит к поражению пехоты, если у противника имеется артиллерия.

В том же сражении под Гумбиненом русский 100-й пехотный полк, двигавшийся без артиллерии, встретился с германской 87-й бригадой 35-й пехотной дивизии и был ею атакован. Бой развернулся на фронте около 2 *км*, причем на 1 *км* фронта приходилось у русских 1 600 винтовок и 4 пулемета, а у германцев 2 400 винтовок, 6 пулеметов и 12 орудий. В течение 5 час. боя Островский полк потерял 20 офицеров и 2 000 солдат. Остатки Островского полка и подошедшие два батальона 109-го полка продолжали упорно драться, отбив атаки немцев к 14 час. без содействия своей артиллерии, которая располагалась слишком глубоко и не успела подойти своевременно ближе.

Отсутствие артиллерии при авангарде во встречном бою может не только поставить авангард в критическое положение, но и привести к полному разгрому главных сил раньше, чем артиллерия успеет их поддержать своим огнём. Вместе с тем не будет обеспечено необходимое взаимодействие пехоты с артиллерией и, в частности, артиллерийская разведка не добудет своевременно необходимых данных, обеспечивающих успех действий артиллерии.

Отрицательным примером использования артиллерии во встречном бою может служить бой в районе Галков, Колюшки 23 ноября 1914 г., в период Лодзинской операции (рис. 14 и 15).

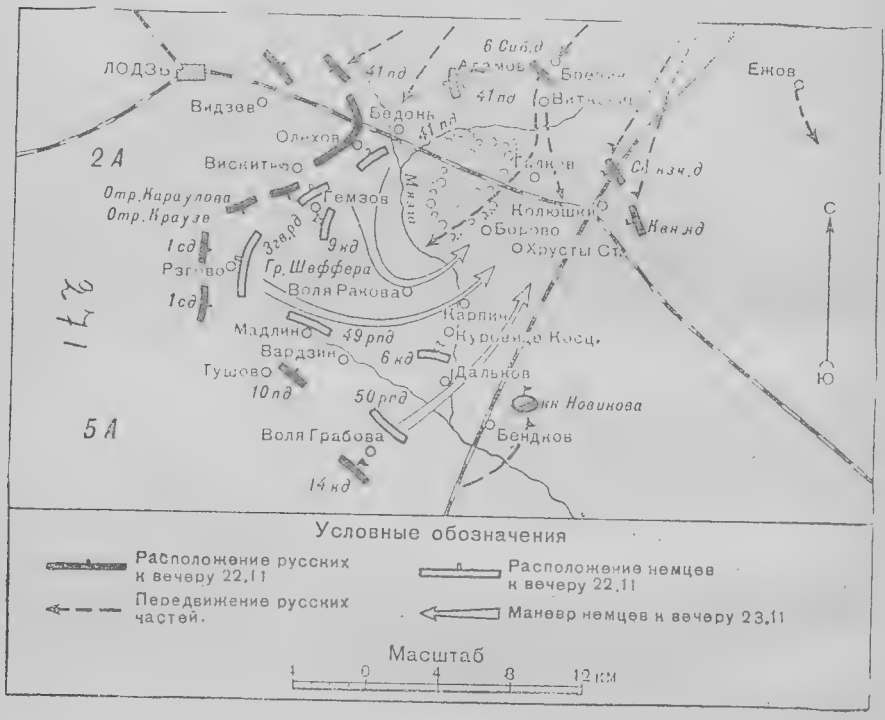


Рис. 14. Расположение сторон к вечеру 22 ноября 1914 г перед боем в районе Галков, Колюшки.

Группа германских войск Шеффера, зашедшая в тыл русских с целью завершить их окружение, сама оказалась почти окружённой и должна была искать спасения путём отхода в северном направлении, чтобы прорваться через единственный оставшийся свободным узкий промежуток в районе Брезины.

Ловичскому русскому отряду поставлена была задача замкнуть этот промежуток и выйти в тыл группы Шеффера. Выполнение этой задачи было возложено на 6-ю Сибирскую стрелковую дивизию (из состава Ловичского отряда), уже успевшую к тому времени занять Брезины.

Не располагая сколько-нибудь подробными сведениями о противнике и не произведя предварительной разведки, 6-я Сибирская стрелковая дивизия начала в 5 ч. 30 м. 23 ноября 1914 г. наступление на Воля Ракова и Вардзин двумя колоннами: правая в составе 23-го и 24-го стрелковых полков и четырех батарей, имея в авангарде два батальона без артиллерии, через Галков и далее

по лесной дороге на Воля Ракова; левая в составе 21-го стрелкового полка с одной батареей, имея в авангарде один батальон, тоже без артиллерии, через Борово и Карпин на Вардзин.

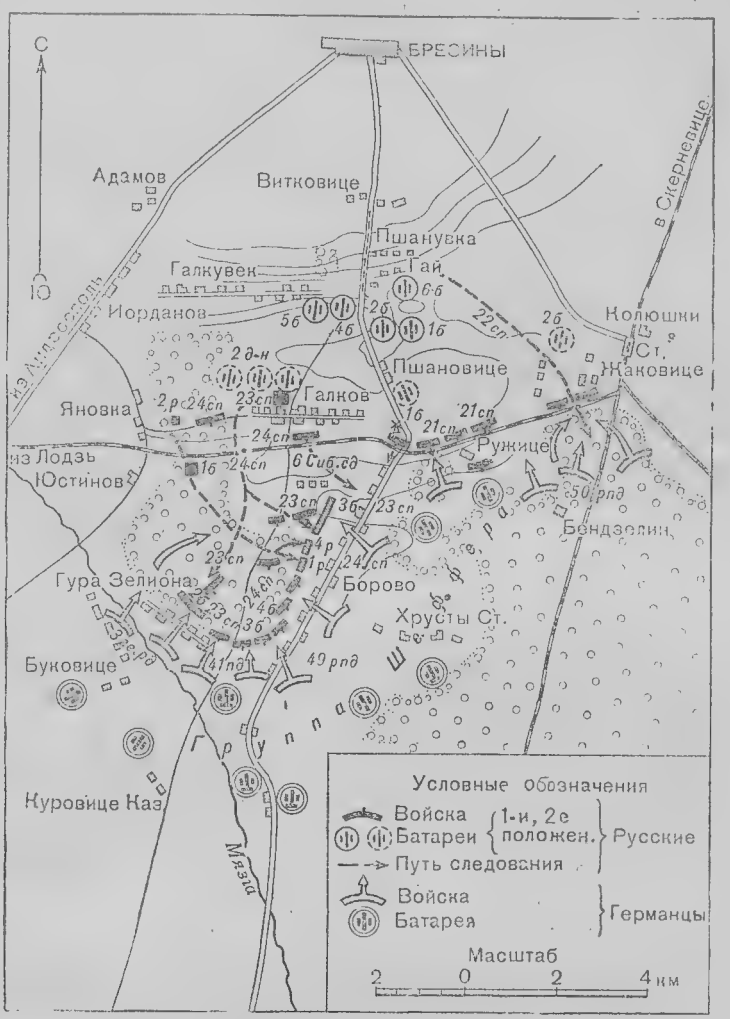


Рис. 15. Бой в районе Галков, Колюшки 23 ноября 1914 г. (к 16 часам).

Между тем группа Шеффера, ввиду угрозы окружения, выступила в ночь с 22 на 23 ноября в северном направлении с целью прорыва на Брезины, прикрываясь арьергардами и конницей, тремя колоннами: правая — 50-я резервная дивизия из Воля Грабова на Колюшки; средняя — 49-я резервная дивизия из Рзгово на Хрусты Старе и Брезины; левая — 3-я гвардейская дивизия

с частью 41-й дивизии из района Бедонь на Борово и Брезины. В авангардах каждой колонны шла сильная артиллерия.

Германское командование предполагало встретиться на фронте Галков, Колюшки с тремя дивизиями Ловичского отряда.

О ночном марше Шеффера командование 6-й Сибирской дивизии, повидимому, не имело сведений. Только около 8 час. 23 ноября узнали от местных жителей, что три дня назад около 40 000 немцев прошли через Галков на юг.

Встречное столкновение авангардов произошло неожиданно. В 9 ч. 30 м. 23 ноября 49-я и 50-я резервные дивизии германцев закончили переправу через р. Мязга и началась переправа 3-й гвардейской дивизии.

В 8 час. авангард левой колонны русских выбил передовые части немцев, занявших д. Пшановице, но дальнейшее движение русской левой колонны было остановлено сильными пехотными частями немцев и огнём из двух лёгких и одной тяжёлой гаубичной батареи, развернувшихся непосредственно за своей пехотой (рис. 15). При этом авангард левой русской колонны, не имея артиллерии и своевременно не поддержанный огнём артиллерии главных сил, оказался в тяжёлом положении.

В это время авангард правой русской колонны, пройдя Галков, втянулся в лес, что южнее Галков. Дозоры авангарда, выйдя на южную опушку леса, неожиданно встретились с германскими дозорами, вступили с ними в перестрелку и обстреляли обозы противника, проходившие Борово.

Под прикрытием авангардов части 6-й Сибирской стрелковой дивизии постепенно развёртывались и втягивались в бой, образовав на фронте около 7 *км* два боевых участка: правый — три батальона и пулемётная команда 24-го полка — развернулся на южной опушке леса и вдоль полотна железной дороги в районе Галков и Гура Зелиона; левый — 21-й полк вёл бой за высоту с мельницей между Галков и Ружице. Севернее Галков стали в резерве 23-й полк и два батальона 22-го полка.

Батареи 6-й Сибирской артиллерийской бригады заняли позиции лишь к 9 ч. 30 м., т. е. пехота вступала в бой без поддержки артиллерии. Раньше других вступила в бой 1-я батарея из левой колонны; она стала за высотой к северо-востоку от д. Пшановице. Из правой колонны 4-я и 5-я батареи стали за высотой в 1 *км* юго-западнее Гай, а 6-я батарея — за высотой в $^1/_2$ *км* юго-восточнее с. Гай. Через 2 часа подошла из Брезины 2-я батарея и, расположившись около 1-й батареи, была готова к открытию огня приблизительно к 12 час. Из 40 лёгких орудий, развернувшихся на позиции, бо́льшая часть — 24 орудия 4-й, 5-й и 6-й батарей — оказалась отставшей от своей пехоты на 5—7 *км* и вследствие большого своего удаления не установила с нею надлежащей связи и не могла оказывать огневой поддержки своим наступающим частям.

До 12 час. 24-й стрелковый Сибирский полк держался на достигнутом рубеже в опушке леса — южнее Галков. Но когда

к 12 час. подошла к Гура Зелиона 3-я гвардейская дивизия германцев и под прикрытием сильного артиллерийского огня повела наступление на юго-западную опушку леса, некоторые части 24-го полка, не поддерживаемые своей артиллерией, были отведены внутрь леса, другие упорно оборонялись, неся большие потери. Один из батальонов 24-го полка контратакой даже захватил, впрочем временно, одну из тяжёлых германских батарей. На поддержку 24-го полка были выдвинуты части 23-го полка.

К 14 час. 4-я, 5-я и 6-я Сибирские батареи выдвинулись вперёд за западную окраину Галков, откуда открыли огонь по Борово и по опушке леса к югу от Ружице (т. е. отчасти помогли левому боевому участку). Но и с этой позиции они не могли помогать своему 24-му полку из-за отсутствия связи с ним и за дальностью расстояния, находясь в 5 *км* за своей пехотой. Несмотря на отсутствие связи и даже наблюдения, батареи эти открыли огонь по лесу между Галков и Гура Зелиона, в котором в то время ещё оставались две роты 24-го Сибирского полка, прикрывавшие его отступление. Эти роты попали под огонь своей артиллерии, продолжавшийся почти 2 часа, и понесли потери. В то же время отходившие части 24-го полка попали под фланговый огонь германской артиллерии с востока из района д. Хрусты Старе, против которой русская артиллерия огня не открывала.

В результате бой на правом участке, несмотря на исключительную доблесть пехоты 24-го Сибирского стрелкового полка, не поддержанной ни единым выстрелом своей артиллерии, закончился потерей леса к югу от Галков. К 17 час. 24-й полк и часть 23-го полка отошли на линию железной дороги юго-западнее Галков.

На левом боевом участке 21-й Сибирский стрелковый полк при сильной огневой поддержке 1-й батареи разгромил авангард 49-й германской резервной дивизии, который не мог продвинуться дальше Борово. Около 17 час. при контратаке одного из батальонов 21-го полка, поддержанной метким огнём 1-й батареи, занявшей новую маскированную позицию за высотой с мельницей между Галков и Ружице, захвачено было у немцев 3 гаубицы, лёгкая батарея и 600 пленных. Главные силы 49-й резервной дивизии германцев подошли к своему авангарду лишь к вечеру, уже в темноте.

Правая колонна германской группы Шеффера, в составе 50-й резервной дивизии с артиллерией, около 15 ч. 30 м. достигла своим авангардом рощи восточнее Ружице и линии железной дороги на Скерневицы, охватывая левый фланг 6-й Сибирской стрелковой дивизии. Для парирования охвата были выдвинуты из резерва два батальона 22-го Сибирского полка и 2-я батарея, которые подошли к Жаковице к 18 час., когда стало темнеть. Батарея заняла позицию севернее Жаковице, но огонь вследствие наступившей темноты не открывала. Батальоны перешли полотно железной дороги, вступили в рощу, но под давлением занявших рощу частей 50-й германской резервной дивизии, атаковавших

с трёх сторон, отошли на северо-восток, открыв немцам путь на Брезины.

В выводах, которые можно сделать в отношении действия русских из приведённого примера, следует подчеркнуть:

а) Крайне неудачную организацию марша: бо́льшая часть артиллерии придаётся правой колонне, наступление которой ведётся через лес, лишающий артиллерию возможности наблюдать и вести огонь; напротив, левой колонне, наступление которой имеет более важное значение, придаётся лишь одна батарея и значительно позже — часа через 2—3 — подходит другая батарея; авангардам — и правому и левому — артиллерия вовсе не придаётся, и тем самым авангарды лишаются огневой поддержки артиллерии, особенно необходимой при завязке встречного боя для обеспечения захвата инициативы в свои руки. В связи с отсутствием артиллерии в авангардах отсутствует и передовая артиллерийская разведка, вследствие чего артиллерия, особенно правой колонны, вступает в бой вслепую и никакого содействия своей пехоте не оказывает.

б) Неумелое использование и управление артиллерией: бо́льшая часть артиллерии (в правой колонне) остаётся далеко в тылу своей пехоты и ей не помогает, направляет свой огонь прямо перед собой наудачу по лесу, занятому своей пехотой, нанося поражение ей, а не противнику; объединённое управление артиллерийским огнём отсутствует; между тем при наличии такого управления огонь 4-й, 5-й и 6-й батарей правой колонны возможно было направить в юго-восточном направлении почти во фланг наступающей 49-й германской резервной дивизии и тем оказать настолько мощное содействие своей левой колонне, что 21-й полк этой колонны совместно с резервом (два батальона 22-го полка) мог бы перейти в решительную контратаку, преградить путь немцам, прорывающимся на Брезины, и способствовать окончательному окружению и уничтожению германской группы Шеффера; наконец, при умелом использовании артиллерии 2-ю батарею 6-й Сибирской артиллерийской бригады вовсе не следовало для парирования охвата левого фланга 6-й Сибирской стрелковой дивизии перетягивать на новую позицию к северу от Жаковице (в затылок своей пехоте), куда она опоздала вследствие наступившей темноты, а нужно было оставить на прежней позиции у Пшановице (близ 1-й батареи), откуда она могла бы фланговым, а следовательно, более сильным огнём поражать 50-ю германскую резервную дивизию и тем оказать самое действительное содействие парированию охвата.

в) Полное отсутствие взаимодействия артиллерии с пехотой в правой колонне и недостаточное взаимодействие в левой колонне (особенно 2-й батареи с батальонами 22-го полка, направленными для парирования охвата).

г) Отсутствие инициативы и взаимной выручки у артиллеристов: каждый действует по большей части прямо перед собой, не решаясь в полной мере помогать соседу косоприцельным и фланго-

вым огнём; командование артиллерией правой колонны — ни командир дивизиона, ни командиры батарей не переносят сосредоточенного огня по своей инициативе не только на пехоту и артиллерию немцев, действующие против левой колонны 6-й Сибирской стрелковой дивизии, но и против тяжёлой германской артиллерии, поражающей фланговым огнём со стороны Хрусты Старе отходящие к северу части 24-го полка правой колонны.

В продолжение всего дня 23 ноября 1914 г. 6-я Сибирская стрелковая дивизия вела бой с превосходными силами немцев (14 батальонов и 40 орудий против 23 батальонов и 130—140 орудий), задержала продвижение на север группы Шеффера, т. е. выиграла время для принятия действительных мер к окружению немцев. Не по вине дивизии не был использован достигнутый ею выигрыш времени. Было много непростительных ошибок русского командования, благодаря которым германская группа Шеффера, находившаяся в состоянии окружения русскими, усталая, страдающая от голода и холода, в мороз без тёплой одежды, не только вышла из крайне тяжёлого положения и прорвала окружавшее её кольцо, но и вывела с собой все свои обозы, всех своих раненых (до 3 000 человек), всех пленных русских (около 10 000 человек) и все трофеи (64 орудия, 39 пулемётов).

Причины такого успеха заключались в численном превосходстве немцев, в особенности их артиллерии, и не столько в их искусстве, сколько в ошибках русского командования. Тем не менее Гинденбург признал прорыв у Брезины «самым блестящим подвигом» Шеффера.

В результате неравного боя с немцами в продолжение 23—24 ноября 6-я Сибирская стрелковая дивизия вследствие огромных потерь перестала временно существовать как боевая единица. Одной из главных причин её разгрома следует считать нецелесообразное использование артиллерии общевойсковыми начальниками и неумелые действия самой русской артиллерии в тактическом отношении.

Артиллерия при выходе из боя [1]

В основу воспитания старой русской армии положено было, как неоднократно приходилось уже отмечать, «стремление к наступательным действиям». Обстановка может привести к необходимости обороняться, но, как указывалось «Уставом полевой службы» 1912 г., «обороняясь, должно не только отбиваться, но действовать так, чтобы, расстроив неприятеля, нанести ему решительный удар энергичным переходом в наступление и атакою всеми силами». Что же касается выхода из боя (отступления), то этот вопрос старательно замалчивается.

---

[1] «Устав полевой службы», 1912 г., § 525. «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г., § 151. «Пособие по стрельбе полевой артиллерии», 1911 г.

Уставом лишь вскользь упоминалось, что «в случае вынужденной необходимости отойти, следует занять новую позицию», чтобы дать на ней отпор неприятелю и, подорвав его силы огнём пехоты и артиллерии и действиями конницы во фланги и в тыл, перейти в наступление. Относительно артиллерии в «Уставе полевой службы» имелось краткое указание, что «при вынужденном отходе пехоты» она должна «остановить развитие успеха противника, чтобы дать возможность своей пехоте устроиться для возобновления боя» и что артиллерия должна стремиться «фланговым или косым огнём остановить натиск неприятеля, ворвавшегося во внутреннее пространство обороняемой позиции, чтобы перенести успех на сторону обороняющегося».

«Наставление для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. требовало, чтобы в наступательном бою, в случае неуспеха атаки, артиллерия встречала огнём удар противника, перешедшего в контратаку. Требовалось, чтобы все батареи, могущие стрелять по неприятельским войскам, переходящим в наступление, вели по ним сильнейший огонь с целью остановить их и дать возможность своим восстановить успех. Только те батареи, которые не могли стрелять по неприятельской пехоте, переходящей в контратаку, должны были стрелять по артиллерии противника.

Батареи, действующие в непосредственной ближней связи с пехотой, в особенности наиболее выдвинувшиеся вперёд, обязаны были принимать на себя отступающие части и упорным огневым сопротивлением дать им возможность восстановить порядок и возобновить атаку. Батареи эти, в случае необходимости, должны были образовать, как говорилось в «Наставлении», «опорную линию и *вести огонь до последней возможности, жертвуя собой для выручки пехоты*»

В случае решения начальника отряда вывести войска из боя артиллерия должна была прикрыть отступление, причём часть батарей, поддерживающих атаку с дальних позиций, обязана была образовать опорную линию и принять на себя прикрытие отступающих войск. Остальные батареи должны были занимать тыловые позиции таким образом, чтобы фланговым огнём поражать противника и чтобы свои войска возможно дольше не закрывали обстрела.

Требовалось, чтобы при отступлении артиллерия особенно тщательно освещала и охраняла свои фланги, так как на них преимущественно направлялись удары преследующего противника. Обращалось внимание на то, что для артиллерии арьергарда большое значение имеют разведка путей, правильный выбор времени начала переездов на последующие тыловые позиции и обеспечение достаточного количества боеприпасов. Во избежание загромождения путей предлагалось парки, обозы, а иногда и батарейные резервы заблаговременно отправлять в тыл, в заранее намеченные пункты.

«Наставлением для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. указывалось, что задача артиллерии при отступлении — «помочь войскам выйти из сферы огня, собраться и перейти в по-

ходный порядок». Таким образом, согласно «Наставлению», артиллерия при отступлении должна была помочь своей пехоте перейти в походный порядок и затем, разумеется, отступать, а согласно «Уставу полевой службы» — помочь своей пехоте возобновить бой. Такое противоречие «Устава» и «Наставления» было далеко не единственным.

«Наставлением» указывалось в развитие основной задачи, что артиллерия при отступлении должна своим огнём замедлять наступательное движение противника и ослабить «огромную действительность огня» его артиллерии, а затем батареям арьергарда рекомендовалось занимать фланговые позиции позади пригодных для обороны рубежей и теснин, допускающие незаметное их оставление, открывать огонь с самых дальних расстояний, в случае надобности упорно держаться до последней возможности и т. д.

Офицерская артиллерийская школа считала, что задача артиллерии при неудаче наступления и атаки: встречать губительным огнём неприятеля, перешедшего в наступление, и прикрывать отступление своих войск, ведя огонь до последней крайности и жертвуя собой для их выручки. При действиях в арьергардах или в боковых авангардах и вообще в тех случаях, когда требуется лишь замедлить или на некоторое время приостановить наступление противника, артиллерия могла, как указывала офицерская артиллерийская школа, открывать огонь издалека, чтобы заставить неприятеля раньше развернуться и тем обнаружить свои силы и направление наступления.

Опыт маневренного периода мировой войны подтвердил основную обязанность артиллерии при выходе из боя: прикрывать отход своих войск, ведя огонь по наседающему противнику до последней возможности и при крайней необходимости жертвуя собой.

Вместе с тем опыт войны указал, что при выходе из боя необходимо в отношении использования артиллерии возлагать задачи прикрытия начала отхода на более глубоко эшелонированные батареи, предпочтительно на дальнобойные, а также предусматривать: во-первых, переподчинение большей части артиллерии прикрывающим отход войсковым частям, придачу батарей артиллерии пехотным полкам и более мелким подразделениям пехоты; во-вторых, децентрализацию управления артиллерией, имея в виду, что действия её при отходе происходят главным образом по инициативе ближайших начальников и нередко младших командиров.

Во время войны русской артиллерии неоднократно приходилось для поддержки и выручки пехоты, особенно при её отходе под натиском неприятеля, занимать маскированные и даже открытые огневые позиции, несмотря на риск понести большие потери от неприятельского огня или даже быть захваченной в плен.

Для прикрытия отхода русского гвардейского корпуса к Влодава 2-я гвардейская пехотная дивизия около 4 час. утра 4 августа 1915 г. заняла оборонительную позицию на фронте оз. Сомин, Борысик, кол. Малков, кол. Велькополе и далее по опушке леса до Тарнов. В тылу позиции оз. Великое и Коровье болото обра-

зовывали теснину, через которую пролегали единственные пути отхода всего гвардейского корпуса — шоссе на Вытычно и гать от Андреев на г. дв. Черников. Левый участок дивизии составили два полка с дивизионом лёгкой артиллерии и 107-*мм* тяжёлой батареей[1] гвардейского тяжёлого артиллерийского дивизиона на фронте от Борысик до Тарнов.

Тяжёлая батарея заняла позицию юго-западнее Андреев за Забродье, закрытую высотой 88,2, имея наблюдательный пункт командира на дереве в 500 шагах за пехотными окопами, вблизи ф. Загуже (рис. 16). Лёгкие батареи стали за Верещин — севернее деревни.

Командир тяжелой батареи был подчинён командиру лёгкого артиллерийского дивизиона, имея в то же время специальную задачу: обстрел подступов вдоль шоссе и оказание помощи правому участку дивизии (фронт его — озеро Сомин, деревня Борысик) путём обстрела дальних целей. От батареи выслан передовой артиллерийский наблюдатель в пехотные окопы на опушке леса к юго-востоку от кол. Велькополе, так как этот участок был плохо наблюдаем с командирского наблюдательного пункта.

В течение дня 4 августа противник ограничился пристрелкой на всём фронте дивизии. Сильная артиллерийская группа противника была обнаружена южнее Сверщов и Примержки. Командир тяжёлой батареи заметил сосредоточение артиллерийских наблюдательных пунктов на высоте 88,0, что южнее д. Сверщов, и ведущую пристрелку тяжёлую неприятельскую батарею юго-восточнее высоты 87,5, у Сверщов, по которой открыл огонь. Стрельба была чрезвычайно удачной — замечены были прямые попадания снарядов на огневой позиции тяжёлой батареи противника, после чего она прекратила огонь, а ночью переменила позицию.

Около 16 час. русская тяжёлая батарея открыла огонь по деревне Сверщов, зажгла её и отогнала накапливающуюся в деревне пехоту противника в южном направлении. Уже около 22 час. пехота противника, пользуясь темнотой, повела наступление на кол. Велькополе; получив донесение об этом от передового артиллерийского наблюдателя, командир тяжёлой батареи открыл огонь по карте; наступление было остановлено.

Утром 5 августа, около 8 час., неприятельская артиллерия зажгла своим огнём Верещин и стала сильно обстреливать окопы левофлангового полка, а пехота противника превосходными силами перешла в наступление. Русский левофланговый полк начал отходить к д. Верещин, на южной окраине которой стал укрепляться. Около 10 час. лёгкие батареи прекратили огонь и начали отход на тыловые позиции. Командир тяжёлой батареи перешёл на новый наблюдательный пункт, заблаговременно выбранный у кладбища Верещин высланным для этой цели офицером, но оставаться на нём не пришлось, так как дым горевшей деревни мешал

[1] На вооружении батареи состояли четыре 107-*мм* (42-лин.) скорострельные пушки обр. 1910 г.

наблюдению, и по телефону с батареи сообщили, что солдаты, видя отступление пехоты и лёгких батарей, выражают беспокойство и задают вопросы, не пора ли уходить и батарее.

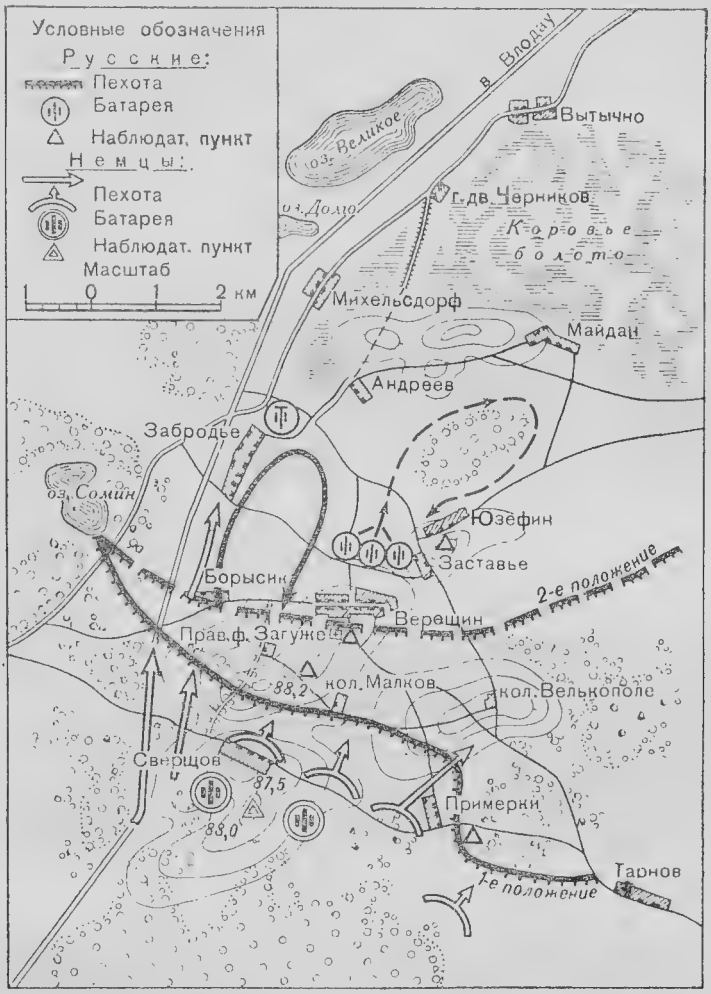


Рис. 16. Бой у Верещин, Забродье 4—5 августа 1915 г.

Ко времени приезда командира к своей батарее правый полк под угрозой обхода отходил. Пехота противника, хорошо видимая с позиции батареи, быстро наступала вдоль шоссе, прикрываясь кустарником; стык между правым и левым участками дивизии был прорван; деревня Верещин горела, но левый полк еще держался у деревни; на батарею долетали пули, видимо, от дальнего пулеметного огня.

Командир батареи обратился к своим солдатам и кратко им объяснил, что нельзя сниматься с позиции до устройства лёгких батарей на тыловых позициях и открытия ими огня, оставив свою пехоту без поддержки артиллерийским огнём, и рассказал, что может произойти, если противник займёт дефиле между озером и болотом, а также указал на невозможность подачи передков к орудиям, так как пулемётным огнём противник перебьёт лошадей. Единственным почётным выходом для батареи при создавшейся обстановке, как объяснил командир, было отбиваться. В это же время начальник 2-й гвардейской дивизии по телефону из Михельсдорф сообщил командиру батареи, что гать и шоссе между этой деревней и деревней Вытычно под таким сильным артиллерийским огнём противника, что это пространство доступно лишь для отдельных перебегающих людей, и, одобрив решение командира батареи отбиваться, гарантировал ему доставку боеприпасов к Андреев (откуда они доставлялись на батарею конными посыльными).

Неприятельская пехота, силою около батальона, продолжала движение от Борысик и фольварка Загуже вдоль шоссе. Первая очередь огня по ней шрапнелью прямой наводкой на прицеле 60, выпущенная русской тяжёлой батареей, была удачной, что сразу подняло настроение; огонь батареи становился всё интенсивнее, а когда пехота противника стала занимать Забродье, батарея перешла на беглый огонь при прицеле 12, трубка на картечь. Огонь высокой интенсивности продолжался около 15 мин., вследствие чего орудия так нагрелись, что на них стала лопаться краска.

Пехота противника понесла огромные потери и стала отходить от Забродье, но в то же время другие её части обошли с тыла со стороны Борысик русскую пехоту, державшуюся у Верещин. Командир батареи направил на обходящего противника огонь правого взвода батареи, а левый взвод обстреливал неприятельскую пехоту, наступающую с фронта. Атака немцев была отбита, они отошли, а русские вновь заняли позицию на линии Борысик, Верещин, где и закрепились; лёгкие батареи выехали на позицию в районе Заставье, Юзефин. Германская артиллерия во всё время боя обстреливала русскую пехоту и дефиле между Коровьим болотом и оз. Великое, а по русской тяжёлой батарее огонь не вела, повидимому или не обнаружив её укрытую позицию, или опасаясь нанести поражение своей пехоте, наступающей на Забродье.

В этом примере обращает на себя внимание нецелесообразное использование русским командованием своей артиллерии. Дальнобойные 107-*мм* тяжёлые пушки, имеющие основным назначением ведение огня на большие дальности и борьбу с неприятельской артиллерией, вынуждены были отбивать атаки германской пехоты, ведя даже беглый огонь на картечь и предоставляя возможность артиллерии противника безнаказанно поражать пехоту и обстреливать пути отступления гвардейского корпуса через дефиле между оз. Великое и Коровьим болотом. В то же время дивизион лёгких батарей (18 полевых 76-*мм* пушек), обязанностью которого было

выручать свою пехоту при создавшемся для неё критическом положении и отбивать направленные на неё атаки противника, снимается с позиций, оставляя пехоту без огневой поддержки. Тыловые позиции для лёгких батарей не были, повидимому, заблаговременно выбраны, так как, не открывая огня с тыловых позиций, батареи эти к тому времени, когда атаки противника были отбиты, возвратились почти на прежние позиции в районе Заставье, Юзефин, севернее Верещин.

Действия русской гвардейской тяжёлой батареи, прикрывшей по инициативе своего командира отход пехоты и успешно отбившей атаки на неё немцев, несмотря на создавшуюся для батареи крайне тяжёлую и рискованную обстановку, следует признать образцовыми.

Особенности ночных действий полевой артиллерии [1]

Ночные боевые действия полевой артиллерии в маневренных условиях признавались мало вероятными. В довоенное время русская артиллерия почти не подготавливалась к боевым действиям ночью; практические ночные стрельбы полевой артиллерии производились редко и в большинстве случаев бывали неудачными. Довоенные русские уставы и наставления в отношении боевых действий полевой артиллерии ночью ограничивались краткими указаниями общего характера.

Признавалось, что только при атаке укреплённых позиций частое применение получают *ночные действия* артиллерии, а в полевых боях они могут иметь место: или в случае занятия и оборудования позиции под покровом темноты, с целью открыть огонь с рассветом, или же в случае необходимости ночной стрельбы, но после заблаговременно, засветло исполненных занятия и оборудования позиции и подготовки данных огня.

Обращалось внимание на то, что при ночных действиях артиллерия должна быть надёжно обеспечена прикрытием достаточной силы и что в многодневном бою артиллерия должна по окончании каждого дня боя изготовиться на случай ночного боя, не ожидая особых приказаний.

Считалось, что *ночное занятие или перемена позиции* артиллерии могут иметь место в маневренных условиях преимущественно при атаке и могут быть обусловлены необходимостью пройти сильно обстреливаемое пространство с целью приблизиться к противнику, развернуть войска возможно ближе к нему и с рассветом начать бой, или необходимостью перегруппировки своих войск во время ночного перерыва боя.

Занятие артиллерийских позиций ночью требует *тщательной подготовки.*

---

[1] „Наставление для действия полевой артиллерии в бою", 1912 г., § 122—126, 128.

Позиции, пути и подступы к ним должны быть засветло тщательно разведаны и оборудованы по возможности незаметно для противника.

Полезно ознакомить засветло с позицией и с путём выезда на позицию весь командный состав во избежание весьма возможных в темноте недоразумений и замешательств. В тех же видах соблюдения порядка и спокойствия бывает иногда желательно начинать движение той или иной батареи лишь тогда, когда предшествующая батарея уже вступила на новую позицию.

Необходимо принимать все меры для соблюдения тишины и для предотвращения случайного открытия огня.

При движении следует иметь надёжных проводников и пользоваться компасом и потайными фонарями.

Места для орудий на огневой позиции, наблюдательные пункты, пути выезда на позицию и пр. отмечаются какими-либо ясными, различаемыми даже в темноте знаками — незаметными для неприятеля фонарями, белыми флагами и т. п.

Ночная стрельба артиллерии имеет, в общем, задачу: при атаке — преимущественно образование в тылу атакуемого участка огневой завесы, изолирующей участок от подхода резервов противника; при обороне — образование огневых преград на путях возможного движения неприятеля, и с этой целью артиллерия для стрельбы ночью при обороне должна располагаться против наиболее вероятных направлений атаки и заблаговременной пристрелкой подготовить данные для встречи атаки огнём.

Необходимо иметь в виду, что ночью блеск выстрелов выдаёт расположение артиллерии и по блеску выстрелов даёт возможность противнику взять на неё направление. Поэтому для введения неприятеля в заблуждение полезны ложные вспышечные батареи, устраиваемые в достаточном удалении от действительных огневых позиций.

Занятие и оборудование позиции для ночной стрельбы артиллерии следует производить по возможности засветло. Обращалось внимание на устройство надёжной телефонной и оптической (фонарями) связи, на установку на линии фронта или в тылу позиции фонарей для наводки орудий, на заготовление фонарей для освещения прицельных приспособлений, орудий и снарядов. Необходимо организовать передовое наблюдение, для чего устанавливается телефонная связь и оптическая с передовыми частями пехоты, и к ним высылаются артиллерийские наблюдатели.

Данные для стрельбы определяются засветло, с возможно большей точностью. Орудиям на ночь придаётся наиболее вероятное для стрельбы направление.

Требовалось, чтобы у орудий и на наблюдательных пунктах устанавливалось дежурство на случай ночной тревоги.

Управление огнём при ночной стрельбе производится при посредстве телефона и сигнализации фонарями. Существенную пользу приносят показания и сведения, сообщаемые передовыми наблюдателями.

Признавалось, что при ночной стрельбе с пользой могут применяться прожекторы, но их не имелось в частях полевой артиллерии.

При ночных движениях и действиях трудно рассчитывать на объединённое управление крупными частями артиллерии и на их согласованную работу. Поэтому предусматривалось, что при движении и действии артиллерии ночью отдельные батареи будут действовать самостоятельно.

В маневренный период мировой войны стрельба артиллерии ночью бывала исключением. По большей части артиллерийская стрельба с наступлением темноты прекращалась с обеих сторон, как бы по взаимному молчаливому соглашению. Нередко русские батареи снимались на ночь с огневых позиций и отводились в тыл на 2—3 *км*, где спокойно отдыхали, а на рассвете выходили вперёд и вновь занимали позиции.

Боевые действия горной артиллерии [1]

Горная (вьючная) артиллерия применяется: а) при действиях в горах, на сильно пересечённой и трудно проходимой местности; б) в полевом маневренном бою для действия в ближней непосредственной связи с пехотой, в частности — для сопровождения атакующей пехоты и для закрепления захваченной неприятельской позиции, а также в составе небольших отрядов, прикрывающих более крупные силы или назначенных для поддержки выдвинутой вперёд кавалерии.

Боевое управление горной артиллерии подчинялось в общем тем же правилам, какие были установлены для полевой артиллерии.

В горной местности, ввиду её особенности, применяются преимущественно мелкие артиллерийские подразделения. Действия отдельных батарей, полубатарей и взводов было обычным явлением в горных боях мировой войны на Кавказе и в Карпатах.

Горная артиллерия должна двигаться, где возможно, предпочтительно в колёсном порядке, переходя в колёсно-вьючный порядок только на трудной местности, для преодоления особенно тяжёлых участков пути, при выезде на труднодоступные позиции и т. п.

Необходимо иметь в виду, что ходить под вьюком может далеко не всякая лошадь, что лошадь должна быть хорошо приучена к работе в горах, что под вьюком она быстро утомляется, становится неустойчивой на ногах и требует особого внимания; необходимо также иметь в виду, что вьючная материальная часть горной артиллерии подвержена скорой порче и требует осторожного обращения и тщательного ухода.

---

[1] «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г., § 170—175.

В мировую войну приходилось действовать в гористой местности не только горной артиллерии, но нередко и полевой лёгкой применительно к тем же указаниям, какие давались для горных батарей.

Действия артиллерии в горах, в особенности разведка, наблюдение и служба связи, представляют значительные трудности и требуют большого опыта начальников и навыка частей.

При разведке первостепенное значение имеет занятие вершин и вообще пунктов с хорошим кругозором. В горах ещё более необходимо, чем на равнинах, применение вспомогательных боковых и дополнительных наблюдательных пунктов.

Установление и обеспечение надлежащей связи представляют большие затруднения. Оптическая связь световыми знаками является нередко наиболее удобным и верным средством связи в горах.

В гористой местности необходима самая тщательная разведка дорог, троп и подступов к позициям. В горах, считающихся недоступными, бывают незаметные тропы, известные местным жителям, по которым могут проходить не только отдельные люди, но иногда и войсковые части. В первую мировую войну во время Сарыкамышской операции на Кавказе (в декабре 1914 г.) отряд турецких войск с орудиями и пулемётами, обойдя правый фланг русских, неожиданно оказался почти в тылу их в горах к северу от Сарыкамыша, считавшихся непроходимыми.

При действии в гористой местности необходимо надёжное обеспечение путей для выезда артиллерии, причём нередко приходится отказываться от подтягивания батарей к позициям во время производства разведки и двигать батареи лишь по окончательном исследовании подступов.

При первоначальном расположении артиллерии необходимо принимать в расчёт, что перемена позиции в горах чрезвычайно трудна и требует много времени.

В горах с самого начала боя артиллерийский огонь приходится в большинстве случаев направлять против пехоты противника, уделяя неприятельской артиллерии меньше внимания.

Необходимо принимать меры для обстреливания всех участков местности, доступных неприятельской пехоте, и с этой целью прибегать к разбросанному расположению артиллерии мелкими частями — отдельными взводами и даже орудиями (участки, которые невозможно обстреливать орудийным огнем, должны обстреливаться ружейным и пулемётным огнём).

При стрельбе артиллерии в горах необходимо предусматривать возможность огромных и самых разнообразных углов местности и значительных мёртвых пространств и принимать меры к обстрелу этих пространств если не артиллерийским, то стрелковым огнём из ружей и пулемётов.

Трудность быстрого подвоза в гористой местности боевых припасов заставляет держать батарейные резервы ближе к бое-

вым линиям, иногда даже придавать отдельные зарядные ящики из резерва к расположенным в стороне, самостоятельно действующим взводам или орудиям.

Особенности боевых действий конной артиллерии[1]

Конная артиллерия применяется: а) при участии кавалерии в общем бою, совместно с войсками других родов; б) при самостоятельных действиях кавалерийских частей, в кавалерийском бою.

В довоенное время главное внимание обращалось на боевую подготовку конной артиллерии для действий в кавалерийском бою. Подготовка конной артиллерии в составе всех родов оружия считалась второстепенной; в этом случае конная артиллерия, согласно «Наставлению для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., должна была действовать в общем «применительно к указаниям», данным в «Наставлении» для полевой артиллерии вообще, а конно-горные батареи должны были, сверх того, руководствоваться правилами, данными для горной артиллерии

Относительно действий конной артиллерии в кавалерийском бою имелись довольно подробные указания и в «Уставе полевой службы» 1912 г. и в «Наставлении для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., причём «Уставом» и «Наставлением» основы действий конной артиллерии трактовались по существу одинаково, но в «Наставлении» более подробно развивались в частностях.

«Задача конной артиллерии в кавалерийском бою — содействовать огнём развёртыванию и атаке кавалерии», — так определялась задача конной артиллерии «Наставлением» 1912 г.

Офицерская артиллерийская школа, со своей стороны, давала следующие указания в отношении использования конной артиллерии в кавалерийском бою («Пособие по стрельбе полевой артиллерии», 1911 г.):

«В кавалерийском бою задача конной артиллерии — *содействовать атаке своей конницы.* Огонь конной артиллерии должен обеспечить развёртывание конницы и поддержать её атаку. Ввиду скоротечности кавалерийского боя соображения о предварительной подготовке позиции и огня в конной артиллерии могут иметь место лишь в исключительных случаях. Решительность и быстрота являются вернейшим залогом успеха боевых действий конной артиллерии.

Конная артиллерия направляет свой огонь первоначально против ближайших частей неприятельской конницы, а когда стрельба по передним её линиям становится опасной для своей конницы, огонь переносится на последующие тыловые линии.

---

[1] «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г., § 176—185. «Устав полевой службы», 1912 г., «Пособие по стрельбе полевой артиллерии», 1911 г.

Только при невозможности поражать конницу конные батареи направляют огонь на артиллерию или на пулемёты противника».

При боевой работе конной артиллерии придавали огромное значение *элементу времени*. Задачи конной артиллерии в кавалерийском бою и обстановка, в которой ей приходится действовать, требуют от командиров конной артиллерии: высокого уменья быстро оценивать боевую обстановку, большой решимости, как и от всякого другого кавалерийского начальника, находчивости и способности к самостоятельным, инициативным действиям. От конной артиллерии требовались огромная подвижность, гибкость маневрирования, искусство и быстрота ведения стрельбы (технике стрельбы конная артиллерия обучалась наравне с лёгкой артиллерией и почти не уступала ей в искусстве стрельбы, а в стрельбе с открытых позиций даже несколько её превосходила).

Конные батареи должны были во что бы то ни стало открывать огонь своевременно и в общем, ввиду скоротечности кавалерийского боя, быстро, а потому разведку артиллерийских начальников требовалось выполнять в *кратчайшее время*, а позиции выбирать так, чтобы огонь мог быть открыт *возможно скорее*, с расстояния, допускающего максимальную действительность поражения, и чтобы огонь как можно долее, с одной стороны, не стеснял действий своей кавалерии и, с другой стороны, не стеснялся ею. Считалось выгодным располагать конные батареи на возвышенных пунктах, на фланге или уступом впереди фланга своей наступающей конницы.

«В кавалерийском бою», говорилось в «Наставлении», «*соображения об укрытии артиллерии теряют своё значение*» (§ 181).

Конной артиллерии во время кавалерийского столкновения рекомендовалось вести стрельбу: а) по передним линиям неприятельской конницы, если она находится в сфере действительного огня, т. е. бить по атакуемой кавалерии, не обращая внимания на артиллерию противника; б) в некоторых случаях по кавалерийским частям противника, производящим охват; в) по тыловым линиям и резервам неприятеля, если стрельба по передним линиям его конницы становится опасной для своей конницы; г) при невозможности действовать по кавалерии, что будет иметь место в момент самого столкновения, — по батареям и пулемётам противника.

В случае успеха конной атаки артиллерия должна быстро выдвигаться вперёд для преследования неприятеля; при неудачном исходе атаки конные батареи должны были оставаться на своих позициях и вести огонь до последней возможности, чтобы облегчить положение своей кавалерии.

Ввиду особенностей и скоротечности кавалерийского боя орудийные передки конных батарей оставались по большей части на огневой позиции возле орудий, а зарядные ящики батарейных резервов располагались в некотором удалении от огневой позиции, в безопасном месте. Пополнение боевых припасов в конных

батареях, которые своих парковых запасов не имели, производилось из ближайших артиллерийских парков лёгкой артиллерии.

Действия конной артиллерии в бою спешенной конницы производились в общем по указаниям, данным для полевой артиллерии. В этом случае конным батареям приходилось нередко занимать закрытые огневые позиции и действовать со значительных расстояний, как и лёгким полевым батареям.

Батареи одного и того же конно-артиллерийского дивизиона двигались на походе и действовали в бою в большинстве случаев совместно, под руководством командира дивизиона.

Перед боем командир конно-артиллерийского дивизиона получал от начальника конницы общие сведения о его плане действий и приказ относительно первого выезда на позицию и открытия огня конных батарей. Для исполнения приказа, перед моментом начала действий, командир дивизиона оставлял начальника конницы, организовав с ним связь, и затем уже не мог рассчитывать на своевременное получение от него распоряжений и должен был действовать самостоятельно в духе общего плана, сообщённого ему начальником конницы.

На походе и во время боя конные батареи обеспечиваются особым *прикрытием*, назначаемым от кавалерии, которое обязано охранять артиллерию и защищать в случае нападения на неё неприятеля. Если же прикрытие почему-либо не назначено, обеспечение безопасности конной артиллерии возлагалось на обязанность ближайшей кавалерийской части. Во время кавалерийского боя назначаемое от конницы прикрытие к конным батареям располагалось уступом за внешним флангом батарей.

Обращалось внимание также и на то, что подвижность конных батарей позволяет им быстро менять место своего расположения, внезапно открывая огонь с различных пунктов, обманывать противника относительно своих сил и помогать своей коннице при её действиях на фланги и тыл противника, обстреливая его особенно губительным фланговым или косоприцельным огнём.

По соображениям генеральных штабов, господствовавшим в мирное время, предстоящая война должна была начаться обязательно столкновением кавалерийских масс перед фронтом сосредоточения и развёртывания армий. При этом предполагалось, что та сторона, конница которой уничтожит кавалерию противника и загонит её остатки за пехоту, получит свободу действий, обеспечивающую в дальнейшем успех её боевых операций.

Указанные соображения легли в основу обучения русской конной артиллерии, которое велось, как уже упоминалось, почти исключительно в направлении подготовки к действиям в кавалерийском бою. Конная артиллерия приучалась маневрировать и вести бой в составе кавалерийских частей на удобных для конного боя, открытых, сравнительно небольших пространствах.

Установился даже определённый, внешне весьма эффектный, развивающий смелость и лихость шаблон маневрирования и действий конной артиллерии в кавалерийском бою, являвшийся пере-

житком ещё наполеоновской эпохи. В умах командования русской армии крепко засела мысль, проповедуемая Генеральным штабом, что кавалерия как представительница неизменного холодного оружия остаётся неизменно постоянной в формах её боевого строя с конной артиллерией; при этом почти никакого внимания не обращали на развитие военной техники и силу огня.

Конные батареи должны были с началом перестроения своей кавалерии для конной атаки из резервного порядка в боевой выскочить лихо, на полном карьере, упреждая свою конницу, уступом вперёд возможно дальше на её внутренний фланг, сняться быстро с передков и, не обращая внимания на артиллерию и пулемёты противника, открыть беглый прицельный огонь по неприятельской кавалерии, которая к этому моменту будет открыто скакать во встречную атаку на нашу конницу. А затем, когда стрельба по передовым линиям неприятельской конницы становилась опасной для своей кавалерии, огонь конных батарей переносился на тыловые линии и резервы конницы противника. Наконец, при невозможности вести огонь по атакуемой кавалерии, что чаще всего могло быть в момент самого столкновения, конные батареи направляли свой огонь на артиллерию и пулемёты противника.

На практических занятиях мирного времени для совершения описанного манёвра конной артиллерии на карьере и для ведения беглого огня по неприятельской коннице уделяли для конных батарей обычно не более 2—3 мин., имея в виду, что своя атакующая кавалерия быстро закроет собой цель, т. е. атакующую конницу противника. По большей части на полигонных стрельбах для ведения огня конных батарей по подвижным мишеням, изображающим собой неприятельскую кавалерию и двигающимся гораздо медленнее, чем действительная конница, несущаяся в атаку, оставалось не более ½—1 мин. При этом подвижные мишени часто оказывались слабо поражёнными, так как номера орудийного расчёта, разгорячённые быстрой скачкой, чрезвычайно торопились и нередко вели огонь на перелётах через мишени.

Руководители боевой подготовки русской артиллерии сознавали, что случаи подобного применения конной артиллерии в кавалерийском бою если и могут представиться на войне, то лишь в виде весьма редкого исключения. Они понимали, разумеется, что конные батареи, вследствие большого веса системы их 76-*мм* пушек, не смогут упредить атаку своей конницы хотя бы на несколько сот шагов, чтобы на карьере успеть занять позицию впереди неё уступом и нанести своим огнём потери неприятельской кавалерии. Они понимали, что, быстро заняв огневую позицию уступом не впереди, а сзади своей конницы (и даже не открытую, а закрытую огневую позицию) и внезапно открыв огонь по неприятельской кавалерии, конная артиллерия может достигнуть несравненно более решительных результатов. Однако до самого начала мировой войны так и не могли отрешиться от гипноза красивой картины бешеной скачки конных орудий, пово-

рота их на лихом карьере «налево кругом, с передков» и мгновенного открытия беглого огня прямой наводкой.

Предположения генеральных штабов не оправдались: нигде на фронтах мировая война не началась столкновением конных масс. Более слабая кавалерия той или иной из встречающихся сторон обыкновенно уклонялась от решительного конного боя, грозящего катастрофическими последствиями, и, пользуясь своей подвижностью, отходила под прикрытием своих огневых средств или пехоты, останавливающих конницу противника. В общем в период мировой войны боевые столкновения в конном строю бывали весьма редким исключением, причем конной артиллерии, как показал опыт войны, приходилось действовать в кавалерийском бою несколько иначе, чем это предусматривалось при её подготовке к войне. Русская конная артиллерия действовала во время войны в большинстве случаев как лёгкая полевая.

Русская кавалерия, приученная к действиям на открытых широких родных полях, вторгнувшись в августе 1914 г. в Восточную Пруссию, встретила там множество небольших, приспособленных к обороне хуторов с огороженными дворами, садами и огородами, посевные поля и луга, изрезанные глубокими и недоступными для движения в конном строю канавами, ограждёнными колючей живой или проволочной изгородью, и другие препятствия, затрудняющие движение на коне. Вместо кавалерийских масс она встретила мелкие отряды противника, по большей части из всех родов оружия, останавливающие вторгнувшуюся русскую конницу главным образом ружейным, пулемётным и артиллерийским огнём. И с первых же столкновений коннице потребовалась огневая помощь конной артиллерии, действующей при этом не по шаблону, установленному для кавалерийского боя, а применительно к тем же правилам, по каким действовали батареи лёгкой артиллерии в составе пехотных соединений.

Необходимо воздать должное русской конной артиллерии. В маневренный период войны во всех тех случаях, когда русской коннице приходилось воевать не по-старинке, т. е. не только на коне и не только клинком, а в спешенном порядке (и таких случаев было большинство), — конная артиллерия со своими 76-*мм* пушками оказывала огромную помощь своей коннице и неоднократно выручала её из тяжёлых положений. Особенно велика бывала помощь русской конной артиллерии в тех случаях, когда её умело использовали при действиях кавалерии против флангов противника.

Столкновение в начале войны, 21 августа 1914 г., 10-й русской с 4-й австрийской кавалерийской дивизией у деревни Ярославице является чуть ли не единственным примером конного боя, в котором конная артиллерия маневрировала и действовала до некоторой степени подобно описанной практике мирного времени, но занимая огневую позицию не по шаблону уступом впереди, а сзади своей конницы.

19 августа 1914 г. русская 3-я армия перешла в наступление. Прикрывавшая сосредоточение армии 10-я кавалерийская дивизия генерала Келлера, перешедшая австрийскую границу, к вечеру 20 августа заняла Заложице, имея задачей на 21 августа отбросить прикрывающие части австрийцев.

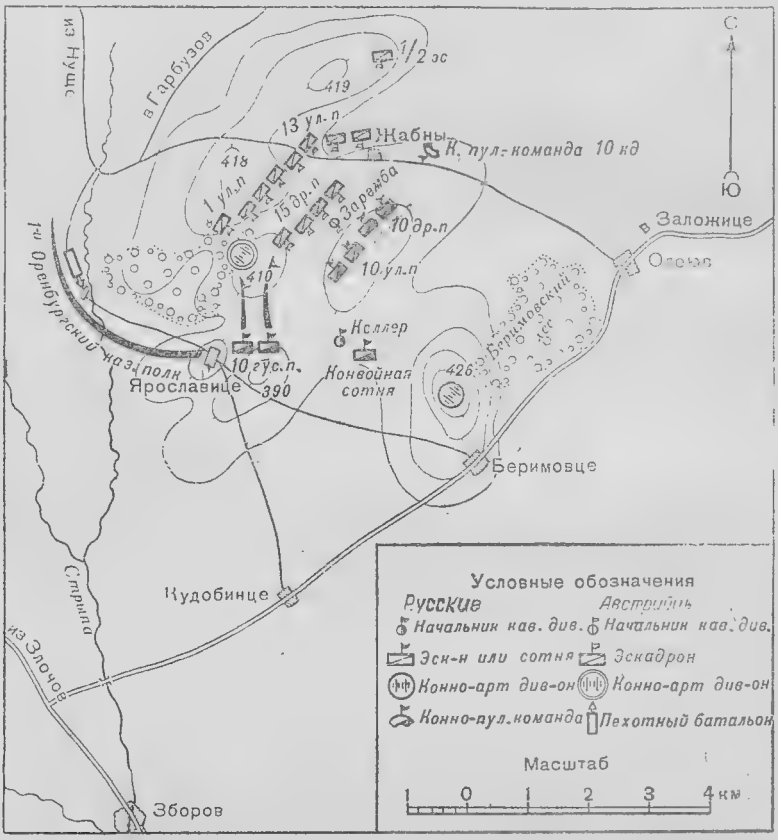


Рис. 17. Кавалерийский бой у Ярославице 21 августа 1914 г.

4-я австрийская кавалерийская дивизия, под командой генерала Заремба, прикрывавшая свою армию, 20 августа вечером расположилась в Нуче, имея приданный ей пехотный полк в Гарбузов. Заремба получил предписание атаковать русских, «имеющих много конницы, обнаруженной на марше через Олеюв на Зборов» (рис. 17).

Генерал Келлер для выполнения своей задачи решил двинуться на Зборов. В 3 часа 21 августа для розыска австрийской конницы были высланы четыре офицерских разъезда на линию Зборов, Злочов (к северо-западу от Зборова), а в 6 ч. 30 м. 10-я

кавалерийская дивизия выступила из Заложице на Зборов, имея в авангарде 1-й Оренбургский казачий полк с одной батареей 12-го Донского казачьего конно-артиллерийского дивизиона и в главных силах остальные три полка дивизии с другой донской батареей. Два эскадрона улан были назначены в левый авангард. Одна сотня казаков составила конвой генерала Келлера.

Генерал Заремба в 4 часа того же 21 августа выступил с дивизией к высотам 418 и 419, предполагая выждать на этих высотах результатов высланной им разведки. В 6 час., получив неверное сведение о том, что русские уже заняли Зборов, он решил повернуть свою конницу на Кудобинце, чтобы пересечь дорогу Олеюв — Зборов, а свой пехотный полк направил на Волчковце и Зборов.

Когда голова 4-й австрийской кавалерийской дивизии прошла Яновице, получено было донесение, что главные силы русских находятся ещё в районе Олеюв. Заремба сосредоточил всю свою дивизию к югу от Ярославице, а сам стал объяснять обстановку командирам своих частей, собравшимся на высоте 390 (восточнее Ярославице).

В то же время, около 9 час., когда русский авангард прошёл Беримовце, а главные силы были у Беримовского леса, дозоры заметили австрийцев, сосредоточенных южнее Ярославице. Немедленно обе донские батареи выскочили на позицию у высоты 426 (западнее Беримовского леса) и открыли огонь по австрийцам. Первые шрапнели русских конных батарей разорвались над серединой 13-го уланского полка, который в полном беспорядке бросился к Ярославице, а за ним повернули и остальные полки. Удалось привести их в порядок только на северной окраине Ярославице под прикрытием австрийских конных батарей, занявших позицию у высоты 410 и открывших огонь по русским батареям.

Генерал Заремба решил вернуться к высотам 418 и 419.

Видя отход австрийцев к северу, генерал Келлер решил их атаковать. С этой целью он направил 1-й Оренбургский казачий полк через Волчковце к северу в обход и в тыл австрийцев, а бо́льшую часть сил (около 9 эскадронов) — для атаки противника, показавшегося из-за гребня высот 418 и 419; два эскадрона гусар Келлер держал у́ступом слева и два эскадрона оставил в прикрытие к батареям.

Русские эскадроны, открыто совершая перестроения, представляли хорошую цель для конных батарей противника, которые могли бы их разгромить. Но этого не случилось благодаря донским батареям, которые своим о́гнём успели нейтрализовать неприятельскую артиллерию.

Рукопашная схватка с первой линией 15-го драгунского австрийского полка была удачной для русских. Однако подоспевшая на выручку вторая линия австрийцев прорвала центр русских, и один из прорвавшихся эскадронов бросился на штаб

Келлера, он был отбит конвойной сотней, усиленной ординарцами штаба.

В это время приближается третья линия — три или четыре эскадрона австрийцев. Наступает критический для русских момент, когда казалось, что успех противнику обеспечен. Однако положение спасают находившиеся уступом сзади русские гусары, один эскадрон которых атаковал батареи противника и захватил все его 8 орудий, а другой эскадрон атаковал во фланг третью линию австрийских улан, попавшую с другого фланга (со стороны Жабны) под огонь русской конно-пулемётной команды.

Результатом неожиданной атаки гусар во фланг было общее бегство австрийцев к западу в направлении к броду (севернее Волчковце). Русские не могли преследовать, так как лошади их выдохлись. Но это не спасло в беспорядке скачущих к броду небольшими группами австрийцев, которые были атакованы и по большей части изрублены оренбургскими казаками. Выполняя приказ начальника дивизии, казаки при движении в северном направлении были неожиданно встречены у Волчковце пехотой австрийцев. Конная атака казаков «лавой» заставила батальон остановиться и окопаться на окраине деревни. Казаки спешились и атакой с фронта и флангов овладели деревней, причём занимавшие её два батальона австрийцев сдались в плен.

Ожесточённая стрельба в стороне Волчковце была слышна конным частям австрийцев, ввязавшимся в бой на высотах 418 и 419, вселив в них беспокойство за свой тыл и понизив их дух.

Оренбургские казаки, овладев Волчковце, бросились к броду, где нанесли огромные потери 15-му драгунскому и 13-му уланскому австрийским полкам.

Бой у Ярославице закончился блестящей победой русской конницы. 4-я австрийская кавалерийская дивизия понесла в этом бою настолько существенные потери, что продолжительное время отсутствовала на полях сражений.

Необходимо отметить большую роль русской конной артиллерии в этом бою, её своевременное и удачное использование. Донские батареи ещё до начала атаки своим неожиданным для австрийцев огнём нанесли им поражение и внесли расстройство в ряды 4-й австрийской кавалерийской дивизии, сосредоточившейся у Ярославице, а затем к началу конной атаки заставили замолчать конные батареи противника и тем не только предохранили свою конницу от потерь от артиллерийского огня, но и способствовали успеху атаки своих гусар, захвативших неприятельские орудия и ударивших во фланг противника.

Нельзя также не отметить, что в этом бою русская конная артиллерия проявила инициативу, способствующую общему успеху, действуя во многом не так, как её учили в мирное время. Своим огнём она обрушилась прежде всего на артиллерию про-

тивника, а не на кавалерию, как предлагалось уставами и наставлениями мирного времени [1].

В состав 1-й русской армии, наступавшей в августе 1914 г. в Восточной Пруссии, была включена многочисленная конница — 134 эскадрона с 48 конными орудиями, — с образованием из неё двух конных групп: правая, более сильная Хана Нахичеванского — 70 эскадронов с 42 конными орудиями, левая Гурко — 18 эскадронов при 6 конных орудиях. Отдельная кавалерийская бригада — 12 эскадронов — была выделена для обеспечения правого фланга армии; остальные эскадроны и сотни были распределены по корпусам и отрядам.

В первые же дни начавшейся войны конница Хана Нахичеванского была выброшена вперёд к границе с Восточной Пруссией и прикрыла собой мобилизацию и сосредоточение своей армии. В дальнейшем действия русской конницы 1-й армии в Восточной Пруссии свелись к ряду самостоятельных, разрозненных и в общем мало значительных боёв с кавалерией и пехотой немцев. Бои эти велись почти исключительно в пешем строю при поддержке конной артиллерии, действовавшей в общем весьма успешно благодаря хорошей её подготовке в отношении искусства стрельбы. Некоторые бои сводились даже главным образом к действиям русской конной артиллерии.

В начальный период войны целью действий конницы 1-й русской армии являлась разведка неприятеля. Задача эта могла быть выполнена только движением в глубь Пруссий, где сосредоточивались силы немцев. Но разведка ограничивалась высылкой разъездов и разведывательных частей и попытками к наступлению, приводившими к незначительным столкновениям с противником; на решительное движение с боем для прорыва в глубину неприятельского расположения это не походило.

В происходивших стычках боевые действия русской конницы основывались главным образом на огне конной артиллерии.

Действуя в спешенном бою, начальники русской конницы направляли удар обычно в лоб неприятелю, но без особой настойчивости в достижении поставленной себе цели. Наступление, встреченное огнём, останавливалось, и в большинстве случаев завязывался тягучий стрелковый бой, равномерный по всему фронту, а затем под прикрытием огня конной артиллерии, приковывающего противника к месту, начинался отход русской конницы.

Для производства усиленной рекогносцировки в направлении Сталупенен, Бильдервейчен два полка русской 1-й гвардейской кавалерийской дивизии с конной батареей 12 августа 1914 г. пере-

---

[1] Кавалерийский бой у Ярославице является чуть ли не единственным примером боя в конных порядках, считающимся многими кавалеристами классическим примером, изучающимся в разных армиях. Описание этого боя можно найти не только в русской военной литературе, но и в заграничной печати. Описания эти весьма различны и почти совершенно не касаются действий конной артиллерии. Проверить описание боя под Ярославице по архивным материалам не удалось.

шли в наступление на всём занимаемом ими фронте от Лацикайме до Шикшнево (рис. 18).

Спешенные эскадроны этих полков (Кавалергардского и Конного), поддержанные огнём конной батареи, вытеснили слабые пехотные части немцев из деревень на левом берегу р. Липона, но затем, обстрелянные неприятельской артиллерией со стороны

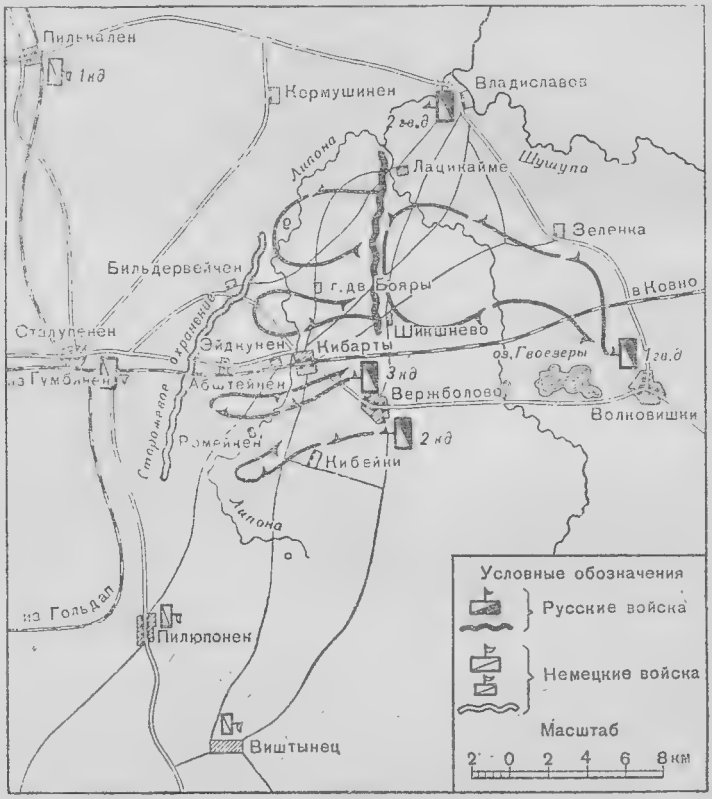


Рис. 18. Район действий конницы Хана Нахичеванского с 31 июля по 16 августа 1914 г.

Бильдервейчен, остановились под сильным огнём пехоты противника. Конные батареи соседней 3-й кавалерийской дивизии, подошедшей к тому времени к г. дв. Бояры, открыли огонь по германской артиллерии у Бильдервейчен; на неё же перенесла огонь и гвардейская конная батарея. Огонь русских конных батарей был весьма удачен и очень скоро заставил замолчать артиллерию немцев.

Начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, вместо того чтобы продолжать наступление и произвести более глубокую разведку, счёл цель рекогносцировки достигнутой и беспре-

пятственно отвёл Кавалергардский и Конный полки в район Волковишки. Одновременно 3-я кавалерийская дивизия возвратилась в Вержболово.

Занимавшие Бильдервейчен части немцев (несколько рот пехоты с 2—3 эскадронами и 4—6 орудиями) ушли в Сталупенен.

С утра 14 того же августа полк германской пехоты с артиллерией повёл наступление от Сталупенен на фронт г. дв. Бояры, Эйдкунен, Кибейки (рис. 18). Начальник 3-й кавалерийской дивизии, находившейся в Вержболово, выдвинул против наступающих немцев один полк к северу от Кибарты и два полка с конно-артиллерийским дивизионом южнее Кибарты. Полки спешились, конные батареи заняли позицию возле Кибарты и около 13 час. открыли огонь по германской артиллерии, державшей под своим огнём спешенные русские части. К 18 час. германские батареи вынуждены были замолчать, бой затих, немцы отошли от Эйдкунена, оставив сторожевое охранение по линии Бильдервейчен. Абштейнен, Ромейкен. Русская 3-я кавалерийская дивизия, прикрываясь огнём своих конных батарей, также отошла в район Вержболово.

В общем разведка конной группы Хана Нахичеванского не привела к существенным результатам на всём занимаемом ею фронте.

Левой конной группе Гурко, к которой был придан стрелковый полк с лёгкой батареей, поставлена была задача выяснить, какие части германцев и в каких силах занимают Маркграбов. Задача эта была выполнена. Выделенный Гурко отдельный отряд Лео, в составе 9 эскадронов с конной батареей, взял 14 того же августа Маркграбов, выяснив, что Маркграбов занимали 147-й егерский и 44-й пехотный полки с несколькими орудиями и 10-й конно-егерский полк. Отряд разрушил в нескольких местах железную дорогу Маркграбов, Гольдап. Но занимавшие Маркграбов и охранявшие железную дорогу немцы благополучно ушли, не преследуемые русскими, которые не воспользовались случаем проникнуть в глубь Восточной Пруссии.

При взятии Маркграбова отрядом Лео конная батарея оказала весьма существенную помощь своей коннице. Наступавшие на Маркграбов спешенные уланы Лео попали под артиллерийский и ружейный огонь немцев. Русская конная батарея заставила замолчать германские орудия, а затем перенесла огонь на пехотные цепи немцев и принудила их отойти. Тогда только уланы, а за ними и вся бригада Лео вошли в Маркграбов, но вскоре получили приказание Гурко оставить Маркграбов и возвратиться на ночлег в Ольшанку (на дороге в Сувалки).

При боевой подготовке русской конной артиллерии в довоенное время имелось в виду, между прочим, что в маневренных условиях войны на неё будут возлагаться задачи неожиданного для противника появления против его флангов с целью поражения продольным огнём. Предполагалось, что такой манёвр, требующий большой подвижности, конная артиллерия сможет про-

извести под прикрытием конницы и что фланговый или косоприцельный огонь конных батарей позволит атакующей пехоте ближе подойти к неприятелю без особого риска подвергнуться поражению от огня своей артиллерии. Руководители довоенной подготовки старой русской армии возлагали большие надежды на то, что действия кавалерии с конной артиллерией против флангов противника, не говоря уже о глубоком обходе для удара в тыл его, могут во многих случаях иметь решающее значение на участь боя и что в частности конная артиллерия может в подобных случаях даже возместить отсутствие при пехоте специальной облегчённой артиллерии сопровождения.

На практических стрельбах мирного времени такие манёвры конной артиллерии (но без конницы в большинстве случаев) производились, особенно в офицерской артиллерийской школе, где по полигонным условиям это допускалось (например при обширности полигонов возле Двинска — в 1904—1908 гг. и возле Луги — в 1909—1913 гг.). Иногда групповые стрельбы школы заканчивались именно таким эффектным манёвром внезапного появления конной артиллерии против фланга мишеней, изображавших противника, и поражения их продольным беглым огнём, обычно с расстояния не более 2—3 *км*. При отсутствии действительного неприятеля подобные манёвры конной артиллерии легко удавались.

В маневренный период войны боевая обстановка для совершения удара во фланг неприятеля неоднократно слагалась чрезвычайно благоприятно для русской конницы с её конной артиллерией. Но высшее командование русской кавалерии оказалось неспособным для осуществления подобных манёвров, по крайней мере в крупных операциях большого значения.

При вторжении русской армии в августе 1914 г. в Восточную Пруссию, в период Гумбиненского сражения, Хан Нахичеванский с массой своей конницы имел полную возможность, как увидим ниже, произвести удар во фланг и даже в тыл немцев, но он этого не совершил ни 19, ни на другой день 20 августа.

В период Лодзинской операции в ноябре 1914 г. (см. выше «Артиллерия во встречном бою», рис. 14 и 15) массы русской конницы решительными действиями во фланг — с востока и в тыл — с юга могли бы завершить окружение и уничтожение германских войск группы Шеффера, попавшей в западню. Но штаб кавалерийского корпуса Новикова неправильно оценивал обстановку. Вместо сосредоточенного удара (в данном случае в конном строю) в одном избранном решающем направлении дивизии корпуса спешиваются и завязывают тягучий стрелковый бой при поддержке своих батарей, действуя разрозненно — каждая русская кавалерийская дивизия приблизительно против одной задерживающей её спешенной кавалерийской бригады немцев. В результате русский кавалерийский корпус (64 эскадрона с 30 конными орудиями) задерживается вдвое слабейшими силами немцев (32 эскадрона, 1 батальон пехоты, около 12—16 орудий) и не ока-

зывает никакого содействия 6-й Сибирской стрелковой дивизии, отходящей на Брезины под давлением противника, хотя штаб кавалерийского корпуса и был осведомлен о тяжелом положении этой дивизии. Конная атака лишь одного Нижегородского драгунского полка, произведённая по инициативе его командира, была единственной попыткой спасти 6-ю Сибирскую дивизию от наседавших на неё немцев. Мощным ударом крупной конной массы в 60 эскадронов с 30 орудиями можно было произвести потрясающее впечатление и достигнуть несравненно более реши-

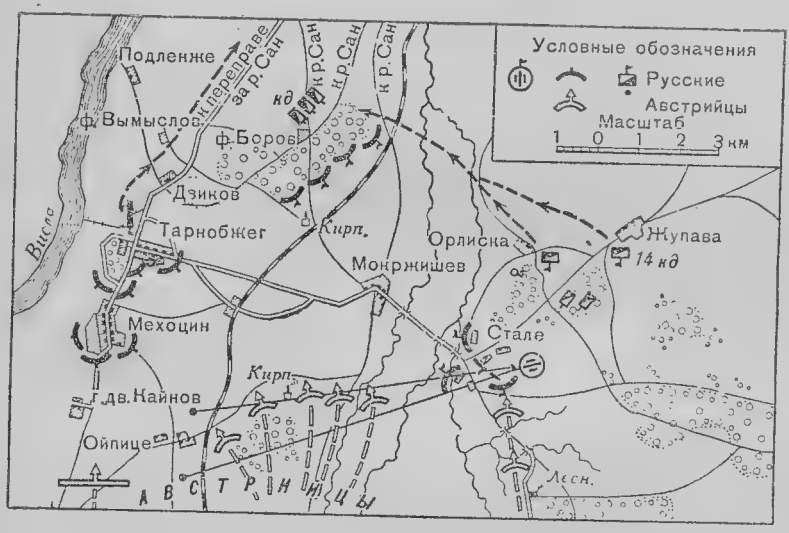


Рис. 19. Бой 14-й кавалерийской дивизии у Стале 21 сентября 1914 г.

тельных результатов, чем атака одних нижегородцев и затяжной стрелковый бой в спешенном порядке всех остальных эскадронов, поддержанных огнём конных батарей, разбросанных на широком фронте.

Опыт маневренного периода войны даёт несколько примеров удачных действий конной артиллерии против флангов неприятеля, но не в крупных боевых операциях, а во время боевых столкновений менее серьёзного значения, имевших иногда случайный характер.

При обратном отходе русской армии от Кракова шедшая в арьергарде бригада пехоты заняла Тарнобжег как единственную и последнюю позицию перед переправой через р. Сан. Прикрывавшая переправу русских через Сан 14-я кавалерийская дивизия занимала район Мокржишев, Орлиска, Жупава (рис. 19).

Около 10 час. утра 21 сентября 1914 г. австрийцы стали обходить Тарнобжег с востока, чтобы отрезать русской бригаде путь отступления к р. Сан. В это время 14-я кавалерийская дивизия была сосредоточена у Орлиска. По приказанию начальника диви-

зии, конная батарея быстро заняла чрезвычайно выгодную позицию восточнее Стале и открыла огонь во фланг австрийцам, обходившим Тарнобжег. Западная окраина Стале была занята двумя спешенными кавалерийскими полками с пулемётами, которые прикрыли конную батарею справа (с запада), но сами огня не открывали, так как расстояние до австрийцев превышало дальность ружейного огня. Остальные два полка дивизии располагались в резерве в лесу возле Орлиска. Слева (с юго-востока) конная батарея прикрыта не была.

Стрельба русской конной батареи была нетрудная — ни один снаряд её не пропадал напрасно. Австрийцы, никак не ожидая артиллерийского огня и удара с фланга, стали поспешно отходить и под впечатлением больших потерь от огня конной батареи обратились вскоре в бегство. Они отошли на юго-запад не преследуемые русской конницей, так как конная атака обречена была на неудачу ввиду крайних неудобств, представляемых местностью.

Начальник 14-й кавалерийской дивизии с двумя полками резерва отошёл в лес у ф. Боров, приказав туда же отойти через Мокржишев своей бригаде с конной батареей, занимавшей Стале. С наступлением темноты он предполагал со всей дивизией двинуться к переправе через р. Сан.

В то время как уланский полк, занимавший спешенными частями южную половину Стале, сел на коней и стал отходить к ф. Боров, австрийцы, накопившиеся в районе дома лесника (южнее Стале), незаметно перешли в наступление, открыли пачечный ружейный огонь по русской конной батарее и тем приковали её к месту, не давая возможности подвести к батарее передки для ухода с позиции. Расстояние от батареи до обстреливавшей её австрийской пехоты было лишь около 1 *км*. Командир батареи передал инициативу самозащиты командирам взводов и обратился с просьбой о помощи к уланскому полку. Задний из эскадронов отходивших улан тотчас же повернул назад и бросился было в атаку на австрийцев, но местность не позволила атаковать; эскадрону пришлось спешиться и открыть ружейный огонь во фланг противнику. Тогда цепь австрийцев залегла в густом люпине, настолько высоком, — до $^1/_2$ *м* высотой, — что нельзя было стрелять. Временным прекращением ружейного огня австрийцев воспользовался командир конной батареи и, снимаясь с позиции по одному орудию, успел в течение $1^1/_2$—2 мин. отвести батарею галопом на дорогу в Мокржишев. Австрийцы быстро спохватились и снова открыли ружейный огонь по батарее, но, лёжа в высоком люпине, они стреляли наугад; пули летели вверх, и батарея отошла без потерь, если не считать одной убитой лошади. Для уменьшения потерь номера при орудиях отводили лошадей в поводу бегом до Стале, где под прикрытием домов садились верхом и догоняли свои орудия.

В этом примере обращает на себя внимание недостаточная заботливость командования о прикрытии своей артиллерии. В дан-

ном случае конная батарея не имела никакого прикрытия на своём внешнем левом открытом фланге, откуда как раз и появилась австрийская пехота, обстрелявшая батарею и едва не захватившая орудия. Ничего этого не случилось бы, если бы левее (восточнее) батареи, уступом впереди, на опушке леса расположилось прикрытие и выслало бы в сторону противника в южном направлении разведку.

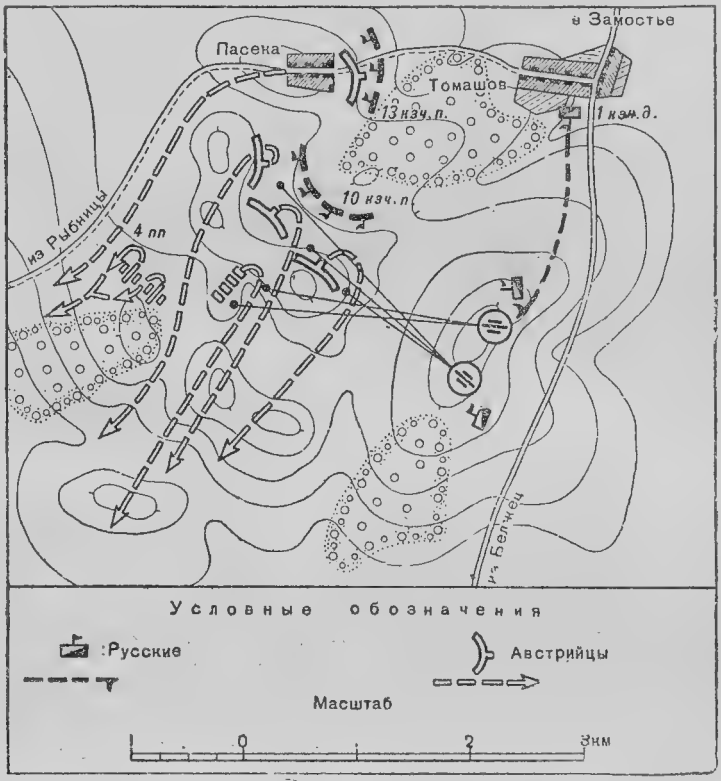


Рис. 20. Бой 1-й Донской казачьей дивизии под Томашовым 15 августа 1914 г.

Наконец, нельзя не обратить внимания и на то, что уланский полк, прикрывавший батарею справа, стал уходить из Стале, не ожидая снятия с позиции и отхода батареи через ту же Стале на Мокржишев. Только получив просьбу командира конной батареи о помощи, тыловой эскадрон улан возвратился в Стале и спас свою батарею.

Другим показательным примером могут служить весьма удачные действия конной артиллерии против фланга противника в бою 1-й Донской казачьей дивизии 15 августа 1914 г. у Томашова (рис. 20).

Дивизия прикрывала сосредоточение 5-й русской армии в районе Холма и 14 августа расположилась на ночлег в Томашове, выслав на юго-западную опушку Томашовского леса сторожевой отряд в составе четырёх сотен 10-го Донского казачьего полка с 6 пулемётами. Около 5 час. утра 15 августа австрийцы стали теснить сторожевой отряд. На поддержку сторожевого отряда начальник дивизии направил три сотни 13-го Донского казачьего полка, которые повели наступление в направлении на пасеку (по дороге из Томашова в Рыбницы).

Авангардный батальон 4-го австрийского пехотного полка перешёл в решительное наступление по всему фронту и принудил все семь сотен спешенных казаков отходить к Томашовскому лесу. За стрелковыми цепями австрийцев шла их сомкнутая резервная колонна, силой около трёх батальонов пехоты.

Начальник Донской казачьей дивизии приказал своим 6-й и 7-й донским батареям немедленно занять позицию за холмом южнее Томашова и задержать наступление австрийцев, открыв по ним огонь. В прикрытие к батареям были приданы состоявшие в распоряжении начальника дивизии два эскадрона гвардейских гусар. Сам начальник дивизии с оставшимися у него сотнями казаков выступил из Томашова и, дойдя до южной опушки Томашовского леса, остановился между полем боя и шоссе на Белжец.

Донские батареи понеслись в указанном им направлении, прикрываясь гребнем холма, быстро снялись за ним с передков и, определив расстояние до австрийцев по карте, приблизительно через 2 мин. открыли во фланг наступающей пехоты австрийцев беглый перекрёстный огонь: 6-я батарея (правая) — влево по резервной колонне австрийцев, 7-я батарея (левая) — вправо по наступающим цепям.

Эффект огня казачьих батарей получился поразительный: в течение 2—3 мин. поляна, по которой стройно наступали цепи и резервная колонна 4-го австрийского пехотного полка, оказалась усеянной трупами и обезумевшими от страха случайно уцелевшими людьми, искавшими спасения в складках местности. Продолжать ведение огня батареями по разбросанным по полю отдельным группам людей было затруднительно, вследствие чего командиры батарей передали ведение огня командирам отдельных орудий (орудийным фейерверкерам).

Подошедшая к Рыбница австрийская батарея попыталась открыть огонь, чтобы выручить свою пехоту, но, сделав всего два выстрела, под огнём донских батарей снялась с позиции и ушла назад.

К 9 час. утра бой закончился почти полным уничтожением одного из лучших австрийских пехотных полков, комплектовавшегося жителями Вены. На поле боя осталось до 1 000 трупов людей и собрано было более 10 повозок австрийских ружей.

Гибель в самом начале войны этого полка, шедшего в голове наступавшего 2-го австрийского корпуса, произвела настолько гнетущее впечатление, что австрийцы смогли возобновить движе-

ние вперёд лишь 19 августа, подарив таким образом почти 5 суток важнейшего начального периода для сосредоточения и развёртывания 5-й русской армии.

В маневренный период мировой войны бывало немало примеров подобных весьма удачных боевых действий русской конной артиллерии в составе сравнительно небольших отрядов, исполнявших ту или иную тактическую задачу, не имевшую серьёзного значения крупной операции стратегического характера. Что же касается таких крупных операций, то командование русской кавалерии в общем оказалось неспособным для их осуществления, а потому не могла проявить себя в них особенно удачными действиями и русская конная артиллерия, хотя она своим огнём неоднократно оказывала поддержку или прикрывала не только свою конницу, но и пехоту.

Выше было сказано, что в начале мировой войны при наступлении в августе 1914 г. в Восточную Пруссию 1-й русской армии в состав её была включена многочисленная конница и что правую более сильную группу составила кавалерия Хана Нахичеванского (70 эскадронов с 42 конными орудиями).

Директивой 15 августа 1914 г. 1-й русской армии, сосредоточенной в районе Владиславов, Сувалки, поставлена была задача наступать в Восточную Пруссию на фронт Инстербург, Ангербург в обход Мазурских озёр с севера, чтобы возможно глубже охватить левый фланг неприятеля и отрезать его от крепости Кёнигсберг. Той же директивой коннице Хана Нахичеванского предлагалось выступить в направлении на Инстербург в обход Сталупенен и Гумбинен с севера. Таким образом командование 1-й армии не поставило ясной и сколько-нибудь определённой задачи Хану Нахичеванскому, предоставляя ему свободу действий в предстоящем Гумбинненском сражении.

Конница Хана Нахичеванского проявляла активное участие на правом фланге 1-й армии в Гумбиненском сражении только 19 августа и затем уже при отходе 1-й армии из Восточной Пруссии 9 сентября 1914 г. В общих боях под Гумбиненом конница Хана Нахичеванского почти не принимала участия и принесла мало пользы своей 1-й армии.

Из действий конницы Хана Нахичеванского на фланге 1-й армии наиболее интересным является бой у Краупишкен 19 августа, так как в этом бою кавалерия с конной артиллерией действовали исключительно против пехоты, готовой к отражению атаки.

Хан Нахичеванский решил наступать в направлении на Краупишкен с целью отбросить противника за р. Инстер и выйти во фланг и в тыл противника, отходящего на Гумбинен. Конница Хана Нахичеванского начала движение тремя колоннами: сводная кавалерийская дивизия на Мешкен, 2-я гвардейская кавалерийская дивизия по шоссе на Краупишкемен 1-я гвардейская кавалерийская дивизия между ними на деревни Шулинен, Тутельн, Гиренен (рис. 21).

Авангард 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, встреченный ружейным и пулемётным огнём из хуторов в районе Опелишкен, Каушен, спешился и завязал перестрелку; шедший в авангарде взвод конной артиллерии стал на позицию у Опелишкен, и, как только открыл огонь, на него обрушилась германская артиллерия со стороны Каушен, Тутельн и Краупишкен, вследствие чего взводу пришлось временно замолчать. Около 13 час. подошедшие с главными силами 2-й гвардейской кавалерийской дивизии кон-

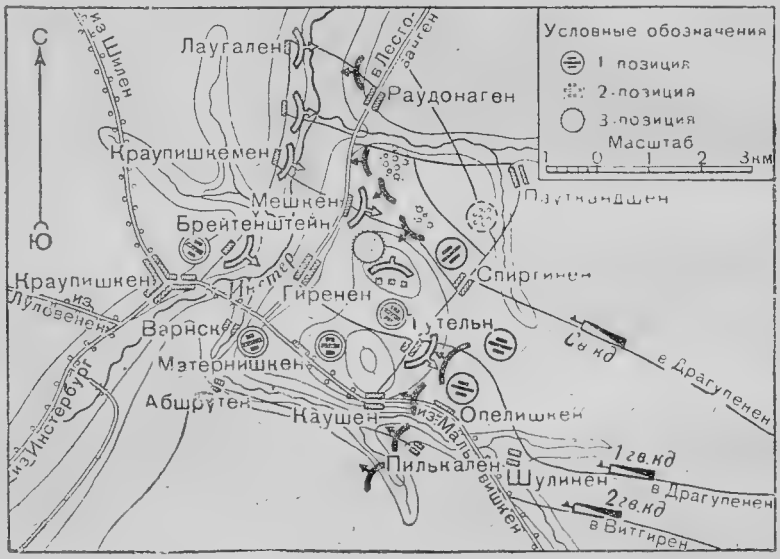


Рис. 21. Бой у Краупишкен 19 августа 1914 г.

ные батареи заняли позицию у Шулинен, открыли огонь по ближайшим германским батареям, обнаруженным у Тутельн и Каушен, и заставили их замолчать. Это дало возможность спешенным частям 2-й гвардейской кавалерийской дивизии начать наступление на Каушен. К 15 час. к полю боя подошла 1-я гвардейская кавалерийская дивизия и, спешив два полка, повела наступление при поддержке своих конных батарей на Тутельн, правее боевого порядка 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Почти одновременно авангард сводной кавалерийской дивизии, подошедшей к деревне Спиргинен, был встречен ружейным огнём с высоты, что между Спиргинен и Гиренен, а боковой отряд, подошедший к Раудонаген, был остановлен ружейным огнём с левого берега р. Инстер от Лаугален, Краупишкемен. Авангард и боковой отряд спешились и завязали перестрелку. Для поддержки их авангардная батарея и вскоре к ней присоединившиеся ещё две конные батареи (4-я и 6-я) выскочили на открытую позицию севернее Спиргинен, но оказались в сфере ружейного огня

противника со стороны хуторов на высоте западнее дороги из Спиргинен и Мешкен и понесли потери. Это заставило отвести все три батареи несколько назад к северу на закрытую позицию, откуда они открыли огонь по пехоте противника и по батарее, замеченной в районе Краупишкен.

Вся конница Хана Нахичеванского ввязалась в пеший бой с германской пехотой, занимавшей оба берега р. Инстер на фронте около 8 *км* по линии Каушен, Мешкен, Лаугален. Спешенные части 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий медленно подвигались с боем вперёд, а сводная кавалерийская дивизия, развернувшаяся на фронте Спиргинен, Раудонаген, оставалась на месте. Все части русской конницы несли большие потери от огня немцев; особенно велики были потери в частях 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, попавших под косоприцельный огонь взвода германской артиллерии, возобновившего стрельбу со стороны Каушен.

Около 16 час. командир одного из эскадронов Конного гвардейского полка (1-й гвардейской кавалерийской дивизии) бросился со своим эскадроном в конном строю в атаку на указанный взвод германской артиллерии. Атака была настолько неожиданной и стремительной, что немцы успели встретить её лишь единственным орудийным выстрелом и слабым ружейным огнём пехотного прикрытия. Эскадрон захватил немецкие орудия. За эскадроном бросились в атаку ближайшие спешенные части, и весь боевой порядок 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий двинулся вперёд. Немцы начали отступать.

Весть об успехах конной гвардии и взятии германских орудий быстро распространилась и в частях сводной кавалерийской дивизии, которые перешли в наступление и заняли Мешкен. Все конные батареи дивизии (4-я, 5-я и 6-я) переехали вперёд на позицию в районе высоты южнее д. Мешкен и открыли огонь по германской пехоте, занимавшей деревни на левом берегу р. Инстер (на рис. 21 показаны 1-я, 2-я и 3-я позиции батарей сводной кавалерийской дивизии).

В результате боя конница Хана Нахичеванского отбросила за р. Инстер 2-ю германскую ландверную бригаду (5 батальонов, 2 эскадрона, 12 орудий), взяв 2 орудия и 4 зарядных ящика. Переправы через р. Инстер у Мешкен, Краупишкемен и Лаугален были захвачены, но вся русская конница через Инстер не переправилась и на г. Инстербург для действия в тыл главных сил немцев не пошла. Хан Нахичеванский не решился на вполне возможный быстрый и глубокий обход, который заставил бы германскую ландверную бригаду не только отступить, но и открыть левый фланг своей армии ударам русской конницы.

Успех, одержанный русской конницей в бою под Краупишкен, был куплен дорогой ценой потерь убитыми и ранеными: 45 офицеров, 429 солдат и 369 лошадей, в том числе полки Кавалергардский и Конный потеряли более половины своих офицеров, 129 солдат и 83 лошади. Успех этот оказался даже неблагопри-

ятным для 1-й русской армии, так как ландверная бригада немцев свою задачу выполнила: прикрыла тыл своей армии, притянув на себя на весь день 19 августа главную массу русской конницы (70 эскадронов с 42 конными орудиями) и расстроив её настолько, что она бездействовала на другой день 20 августа, когда разыгрывалось сражение под Гумбиненом.

Бой у деревни Краупишкен выигрывается благодаря самоотверженности русских кавалеристов, не останавливающихся перед потерями, а также благодаря силе огня и умению русской конной артиллерии вести стрельбу. Немцы, уходя за р. Инстер, оставили на поле боя много убитых и тяжело раненых. По показанию пленных немцев, действие русских конных батарей произвело на немцев «удручающее впечатление и было ужасно». Русские конные батареи в этом бою израсходовали много снарядов; наименьший расход произвела 4-я конная батарея — 510 снарядов, т. е. израсходовала более половины батарейного боевого комплекта.

При отходе 1-й русской армии из Восточной Пруссии кавалерии Хана Нахичеванского пришлось оборонять промежуток между 2-м и 4-м русскими корпусами, причём она имела перед собой, как и в бою у Краупишкен, германскую пехоту с артиллерией.

Командующий 1-й русской армией утром 9 сентября 1914 г., когда стало ясно, что немцы подготовляют главный удар на левый (южный) фланг армии, приказал Хану Нахичеванскому двигаться на Даркемен и Гольдап, чтобы произвести разведку и задержать противника, направляющегося в обход фланга 4-го корпуса.

Поставленная задача была выполнена успешно, причём бой свёлся главным образом к действию русской конной артиллерии.

Хан Нахичеванский направился от Гр. Соброст к левому флангу 4-го корпуса с целью выйти во фланг противника, действующего против этого корпуса. Но оказалось (рис. 22), что неприятельская пехота заняла лес западнее деревень Гр. Байорен и Лангфельд и наступает в северном направлении в промежутке около 4 *км*, образовавшемся между 57-й пехотной дивизией и 5-й стрелковой бригадой. Конница Хана Нахичеванского заняла этот промежуток, спешилась и приготовилась в обороне участка позиции вдоль железной дороги Гордауен, Нордендург. Немцы наступали здесь настолько медленно и неэнергично, что Хан Нахичеванский решился оставить на позиции один драгунский полк с конной батареей, приказав ему задерживать немцев до смены полка пехотой, а остальные части своей конницы вывел из боя и отвёл их на ночлег в Даркемен. Оставленный на позиции полк задачу выполнил благодаря приданной ему конной батарее, которая своим огнём всё время удерживала германскую пехоту на северной опушке леса, не позволяя ей продвинуться дальше Лангфельд и Гр. Байорен.

Входящая в состав 1-й русской армии левая конная группа генерала Гурко (18 эскадронов, 12 конных орудий) также почти не принимала участия в Гумбиненском сражении и только при

отходе армии из Восточной Пруссии в сентябре 1914 г. на конницу Гурко возложена была серьёзная задача — прикрытие левого фланга 2-го армейского корпуса и всей отступающей армии.

Задача эта была успешно выполнена благодаря активному и умелому действию конных батарей несмотря на то, что кавалерия Гурко имела перед собой превосходящую в силах германскую кавалерию с артиллерией и пехотой.

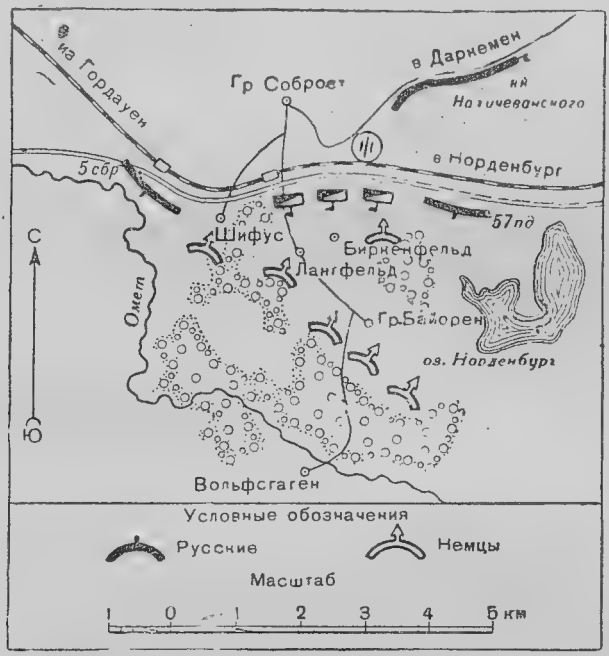


Рис. 22. Бой конного отряда Хана Нахичеванского 9 сентября 1914 г. у Гр. Байорен.

1-я кавалерийская дивизия, составлявшая левую конную группу Гурко, действовала на левом фланге 1-й армии в районе д. Петрашен. В ночь на 19 сентября 1914 г. генерал Гурко (начальник 1-й кавалерийской дивизии) получил донесение, что ночевавший у д. Видминен батальон русской пехоты (170-го пехотного полка) отошёл под натиском противника к перешейку между озёрами Габлик и Сольтманер (рис. 23).

По распоряжению Гурко 1-й драгунский полк его дивизии занял в спешенном порядке для обороны перешеек между озёрами Габлик и Шонстаг; остальные полки дивизии стали восточнее д. Петрашен, конные батареи заняли позицию за озером Шонстаг южнее той же д. Петрашен.

К 8 час. вся 43-я пехотная дивизия русских была уже в бою на фронте озёр Стренгельн, Гольдапгар, Сольтманер; батальон

между озёрами Сольтманер и Габлик сильно обстреливался неприятельской артиллерией; дд. Грабник и Нейгоф были заняты противником.

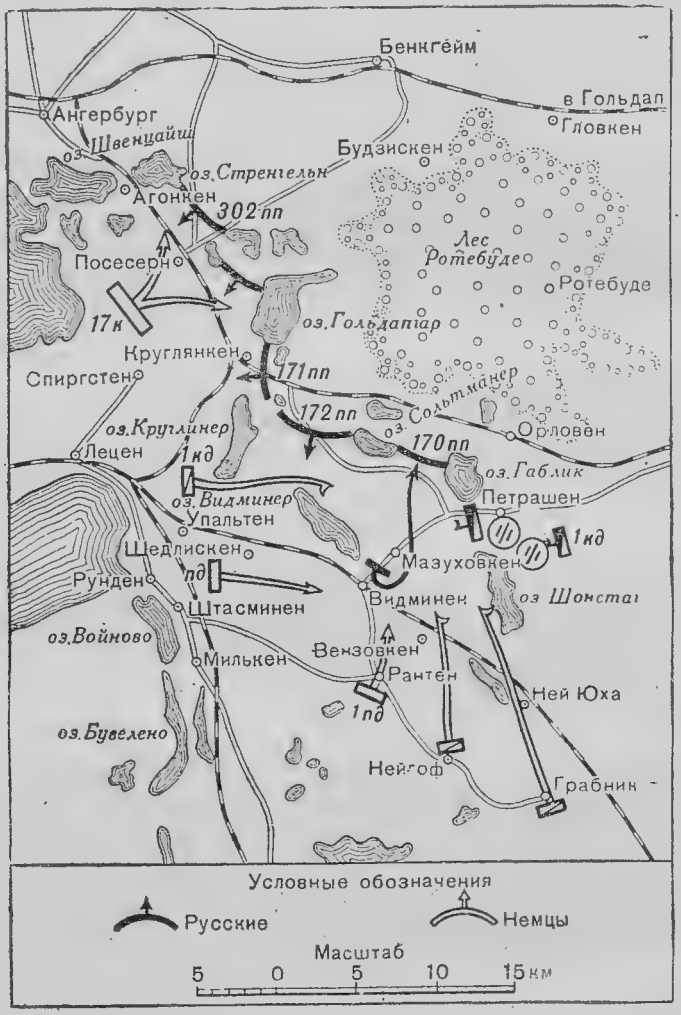


Рис. 23. Бой в районе левого фланга 1-й русской армии 19 сентября 1914 г.

Около 12 час. кавалерия противника стала надвигаться от Видминен и с юга вдоль западного берега оз. Шонстаг на перешеек между этим озером и оз. Габлик, занятый драгунским полком. Русские батареи 1-го конно-артиллерийского дивизиона, занимавшие закрытую позицию у Петрашен, своим внезапным убий-

ственным огнём остановили наступление не только кавалерии, рассеяв и расстроив её ряды, но и появившейся за ней германской пехоты с тяжёлой батареей. Кроме того, конные батареи оказывали своим огнём существенную поддержку и пехотному батальону, оборонявшемуся на перешейке между озёрами Габлик и Сольтманер.

В общем конная артиллерия своим искусно направляемым огнём обеспечила кавалерии Гурко возможность удерживать в течение всего дня вдвое превосходившую в силах (48 эскадронов против 24) германскую кавалерию, стремившуюся прорваться в тыл русской армии, а также остановила наступление пехоты немцев, направленное в обход левого фланга русской 43 пехотной дивизии.

В общем в период первой Восточно-Прусской операции и во время Гумбиненского сражения 16—21 августа 1914 г. многочисленная русская конница не оправдала возлагавшихся на неё надежд и принесла мало пользы своей 1-й армии, не сумела прикрыть её, не обеспечила её от внезапной атаки во фланг со стороны немцев и почти не прикрыла от их преследования. С большими потерями в людях и в материальной части 1-й русской армии пришлось отойти в исходное положение за р. Неман.

В маневренный период мировой войны русская кавалерия не выполнила выпадающих на её долю важных задач стратегического значения и на других фронтах.

История кавалерии есть история её начальников», — вот старый ответ на вопрос, почему русская конница не оправдала надежд, возлагавшихся на неё в начале мировой войны.

Среди старших кавалерийских начальников русской армии мировая война не выявила ни одного выдающегося, талантливого боевого кавалериста.

Между тем опыт войны показал, что в боях, в которых приходилось участвовать русской коннице с её конной артиллерией, та и другая проявляли обычно отличные боевые качества, причём конная артиллерия всегда была могущественной помощницей своей кавалерии, не только обеспечивающей её боевой успех своим искусным огнём, но неоднократно и выручившей ее из тяжёлого положения.

ГЛАВА III

АРТИЛЛЕРИЯ В ПОЗИЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ[1]

В «Уставе полевой службы» и в «Наставлении для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. имелись некоторые указания о действиях артиллерии при атаке и обороне укреплённой позиции.

При атаке артиллерия должна была группироваться на тщательно оборудованных, предпочтительно закрытых позициях и притом так, чтобы её охватывающее расположение способствовало перекрёстному обстрелу атакуемого участка, в особенности опорных пунктов. Для разрушения укреплений, опорных пунктов и блиндажей особенно ценным признавалось применение гаубичных и полевых тяжелых батарей, соответственно расположенных. Искусственные препятствия требовалось, если возможно, сбить или завалить, или испортить и ослабить артиллерийским огнём, препятствуя их исправлению также огнём.

В том случае, если занять намеченные позиции днём было невозможно, батареи продвигались лишь до сферы артиллерийского огня и засветло должны были произвести разведку, а позиции занимали под покровом ночной темноты, чтобы с рассветом открыть огонь.

Имея в виду огромный расход снарядов, неизбежный при атаке укреплённой позиции, требовалась искусная и широкая подготовка стрельбы, а также обдуманное распределение артиллерийских парков и целесообразное их размещение.

Указывалось, что артиллерии должно быть предоставлено достаточно времени, необходимого ей для надлежащей подготовки к стрельбе.

Для более целесообразных действий артиллерии признавалось полезным управление ею объединить в руках одного начальника.

Артиллерийский огонь по укреплениям и пунктам атаки следовало вести одновременно с наступлением на них пехоты. Угроза

---

[1] «Устав полевой службы», 1912 г. «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г. «Общие указания для борьбы за укреплённые полосы», 1916 г., ч. I и II. «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», 1917 г., ч. II и III. Кирей, Артиллерия атаки и обороны, ГВИЗ, 1926 г. Кирей, Артиллерия обороны, изд. «Армейский вестник», 1917 г.

удара наступающей пехоты удерживает обороняющегося на линии огня, заставляет его стрелять, не позволяет ему укрываться и этим даёт артиллерии атаки уязвимые цели.

Боевую работу артиллерии требовалось, как всегда, вести в тесной связи с боевой деятельностью пехоты.

При упорной обороне сильно укреплённой позиции, продолжающейся несколько дней, артиллерия должна была пользоваться ночным временем для приближения к противнику с переменой своих позиций, поддерживая и ночью огонь, начатый или подготовленный засветло, и пользуясь при этом для освещения целей прожекторами.

Для укрепления оборонительной позиции ограничивались: устройством на фронте и внутри позиции маскированных окопов и опорных пунктов; улучшением обстрела и устранением препятствий для движения войск внутри района позиции; передовые пункты избирались так, чтобы они обстреливались с позиции артиллерийским огнём. Для артиллерии обороны огневые позиции должны были обеспечивать возможность сосредоточения огня на вероятных подступах атакующего и поражения его пехоты до самых близких расстояний, а также способствовать защите флангов артиллерии обороны от покушений противника.

С целью усиления, тщательного оборудования и подготовки позиций артиллерии обороны требовалось организовать сеть наблюдательных пунктов и связь всех видов, произвести возможно полную подготовку стрельбы по всем важным пунктам местности и заблаговременную пристрелку для проверки исходных данных стрельбы, составить необходимые крокй, перспективные наброски и схемы стрельбы.

Считалось весьма полезным произвести предварительную артиллерийскую разведку района наступления противника. При этом наметить и исследовать его вероятные наблюдательные пункты, места для расположения батарей, подступы к ним, укрытые пути выездов и переездов на огневые позиции, укрытые подступы для наступающей пехоты; принять меры для лучшего распознавания неприятельских позиций со своих наблюдательных пунктов; определить видимость своих позиций с вероятных наблюдательных пунктов противника и принять меры для уменьшения этой видимости.

Обстрел с избранных для артиллерии обороны позиций требовалось улучшать путём расчистки местности, уничтожения мешающих обстрелу предметов и т. п.

Предлагалось уничтожать находящиеся вблизи позиций ориентиры (отдельные деревья и пр.), облегчающие пристрелку артиллерии противника; устраивать маски и земляные закрытия; подготавливать и улучшать пути сообщения вдоль фронта огневых позиций и от них в тыл, исправлять мосты и т. п. При инженерном оборудовании позиций артиллерии рекомендовалось принимать все меры, чтобы не облегчить противнику ориентировку и разведку

позиций. Ставить орудия в сомкнутых укреплениях вообще не рекомендовалось.

Должны были приниматься меры для обеспечения возможности ведения стрельбы ночью.

Для обеспечения достаточного и надёжного питания батарей боевыми припасами предписывалось вблизи позиций сосредоточивать запасы снарядов, артиллерийские парки сближать с батарейными резервами (2-й эшелон зарядных ящиков) и между собой.

На случай перемещения артиллерии обороны должны были подготавливаться запасные позиции.

В том случае, если атакующий прорвёт фронт укреплённой позиции, обороняющийся должен был продолжать «*отстаивать каждый шаг* внутреннего пространства позиции» при содействии флангового и косоприцельного огня артиллерии обороны. Это последнее указание «Устава полевой службы» 1912 г. (§ 528) как бы подчёркивало необходимость эшелонирования артиллерии обороны в глубину.

Изложенные указания для действий артиллерии при атаке и обороне укреплённых позиций могли бы служить, но лишь до некоторой степени, отправными данными для организации борьбы за укреплённые полосы в артиллерийском отношении в условиях позиционной войны. Но эти указания были известны русским артиллеристам лишь отчасти и только теоретически, так как в довоенное время не производилось ни практических занятий по борьбе в условиях укреплённых позиций, ни тем более практических стрельб, требующих огромного расхода снарядов для разрушения укреплений и прочих сооружений, тогда как снаряды на практику отпускались в крайне ограниченном размере. Даже в крепостях практические стрельбы артиллерии производились в обстановке, совершенно не похожей на действительную оборону крепости.

В общем русская артиллерия, как и артиллерия всех других армий, участвовавших в войне, оказалась не подготовленной к боевым действиям в позиционных условиях, — тем более, что методы таких действий, выявленные опытом войны, в очень многом отличались от способов действий артиллерии за укреплённые позиции, предусматривавшихся теоретическими указаниями «Устава» и «Наставления» 1912 г.

Создавшиеся в позиционный период мировой войны «укреплённые полосы» были почти вовсе не похожи на «укреплённые позиции», какими последние представлялись в довоенное время.

Укреплённая полоса состояла обычно из трёх линий окопов с особо прочными железобетонными сооружениями долговременного характера, усиленными искусственными препятствиями. Между собой и с тылом окопы соединялись ходами сообщения, из которых некоторые приспосабливались к обороне и имели искусственные заграждения. Такое устройство затрудняло распространение атакующих в стороны и позволяло вести фланговый огонь по неприятельским войскам, занявшим первые линии укреплённой полосы, главная сила обороны которой заключалась

именно во фланговом огне как артиллерийском, так и ружейно-пулемётном. Для получения такого огня делались фланкирующие изломы в окопах и возводились специальные прочные сооружения в окопах или промежутках между ними. Для той же цели выдвигались вперёд прочно сооружённые окопы или блиндажи, хорошо защищённые проволочными заграждениями.

Применение укреплённых полос вошло к концу 1915 г. в самую сущность войны и отражалось непосредственно на общеоперативных соображениях.

В обороне на занимаемых войсками широких фронтах нельзя быть достаточно сильным повсюду и во-время сосредоточить необходимые силы в решающем направлении; только укреплённые полосы обеспечивали возможность выиграть время для такого сосредоточения.

При наступлении сильно укреплённые полосы позволяли относительно малыми силами прочно занимать большие участки фронта, чтобы подавляющие силы собрать в важнейших направлениях удара.

Борьба за укреплённые полосы представляется хотя и самостоятельной операцией, к которой необходимо относиться весьма вдумчиво и серьёзно, прилагая все усилия для её подготовки и ведения, имея в виду вызываемые ею необычайное напряжение войск и громадное расходование всякого рода средств, — но по существу борьба эта предварительная, предшествующая началу большого маневренного полевого боя, который только и может привести к решающему успеху.

Основными свойствами укреплённых полос являются:

а) Непрерывность укреплённых полос, т. е. отсутствие флангов. При прорыве укреплённой полосы ближайшей и важнейшей задачей представляется создание искусственных флангов и развитие успеха в направлении их. Войска, прорвавшие фронт противника, понесут огромные потери и будут настолько утомлены, что возлагать на них удар во фланги нецелесообразно; их задачей остаётся продвижение вперёд и прикрытие прорыва с фронта, а для удара на фланги следует вводить свежие сильные части.

Оборона укреплённой полосы соответственно расчленяется также на две части: первая — бой с целью не допустить противника совершить прорыв и этим создать фланги, вторая — препятствовать противнику, совершившему прорыв, развивать действия на флангах, и наоборот, пользуясь тем, что прорвавшийся противник открыл свои собственные фланги, нанести ему удар действиями в направлении последних.

б) Значительная глубина укреплённых полос. Укреплённая полоса состояла обычно из ряда укреплённых линий, соединённых приспособленными к обороне ходами сообщений. В тылу первой укреплённой полосы возводилась вторая, третья и т. д., причём каждая в расстоянии одна от другой, требующем новой установки артиллерии (4—8 *км*).

Последовательная защита первой и дальнейших линий укреплённой полосы затягивает борьбу на продолжительное время и тем позволяет притянуть свежие силы для производства контратаки и восстановления положения.

Наиболее выгодное действие для атакующего — внезапный, но хорошо подготовленный штурм сразу подавляющими силами (по количеству войск и технических средств), чтобы одним ударом прорвать все линии укреплённой полосы и достигнуть до артиллерии противника. Опыт войны доказал, что легче занять передовые линии укреплённой полосы, чем при неослабленной неприятельской артиллерии на них удержаться.

в) Необычайная сила оборонительных средств укреплённой полосы, как пассивных (окопы, блиндажи, заграждения, фугасы), так и активных (огонь всякого рода и удобства ведения контратак). При размещении войск и средств в целях обороны укреплённой полосы соблюдалось следующее: впереди — а) средства, сильно затрудняющие движение противника, как то: искусственные препятствия и огонь большого числа пулемётов и противоштурмовых пушек; б) возможно меньшие части пехоты с наиболее доблестными начальниками, чтобы избегнуть потерь от неприятельского огня в период подготовки атаки и иметь возможность частой смены людей; в задних линиях и подготовленных сборных местах (инженерных плацдармах) — главная масса войск для контратак против неприятеля, проникшего за заграждения и захватившего часть окопов.

При атаке укреплённых полос — для разрушения прочных построек прежде всего необходима артиллерийская подготовка атаки орудиями крупных калибров, обслуживаемых воздушным флотом для наблюдения за действием своего огня, особенно огня против неприятельской артиллерии. Пределом артиллерийской подготовки считалось приведение укреплённой полосы противника в такое состояние, чтобы он утратил всякую возможность оказать сопротивление и чтобы наша пехота могла занять эту полосу почти без боя, а затем устремиться на резервы противника и его артиллерию.

г) Близость укреплённых полос своей и неприятельской. В позиционный период мировой войны в некоторых местах фронта противники месяцами стояли почти вплотную друг к другу; иногда их разделяли лишь десятки шагов. К такому сближению сторон всеми мерами стремились, имея в виду атаковать. Атака начинается как бы с конца — сначала штурм особо назначенными частями войск, а потом после одержания первоначального успеха, широкое наступление другими частями при содействии первых.

д) Постоянное увеличение наступательных и оборонительных средств и данных для планов атаки и обороны. На войска и начальников возлагалась обязанность тщательного и непрерывного изучения: *в целях обороны* — местности своего участка для её усиления, чтобы использовать самым действительным образом огонь и оказать врагу в

любое время отпор контратаками; в целях атаки — противоположного участка укреплённой полосы противника, преимущественно воздушной разведкой, чтобы иметь всегда наготове данные для выработки плана неожиданного наступления, для постоянного и непрерывного оборудования местности для атаки, чтобы переход от обороны к наступлению был быстрый и внезапный для неприятеля.

При о б о р о н е силы и средства располагаются увеличивающимися в глубину с использованием ходов сообщений для контратак.

При а т а к е применение преобладающей артиллерии крупных калибров с воздушным наблюдением.

Русская армия с её артиллерией была неподготовлена и для действий осадного характера под крепостью, как это подтвердилось в начале мировой войны. Впрочем, это относится главным образом к высшему командованию русской армии.

В сентябре 1914 г., после окончания Галицийской битвы, когда русская армия ещё не имела тяжёлой осадной артиллерии, возник вопрос о взятии неприятельской крепости Перемышль.

Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Алексеев высказывался за блокаду её или за осаду в зависимости от средств, которыми можно будет располагать. Крепость Брест-Литовск являлась единственным источником, откуда фронт мог бы более или менее черпать артиллерийские средства для осады Перемышля, так как ГАУ сообщило, что у него «не имеется никаких средств кроме того, что состоит на вооружении крепостей». Но главком Юго-Западного фронта генерал Иванов, по оперативным соображениям, признавая неустойчивость соседнего Северо-Западного фронта, не считал возможным ослабить Брест-Литовск выделением из него осадного артиллерийского парка для действия под Перемышлем.

Возникшая у русского Генерального штаба мысль об атаке Перемышля открытой силой была совершенно чужда и Алексееву и Иванову, который сообщил ставке, что «без осадного парка борьба под крепостью затянется надолго, *если бы эту борьбу явилось возможным вести*». За неимением осадной артиллерии командование фронтом решило блокировать Перемышль. План блокирования был одобрен и главковерхом, который 21 сентября телеграфировал: «Осада Перемышля не входила в мои планы. Я считаю, что следует ограничиться соответственным заслоном»[1]...

Несмотря на такое мнение главкома и главковерха, командующий 8-й армией Брусилов, согласный с заключением командира блокадного корпуса генерала Щербачёва, что штурм крепости имеет много шансов на успех, решил атаковать крепость Перемышль открытой силой 24 сентября (7 октября) 1914 г., не дожидаясь сформирования необходимой осадной артиллерии.

---

[1] ЦГВИА, 32—914, л. 21, 64, 66.

Неудачный штурм Перемышля, гибельный для некоторых атаковавших русских полков, потерявших до 25—30% состава, указал на необходимость строить расчёты подобных боевых операций не только на моральной, но и на материальной базе, и в первую очередь на разрушительной силе массового сосредоточенного огня мощной тяжёлой артиллерии (см. ниже, седьмую часть, «Действия русской артиллерии при штурме Перемышля 7 октября 1914 г.»).

В 1915 г. русская армия вела борьбу не за укреплённые полосы, а на полевых позициях, усиленных слабыми окопами полевой профили, и не могла оказывать упорного сопротивления наступающим австро-германцам, как слабо вооружённая и недостаточно обеспеченная боеприпасами. Опыт борьбы на русском фронте в 1915 г. почти ничего не дал для определённых выводов о методах боевых действий в условиях позиционной войны. Этот год являлся переходным периодом от маневренной к позиционной борьбе.

В 1916 г. русская армия сильно укрепила свои позиции, отсиделась на них, значительно окрепла и перешла к активным действиям, в первое время неуспешным (мартовская неудача 1916 г. у оз. Нароч), а затем и к весьма удачным (Брусиловский прорыв в июне того же 1916 г.). Опыт этих действий привёл к заключению о применении артиллерии в условиях позиционной борьбы для совершения прорыва укреплённой полосы.

В 1916 г. австро-германцы не предполагали, по соображениям стратегического порядка, вести и не вели наступательных операций на русском фронте, если не считать контратак с их стороны для противодействия развитию успеха русских после Брусиловского прорыва, закончившихся неудачей для немцев (30 июня 1916 г. была отбита атака немцев на 8-ю русскую армию у г. Ковеля хотя немцы собрали для этой атаки достаточно сильный «кулак»). Таким образом, опыт борьбы за укреплённые полосы на русском фронте и в 1916 г. весьма мало дал для выводов о применении артиллерии в условиях позиционной обороны.

Именно этим можно объяснить в первую очередь недостаточную определённость, неясность и другие недостатки как официальных, так и неофициальных указаний, наставлений и брошюр о действиях артиллерии при обороне укреплённой полосы.

В 1917 г. при попытках русской армии прорывов укреплённой полосы австро-германцев русская артиллерия во всех сражениях действовала в общем весьма успешно, но не от неё зависела участь этих сражений, а от пехоты, боеспособность которой в тот период стала весьма низкой.

Июльское наступление 1917 г. русских на Юго-Западном фронте, начатое благодаря отличной боевой работе артиллерии весьма успешно, как известно, быстро прекратилось. Ко 2 июля угас искусственно созданный прорыв 8-й русской армии, удачно прорвавшей после мощной артиллерийской подготовки укреплён-

ную полосу противника, захватившей свыше 7 000 пленных и 48 орудий.

Успевший оправиться и подготовиться противник перешёл 6 июля в контрнаступление против 11-й русской армии того же Юго-Западного фронта. Несмотря на сильное огневое противодействие русской артиллерии, всё же после двухдневного боя фронт 11-й армии был прорван, и она стала отходить, увлекая за собой соседнюю 7-ю, а затем и 8-ю армию. Однако немцы не сумели развить свой прорыв в глубину и не решили поставленной себе задачи: прорваться в богатые хлебом районы Украины и Бессарабии.

На Западном фронте в том же июле 1917 г. 10-я русская армия, благодаря мощной артиллерийской подготовке, прорвала укреплённый фронт немцев, но русская пехота не могла развить достигнутый успех. Немцы перешли в наступление и нанесли поражение русским (см. седьмую часть, «Русская артиллерия на фронте 10-й армии в операции 19—23 июля 1917 г.»).

Прорывы Юго-Западного и Западного русских фронтов австро-германцами в 1917 г. производились не по заблаговременно подготовленному плану, а являлись контрударами.

Только прорыв русского фронта под Ригой был осуществлён немцами в сентябре 1917 г. по заранее разработанному плану (см. ниже).

Опыт мировой войны указал, что для успешной борьбы за укреплённые полосы оказалось безусловно необходимым производить предварительно основательно продуманную подготовку операции и составлять план действий артиллерии с расчётом заблаговременного сосредоточения необходимых артиллерийских и прочих сил и средств, обеспечивающих подавляющее превосходство над противником вообще и в решающем направлении главного удара в особенности.

Русская артиллерия в лице её главного командования и высшего руководства должна была это понять ещё в октябре 1914 г. наученная горьким опытом напрасного пролития крови при попытке штурма крепости Перемышль методами маневренных действий (см. седьмую часть, «Действия русской артиллерии при штурме Перемышля 7 октября 1914 г.»), но осознала она это в полной мере лишь к началу третьего года мировой войны, после тяжёлой неудачи прорыва германской укреплённой позиции у оз. Нарочь в марте 1916 г. (см. седьмую часть, «Действия русской артиллерии в мартовской операции 18—28 марта 1916 г.») и после неудач других операций позиционного характера в конце 1915 г. и в начале 1916 г.

Первой попыткой ставки верховного главнокомандующего зафиксировать опыт применения артиллерии в условиях позиционной войны явилась вторая часть изданных в мае 1916 г. «Общих указаний для борьбы за укреплённые полосы». Первая часть этих указаний «Действия всех родов войск» была составлена управлением генерал-квартирмейстера штаба верховного главнокомандую-

шего: вторая часть «Действия артиллерии» была разработана управлением полевого инспектора артиллерии и обсуждалась в особой комиссии при участии представителей от управления генквартм, инспекторов артиллерии фронтов и некоторых армий, а также других выдающихся артиллеристов.

По существу в «Общих указаниях» развивались те же идеи, которые были положены в основу «Устава полевой службы» и «Наставления для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., но при составлении «Общих указаний» были учтены особенности действия артиллерии в условиях позиционной войны, выяснившиеся главным образом в результате неудачи мартовской операции 1916 г.

Основания борьбы за укреплённые полосы в общем выводе «Общих указаний» формулировались следующими словами[1]:

«1) Постоянная подготовка к наступательным и оборонительным действиям, способствующая *внезапной атаке* и требующая *особой бдительности* от обороны.

2) *Начало атаки прямо с громоносного штурма: подавляющей артиллерийской подготовки и немедленного, вслед за тем, короткого, но могучего пехотного скачка...*

3) Необходимость иметь две особо назначенные массы войск — одну для прорыва, т. е. для образования искусственных флангов (и для противодействия сему — у обороняющегося), другую для действия в направлении образовавшихся флангов — как обороняющегося, так и атакующего».

«Общими указаниями для борьбы за укреплённые полосы»[2] (часть артиллерийская) подтверждалось, что «артиллерия предназначена для содействия войскам, непосредственно ведущим бой», что в наступательном бою она обязана обеспечить движение вперёд пехоты и так направлять свой огонь, чтобы поражать и разрушать всё, что, при данной обстановке, наиболее вредит и мешает наступлению пехоты.

«Общими указаниями» подчёркивалось, что «для исполнения своего прямого назначения — *прокладывать дорогу пехоте* — артиллерия должна быть предварительно *надлежаще устроена*» и способ её действия должен быть тщательно разработан в предвидении предстоящих задач: по разрушению оборонительных сооружений, действию по неприятельским войскам, по борьбе с батареями противника, по уничтожению его пулемётов и содействию атаке.

Подчёркивалось также, что работа артиллерии в бою должна быть согласована с боевой деятельностью других войск и что поэтому разработка боевых операций как в целом, так и в деталях должна выполняться общевойсковыми начальниками совместно с соответственными артиллерийскими начальниками. Ука-

---

[1] «Общие указания для борьбы за укреплённые полосы», ч. I, изд. 2-е, 1916 г., Общий очерк. III.

[2] «Общие указания для борьбы за укреплённые полосы». II, часть артиллерийская, 1916 г., § 1—6.

зывалось, что только при этом условии возможно: а) поставить задачу артиллерии согласно её боевым свойствам; б) определить приблизительную потребность в орудиях и боеприпасах в соответствии с поставленной задачей, — или, в случае ограниченности артиллерийских средств, соразмерить задачу с назначенными или наличными средствами.

Подтверждались основные боевые свойства артиллерии:

а) способность наносить поражение с расстояний, значительно превосходящих дальность ручного оружия; следовательно, к артиллерии неприменим масштаб расстояний, присущий обычно войскам других родов, а поэтому не следует допускать небольших перемещений батарей на другие ОП в направлении стрельбы и проще изменить прицел на 10—20 делений;

б) способность к переносам огня на широком фронте;

в) малая действительность стрельбы артиллерии с больших расстояний; за наиболее желательные дистанции до ближайших линий противника, если обстановка это допускает, считались (для орудий времени мировой войны 1914—1918 гг.): для батарей 76-*мм* полевых и горных пушек — около 2 *км*; для батарей 107-*мм* и 152-*мм* пушек, 122-*мм* и 152-*мм* гаубиц — около 3 *км*. При этом получается достаточный запас дальности для поражения тыла противника; возможно поражать косым или фланговым огнём соседний участок противника, укорачивается связь ОП с НП и со своими войсками, оказывается моральная поддержка своей пехоте близким расположением к ней батарей.

Уменьшение указанных дистанций, не принося существенной пользы, вводит батареи в сферу ружейного огня, чем затрудняется работа батарей и питание их боеприпасами. Кроме того, при фронтальном огне сокращается участок обстрела; так например, траншейные орудия при сближении с противником на 400 шагов могут фронтально обстреливать всего 400—500 *м* первой линии неприятельских окопов.

«Указаниями» повторялось, что горизонтальный обстрел батареи должен быть «примерно по 45° в каждую сторону от среднего направления». Тогда участок противника, который можно обстреливать не меняя фронта батареи, будет для указанных выше дистанций: для 76-*мм* полевых и горных пушек — около 4 *км*; для батарей 107-*мм* и 152-*мм* пушек, для 122-*мм* и 152-*мм* гаубиц — около 6 *км*. Поэтому «Указаниями» обращалось внимание на то, что «дробить артиллерию, вообще, не следует, так как при ограничении работы артиллерии в пределах узкого участка не будет использована её способность к широким переносам огня». Считалось, что лёгкие батареи по возможности должны обслуживать участки не менее как пехотных бригад (из двух полков), а батареи 107-*мм* и 152-*мм* пушек, 122-*мм* и 152-*мм* гаубиц — участки дивизий или корпусов.

В приказе начальника штаба верховного главнокомандующего от 31 мая 1916 г. объявлялось, между прочим, следующее:

«Новые требования вызвали появление ряда наставлений по борьбе за укреплённые позиции (полосы). Эти наставления, изданные различными штабами, неминуемо противоречат друг другу в некоторых вопросах. Но разногласия, ещё терпимые в тактических суждениях, совершенно нежелательны в технических приёмах как артиллерийских, так и инженерных.... Необходимо всем без исключения войсковым начальникам быть ознакомленными с настоящими артиллерийскими указаниями... Эти указания обязательны для всех армий и для всех фронтов... Очень желательно, чтобы вопрос по детальному и всестороннему изучению атакуемого участка по карте и по фотографии его с самолёта был бы разрешаем начальниками всех степеней и всех родов оружия в полном добром согласии, устраняя все трения».

Ставка главковерха, предложив армиям утверждённые ею 31 мая (13 июня) «Общие указания для борьбы за укреплённые полосы», не настояла на том, чтобы эти «Указания» были приняты к обязательному руководству войсками, поэтому и после их объявления в приказе наштаверха некоторые боевые операции проведены были не на основах «Общих указаний», а на несогласованных указаниях, разработанных самими армиями и фронтами.

Разработка наставлений и указаний для действия артиллерии в борьбе за укреплённые полосы началась в армиях после неудачных боёв на Юго-Западном фронте, происходивших в конце 1915 г. и в первой половине 1916 г., главным образом по инициативе инспектора артиллерии того же Юго-Западного фронта.

Накануне майского наступления в 1916 г. на Юго-Западном фронте были даны указания инспекторами артиллерии фронта (Дельвига) и одной из армий (Ханжина) для действия артиллерии при предстоящей атаке укреплённой позиции.

Сущность указаний Ханжина сводилась к необходимости более осторожно и тщательно выполнять задачи, чтобы ни один снаряд не пропадал.

Указаниями предлагалось:

а) Тяжёлым гаубицам — только разрушать окопы и более прочные сооружения; 42-лин. (107-*мм*) пушкам — действовать главным образом по обнаруженной артиллерии и по дальним крупным живым целям; лёгкой артиллерии — пробивать проходы в проволочных заграждениях, создавать огневые завесы, обстреливать разрушенные окопы, отбивать контратаки. Наряду с артиллерией, разрушающей окопы и сооружения, действовать минометам и бомбомётам, а также применять ручные гранаты и удлинённые заряды.

б) *Из 6-дм (152-мм) пушек, из 6-дм (152-мм) и 48-лин. (122-мм) гаубиц стрельбу вести методически, не спеша, пристреливать каждое орудие, с наблюдением каждого выстрела; бомбами (гранатами) безусловно запретить вести стрельбу батарейными очередями, допускать стрельбу взводными сериями — после пристрелки орудий, при хорошем наблюдении.*

в) Для разрушения выбирать после тщательного изучения места, наиболее препятствующие атаке и наиболее прочные (которые не могут быть разрушены лёгкими орудиями и миномётами); всё время изучать расположение противника, чтобы не натолкнуться на сюрпризы (пулемёты, траншейные орудия); пользоваться аэрофотоснимками, привлекать артиллерийских офицеров-наблюдателей (особенно передовых пунктов) к воздушной разведке, чтобы они находили батареи противника, точно наносили их на карты и ставили об этом в известность наши 107-*мм* и лёгкие 76-*мм* батареи. Определять, как видимы наши батареи.

г) Работу артиллерии в период подготовки и непосредственно следующий за атакой точно распределять: каждой батарее давать свою задачу, каждой пристреляться (особенно лёгким батареям, у которых много задач и переносов огня); заранее назначать батареи на пробивание проходов, для наблюдения на случай контратак, на стрельбу химическими снарядами. На исполнение каждой задачи назначать по две батареи (на случай отказа одной). Всё в расположении противника, предназначенное для разрушения, должно быть известно командирам батарей и всем офицерам. Направление намеченных проходов в заграждениях отмечать знаками, хорошо видимыми с наблюдательных пунктов. Наблюдать за производимыми разрушениями с близких расстояний. Командирам батарей изучать всё предназначенное к разрушению в отношении значения и прочности сооружений и определять порядок стрельбы по ним.

д) Стремиться к расходованию лишь строго необходимого количества снарядов и на основании наблюдений за результатами стрельбы экономить их. Использовать фланкирующий огонь, требующий меньше снарядов и меньше времени для решения задачи. Начинать артиллерийскую подготовку с таким расчётом, чтобы закончить её всем одновременно. *Огонь от начала до конца подготовки вести одним темпом; в конце (перед атакой) темп не усиливать.*

е) Разрежать наблюдательные пункты и перейти от точек к линиям, к открытым окопам, чтобы обеспечить возможность наблюдателям передвигаться при обстреле. На передовых наблюдательных пунктах применять щиты. Обращать особое внимание на обеспечение связи: связь командира с батареей — двойная, важные линии связи — также двойные; через каждые 50 *м* бирки на проводах, чтобы отличать их; устанавливать посты для наблюдения за проводами и для их исправления (они же могут быть постами летучей почты).

ж) Подготавливать запасные позиции для батарей. *Намечать и подготавливать пути для непосредственной поддержки пехоты.* Принимать меры к тому, чтобы быть готовым *помочь* по выполнении задачи *соседнему корпусу.*

з) Обеспечить боевое питание: боеприпасы на батареях и в тылу — не далее 4 *км*; склады боеприпасов подготовить в таком расстоянии, чтобы своевременно подать боеприпасы даже при вне-

запной порче путей. *В период артиллерийской подготовки боевые комплекты батарей и парков неприкосновенны.*

Дельвиг телеграфировал начальникам войсковых штабов: «Ознакомившись с подготовкой огня артиллерии, нахожу, что *снарядов на пристрелку тратят много*, а местность изучают мало».

Указания Дельвига сводились к следующему:

а) Артиллеристы должны съёмкой нанести точно на картуверстовку (масштаб 42 000) места батарей и наблюдателей и все существенные местные предметы в районе противника, особенно окопы, определив их засечками стереотрубами с трёх отдельных точек; установить условные названия (кодирование) или номера предметов и целей, общие для всего корпуса; вести обмен наблюдателями на разных пунктах и всем изучать цели вблизи — из пехотных окопов.

б) Не тратить снарядов зря, а вести пристрелку, пользуясь картой; полученные данные записывать в табели и на панорамных схемах (чертежах).

в) Подготовить места складов снарядов и пути их подвоза; орудия и зарядные ящики окапывать, не ограничиваясь маскировкой, или зарядные ящики заменять нишами на интервалах не менее 30 шагов.

г) Телефонные провода везде, где можно, проложить укрыто или закопать и вести не пучком, а врозь; подготовить ходы сообщения для наблюдателей и запасные наблюдательные пункты.

Дельвиг и Ханжин в своих указаниях не напоминали ни о сосредоточении огня и объединённом управлении артиллерией, ни о необходимости нейтрализации огня неприятельской артиллерии. То и другое с большой настойчивостью проводилось в офицерской артиллерийской школе при подготовке командиров в мирное время, причём Дельвиг был одним из инициаторов и главных руководителей такой подготовки. Повидимому, Дельвиг и Ханжин полагали, что указанные основы хорошо известны русским артиллеристам, и потому не находили нужным говорить о них в своих указаниях.

Кроме указаний Дельвига и Ханжина, тогда же, в мае 1916 г., на том же Юго-Западном фронте издана была обстоятельная брошюра «Выводы из применения артиллерийских масс при атаке», составленная подполковником Киреем по опыту неудачных боёв в декабре 1915 г. и в начале января 1916 г., в которых он участвовал как состоявший при артиллерийском руководстве.

Генерал-квартирмейстер 9-й армии, бывший профессор тактики артиллерии в академии генерального штаба, Кельчевский в предисловии к брошюре Кирея говорил, что она «написана артиллеристом, знания и талант которого, невзирая на чин, выдвинули на роль начальника артиллерии ударной группы в армии в период исполнения ею операций с 22 мая по 30 июля[1], которые дали России всю Буковину и значительную часть Галиции...» Дей-

[1] С 4 июня по 12 августа.

ствительно, основные мысли Кирея, изложенные ясно и точно в его брошюре, оправдались успешными прорывами укреплённой позиции австрийцев 4 июня 1916 г. у Доброноуц, летом того же года при взятии предместного укрепления у Черновиц и в операциях на Станиславовском направлении.

В конце ноября 1916 г. Кирей закончил составление брошюры «Артиллерия обороны», а в марте 1917 г. составил «Добавление к выводам из применения артиллерийских масс при атаке».

Сделанные в 1916 г. Киреем выводы из применения артиллерии в позиционный период войны в значительной мере оправдали себя и в 1917 г.

Кирей при составлении своей брошюры пользовался, очевидно, «Общими указаниями для борьбы за укреплённые полосы», изданными ставкой главковерха в мае 1916 г. Но его брошюра во многом отличается от «Общих указаний» и других официальных наставлений и руководств. Кирей в своих «Выводах» указывает не только то, что нужно делать, но и то, кто, когда и как должен делать. Такие указания были тогда очень полезны для исполнителей, так как вступившие в ряды действующей армии на пополнение убыли в кадровом составе командиры, прошедшие сокращённые курсы обучения, оказались в общем слабо подготовленными для боевой службы.

В брошюре Кирея вопросы тактики артиллерии в позиционных условиях борьбы получили в общем соответственное освещение и довольно удачное разрешение. Некоторые выводы Кирея несколько грешат предвзятой односторонностью, их нельзя считать достаточно правильными, и к их восприятию следует подходить с критической оценкой. Ниже приводится более подробная оценка брошюры Кирея и официального «Наставления для борьбы за укреплённые полосы».

Как бы то ни было, но Кирей был одним из первых инициаторов, глубоко осведомлённым теоретически и прошедшим школу боевого опыта талантливым автором составления систематического, весьма полезного руководства для действия русской артиллерии в сражениях в период позиционной борьбы.

Среди «Наставлений» и «Указаний», разработанных самими армиями и фронтами кроме брошюры Кирея, заслуживает внимания получившее в то время довольно большое распространение «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», составленное подполковником Замбржицким по указаниям и под редакцией командующего 5-й армией генерала Гурко.

«Наставление» генерала Гурко выдержало 7 изданий. К 4-му изданию, утверждённому к руководству 1 июля 1916 г., предпосылается общее указание, что «Наставление» служит дополнением к действующим уставам и наставлениям и даёт руководящие указания по вопросам, выдвинутым войной, которые до того времени не были совершенно или недостаточно разработаны и освещены в уставах и наставлениях, *«остающихся попрежнему в полной силе»*, и что «Наставление» согласовано со второй частью

(артиллерийской) «Общих указаний для борьбы за укреплённые полосы». Поэтому не будем останавливаться на «Наставлении» генерала Гурко, хотя оно не в полной мере согласовано с артиллерийской частью «Общих указаний» и более согласовано с брошюрой Кирея.

В начале мая 1917 г. ставкой издано было (в трёх частях) «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», утверждённое для руководства всей русской армии, взамен «Общих указаний», вновь назначенным верховным главнокомандующим генералом Алексеевым.

Вторая часть (артиллерийская) тех же указаний была переработана и вышла в виде двух частей — II и III — «Наставления для борьбы за укреплённые полосы».

Во вступлении к части II «Действия артиллерии при прорыве укреплённой полосы» говорилось, что переработка этой части «выполнена на основании отчётов строевых начальников о боевом применении «Общих указаний», и что «отчёты эти отмечают ту громадную пользу, которую принесли «Указания», а также и то, что нарушение преподанных в них *«основных* положений приводило нередко к кровавым неудачам».

«Указанные нарушения *основных* положений, — говорилось далее во вступлении, — являлись следствием недостаточного знакомства некоторых общевойсковых начальников с преподанными указаниями для использования боевой силы артиллерии...».

Во вступлении обращалось также внимание и на такие случаи, когда «нормы, имевшие в виду атаку *тщательно укреплённых полос*, применяли дословно к обороне или к полевому бою, следовавшему за удачным прорывом, и исключали этим быстрое развитие успеха».

Заканчивалось вступление подтверждением, что часть II «Наставления» «обязательна для всех армий и должна быть изучена начальниками всех родов оружия, всех степеней», и приказанием Алексеева «применять «Наставление» согласно обстановке, избегая закрепощения норм и цифр; никакие нормы не могут освободить начальствующих лиц от обязанности размышлять и руководить боем».

Часть III «Действия артиллерии при обороне укреплённой полосы» была утверждена 10 июня 1917 г. сменившим Алексеева верховным главнокомандующим Брусиловым. В приказе ставки[1], предлагавшем принять к руководству III часть, указывалось, что II и III части «Наставления» обнимают всю совокупность действий артиллерии при борьбе за укреплённые позиции, что обе части исключают собою все разновременно изданные различными фронтами и армиями инструкции и наставления для действий артиллерии при атаке и обороне укреплённых полос. Затем приказом вновь подтверждалось, что «Наставление» должно быть изучено начальниками и что применять его надлежит, «постоянно

[1] ЦГВИА, приказ верховного главнокомандующего 10 июня 1917 г. № 509.

имея в виду воплощение основных его указаний сообразно обстановке, в которой приходится действовать, избегая всемерно шаблонов и закрепощения норм и цифр». «Наставление» в общем развивает «Общие указания» 1916 г., но в нём гораздо определённее выражены идея централизованного управления артиллерии и вопрос организации борьбы с артиллерией противника.

Из войск, назначенных для выполнения прорыва, корпуса, направленные для нанесения главного удара в первую линию, назывались «ударными корпусами»; за ними эшелонировались сильные резервы.

Официальное «Наставление для борьбы за укреплённые полосы» не вполне удовлетворяло войска вследствие несоответствия поставленных им задач имеющимся артиллерийским и другим техническим средствам, с другой стороны, вследствие неопределённости некоторых указаний «Наставления» и прочих недостатков, особенно III части. Ввиду этого фронтовое командование продолжало издавать от себя руководящие оперативно-тактические указания. Так например, в июне 1917 г. были изданы указания помощника главкома Румынского фронта Щербачева, в которых по части артиллерии имеются правильные по существу положения, но не обращается должного внимания на борьбу с неприятельской артиллерией, как и в брошюре Кирея.

Щербачев указывает между прочим на следующее:

«Наши артиллерийские средства не могут сравниться с французскими и английскими. Мы не можем задаваться целью достигнуть полного уничтожения позиций противника на всём фронте атаки одновременно.

Поэтому нам нужно использовать дальнобойность и искусный перенос огня: разрушив один участок и передав его лёгкой и лишь части тяжёлой артиллерии под наблюдение, огонь другой части (большей) тяжёлых батарей переносить на смежные участки, усиливая действующие по ним батареи.

Подготовка такого переноса огня обязывает заранее наладить и соответственное наблюдение и нужную связь.

Та же ограниченность в артиллерии может не позволить каждой дивизии дать необходимые ей средства разрушения с самого начала операции. Но лишь только общая работа массы артиллерии по окопам и другим оборонительным сооружениям будет закончена, каждая дивизия должна получить в непосредственное распоряжение начальника её известное количество тяжёлых орудий для борьбы со вновь появляющимися орудиями и преградами по указанию войск.

Руководитель артиллерийской подготовки обязывается заранее всесторонне организовать такую передачу части артиллерии и обеспечить её наблюдателями и связью...

Решение всех значительных артиллерийских вопросов должно вестись совместно с пехотой...

В тесной связи артиллерии и пехоты и взаимном доверии их — крупный залог успеха».

Опыт июльских операций 1917 г. при попытках прорыва укреплённой полосы австро-германцев на Юго-Западном и Западном русских фронтах также указал на некоторые неясности и неправильности II и особенно III части «Наставления для борьбы за укреплённые полосы», утверждённых верховным главнокомандующим в апреле и в июне 1917 г. Вследствие этого в августе того же 1917 г. и со стороны полевого инспектора артиллерии последовали телеграфные распоряжения всем инспекторам артиллерии фронтов, дополняющие и отчасти разъясняющие некоторые указания «Наставления». Распоряжения полевого инспектора артиллерии были подтверждены к исполнению верховным главнокомандующим [1].

Артиллерия при прорыве укреплённой полосы

Выше указывалось, что уже в маневренный период мировой войны от артиллерии потребовались не только содействие, поддержка и сопровождение огнём атаки пехоты, но и предварительная подготовка атаки артиллерийским огнём. При атаке же укреплённой позиции и прорыве укреплённых полос, созданных в позиционный период войны, к артиллерии предъявлена была задача полного разрушения фортификационных сооружений и уничтожения проволочных заграждений и других преград.

В 1915 г., ко времени перехода на русском фронте от маневренной к позиционной войне, требования, предъявляемые русской пехотой к артиллерии, сводились к тому, чтобы артиллерия своим огнём уничтожала, разрушала и вычищала на пути атаки положительно всё, мешающее пехоте двигаться вперёд, и давала ей возможность занять совершенно обезвреженную позицию противника почти без всяких потерь для себя.

Без предварительного уничтожения артиллерийским огнём всей системы огня обороны наступление пехоты не обещало успеха.

В целях более широкого и всестороннего освещения вопроса о роли артиллерии и методах её применения в период позиционной борьбы, особенно при прорывах укреплённой полосы, остановимся на эволюции взглядов на данный вопрос бывших союзников и противников России. Познакомиться с этими взглядами небесполезно ещё и потому, что русская артиллерия не переживала (и об этом не приходится сожалеть) всех видоизменений в методах применения артиллерии в условиях позиционной борьбы, какие переживала артиллерия Антанты.

В первой инструкции Жоффра, составленной французским командованием 2 января 1915 г. (о ней упоминалось выше, см. «Артиллерия в наступательном бою», стр. 125), подчёркивалось что успех каждой атаки обусловливается «*могучей артиллерийской подготовкой*», которая прокладывает дорогу пехоте.

Французские генералы Фош и Мишле так оценивали свою пехоту в 1916 г.: «...Не будем искать успеха ценой жертв пехоты...

[1] ЦГВИА, 683, л. 33—45.

будем пользоваться тем оружием, которое не рискует притупиться, — будем очищать путь нашим армиям артиллерией...» «Большие массы артиллерии на атакующих фронтах необходимы, так как без решительной подготовки атаки предварительной бомбардировкой наша пехота вперёд не пойдет...»

В приказе 10-й французской армии, в целях побуждения пехоты к движению вперёд, давалось такое указание: «...пехота будет направляться на рубеж лишь тогда, когда этот последний уже окажется в полной власти артиллерии и в состоянии разрушения, допускающем занятие его пехотой».

В основу второй инструкции генерала Жоффра, изданной 16 января 1916 г., т. е. ровно через год после первой, кладётся методическая подготовка наступления пехоты массированным огнём артиллерии, причём массирование понимается не только в смысле сосредоточения в определённом важнейшем районе огня (снарядов), хотя бы при разбросанном расположении батарей на широком фронте, как это понималось русской артиллерией, но и в смысле «массирования» самой артиллерии, доводимого до 100 орудий и более на 1 *км* атакуемого фронта.

«Артиллерия разрушает, пехота наводняет», — говорилось во второй инструкции Жоффра. Продвижение пехоты должно сопровождаться подвижным заградительным огнём (огневым валом) артиллерии. Инструкцией предусматривались последовательная методическая подготовка и штурм одного за другим рубежей (первой, второй, третьей линии) неприятельской позиции. По инструкции «цель общей наступательной операции заключается в уничтожении всей пехоты и артиллерии, которые в состоянии противник нам противопоставить на всех своих последовательных позициях в районе атаки».

Значение артиллерийской подготовки ещё резче подчёркивается в инструкции генерала Фоша, изданной 20 апреля 1916 г., в которой говорилось:

«Опыт показал: *где разрушение артиллерией было действительным, там наступление пехоты было успешным и стоило небольших потерь в людях; там же, где разрушение было произведено лишь частично, наступление пехоты немедленно останавливается...* атака неразрушенных позиций недоступна.»:

Борьба артиллерии с фортификацией, обострившаяся в позиционный период войны, являлась основной причиной эволюции первой — в смысле непрерывного увеличения её численности, усовершенствования материальной части и усиления могущества огня.

Инструкция Жоффра 16 января 1916 г., окончательно порывая с довоенными взглядами, указывала новые пути развития тактики артиллерии. Наступательные действия пехоты основываются на артиллерийской подготовке, уничтожающей все преграды, закрытия и живую силу, и на непрерывной и мощной поддержке пехоты массовым артиллерийским огнём.

Необходимость сосредоточения массы артиллерии на узком фронте привела к созданию в начале января 1917 г. во француз-

ской артиллерии главного резерва тяжёлой артиллерии, а трудность управления огнём артиллерийской массы вызвала создание, ещё раньше — в начале декабря 1916 г., должности начальника артиллерии армии.

Создание резерва тяжёлой артиллерии — ТАОН (тяжёлая артиллерия особого назначения) в русской армии предрешено было в октябре 1916 г. (см. выше).

Последовательность решения задач — от рубежа до рубежа вызываемая ограниченной по глубине возможностью (предельной дальностью стрельбы) артиллерийской поддержки, затягивала подготовку иногда на несколько дней. Не менее длительного периода требовали массирование артиллерии и подготовка её к действию: сосредоточение артиллерии (в особенности тяжёлой) в район действия, выбор и занятие наблюдательных пунктов и огневых позиций, их оборудование, организация связи, подвоз боеприпасов и устройство для них хранилищ, подготовка данных для стрельбы, пристрелка и т. д.

Артиллерия, получившая решающую роль в подготовке атаки неприятельских позиций, вместе с тем ограничивала наступательный порыв пехоты дальнобойностью своих орудий. Пехота вынуждена была останавливаться на пределе досягаемости артиллерийского огня и ожидать немало времени, пока артиллерия перейдёт на более близкие к противнику позиции.

Длительность артиллерийской подготовки при наступлении исключала один из важнейших факторов, обеспечивающих боевой успех, — элемент *внезапности*. Противник получал возможность открыть намерения наступающего и принять все меры к ликвидации достигнутого противником успеха. Он успевал подтянуть нужные силы к угрожаемому пункту; позади первых линий обороны вырастали новые; в результате — наступление захлёбывалось и нередко, после контратак свежими силами, заканчивалось неудачей (с большими потерями) и возвращением на исходные позиции.

Внезапность как один из основных принципов войны нельзя безнаказанно игнорировать. Внезапность наступления требовала короткой артиллерийской подготовки, измеряемой несколькими часами, а не днями. Но короткая артиллерийская подготовка не могла обеспечить уничтожение всех огневых средств противника. Сокращения времени на артиллерийскую подготовку можно было достигнуть отказом от постановки артиллерии задач «*всё разрушать*» с заменой их задачами «*нейтрализовать*» все огневые средства неприятельской артиллерии и пехоты, а также применением новых методов артиллерийской стрельбы на поражение «*без пристрелки*» по заранее вычисленным данным.

После тяжёлых неудач 1916 г. резко изменяются взгляды французов, и 16 декабря 1916 г. издается новая, третья, инструкция генерала Нивель, критикующая установленный прежними инструкциями крайний методизм подготовки и проведения операций, не оправдавший себя в сражениях предшествующего времени.

В инструкции Нивеля говорилось, что способ действий, установленный прежними инструкциями, часто ограничивал возможность использования достигнутых успехов и «всегда давал противнику время оправиться и организовать по мере нашего продвижения новые оборонительные линии». Инструкция рекомендовала стремиться соединить методизм с быстротой, чтобы преодолеть отрицательные стороны методизма. Предлагалось научиться пользоваться тяжёлой артиллерией, ставшей орудием полевой войны, как 75-*мм* пушкой, т. е. столь же быстро занимать позиции и открывать огонь.

Общие указания инструкции в отношении атаки сводились к следующему: «Безостановочное, производимое в полном порядке, последовательное и быстрое движение вперёд совершенно естественным путём приводит снова к полевому бою, к которому и надлежит стремиться в итоге прорыва. Перед общим наступлением *необходимо стряхнуть с себя* окончательно неподвижность и медлительность, въевшиеся в наши приёмы боя благодаря излишне затянувшейся окопной войне».

В инструкции указывалось на необходимость «короткой» артиллерийской подготовки, исчисляемой 3—5 днями. Этот срок, конечно, нельзя признать «коротким».

Весной 1917 г. в операции на р. Эн французы для подготовки и поддержки атаки сосредоточили против фронта в 40 *км* около 4 000 артиллерийских орудий, в том числе: 1 047 тяжёлых орудий (из них 17 орудий большой мощности) и около 2 000 полевых 75-*мм* пушек, в среднем по 100 орудий на 1 *км* фронта. Предполагали, что столь многочисленная артиллерия сможет в течение 7—12 апреля довести своим огнём до полного разрушения все неприятельские позиции на всю их глубину. Однако к 12 апреля артиллерийская подготовка признана была незаконченной и велась ещё до 16 апреля, причём за последние 5 дней артиллерия вела столь интенсивный огонь, что выпустила около 3 215 000 снарядов (больше 600 000 в сутки). Всё же подготовка оказалась незаконченной. Атака пехоты, которой приказано было «одним ударом взять все оборонительные сооружения противника и весь район, занятый его артиллерией», потерпела полную неудачу. Встреченная убийственным заградительным огнём германской артиллерии и уцелевших пулемётов в блиндированных и бетонированных капонирах атакующая пехота была отброшена назад с огромными потерями — свыше 150 000 человек.

Причинами неудачи считаются: а) отсутствие внезапности (операция рекламировалась французами задолго до её начала с целью поднятия настроения страны, подготовительные к операции работы тянулись долго, артиллерийская подготовка продолжалась не менее 10 дней), вследствие чего немцы успели вывести свои войска из зоны огня французской артиллерии, которая разрушала опустевшие окопы, и укрепиться на новой «позиции Зигфрида»; б) отсутствие должного взаимодействия пехоты с артил-

лерией, недостаточная подвижность последней и неуменье ею пользоваться.

Переходя в контрнаступление в 1918 г., Антанта имела огромную потерявшую маневренность армию и утратившую гибкость тактику, выразительницей которой являлась инструкция 31 декабря 1917 г. Сущность инструкции в отношении артиллерии сводилась к следующему.

Наступательная операция слагается из ряда последовательных атак со строго ограниченной целью. Непрерывность и быстрота проведения операции отвергаются. Методичность во всём: в подготовке по строго регламентируемым планам, в исполнении, даже в развитии успеха. Во всём предусмотрительность и осторожность. Никакой инициативы и самодеятельности у низших начальников.

Ширина фронта атаки — в полной зависимости от имеющихся артиллерийских и других технических средств. Цель артиллерийской подготовки атаки — полное разрушение всей укреплённой полосы противника. По существу артиллерийская подготовка — продолжительная (3—5 дней), несмотря на то, что по плану военных действий, изложенному в записке генерала Фоша от 24 июля 1918 г., «необходимым условием успеха является внезапность», которая обеспечивается «отказом от длительных, многодневных артиллерийских подготовок».

Продолжительность артиллерийской подготовки вызывалась требованием «полного разрушения», так как для разрушения необходима точность стрельбы, достигаемая пристрелкой каждой батареи и орудия и методическим корректированием стрельбы на поражение с наблюдением каждого отдельного выстрела; кроме того, разрушение требует большой плотности огня и огромного расхода снарядов.

Инструкция была заполнена массой мелочных указаний по разведке, наблюдению, связи, исправлению дорог, транспорту и т. д.

Операции начала 1918 г. привели высшее командование англо-французов к сознанию, что тактика, установленная инструкцией 31 декабря 1917 г., привела к отрицательным результатам: пехота потеряла понятие о манёвре и пришла к убеждению, что она ничего не может достичь, пока мощная артиллерия не выполнила своих задач — разрушения и уничтожения всего, что может препятствовать наступлению и атаке; артиллерия также потеряла способность к маневрированию, не умела оценивать и пользоваться ни обстановкой, ни местностью, не желала рисковать и проявляла активность лишь в стремлении к точности и массированию стрельбы.

Использование в сражениях больших масс артиллерии приняло «характер фабричного производства, осуществляемого по разработанному до мелочей плану» [1].

Командование Антанты изменило свои тактические взгляды

[1] В. Токаревский, Тактика артиллерии, ГВИЗ, 1931 г., стр. 47.

уже в ходе операций. В директиве 12 июля 1918 г. отказались от принципа ограниченных целей и задачей атаки ставили захват всех артиллерийских позиций противника «в течение первого дня боя». Артиллерийская подготовка требовалась «возможно короткая и мощная...», тем более, что наличие значительного количества тяжёлой артиллерии и применение дымовых и химических снарядов позволяло «добиться вместо разрушения средств противника (артиллерии и пехоты) *их нейтрализации*». Артиллерия должна была перемещаться своевременно, «чтобы обеспечить пехоте постоянную и насколько возможно мощную поддержку во всё время её продвижения вперёд». Директивой внушались начала инициативы и решительности, — в общем подчёркивался переход к маневренной войне».[1]

В германской армии основы использования артиллерии в позиционной войне были выражены более чётко, чем в армиях Антанты. К последнему году войны главное командование германской армии издало утвержденную 1 января 1918 г. инструкцию «Наступательное сражение в позиционной войне».

Общие основы германской инструкции и дополнений к ней таковы.

Прорыв укреплённой позиции осуществляется сосредоточением мощных сил и средств на широком фронте, строгой планомерностью подготовки, быстротой и непрерывностью атаки. Внезапность является необходимым залогом успеха.

Войсковым начальникам, не исключая низших, предоставляется полная инициатива. Они должны руководить и управлять войсками в ходе боя, в противоположность механическому проталкиванию пехоты по заранее разработанному плану.

Артиллерия своим огнём должна подготовить дорогу пехоте и действовать в полном согласии с нею.

Артиллерийская подготовка краткая. Артиллерия отказывается от разрушения неприятельской укреплённой полосы и переходит к её «нейтрализации». Краткость артиллерийской подготовки обеспечивается: сосредоточением мощной артиллерии — свыше 100 орудий на 1 *км* фронта, комбинацией артиллерийского и минометного огня, нейтрализацией неприятельской артиллерии химическими средствами борьбы и применением методов уточненной стрельбы (методы капитана Пулковского).

Непосредственно после подготовки артиллерия образует подвижной огневой вал, под прикрытием которого пехота идёт вперёд.

Успех наступления зависит от своевременного перемещения полевой и тяжёлой артиллерии, достаточного количества минометов и боеприпасов.

---

[1] О роли танков при прорыве укреплённой полосы, более или менее выявившейся на французском фронте в 1918 г. лишь к концу войны, здесь не упоминается, так как на русском фронте танки вовсе не применялись в период мировой войны.

Указанной инструкцией германской армии устанавливались следующие средства, необходимые для решения задач позиционной войны: для борьбы с неприятельской артиллерией на каждый участок пехотной дивизии 1—2 батареи лёгких гаубиц, 2—3 тяжёлые гаубичные и 1—2 тяжёлые пушечные батареи; для разрушения окопов и заграждений на каждые 100—150 *м* траншей по одной гаубичной батарее 10—15-*см* калибра с 600 до 800 снарядами на каждую батарею.

Людендорф требовал на фронте ударной дивизии (2 *км*) сосредоточения от 40 до 60 батарей, из них не менее половины — лёгких и тяжёлых гаубиц (в 1917 г. англичане на таком же участке сосредоточивали 24 полевые и 33 тяжёлые батареи).[1]

По словам Людендорфа, грандиозное массирование артиллерии давало ей возможность равномерно поделить с пехотой тяжесть боя, взяв главным образом на себя подготовку прорыва и содействие пехоте в распространении и закреплении в занятом ею районе.

Тактика германской артиллерии на русском фронте в общем мало отличалась от тактики её на Западе, хотя обстановка — меньшая насыщенность русского фронта войсками, более слабые артиллерийские и прочие технические средства борьбы — была несколько иная, чем на англо-французском театре войны.

Внезапность ставилась в основу успеха. Артиллерийская подготовка длилась не более 4—5 час., имея задачей нейтрализовать неожиданным ожесточённым огневым нападением артиллерийские и пехотные позиции, наблюдательные и командные пункты. По окончании подготовки подвижной заградительный огонь артиллерии вёл пехоту на штурм.

Нейтрализующий артиллерийский огонь не мог поставить в полной мере огневые средства, имеющие прочные укрытия и рассредоточенные в глубину. Атакующая пехота всегда встречала в глубине неприятельской позиции огонь одиночных, а иногда целых очагов пулемётных гнёзд. Для быстрого уничтожения этих огневых точек непосредственно за пехотой следовала артиллерия сопровождения в виде приданных и подчинённых пехоте артиллерийских орудий и минометов, но это обычно удавалось лишь при условии подавления артиллерийского огня обороны.

Указанные методы использования артиллерии удачно применялись немцами на русском фронте несколько раз. При прорыве немцами русского фронта под Ригой 1 сентября 1917 г. против участка главного удара, составлявшего лишь 4½ *км*, германцы сосредоточили около 630 орудий и 550 минометов (в среднем на одно орудие и миномёт приходилось до 7 *м*). Артиллерийская подготовка началась ещё в темноте, в 4 часа утра, интенсивным обстрелом химическими снарядами, с целью нейтрализации русских батарей, командных и наблюдательных пунктов. Такая стрельба

---

[1] Л. А. Кравков. Очерк развития артиллерии за последнее десятилетие Ленинград, 1924 г., стр. 83.

продолжалась два часа. После рассвета, с 6 час. утра, тяжёлая артиллерия стала разрушать пехотную позицию. С началом движения пехоты, в 9 час. утра, артиллерия открыла подвижной заградительный огонь для прикрытия фронта и флангов атакующей пехоты.

Германская артиллерия в отношении управления была разделена на две группы: контрбатарейную из четырёх подгрупп и группу разрушения окопов и поддержки пехоты, в свою очередь разделённую на три группы, по числу ударных дивизий, причём каждая из этих групп подразделялась на две или три подгруппы, по числу полков первой линии. Вся масса артиллерии, объединённая общим начальником ударной артиллерии, подчинялась командующему армией.

Все действия артиллерии происходили по единому подробно разработанному плану.

С развитием успеха штурма артиллерия постепенно возвращалась в подчинение своих общевойсковых начальников для выполнения задач по их указанию, причём пехотные дивизии не только получали обратно свою артиллерию, но и усиливались двумятремя дивизионами тяжёлой артиллерии.

Тактика русской артиллерии также весьма осложнилась в связи с особыми требованиями, предъявляемыми в условиях позиционной борьбы. Ограниченность артиллерийских и других технических средств, особенно недостаток снарядов, привела к тому, что русская артиллерия не могла в полной мере использовать методы борьбы, установившиеся в позиционный период войны у бывших союзников и противников России. В отношении установления этих методов русская артиллерия шла по самостоятельному пути своего боевого опыта, хотя и весьма тяжёлого, но всё же не сопровождавшегося теми колоссальными затратами средств и теми огромными жертвами, какие понесли на французском фронте французы, англичане и немцы.

Со стороны русских первое крупное наступление в условиях позиционной войны было предпринято в декабре 1915 г. на Юго-Западном фронте. Это была неудачная попытка русского командования произвести прорыв фронта укреплённой позиции австро-германцев без артиллерийской подготовки.

Русская армия к тому времени ещё мало была знакома со способами прорыва укреплённых позиций, не обеспечила себя необходимыми средствами для совершения этого прорыва и возлагала больше всего надежд на внезапность.

Главный удар наносила 7-я армия генерала Щербачева — та самая, которая так жестоко поплатилась за попытку овладеть штурмом крепостью Перемышль в начале войны, в 1914 г. (см. седьмую часть).

Перед операцией, 3 декабря 1915 г., Щербачев преподал своим войскам ряд в общем правильных тактических указаний по вопросам применения артиллерии и по атаке укреплённых позиций, но

не настоял на соответствующем обеспечении армии достаточно сильной артиллерией и боеприпасами.

Указания Щербачева по артиллерийской части сводились к тому, что для успеха прорыва необходимы: а) уменье сосредоточить огонь возможно большего числа артиллерийских единиц на определённом участке расположения противника и установить полное взаимодействие между артиллерией и пехотой; б) централизация артиллерии в корпусе; в) организация тщательной предварительной разведки расположения неприятеля; г) точное распределение задач по уничтожению проволоки, фланкирующих построек и пулемётов противника; д) постоянная и надёжная связь батарей с командирами пехотных частей, которым батареи назначены помогать; е) организация надёжного непрерывного питания боеприпасами артиллерии, особенно тяжёлой. Но в указаниях Щербачева не было сказано, сколько именно нужно боеприпасов для выполнения задачи, сколько нужно и каких орудий, по каким именно целям и какой вести огонь. Большинство указаний осталось невыполненными — лишь добрыми пожеланиями.

Армия Щербачева для нанесения удара на фронте Бенево, Бучач протяжением в 48 *км* (на р. Стрыпе) имела всего 428 орудий (т. е. средняя плотность — 8,9 орудия на 1 *км*), в том числе лишь 24 полевые тяжёлые 152-*мм* гаубицы и 12 полевых тяжёлых 107-*мм* пушек с крайне ограниченным запасом снарядов; для 152-*мм* гаубиц 3 654 гранаты и 1 770 шрапнелей, для 107-*мм* пушек 2 064 гранаты и столько же шрапнелей.

Прорыв на участке неприятельской позиции протяжением 4 *км* был возложен на 2-й армейский корпус в составе 26-й и 43-й пехотных дивизий и 3-ю Туркестанскую стрелковую бригаду, всего с 132 орудиями, что составляло 33 орудия на 1 *км* фронта или в среднем одно орудие на 30 *м*, а одна гаубица на 166 *м* (под Ригой немцы против 4½ *км* фронта сосредоточили 630 орудий или 140 орудий на 1 *км* и сверх того 550 минометов).

30 декабря (второй день боя) артиллерийская подготовка продолжалась лишь полчаса. Атака 26-й дивизии была отбита с большими потерями, так как проволочные заграждения оказались неповреждёнными. На другой день, также после получасовой артиллерийской подготовки, атака повторилась и опять была отбита, хотя фронт атаки был сокращен до 2 *км*.

Через три дня, 3 января, решено было прорвать 43-й пехотной дивизией участок австрийской позиции лишь в 800 *м*. Атаку подготавливала артиллерия дивизии — 18 полевых 76-*мм* и 24 горных 76-*мм* пушек и вся приданная армии полевая тяжёлая артиллерия — 24 гаубицы и 12 пушек. После методической артиллерийской подготовки с наблюдением каждого выстрела были сделаны проходы в двух полосах проволочного заграждения, и пехота прошла их, но остановилась перед третьей уцелевшей полосой и затем повернула назад.

Ввиду недостатка артиллерии решено было внезапно атаковать на рассвете 7 января Туркестанской стрелковой бригадой, сокра-

тив участок главного удара. Накануне тяжёлая артиллерия и ночью сапёры с помощью ножниц и пироксилиновых зарядов сделали до 30 проходов в проволочных заграждениях.

Стрелки бросились на штурм ещё в темноте. Заранее пристрелявшаяся артиллерия перенесла огонь на фланкирующие постройки. К 8½ час. стрелки прошли три полосы заграждений, продвинулись вглубь, захватили пленных и 12 орудий, но оказались без поддержки своей артиллерии, которая не могла видеть своей пехоты, скрывшейся за перегибом ската. Между тем австрийская артиллерия и пулемёты с трёх сторон из глубины позиции встретили огнём прорвавшихся стрелков; в то же время завеса артиллерийского огня преградила путь идущим на поддержку русским резервам, австрийские же резервы перешли в контратаку и заставили русских стрелков отступить [1].

Неудача операции вызвала приказы, указания и наставления со стороны командования 7-й армии и Юго-Западного фронта. Многое в этих указаниях было заимствовано из иностранных источников, главным образом из французских; в указаниях встречались противоречия.

Командующий армией Щербачев в своих указаниях, изданных 12 января 1916 г., неудачу операции объяснил между прочим недостатками управления и взаимодействия пехоты с артиллерией. Артиллерийских наблюдателей в передовых частях не было, вследствие чего артиллерия не могла оказать ближайшей поддержки своей пехоте при контратаках противника, а иногда даже расстреливала свою пехоту. Стрельба артиллерии, расположенной слишком далеко, не была тщательно подготовлена.

Главком Юго-Западного фронта Иванов в своих указаниях во многом отрешается от прежних своих директив, считает невозможным осуществление быстрого прорыва, переходит к постановке ограниченных целей операции и до некоторой степени противопоставляет методизм внезапности. Указания Иванова отражают во многом французские инструкции.

«Трудно и не следует рассчитывать, чтобы артиллерии в один период огневой подготовки удалось пробить достаточную по фронту брешь во всю толщу или глубину системы укреплённой полосы. А потому в большинстве случаев прорыв таких полос будет требовать от нас ряда последовательных атак укреплённых линий в глубину...» — говорится в указаниях Иванова.

В отношении артиллерии штаб 7-й армии пришёл к следующим выводам.

Умелое применение мощной тяжёлой артиллерии, обеспеченной боеприпасами, является главнейшим необходимым залогом успеха атаки укреплённой позиции. Атака пехоты не может иметь успеха, пока артиллерия не разрушила проволочных заграждений и фланкирующих построек противника.

---

[1] ЦГВИА, 442.

Оборудование позиций в несколько линий с тремя-четырьмя полосами проволочных заграждений, усиливаемых электрическим током, с системой отсеков и с пулемётным огнём по проволочным сетям и по внутренности отсеков, вызывает необходимость образования широких завес артиллерийского огня, распространяющихся в глубину оборонительной позиции на 10—12 *км* (приблизительно на двойную дальность шрапнельного огня того времени), чтобы иметь возможность подвести резервы и противодействовать контратакам.

Прорывающимся частям пехоты необходимо обеспечить поддержку артиллерийским огнём на всём пути их продвижения в глубину неприятельской позиции.

Ввиду невозможности видеть внутренность позиции с наземных наблюдательных пунктов, аэрофотографирование позиции является обязательным для разработки плана и выполнения атаки.

Расчёт количества артиллерии, особенно тяжёлой, и боеприпасов должен производиться в каждом частном случае на основании аэрофотоснимков неприятельской позиции, учёта местных условий и прочих данных обстановки.

Основными причинами неуспеха операции русских на р. Стрыпе являлись: подготовка операции, не соответствующая замыслу, неуверенность в успехе операции командования и в первую очередь главкома Иванова, всячески уклонявшегося от её исполнения (операция производилась по распоряжению ставки), недостаток артиллерии, особенно тяжёлой, и необеспеченность её боеприпасами, разрозненные атаки небольшими силами вместо общего единого удара всеми силами, ошибки артиллерийского руководства — разбрасывание огня по чрезмерно широкому фронту вместо сосредоточения в решающем направлении, неуменье обеспечить фланги атаки от поражения огнём уцелевшей в глубине позиции артиллерии и пулемётов.

Печальный опыт декабрьской операции на Стрыпе должен был бы убедить командование русской армии, что с недостаточными силами и средствами, с расчётом главным образом на удар живой силой, нельзя надеяться на успех атаки укреплённой позиции. Это подтверждалось и не менее печальным опытом бывших союзников России, обильный материал о котором получила русская ставка в начале 1916 г.

Тем не менее русское командование предпринимает в марте 1916 г. операцию прорыва германского укреплённого фронта путём массового удара войсками Северного и Западного фронтов (главнокомандующие Куропаткин и Эверт).

Операция эта, являясь первым приближением к овладению техникой борьбы за укреплённые полосы, закончилась тяжёлой неудачей. Русская армия залила поле сражения потоками крови, не одержав успеха вследствие многих причин: исключительно плохое руководство командования, отсутствие всесторонне обдуманной подготовки операции, недостаточность артиллерии, боеприпасов и прочих технических средств, несогласованность дей

ствий артиллерии с пехотой, безграмотная постановка задач артиллерии и т. д.

Мартовская операция 1916 г. настолько поучительна в отношении неумелого боевого применения артиллерии, что эту операцию мы в дальнейшем (см. седьмую часть) разберём подробно.

После ряда неудачных попыток прорыва укреплённых полос австро-германцев и в особенности после крайне тяжёлой мартовской неудачи русское командование пришло к заключению, что для успешной борьбы в позиционных условиях неприменимы привычные, установившиеся способы ведения наступательного боя, хотя они в значительной мере и оправдались в маневренный период войны.

Начиная с весны 1916 г., на русском фронте издаются руководящие «Указания» и «Наставления», устанавливающие новые методы борьбы за укреплённые полосы на основе боевого опыта как своей русской, так и отчасти союзной французской армии. Как выше упоминалось, в ставке главковерха изданы были в мае 1916 г. «Общие указания для борьбы за укреплённые полосы», а среди руководств, изданных в 1916 г. на фронтах, пользовались популярностью и получили широкое распространение в армии, особенно на Юго-Западном фронте, составленные Кнреем «Выводы из применения артиллерийских масс при атаке укреплённых полос».

«Общими указаниями», изданными в 1916 г., в отношении действий артиллерии при прорыве укреплённой полосы предусматривалось следующее.

Операция в артиллерийском отношении должна быть заблаговременно подготовлена. Способы действий артиллерии при прорыве должны быть тщательно разработаны в предвидении предстоящих задач: по разрушению оборонительных сооружений противника, действию по его войскам, по борьбе с его артиллерией и содействию атаке (в частности — уничтожение неприятельских пулемётов и прочих огневых точек). *План действий артиллерии должен основываться на общем плане действий, вполне установленном и разработанном* общевойсковым командованием совместно с артиллерийскими начальниками.

Торопливость в работах по подготовке операции и разработке плана действий или расчёт на благоприятные случайности недопустимы; они заранее предрешают неуспех и тяжёлые потери. Всё должно быть продумано, подготовлено и проверено. Тогда только считалось возможным начать боевые действия. В течение же развития действий предлагалось проявить высшее напряжение силы, методической настойчивости и воли.

Изданная в 1916 г. артиллерийская часть «Общих указаний для борьбы за укреплённые полосы» была заменена изданным ставкой в 1917 г. «Наставлением для борьбы за укреплённые полосы», причём во 2-й артиллерийской части названного «Наста-

вления» указывалось, что работа артиллерии при прорыве состояла из *предварительной и боевой* и что предварительную работу необходимо начать заблаговременно. Подчёркивалось при этом, что «*операцию прорыва укреплённой полосы нельзя импровизировать*», что «*всё должно быть продумано и подготовлено*».

«Наставлением» требовалось, чтобы командующий армией составлял общий план прорыва укреплённой полосы, определяющий частные задачи войск, при обязательном участии инспектора артиллерии армии, и чтобы дальнейшая разработка плана в исходящих штабах проводилась «при непременном участии начальников артиллерии ударных корпусов», а также начальников артиллерии второстепенных участков и начальников артиллерийских групп.

Разработка плана должна была заканчиваться установлением всех деталей атаки путём совместной работы на местности командиров полков, батальонов и даже рот с командирами артиллерийских групп, дивизионов, батарей.

«Наставление» обращало внимание на то, что при составлении плана необходимо учитывать опыт боёв, который указал: а) *против обороняемых огнём и защищённых искусственными препятствиями сооружений пехота, без содействия артиллерии, теряет свою наступательную силу*; б) *работа артиллерии должна быть согласована с действиями прочих войск*». Согласованность эта может быть достигнута только при совместной дружной работе начальников всех родов войск, начальников общевойсковых и артиллерийских и только тогда обеспечена будет возможность «*поставить задачи артиллерии согласно её свойств, сразмерить эти задачи с назначенными или наличными артиллерийскими средствами*».

Совершенно правильна руководящая мысль подполковника Кирея, который в своих «Выводах из применения артиллерийских масс» говорит, что «*прорыв укреплённой полосы — не полевой бой, состоящий из массы неожиданных случайностей, а строго продуманная, рассчитанная по снарядам и саженям операция*».

Эту мысль необходимо иметь всегда в виду и учитывать, что выводы из опыта борьбы за укреплённые полосы, подлежащие основательному изучению при подготовке к такой борьбе, могут быть использованы лишь отчасти и с большой осторожностью при подготовке к маневренной войне. И если при атаке укреплённой позиции действительно крайне необходим заблаговременно детально разработанный и строго продуманный план действий артиллерии, то при атаке в условиях маневренной войны, особенно во встречном бою, такой детальный план, вследствие изменчивой обстановки боя, разработать заблаговременно нельзя и такой план не только был бы бесполезным, но и вредным, так как связал бы действия артиллерии и проявление инициативы артиллерийских начальников, что явилось бы нарушением основных условий, обеспечивающих успех маневренного боя.

Разработка плана атаки должна обеспечить успешную деятельность артиллерии при прорыве и дать ей возможность разрушать искусственные препятствия и укрепления противника, уничтожать его живую силу, подрывать его моральные силы и устранять все преграды, какие противник мог бы противопоставить наступлению и атаке нашей пехоты. Артиллерия обязана обеспечить возможность пехоте *с наименьшими потерями* подойти к укреплённой полосе, пройти через неё и, пройдя, прочно утвердиться для продолжения движения вперёд и в стороны от прорыва.

При составлении плана действий артиллерии предлагалось иметь в виду:

а) «*Масса артиллерии может выполнять только твёрдо установленный и заранее тщательно разработанный план*». Задачи батареям, дивизионам и артиллерийским группам должны быть просты и немногочисленны; границы участков обстрела и разрушения — заблаговременно точно намечены показом на местности; стремиться предусмотреть, по возможности, даже мелочи, чтобы избежать необходимости давать новые задачи уже во время действий артиллерии.

б) Необходимо принять меры, чтобы батареи (дивизионы) возможно менее мешали друг другу при стрельбе, назначая им хотя бы узкие, но самостоятельные участки, чтобы не происходило накладывания огня нескольких батарей (дивизионов) на один участок.

в) Все вопросы по применению разного рода снарядов (в том числе химических), по распределению и переносам огня должны быть заранее выяснены, и задания распределены по периодам. Перенос огня с атакуемого участка разработать детально, установив совершенно точно, какая батарея и куда переносит свой огонь в тот момент, когда станет возможным поражение своих атакующих частей.

г) С началом боя артиллерия атаки должна располагаться возможно ближе к противнику, так как она *должна поражать не только первый ряд укреплений, но вообще обстреливать всю глубину укреплённой полосы и бороться с батареями противника.*

«Общими указаниями» и «Наставлениями» для борьбы за укреплённые полосы подчёркивалось, что все работы по разведке, содействию разработке общего плана действий, выбору НП и ОП для артиллерии, распределению артиллерии по группам и войсковым участкам, по составлению общего и частных планов артиллерийских действий должны выполняться старшим артиллерийским начальником совместно с прочими артиллерийскими начальниками, между которыми он распределяет работу. Настоятельно подчёркивалось, что при этом *всё должно быть согласовано с действиями войск, назначенных для прорыва.*

Для успешной и правильной разработки плана действий артиллерии необходимо получить определённые, ясно выраженные задачи от общевойсковых начальников, которые должны указать:

в каких именно местах, на каком протяжении и какой ширины следует сделать проходы в искусственных заграждениях; на каком протяжении и в каком именно месте разрушить окопы противника; в каких местах и какие постройки уничтожить и т. п. Выбор этих мест производится общевойсковыми начальниками совместно с артиллерийскими на местности, с наблюдательных пунктов и из передовых окопов. Распределение участков для прорыва искусственных заграждений, для разрушения окопов и пр. должно выполняться обязательно в натуре с полным вниманием, без торопливости, с тщательностью, исключающей возможность ошибки и взаимного непонимания. Избранные участки удобнее всего отмечаются по местным предметам.

Выбор района для операции прорыва и участков для атаки должен производиться по соображениям, определяющим цель предстоящих боевых действий. Имея в виду технические вопросы предстоящей подготовки операции в артиллерийском отношении, выбор участков атаки должен выполняться, как и составление всего плана вообще, совместно общевойсковыми и артиллерийскими начальниками. Причём последние обязаны определенно выражать свои пожелания и мнения: артиллеристу нельзя обещать выполнить задачу, если имеющиеся средства и обстановка этого не допускают.

Удобный для прорыва район, захватывающий обычно фронт около 20 *км*, выяснялся заблаговременно при содействии общевойсковой, воздушной и артиллерийской разведки. Для получения точного представления о расположении неприятеля намеченный район надо было сфотографировать с самолёта.

Район прорыва делился на участки: *главного удара и второстепенного*. Избранный район, в особенности участок главного удара, должен представлять удобства для артиллерии в отношении расположения на позиции, наблюдения, маневрирования и стрельбы, в отношении организации питания боеприпасами и прочим артиллерийским имуществом, а также соответствовать силам артиллерии, сосредоточенной для подготовки прорыва.

В пределах избранного района (по возможности и в соседних с ним участках) требовалось выполнить предварительное сближение — на 400 или менее шагов от противника, с тщательным закреплением захваченного пространства. Причём окажется возможным, находясь в непосредственной близости от неприятеля, изучить его позиции и выбрать участок (участки) для атаки, разработать план атаки и действий артиллерии, установить артиллерию согласно задаче на подлежащих дистанциях, движение пехоты в атаку начать с наименьшего расстояния (не более 400 шагов). План действий артиллерии не всегда может быть разработан, пока необходимое сближение не достигнуто.

Изучение в натуре избранного для операции района и подробных данных об укреплениях противника, находящихся в районе, приводит к выбору участка (участков) для атаки. Во избежание

атаки на узком фронте, ширина участка должна быть достаточно широка и соответствовать силам, предназначенным для атаки.

Желательно, чтобы участок атаки в артиллерийском отношении удовлетворял следующим условиям: а) местность, дающая возможность хорошего наблюдения первой и последующих линий укреплённой полосы, а также глубины расположения противника, допускающая удобную расстановку артиллерии на соответствующих дистанциях, скрытое маневрирование и питание боеприпасами; б) наличие дорог для ближайшего питания и подвоза огнеприпасов; в) участок атаки в виде исходящего угла в нашу сторону, чтобы ОП нашей артиллерии расположить на продолжении сторон исходящего угла для фланкирования противника и избежать обстрела нашей пехоты с флангов; г) на участке, избранном для прорыва, неприятельские окопы и заграждения наиболее слабые, открытая местность с наклоном в нашу сторону без хороших НП для противника и укрытых тыловых путей, на котором неприятель не может противопоставить сильной артиллерии.

Избранный для атаки участок должен быть всесторонне изучен по карте, по фотографии с самолёта и путём личной разведки начальников всех степеней. Неприятельские позиции должны быть изучены не только в ближайших к нам линиях, но и в глубину при содействии самолётов и змейковых аэростатов. Необходимо знать всю систему окопов и укреплений противника и по возможности группировку его артиллерии и резервов. Тогда возможно, при дружной совместной работе общевойсковых и артиллерийских начальников, разработать общий и артиллерийский планы действий и отдать ясные нерасплывчатые приказания.

Сплошные большие участки не следует назначать для разрушения искусственных заграждений. Образование одного прохода, хотя и широкого, подводит под пулемёты и влечёт тяжкие потери; ряд проходов, хотя и более узких, облегчает атаку. На каждую атакующую роту желательно иметь проход шириной около 20—30 *м*. На главном решающем участке атаки неприятельские окопы подвергали, по возможности, сплошному разрушению, чтобы за неразрушенными промежутками не оставалось защитников, обороняющих сделанные проходы фланговым огнём.

Избранный для прорыва участок неприятельской позиции с тыловым её районом, против каждой дивизии (корпуса), разделялся на номерные участки протяжением около 100—200 *м* по фронту; деление на номерные участки должно отвечать изгибам и изломам окопов или характерным местным предметам. Схема неприятельской позиции с указанными пронумерованными участками должна быть изучена в применении к местности всеми без исключения артиллерийскими и пехотными офицерами и наблюдателями как основная для целеуказания и взаимной ориентировки. Пособием для этой же цели могут служить разделённые на квадраты карты в масштабе 200 *м* или 500 *м* и не более 1 000 *м* в дюйме (25 *мм*) и панорамная схема неприятельской позиции.

Группировка артиллерии, её размещение и подчинённость определяются поставленной общей задачей, вытекающими из неё частными задачами и обстановкой.

Группировка артиллерии определялась *«теми участками (секторами) фронта и тыла противника, куда стреляют»* орудия той или иной группы.

Главная масса артиллерии обычно назначалась в ударные корпуса, получающие важнейшие задачи прорыва в решающих направлениях. В пределах каждого ударного корпуса назначенная ему артиллерия подразделялась на группы.

В распоряжении начальников дивизий оставалась часть лёгкой (дивизионной) артиллерии, по большей части только в тех случаях, если её имелось много. Однако «в период подготовки и ближайшей поддержки атаки» задачи, возлагаемые на артиллерию, оставленную в распоряжении начальников дивизий, должны были находиться, «по соглашению соответственных начальников, в полной связи с задачами своего ударного корпуса и входить в общий и частные планы действий артиллерии корпуса».

Для борьбы с неприятельской артиллерией выделялись противобатарейные группы, объединяемые в отношении управления в руках одного или, при широком фронте, двух начальников, подчиняемых инспектору армии, совершающей прорыв.

Тяжёлая артиллерия крупных калибров и дальнобойная, предназначенная для подготовки атаки на участках двух или нескольких корпусов, выделялась в армейскую группу (группы) и подчинялась также инспектору артиллерии армии. План действия тяжёлой артиллерии армейской группы согласовывался с планами действий артиллерии и пехоты ударных корпусов.

Минометы (иногда и бомбомёты) соединялись в группы во главе с артиллерийскими офицерами и подчинялись начальнику той артиллерийской группы, на участке расположения которой минометы (бомбомёты) находились.

«Артиллерийские группы по окончании задачи, поставленной объединенной артиллерии, по мере захвата позиции противника и продвижения пехоты вперёд должны были выделять из себя и передавать в войсковые боевые участки необходимую им артиллерию».

Согласно «Общим указаниям для борьбы за укреплённые полосы» 1916 г., артиллерию, назначенную для главной атаки при совершении прорыва, предлагалось распределять следующим образом:

а) лёгкая артиллерия дивизий передавалась, полностью или только частью, в распоряжение своих дивизий для непосредственного содействия войскам: пробивание проходов в заграждениях, огневая поддержка атаки, подавление мешающих наступлению и атаке пулемётов и минометов (бомбомётов), отбитие контратак противника, выдвижение вперед на поддержку своей пехоты, занявшей неприятельские окопы, и т. п.; артиллерия, переданная дивизиям, действовала в узких районах и по непосредственным

указаниям начальников войсковых частей, которым она была придана и с которыми она должна быть прочно связана; задачи, возлагаемые по соглашению соответственных начальников на эту артиллерию в период подготовки атаки, должны находиться в связи с общей задачей артиллерии и входить в общий и частные планы артиллерии;

б) горную и штурмовую артиллерию признавалось полезным придавать атакующим войскам с той же целью, с какой придавалась им лёгкая артиллерия дивизий;

в) всю тяжёлую и гаубичную артиллерию, а также лёгкую и горную, изъятую из войсковых соединений, действующих в боевой линии или оставленных в ближайших резервах, обычно соединяли в группы дивизионов (батарей) разных родов и калибров, группы эти составляли как бы отдельные боевые артиллерийские участки, причём каждые три-четыре группы обычно объединялись под общим управлением старшего артиллерийского начальника; но объединялись только те части артиллерии, которые могли оказывать взаимную поддержку, а потому в состав каждой группы включались только те батареи, которые решали общие задачи, и объединялись только те группы, которые могли оказать взаимную поддержку; батареи (иногда отдельные орудия), получившие специальный узкий обстрел, объединению не подлежали.

При организации групп по возможности не следует дробить батарей или дивизионов.

Соединение в группы имеет целью планомерное и целесообразное использование значительной массы артиллерии и соответствующее распределение её по частным задачам при решении задачи на общем фронте.

Состав и сила каждой группы должна отвечать поставленной задаче и удобству управления. Начальнику группы следует непосредственно подчинять не более трех-четырёх последующих артиллерийских начальников.

Соединение артиллерии в группы и объединение её боевой работы должно отвечать обстановке; шаблон здесь недопустим. Бывает обстановка, требующая дробления артиллерии и затрудняющая взаимную поддержку, например, очень лесистая или пересечённая местность, когда образование артиллерийских групп создаёт только новые инстанции, тормозящие боевую работу.

Объединённая артиллерия, работающая на том или ином боевом участке, должна являться для войск этого участка именно «артиллерией участка», предназначенной как для решения задач по указанию объединяющего старшего артиллерийского начальника, так и прочих текущих задач, которые ставит бой. Однако последние задачи, поставленные по инициативе начальников нисходящих степеней (артиллерийских и общевойсковых), должны разрешаться в то время, когда артиллерийские части групп могут выделить хотя бы часть орудий от выполнения поставленной им общей задачи, причём о принятии подобных решений и о всех изменениях обстановки артиллерийские начальники обязаны были

немедленно доносить своему непосредственному артиллерийскому начальнику.

Артиллерия, сведенная в группы, должна иметь самую тесную связь с атакующими войсками. «Восходящая» связь шла через старшего артиллерийского начальника к тому общевойсковому начальнику, которому он был непосредственно подчинён; последующие артиллерийские начальники должны были быть связаны с ближайшими войсковыми начальниками. «Нисходящая» связь непосредственно соединяла атакующие войска с артиллерией группы. Средством непосредственной, ближайшей связи являлись артиллерийские наблюдательные пункты (командирские и передовые), а также дополнительные передовые артиллерийские пункты, выдвигаемые на занятые при атаке участки.

Непосредственная, теснейшая и прочная связь атакующей пехоты с артиллерией осуществлялась через ближайшие к пехоте наблюдательные пункты артиллерии, которые все пехотные начальники низших степеней обязаны были точно знать. Всё переживаемое пехотой в бою должно ею передаваться в ближайшие наблюдательные пункты артиллерии, чтобы она могла своевременно оказать помощь атакующим войскам.

Артиллерийские группы, по окончании задачи, поставленной объединённой артиллерии, по мере захвата позиции противника и продвижения пехоты вперёд, должны были выделить из себя и передать в более мелкие войсковые боевые участки необходимую им артиллерию. Планом ее действий должен быть по возможности предусмотрен порядок расчленения групп и передачи батарей в боевые участки. Новая задача, требующая объединённого огневого удара по последующим полосам обороны, может снова вызвать образование групп. По мере совершения прорыва, развития наступления и успеха артиллерия всё в большем количестве переходит в состав более мелких участков, и чем более бой «за укреплённую позицию» принимает характер «полевого боя» и преследования отходящего противника, тем более распределение артиллерии будет приближаться к раздаче её по дивизионным и полковым участкам или колоннам.

Размещение артиллерии, подготовка позиций, устройство связи. Артиллерия атаки располагается так, чтобы каждый имеющий значение пункт прорываемого участка и его внутреннее пространство обстреливалось не только фронтальным, но и фланговым или хотя бы косоприцельным огнём. Причём для флангового (косоприцельного) огня ставились преимущественно лёгкие батареи.

Расположение батарей в одну линию нецелесообразно, так как при этом облегчается стрельба неприятельской артиллерии по батареям (при одном общем прицеле) и в случае перехода противника в атаку может оказаться необходимым одновременно снять все батареи и лишить свою пехоту поддержки артиллерийским огнём. Следует располагать артиллерию в несколько линий, так

как стрельба через свои батареи вполне допустима (при соблюдении известных правил).

На участках атаки для содействия удару сосредоточивается необходимое количество артиллерии, причём артиллерия войсковых частей, находящихся в ближайшем резерве, должна быть использована для содействия удару, а также для воздушной охраны тыловых пунктов.

Бо́льшая часть гаубичной и тяжёлой артиллерии пассивных участков должна быть использована на месте главного удара; оставленные же на пассивных участках лёгкие гаубицы, переезжая с места на место и действуя повзводно, даже поорудийно, должны были дезориентировать противника в отношении количества артиллерии на пассивных участках.

Наблюдательные пункты артиллерии, места для орудий, стоянки передков и зарядных ящиков батарейных резервов требовалось оборудовать до начала операции. На огневых позициях батарей устраивались помещения для выкладки запаса снарядов, причём для сбережения гильз с зарядами на гаубичных и тяжёлых батареях устраивались особые навесы от дождя. Работы по проведению и поддержанию в порядке дорог исполнялись распоряжением общевойсковых начальников; артиллерийские начальники должны были им указать заблаговременно, к каким пунктам надо устроить дороги, необходимые для артиллерии.

Артиллерия на позиции выводилась заблаговременно, чтобы иметь время провести и проверить телефонную связь, а также произвести необходимую пристрелку. Командный состав должен начать изучение позиций, район противника и поставленные задачи с первых дней подготовки района; к началу операции участок атаки должен быть изучен до мелочей. При смене батарей на позициях должно быть заблаговременно принято поле, цели и данные для стрельбы; в случае спешного ухода сменяющаяся батарея должна оставить офицера для сдачи поля и целей.

Об установлении связи сказано выше. Особое внимание обращалось на связь между артиллерийскими начальниками в группах и соответственными общевойсковыми начальниками. Требовалось наладить в полной мере связь между батареями и передовыми наблюдателями при пехоте, между артиллерией и авиацией. При организации связи имелось в виду, что надёжность связи заключается не в количестве разложенных проводов, а в обдуманности схемы связи и тщательности её выполнения.

Питание боеприпасами организуется, как указано выше (см. «Пополнение боевых припасов»). Все назначенные для операции прорыва боеприпасы должны поступить в полное распоряжение старшего начальника, на которого возложено ведение операции и который должен быть определенно осведомлён о том, какими средствами он располагает.

Расчет артиллерийских средств, необходимых для операции прорыва, производился в зависимости от поставлен-

ной задачи; с другой стороны, задачу приходилось соразмерять с наличными средствами.

Для справок начальствующего и командного состава к ч. II «Наставления для борьбы за укреплённые полосы» изд. 1917 г. приложен был перечень задач, какие могли выпадать на долю артиллерии, а также перечень орудий, которые следовало назначать для решения этих задач (см. табл. 1). Перечень составлен на основании изданного в 1916 г. и составленного Управлением полевого инспектора артиллерии руководства «Свойства орудий и краткие указания для их применения».

Таблица 1

КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ЗАДАЧ ДЛЯ АРТИЛЛЕРИИ И СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЭТИМ ЗАДАЧАМ ОРУДИЙ

Название задач (целей)	Наиболее соответствующие им орудия
А. Прочные сооружения и окопы	
1. Особенно прочные постройки из бетона — убежища, укрытые 3—4 *м* земли, и прочные блокгаузы в крепостях, укреплённых узлах и оборонительных полосах	а) Гаубицы: 305-*мм* обуховские и Виккерса; 280-*мм* Шнейдера; 203 *мм* Виккерса; 20-*см* обр. 1912 г. (японские); 234-*мм* английские б) Береговые мортиры: 280-*мм* и 228-*мм* (9-дм.) в) Пушки: 228-*мм* и 254-*мм* береговые (последние по вертикальным целям, а по горизонтальным — лишь за неимением указанных выше гаубиц или мортир, с дистанции, имеющей угол падения больше 20°)
2. Прочные постройки, лёгкие бетонные (около 50 *см* бетона), блиндажи и укрытия менее прочные, нежели указанные в п. 1	а) Указанные выше орудия и, кроме того: б) Пушки: 152-*мм* в 120 пуд., 190 пуд. и 200 пуд. и 155-*мм* французские (для последних угол падения должен быть больше 20°; для прочих — тоже, если гранатный взрыватель с замедлением) в) Гаубицы: 152-*мм* полевые и крепостные обр. 1910 и 1909 гг. и 152-*мм* английские
3. Окопы укреплённой полосы с блиндажами полевого типа, козырьками и пулемётными гнёздами	а) Для разрушения важнейших участков применяют: 152-*мм* пушки и гаубицы, упомянутые выше в п. 2 „б". Кроме того: б) Гаубицы: 122-*мм* и 114-*мм*; 12-*см* и 15-*см* Круппа; 10-*см* австрийские (последние четыре по наиболее слабым участкам и ходам сообщения) в) Мортиры: 152-*мм* полевые г) Если имеются орудия крупного калибра, упомянутые в п. 1, то их применяют для разрушения главнейших и сильнейших пунктов атакованного участка при обязательном условии образцового наблюдения

Продолжение

Название задач (целей)	Наиболее соответствующие им орудия
4. Окопы в полевых боях; ходы сообщения и их скрещения	а) Гаубицы: 152-*мм* полевые и крепостные; 152-*мм* английские; 122-*мм* и 144-*мм* лёгкие. 10-*см* австрийские (последние две значительно слабее прочих) б) Мортиры: 152-*мм* полевые в) Пушки: 90-*мм* и 155-*мм* французские; все полевые лёгкие и полевые тяжёлые (76-*мм* и 107-*мм*), гранатой по преимуществу косым или фланговым огнём (пушки 120-*мм* обуховские и Виккерса применять не следует, а 120-*мм* французские можно использовать)
Б. Артиллерия	
5. Открыто стоящая или прикрытая лёгкими блиндажами	Пушки: 76-*мм* лёгкие и горные; полевые лёгкие и батарейные обр. 1877 г.: 105-*мм* и 107-*мм* скорострельные и обр. 1877 г.
6. Артиллерия, казематированная не особенно прочно	Пушки: 127-*мм* английские и 120-*мм* французские; 120-*мм* обуховские и Виккерса
7. Прочно казематированная	Пушки: 155-*мм* французские; 152-*мм* в 200 пуд., 152-*мм* береговые Канэ, 152-*мм* осадные Шнейдера

Примечание. Пушки, указанные в пп. 6 и 7, применяются по наиболее дальнобойной, крупной и вредящей артиллерии

8. Артиллерия исключительной силы (например по 42-*см* германским гаубицам)	Пушки: 254-*мм* береговые

Примечание. В случаях, когда гаубицы свободны от решения задач по разрушению блиндажей и окопов или нет указанных выше пушек, а неприятельская артиллерия прочно казематирована, применяют и 152-*мм*, 122-*мм*, 114-*мм* и 10-*см* гаубицы. Можно применять и 152-*мм* пушки старых образцов в 120 пуд. и 190 пуд.

9. В. Пулеметы	а) Пушки: 76-*мм* лёгкие и горные; 76-*мм* штурмовые; противоштурмовые 37-*мм*, 40-*мм*, 47-*мм* и 57-*мм* б) Орудия более крупных калибров, если пулеметы расположены в прочных постройках. Кроме того, пулеметы разбивают попутно при разрушении окопов
10. Г. Проволочные заграждения	а) Пушки: 76-*мм* лёгкие и горные; лёгкие полевые и батарейные обр. 1877 г.; 90-*мм* французские; трофейные германские и австрийские полевые пушки б) Гаубицы: 122-*мм* и 114-*мм*; 10-*см* австрийские и 12-*см* Круппа—для разрушения заграждений, укрытых скатом и недоступных для отлогой траектории пушек, а также для разрушения особо прочных заграждений

Продолжение

Название задач (целей)	Наиболее соответствующие им орудия
11. Д. Открытые живые цели	а) Пушки: преимущественно 76-*мм* лёгкие и горные, а также 76-*мм* штурмовые, 37-*мм*, 40-*мм*, 47-*мм* и 57-*мм* б) Все орудия до 152-*мм* калибра включительно, преимущественно комбинированным огнём (часть орудий шрапнелью, прочие гранатой)
12. Е. Самолеты	Пушки: 76-*мм* противосамолётные обр. 1914 г.; 76-*мм* лёгкие обр. 1900 и 1902 гг., помещённые на особые установки; 40-*мм* пушка-пулемёт Виккерса
13. Ж. Аэростаты	Пушки: 107-*мм* скорострельные и обр. 1877 г.; 120-*мм* французские При случайном расположении аэростата в пределах досягаемости полевой лёгкой артиллерии применяют и 76-*мм* лёгкие пушки

При исчислении расхода снарядов (боеприпасов) и общего их количества, необходимого для операции прорыва, руководствовались исходными данными, приведёнными ниже, в табл. 2, 3, 4 и 5. В частности, при расчёте числа снарядов, необходимого для разрушения окопов, принимали во внимание не общее протяжение линий окопов, а лишь сумму участков, назначенных к разрушению; в противном случае пришлось бы требовать непомерно много снарядов.

В табл. 2 показан примерный расход снарядов по дням на орудие — на первый и второй день развития успеха и на дальнейшее (в среднем 7 дней) преследование противника. При этом принималось во внимание, что задержка противника на тыловых позициях могла снова повысить расход снарядов до потребности первых дней операции.

Определённых норм для расчёта числа и рода орудий, необходимых для совершения прорыва укреплённой полосы, установлено не было, хотя попытки установить плотность артиллерии были.

Например, «Указаниями для борьбы за укреплённые полосы» изд. 1916 г. предлагалось на каждые 20 *м* атакуемого участка назначать одну 122-*мм* или 152-*мм* гаубицу; в период движения пехоты в атаку для обстрела района главного удара на каждую лёгкую 76-*мм* пушку назначать по 20—30 *м* атакуемого участка, а для обстрела соседних с главным ударом районов — на каждое лёгкое орудие по 30—60 *м* участка.

В «Наставлении для борьбы за укреплённые полосы» изд. 1917 г. (ч. II, § 168) были даны следующие указания, которые до некоторой

Таблица 2

ПРИМЕРНЫЙ РАСХОД СНАРЯДОВ ПО ДНЯМ НА ОРУДИЕ ПРИ ПРОРЫВЕ УКРЕПЛЁННОЙ ПОЛОСЫ

По данным операций 1916 г.

Калибр и род орудия	Расход на орудие в день					
	День (дни) подготовки атаки и самой атаки		Первый и второй день развития успеха		Дальнейшие дни: преследование пр-ка (среднее за 7 дней)[2]	
	всего снарядов	из них шрапнелей	всего снарядов	из них шрапнелей	всего снарядов	из них шрапнелей
76-*мм* лёгкие (горные) и прочие полевые пушки	250[1]	50	250	125	50	25
107-*мм* пушки (скорострельные и обр. 1877 г.), 127-*мм* английские и 120-*мм* пушки	150	50	125	50	15	7
122-*мм* и 114-*мм* гаубицы	175	25	125	25	25	5
152-*мм* гаубицы и 152-*мм* пушки в 120, 190, 200 пуд. и пушки 155-*мм*	150	—	125	25	12	2
152-*мм* осадные пушки Шнейдера	100	—	100	—	—	—
203-*мм* и 234-*мм* гаубицы[3]	75	—	20	—	5	—
Орудия более крупных калибров	75	—	5	—	2	—

степени могли служить исходными данными для определения числа и рода орудий, необходимых для прорыва:

а) Каждая 152-*мм* гаубица или 152-*мм* пушка в 120, 190 и 200 пуд. может разрушить около 20 *м* фронта атакуемого участка, действуя в составе четырёхорудийной батареи фронтальным огнём с расстояния около 3 *км* в течение 8—10 час.

Гаубица 122-*мм*, стреляя несколько быстрее, может с того же расстояния и за то же время разрушить участок укреплений приблизительно в 16—20 *м* по фронту, но более слабого сопротивления.

При фланговом огне на каждое орудие можно назначать до 40 *м* укреплённого фронта противника, причём задача может быть выполнена примерно вдвое скорее.

---

[1] Это среднее число; на орудия, разрушающие проволоку, давали снаряды, судя по задаче (обычно около 500 снарядов).

[2] Боевые комплекты должны были пополняться к утру следующего дня независимо от этих чисел.

[3] Французские данные.

Таблица 3

ПРИМЕРНЫЙ РАСХОД СНАРЯДОВ ДЛЯ РАЗРУШЕНИЯ ИСКУССТВЕННЫХ ЗАГРАЖДЕНИЙ В РАСЧЕТЕ НА 2 пог. м. (ПРИ ФРОНТАЛЬНОМ ОГНЕ)

Описание заграждений	76-*мм* полевая пушка. Граната без замедлителя. Дальность 2 *км*	122-*мм* и 114-*мм* гаубицы. Граната стальная. Дальность около 3 *км*	47-*мм* миномёт Лихонина. Дальность 400 шагов	58-*мм* миномёт типа Ф. Р. Дальность 400 шагов
1. Полосы проволочных заграждений на деревянных кольях толщиной около 70—80 *мм*. Общая глубина заграждения около 20 *м*[1]	50[2]	30—40	ок. 20	ок. 20
2 Рогатки в 4 ряда; общая ширина около 6 *м*	25[3]	15	10	10
3. Засека шириной около 7 *м*, опутанная проволокой[4] . .	25	15	10	10

б) Для орудий более крупных калибров величина участка разрушения исчисляется по дальности и по заданному времени.

в) Для обстрела скопов и ходов сообщения на участке главного удара́ на каждое лёгкое орудие (или горное) назначают 20—30 *м*, а на участках, смежных с участком главного удара, по 30—60 *м* неприятельского фронта. При фланговом огне на каждое орудие можно назначать участок по фронту противника приблизительно вдвое больше

г) Для второстепенных участков, не прилегающих к участку главного удара, можно назначать при фронтальном огне на каждое лёгкое (горное) орудие до 60 *м* неприятельского фронта. Такой участок при этом обстреливался достаточно надежно.

---

[1] Приведённые данные применимы для расчёта в случае образования проходов в 6 *м* и более. Проходов шириной менее 4 *м*, благодаря рассеиванию, сделать нельзя, причем расход снарядов такой же, как и для прохода в 6 *м*.

[2] При многополосных и очень прочных заграждениях до 100 гранат, при общей глубине полос проволоки и отделяющих их промежутков до 30 *м*. Широко расставленные (на 20 *м* и более) полосы, каждая отдельно, требуют расхода около 50 гранат на 2 *пог. м* фронта. При гранатах с замедлением прохода шириной менее 12—15 *м* получить нельзя. Расход этих гранат: проход 12—15 *м* требует около 500 гранат, шириной около 20 *м*—всего 600 гранат, а в 40 *м*—около 1 000 гранат (дальность 2—4 *км*). Граната без замедления очень чувствительна к дальности: если при прицеле 50 требуется 50 гранат, то прицел 75 требует 100 гранат, а прицел 85—уже 150 гранат на каждые 2 *пог. м*.

[3] Граната с замедлением почти не разрушает

[4] Опушки лесов, опутанные проволокой, разрушаются крайне трудно, так как сбитые деревья, перепутываясь с проволокой, ещё более затрудняют проход войск. Приходится после образования проходов 76-*мм* гранатами (п. 1) расчищать проходы гаубичными гранатами.

Таблица 4

ПРИМЕРНЫЙ РАСХОД ГРАНАТ ДЛЯ РАЗРУШЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ЦЕЛЕЙ ОРУДИЯМИ КАЛИБРОМ ДО 152-*мм* ПРИ ХОРОШЕМ НАБЛЮДЕНИИ

Название целей	152-*мм* гаубица (пушка в 120 пуд.) Дальность около 3 *км*	122-*мм* гаубица. Дальность около 3 *км*	76-*мм* лёгкая и горная пушка. Дальность около 2 *км*
1. Окоп полного профиля или ход сообщения. На каждые назначенные к разрушению 2 *пог. м* [1]:			
а) фронтальный огонь	15—20	30—40	ок. 30
б) фланговый огонь	ок. 7	10—15	ок. 10
2. Блиндаж, пулеметное гнездо, узел ходов сообщения или окопов протяжением 6 *м* и менее, в направлении, перпендикулярном к стрельбе [2] или каждое орудие уничтожаемой батареи	60—80	ок. 100	50—75[3]
3. Окоп с целью более сильного повреждения выгодно разрушать участками (по п. 2), причём эти участки могут быть один от другого приблизительно в 30 *м* при фронтальном огне и до 60 *м* при фланговом огне. Для такого разрушения требуется в среднем на каждые 2 *пог. м.* окопа:			
а) фронтальный огонь	4—5	ок. 8	—
б) фланговый огонь	ок. 3	ок. 5	—

Таблица 5

ПРИМЕРНЫЙ РАСХОД СНАРЯДОВ ДЛЯ РАЗРУШЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ЦЕЛЕЙ ОРУДИЯМИ КРУПНЫХ КАЛИБРОВ (ВЫШЕ 152-*мм*)

Название целей	Калибр	Приблизительное число снарядов
1. Особенно прочные подземные убежища	203—234 *мм* 280—305 *мм*	80—60 50
2. Бетонные убежища или пулемётные и пушечные казематы	280—305 *мм*	100 выстрелов при дальности меньше 9—10 *км* и 150—при дальности свыше 10 *км*
3. Деревня с каменными домами и погребами	152—203 *мм*	По одной гранате на каждые 2 *м*[2]
4. Железнодорожный мост или виадук	234—305 *мм*	200—100
5. Железнодорожная линия на насыпи	152—203 *мм*	500—300
6. Железнодорожные стрелки и вокзальные сооружения	107 *мм*, 152—234 *мм*	200—100

[1] При условии ширины участка более 8 *м* при фронтальном или 40 *м* при фланговом огне. Участки меньшего протяжения — см. п. 2.

[2] Расход снарядов для целей (участков) большой ширины—см. п. 1, причём приобретает большое значение фланговый огонь.

[3] Для разбития пулемётной щели или орудия неказематированной батареи.

В табл. 6 показана густота расположения (плотность) англо-французской и германской артиллерии в некоторых более крупных операциях позиционного периода войны, дошедшая в среднем до 100 орудий на 1 *км* фронта, т. е. до нормы, какая была установлена инструкцией германской армии к 1918 г. Такое небывалое обилие артиллерийских средств возможно было лишь при чрезвычайном развитии мощной военной промышленности и достаточном

Таблица 6[1]

ПЛОТНОСТЬ АРТИЛЛЕРИИ ФРАНЦУЗОВ, АНГЛИЧАН И ГЕРМАНЦЕВ В СРАЖЕНИЯХ 1915—1918 гг.

Операции	Ширина фронта в *км*	Общее число орудий		Число орудий на 1 *км* фронта		
		лёгких	тяжёлых	лёгких	тяжёлых	всего
Французы						
Шампань—осень 1915 г. . .	35	1 100	872	31	25	56 (52)
Артуа—осень 1915 г. . . .	15	500	400	33	27	60
р. Сомма—июль 1916 г. . .	15	444	645	30	43	73 (76)
р. Эн—апрель 1917 г. . . .	40	2 000	1 947	50	49	99 (100)
Фландрия—июль 1917 г. .	4	240	373	60	93	153
Верден—август 1917 г. . .	17	948	1 384	56	81	137
Мальмезон—октябрь 1917 г.	10	624	984	62	98	160
Шато-Тьери, Суасон; июль—август 1918 г.	18	864	709	48	39	87
Шампань—сентябрь 1918 г.	25	1 332	1 226	53	49	102 (104)
Амьен—осень 1918 г. . . .	35	780	836	22	24	46
Уаза—Эн, осень 1918 г. . .	15	828	742	55	49	104
Англичане						
Мессин-Витшете, июнь 1917 г.	16	1 600	800	100	50	150
Германцы						
Рига—август 1917 г. . . .	—	—	—	—	—	140
Пикардия—март 1918 г. . .	—	—	—	—	—	84
Р. Эн—май 1918 г.	—	—	—	—	—	128
Шампань—июнь 1918 г. . .	—	—	—	—	—	100

[1] Таблица составлена по данным, заимствованным из трудов проф. Цитовича „Тяжёлая артиллерия сухопутных войск", Эрра „Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем" и Кюльмана „Тактика артиллерии. Артиллерия в 1914—1918 гг.". Из числа указанных в этой таблице 16 сражений данные о плотности насыщения артиллерией в четырех сражениях приведены и в табл. 19 т. I этого труда. Данные эти, несколько различающиеся в итогах с данными этой таблицы, показаны здесь в скобках. Несогласованность данных объясняется различием источников, по которым составлены таблицы.

наличии технических сил. То и другое в царской России стояло на весьма низком уровне развития.

Впрочем, вопрос заключается не в том, чтобы определить количество орудий на 1 *км* поражаемого фронта, необходимое для решения задач, какие могут встретиться в позиционный период операции прорыва для артиллерии, а в том, чтобы путём искусного сосредоточения огня с разных направлений, в особенности с флангов, в данный возможно короткий отрезок времени поразить или разрушить цель с затратой минимального необходимого для решения задачи числа снарядов соответственного калибра и мощности.

При расчете артиллерийских сил и средств, требующихся для выполнения той или иной боевой операции, следует, разумеется, исходить из уставных норм, определяемых на основании опытных данных. Однако нормы эти, являясь безусловно полезными отправными данными для производства расчётов, не должны приниматься слепо к руководству во всех случаях. Как показал опыт войны, боевой успех в каждом частном случае определяется условиями обстановки, соотношением материальных и моральных сил, взаимодействием артиллерийских и всех прочих средств борьбы, а также искусством противников.

1-я Кавказская стрелковая бригада в составе семи батальонов (4 520 штыков), 17 пулемётов и лишь 10 полевых 76-*мм* пушек прорвала 15 мая 1915 г. на фронте в 3 *км* германскую позицию за р. Дубиссой у Савдыники, укреплявшуюся немцами в течение 15 дней, имевшую проволочные заграждения в 2—3 кола.

В данном случае русские добились успеха, имея лишь по 3—4 орудия на 1 *км* атакуемого фронта, тогда как рекомендовалось иметь не менее 20 орудий на 1 *км*, а по германскому наставлению — даже до 100 орудий.

В период операции русской 10-й армии 19—23 июля 1917 г. главнокомандующий Западным русским фронтом Эверт считал необходимым иметь для прорыва укреплённой позиции немцев на 1 *км* их фронта до 73 орудий (в том числе 48 лёгких пушек, остальные гаубицы и тяжёлые орудия), а в действительности имелось лишь около 50% этой нормы орудий, т. е. приблизительно по 35—40 орудий на 1 *км*, или не более 40% германской нормы. Между тем русская артиллерия 10-й армии поставленную ей задачу выполнила вполне успешно, обеспечив своей пехоте прорыв германского фронта на участках, избранных для нанесения главного удара (см. ниже, часть седьмую).

С другой стороны, бывало немало неудачных атак, особенно на французском фронте войны, и в тех случаях, когда число орудий на 1 *км* фронта превосходило норму, указываемую наставлениями.

Как бы то ни было, но нельзя отказываться от атаки при наличии прочих благоприятных для неё условий обстановки только потому, что имеющегося числа орудий или количества снарядов недохватает до установленных норм.

Несмотря на то, что во вступлении к ч. II «Наставления для борьбы за укреплённые полосы» имелось указание о необходимости применения установленных норм сообразно с обстановкой, всё же нередко нормы применялись как обязательные во всех случаях. При этом боевые неудачи объяснялись иногда недостатком наличия орудий и снарядов до установленных норм.

В августе 1917 г. полевому инспектору артиллерии пришлось объявить по приказанию верховного главнокомандующего следующее распоряжение, дополняющее ч. II «Наставления»:

«Необходимо обратить внимание инспекторов артиллерии армий и корпусов на важность наблюсти за тем, чтобы нормы расчетов артиллерийских средств для подготовки прорыва пехотных позиций противника, указанные в «Наставлении», выполнялись лишь тогда, когда это действительно вызывается прочностью и большим развитием неприятельских укреплений. На тех участках, где против нас имеются позиции, возведённые противником недавно и наспех, должно сохранить больше средств для борьбы с неприятельской артиллерией за счёт орудий, обычно даваемых в группы разрушения. Одновременно надлежит обратить внимание на то, что проделывание достаточного количества проходов в искусственных препятствиях и прикрывающий нашу пехоту артиллерийский огонь сохраняют всегда своё полное значение».

Управление боем при атаке укреплённой полосы заключается, прежде всего, в выборе времени для начала пехотной атаки, которое не может быть определено задолго вперёд вследствие зависимости от успеха артиллерийской подготовки. В дальнейшем успех управления основывается главным образом на том, чтобы войсковые резервы обеспечили своевременную поддержку первой линии войск и расширение прорыва пробитой укреплённой линии, позволили успешно противодействовать контратакам, производить смену утомлённых частей и возобновлять атаки.

Для объединения действий артиллерии при прорыве укреплённой полосы противника в каждом ударном корпусе назначался особый «начальник артиллерии ударного корпуса»; в большинстве случаев таким начальником являлся старший артиллерийский начальник в данном корпусе, иногда же «начальник артиллерии ударного корпуса» избирался командиром корпуса из известных ему артиллеристов корпуса, обладающих энергией, знаниями и опытом в управлении артиллерийскими массами в бою, а также стремлением давать указания и проверять работу лично в поле.

Подполковник Кирей начинает свои «Выводы из применения артиллерийских масс» с работы штабов фронта и армий, при этом правильно подчёркивая, что при организации прорыва укреплённой полосы работа начальника артиллерии неотделима от работы старшего общевойскового начальника, что план операции должен строиться на действительно имеющихся артиллерийских средствах (орудия и боеприпасы), а не *«исходя из теоретических или французских норм»*, что в личности начальника ударной группы *«глав-*

ный залог успеха». Но нельзя согласиться с мнением Кирея, выраженном в его «Выводах», что начальник ударной группы войск выбирает себе начальника артиллерии», как обязательное правило. Ударная группа должна представлять сплоченную организованную войсковую единицу. Старший начальник частей артиллерии, включённых в состав ударной группы, должен назначаться, как общее правило, начальником артиллерии ударной группы. Иначе может быть нарушена организация. Личный пример Кирея, который был назначен (а не выбран) начальником артиллерии ударной группы 9-й армии в период боёв 4 июня — 12 августа 1916 г. на Юго-Западном фронте, является весьма удачным исключением, но не общим правилом.

Подобное исключение может быть в том случае, например, когда командование сочтёт необходимым назначить в качестве начальника многочисленной артиллерии ударной группы наиболее авторитетного и опытного артиллериста из числа выдающихся, например, начальника артиллерии армии или фронта. Некоторое нарушение организации окупится в таких случаях пользой, которую может принести начальник, обладающий большим опытом, знаниями и способностью управлять весьма сложным делом боевого использования крупных масс артиллерии.

Согласно «Наставлению для борьбы за укреплённые полосы» при начальнике артиллерии каждого ударного корпуса заблаговременно формировался штаб следующего состава:

а) 1 или 2 помощника начальника артиллерии из штаб-офицеров (полковников или подполковников) артиллерии, адъютант из младших офицеров и 1 офицер Генерального штаба для поручений и для облегчения связи со штабом корпуса;

б) участковый комендант с 3—4 помощниками офицерами, взводом конницы и взводом пехоты;

в) 1 младший офицер для службы наблюдения, 1 офицер-топограф с чертежником, 1 младший офицер с 10—15 опытными сапёрами;

г) телеграфная рота или кабельное отделение;

д) 1—2 авиационных отряда с истребителями для охраны, со средствами для радиокорректирования и фотографирования (однако вся работа аэрофотографирования должна была выполняться, независимо от указанных средств, штабом корпуса или армии);

е) 2—3 змейковых аэростата;

ж) звуковые наблюдательные станции;

з) при каждом офицере по 2 конных ординарца;

и) 2—3 писаря.

Рабочие назначались от войсковых частей распоряжением штаба корпуса.

Из имущества полагалось при штабе иметь: автомобиль, парную повозку для вещей, большую стереотрубу, пишущую машинку, шапирограф, запас канцелярских принадлежностей, обильный запас фотопланов и карт и, главное, карт участка главного

удара в масштабе 100—250 саж. в дюйме (8 400—21 000); карт крупного масштаба требовалось около 200 экземпляров.

Артиллерийские группы подчиняются тому из общевойсковых начальников, непосредственно руководящих атакой, в участке которого они решают свои задачи. Подчинённость артиллерии распределяется примерно так:

а) при введении в боевую линию одной дивизии её лёгкую артиллерию, всю или частью, а также приданную ей горную и штурмовую артиллерию можно передать в участки полков для непосредственной поддержки и выполнения задач в районе полковых участков; артиллерия, действующая по особенности своего расположения только в узких пределах участка какого-либо полка, может поступить также в распоряжение этого полка; вся прочая артиллерия соединялась в одну или более групп, подчинённых непосредственно или через объединяющего группы старшего артиллерийского начальника начальнику дивизии;

б) при введении в первую боевую линию всех дивизий корпуса (в старой русской армии корпус состоял обычно из двух пехотных дивизий) артиллерия распределялась по участкам полков, как указано в п. «а»; группы артиллерии, которые не могли оказывать взаимной поддержки, подчинялись непосредственно соответственным начальникам дивизий; прочие группы, имеющие возможность поддерживать друг друга, объединялись инспектором артиллерии корпуса как корпусная артиллерия, подчинявшаяся непосредственно командиру корпуса;

в) если в первую боевую линию введены два или более корпусов, то группы смежной корпусной артиллерии, которые могут оказывать взаимную огневую поддержку, объединялись с целью установления связи и взаимной огневой поддержки на стыках корпусов; причём при таком объединении имели в виду главным образом управление «силами», но не огнём; объединяющий старший артиллерийский начальник подчинялся непосредственно тому старшему общевойсковому начальнику, который управлял боем указанных корпусов.

Данные для стрельбы получают первоначально с карты и поверяют пристрелкой. Время для пристрелки распределяется старшим артиллерийским начальником между дивизионами, а командирами дивизионов между батареями, чтобы они друг другу не мешали. Число целей каждой батареи не должно быть велико; поэтому пристрелку можно выполнить непосредственно перед подготовкой атаки, но часть пристрелочных данных может быть получена и заблаговременно. Пристрелочные данные сводятся в таблицы. Заблаговременно пристрелянные данные, ввиду изменений в атмосфере, следует проверить перед стрельбой на поражение; поэтому при заблаговременной пристрелке нет необходимости добиваться получения окончательных точных данных.

Пристрелка должна быть выполнена тщательно, так как при стрельбе на поражение пыль и дым будут мешать наблюдениям и помешают проверить пристрелку.

Напряжённая заблаговременная пристрелка всей массы артиллерии, как явно подчёркивающая пункт предполагаемого удара, недопустима.

«Общими указаниями для борьбы за укреплённые полосы» (ч. II, артиллерийская, § 53) подчёркивалось, что «*детальное управление огнём групп и большого количества артиллерии невозможно*». Поэтому необходимо: задачи батареям, дивизионам и группам ставить простые и немногочисленные; границы участков обстрела или разрушения указывать точно на местности; вопросы по распределению и переносу огня заранее выяснить и задания передать батареям; всё, даже мелочи, по возможности предусмотреть во избежание необходимости ставить новые задачи во время подготовки атаки, когда огня так много, что разбираться в разрывах снарядов трудно и выполнить новую пристрелку иногда невозможно; принять меры к тому, чтобы батареи возможно менее мешали друг другу при стрельбе на поражение, и с этой целью назначать им предпочтительно хотя бы узкие, но самостоятельные участки, избегая накладывания огня нескольких батарей на один район (исключение составляет комбинированный и перекрёстный огонь, когда накладывание огневых вееров необходимо).

План действий артиллерии должен охватывать с возможной полнотой все подробности предстоящей её боевой работы в периоды: установки батарей и получения исходных данных для стрельбы; подготовки атаки и самой атаки; по окончании атаки, в предположении того или иного её исхода.

Подробный, распределённый по периодам план должен быть составлен для действий всей артиллерии, для артиллерии дивизий, для каждой группы, дивизиона и батареи, входящей в состав группы или нескольких объединённых групп.

При составлении плана действий артиллерии предлагалось иметь в виду следующее:

Вторая, а иногда и третья линии окопов укреплённой полосы по большей части расположены настолько близко к первой линии, что последовательное разрушение этих линий и их проволочных заграждений, по занятии нашей пехотой первой линии, может оказаться невозможным. Поэтому все эти линии следует разрушить в период подготовки атаки на первую линию. При этом, в случае разрушения заграждений и указанных линий, вся оборонительная полоса может быть взята одним ударом. При разрушении второй и третьей линий в том случае, если они не видны, следует руководствоваться данными фотографии с воздуха и привлечь для корректирования пристрелки самолёты и змейковые аэростаты. При обстреле и разрушении второй и третьей линий одновременно с первой противник не сможет переводить в эти линии войска из первой линии во время её обстрела.

Неприятельские окопы и заграждения, назначенные к разрушению, должны быть распределены и пристреляны до начала подготовки атаки. Проходы в заграждениях второй и последующих линий атакованной полосы намечаются против прорывов первой ли-

ний окопов. Фланкирующие участки окопов и фланкирующие постройки распределяются для разрушения между батареями и пристреливаются также до начала подготовки атаки. В равной мере все ходы сообщения, овраги, долины должны быть заблаговременно распределены между батареями и пристреляны до начала атаки, чтобы своевременно преградить путь противнику, перебегающему к атакованному участку вдоль окопов и подходящему с тыла по ходам сообщения и по укрытым подступам.

Перенос огня с атакуемого участка должен быть заблаговременно разработан детально: определить точно, какая батарея и куда переносит огонь, когда и какая батарея должна прекратить огонь, во избежание возможности поражения своих атакующих частей. Неопределённое указание, что огонь, вообще, «переносится в тыл» — недопустимо.

Выработанные планы действий артиллерии и результаты совещаний, происходивших при выработке планов, необходимо своевременно сообщать начальникам дивизий и командирам полков, назначенным для непосредственного участия в атаке. С другой стороны, старший артиллерийский начальник и командиры артиллерийских групп должны участвовать в обсуждении предстоящих действий корпусов и дивизий, которым артиллерия будет содействовать при атаке.

Готовясь к совершению прорыва, следует принять меры для обеспечения артиллерии в случае нежданного перехода противника к атаке и возможной при этом потери выдвинутых вперёд батарей. С этой целью требовалось: оборудовать в непосредственной близости от батарей НП для стрельбы по наступающему противнику, имея при этом в виду, что в данном случае стрельба вслепую по пристрелянным заранее данным недопустима, а рассчитывать на передовые НП нельзя, так как связь неизбежно будет порвана; назначить в распоряжение командиров дивизионов прикрытие, необходимое для обороны и вывоза орудий; выработать план заградительного огня для нескольких предполагаемых положений противника; обеспечить связь с тылом; изучить тыловой район и тыловые позиции, распределив их заблаговременно между батареями и установив порядок их переезда на тыловые позиции; выдвинуть вперёд разведчиков для своевременного обнаружения наступления противника и предупреждения о его приближении; совместно с общевойсковым командованием разработать план действий прикрытия, назначенного к артиллерии, в случае контрудара неприятеля.

Необходим фактический контроль на местности исполнения работ: старшие артиллерийские начальники обязаны указывать на месте ошибки и как эти ошибки исправить.

Разработанный план действий артиллерии надлежит проводить в жизнь неуклонно, педантично, особенно имея в виду, что молодой состав войск нуждается в такой артиллерийской подготовке, чтобы войсковые части могли продвигаться до намеченных рубежей почти беспрепятственно. *Ограничивать артиллерийскую подго-*

товку часами нецелесообразно; нужно определять длительность ее действительно достигнутым успехом, засвидетельствованным донесениями передовых войсковых частей и специальных опытных наблюдателей. Успех атаки при прорыве укреплённой полосы зависит от успеха артиллерийской подготовки, а потому выбор минуты для начала решительного броска и натиска пехоты не может быть определён задолго вперёд.

«Нельзя заблаговременно точно назначать по часам продолжительность подготовки атаки или точное время начала атаки и требовать, чтобы к этому времени подготовка была закончена», — говорилось в «Общих указаниях для борьбы за укреплённые полосы» изд. 1916 г.

Русская артиллерия обязывалась всемерно стремиться выполнить поставленную ей задачу возможно скорее, но связывать артиллерию точным, часто чрезмерно коротким сроком не рекомендовалось.

Артиллерийская подготовка считалась законченной лишь тогда, когда все намеченные разрушения выполнены. Причём если в одних местах результат подготовки достигнут, а в других нет, то, продолжая подготовку в этих местах, не разрешалось чувствительно ослаблять огонь на тех участках, где подготовка шла более успешно. Результаты, достигнутые подготовкой, проверялись разведкой. Артиллерийские начальники должны были осведомлять своего непосредственного артиллерийского начальника или общевойскового начальника о ходе подготовки и достигнутых результатах.

Старший общевойсковой начальник, которому предоставлено было право двинуть войска его участка в атаку, решал на основании получаемых донесений, можно ли считать подготовку законченной. Время начала атаки назначалось и атака должна была начинаться лишь после того, как убедились в разрушении искусственных препятствий и узлов сопротивления. Час атаки требовалось назначать с таким расчётом, чтобы распоряжение об атаке успело дойти по назначению, причём в необходимое на это время (не менее получаса) огонь артиллерии должен был продолжаться неизменно, хотя бы подготовка и считалась законченной. Атаке обычно должен предшествовать огонь всех орудий. С началом штурма артиллерия должна прикрывать своим огнём пехоту от контратак, стремясь в то же время подавить или уничтожить неприятельские пулемёты и батареи. В дальнейшем артиллерия, работая в теснейшей связи с пехотой, должна обеспечить постепенное распространение атаки в глубь неприятельской укреплённой полосы.

Артиллерийская подготовка атаки. В отношении артиллерийской подготовки атаки «Общими указаниями для борьбы за укреплённые полосы» изд. 1916 г. предусматривались следующие основные положения.

Действительность стрельбы артиллерии достигается не путём безудержного расхода снарядов, а путём методического ведения

огня, целесообразного его сосредоточения на заданном фронте, тщательного наблюдения при каждом выстреле не только недолётов и перелётов, но и производимого разрушения.

Термин «ураганный огонь» следует совсем вывести из обихода; впечатление урагана должно получаться только у противника, по которому бьёт достаточное число батарей. В отдельных случаях, при появлении скоропроходящих целей, допустим определённый уставом «беглый огонь» только отдельных батарей, но не целой массы артиллерии. Для воздействия на противника нужен не «ураганный огонь», а планомерное, тщательно подготовленное совместное огневое действие массы артиллерии, при котором достигается: разрушение преград, поражение живых целей и упадок моральных сил неприятеля вследствие непрерывного, назойливого треска разрывов, покрывающих весь участок атаки.

«Не следует стрелять потому только, что стреляет противник: каждый выстрел должен преследовать определённую цель, вытекающую из общей задачи». Стрельба без ясно поставленной цели, по расписанию по часам или через определённые промежутки времени, — «преступная трата снарядов».

О силе артиллерийского огня нельзя судить по звуку выстрелов, а необходимо считаться с результатами огня.

Ни подготовка, ни поддержка атаки огнём не может быть допущена ночью; исключение может составить стрельба для демонстрации, не обещающая действительного поражения, или в следующих целях: мешать работам по восстановлению разрушенного днём; беспокоить противника в особенно важных участках его позиции, где выяснено, например, большое скопление людей; обстреливать населённые пункты и держать неприятеля под постоянным страхом поражения; отбитие ночной контратаки по заблаговременно пристрелянным данным; уничтожение прожекторов противника.

Сосредоточение артиллерийского огня следует понимать как одновременную работу многих батарей, объединённых общим управлением и действующих согласованно для достижения общей цели на заданном фронте, а не как узкое представление об одновременной стрельбе нескольких батарей по одной небольшой по фронту цели.

Требуется полное напряжение всех артиллерийских средств, но урегулированное и согласованное с задачами.

Указания «Наставления» об артиллерийской подготовке атаки укреплённой полосы сводились в общем к следующему (§ 127—227, ч. II «Наставления»):

а) противобатарейная артиллерия ведёт борьбу с артиллерией противника и обстрел его расположения в тылу;

б) тяжёлая и гаубичная артиллерия ударных корпусов ведёт разрушение главных элементов обороны;

в) миномёты разрушают заграждения и окопы;

г) лёгкая 76-*мм* пушечная, а где это требуется — и лёгкая

122-*мм* гаубичная артиллерия делают проходы в искусственных заграждениях;

д) лёгкая артиллерия обстреливает периодически, а часа за два до начала атаки — непрерывно, промежутки между участками разрушения в районе главного удара, чтобы там не оставалось ни одного безопасного места и прекратилось перемещение противника;

е) лёгкая 76-*мм* пушечная артиллерия, усиленная по возможности 122-*мм* гаубицами и миномётами, ведёт обстрел (и частичное разрушение) участков, смежных с участками главного удара, чтобы атакующие части не были взяты под фланговый огонь; смежные участки берут под обстрел на протяжении не менее 1 *км* с каждой стороны участка главного удара;

ж) на второстепенных участках прорыва, в различных местах, артиллерия и миномёты ведут подготовку согласно указанному выше;

з) артиллерия ведёт огонь химическими снарядами по резервам, батареям, окопам и убежищам;

и) артиллерия должна выполнить поставленную ей задачу возможно скорее, но связывать артиллерию точным, часто чрезмерно коротким сроком подготовки нельзя (в летние дни 8—10 час. возможно).

Борьба с артиллерией обороняющегося противника имеет громадное значение, так как она оказывает ему необходимую, решающую помощь.

Без ослабления неприятельской артиллерии захват передовых окопов противника не может быть прочным, так как именно по этим окопам, заранее пристрелянным, противник откроет ожесточённый артиллерийский огонь, когда они будут захвачены.

Успех борьбы с неприятельской артиллерией обеспечивается тщательной и длительной разведкой батарей и наблюдательных пунктов противника, производимой ещё *до начала операции и в период её подготовки*. Выяснить расположение неприятельской артиллерии во время подготовки атаки и самой атаки редко удаётся. Борьба с артиллерией должна быть предусмотрена планом действий артиллерии. Начинать эту борьбу следует во время самой операции, чтобы заранее не спугивать неприятельскую артиллерию с её наблюдательных пунктов и огневых позиций. Особенно существенный вред приносит огонь по артиллерии противника, когда наша атакующая пехота двигается на штурм или занимает его окопы.

Обстрел батарей противника и приведение их к молчанию возможно вести с должным успехом лишь при использовании всех средств воздушного флота для целей наблюдения и корректирования стрельбы. В этих целях самолёты, змейковые аэростаты и прочие воздушные аппараты должны быть переданы в непосредственное подчинение артиллерийских начальников задолго до начала операции, чтобы заблаговременно наладить совместную работу.

Стрельба артиллерии может быть действительна лишь при надлежащей организации наблюдения вперёд и тесной связи со своей пехотой. Связь обеспечивается расположением начальников артиллерии и начальников пехотных участков вместе или поблизости друг от друга, надёжно связанных особым телефоном, а также расположением передовых артиллерийских наблюдателей в передовых цепях пехоты. «*Артиллерия с плохо налаженным наблюдением бесполезна пехоте и даже вредит ей...*»

Артиллерия на закрытых огневых позициях как неприятельская, так и наша в большинстве случаев мало уязвима. При современной живучести укрыто расположенных батарей надо стремиться хотя бы только парализовать или значительно ослабить огонь неприятельской артиллерии, если нельзя совершенно его погасить; необходимо принимать меры к тому, чтобы сделать его менее действительным — стремительностью движения при атаке, наступлением под покровом темноты, предварительной инженерной подготовкой и т. п. Атакующая пехота, дойдя до приведённых к молчанию батарей противника, заставит их оставить позицию или уничтожит.

Артиллерия атаки должна с особой силой поражать неприятельские батареи, фланкирующие наши войска и подходящие резервы. Необходимо иметь в виду, что противник привлечёт к обороне батареи, установленные в тылу атакуемого участка и расположенные на 3—4 *км* вне его флангов; эти батареи будут обстреливать во фланг подступы к атакованному участку, а затем и самый участок, по его занятии нашими войсками.

Борьбу с артиллерией возлагали преимущественно на пушечные батареи: на 76-*мм* лёгкие, на 107-*мм* полевые тяжёлые (скорострельные обр. 1910 г. и старые обр. 1877 г.), на тяжёлые 120-*мм* Виккерса, 152-*мм* скорострельные Шнейдера и Канэ. Причём неприятельские батареи, разгромленные или парализованные в действиях, передавались для наблюдения и обстрела лёгким батареям, а орудия более крупного калибра и большей силы освобождались для других задач.

Существенную пользу в борьбе с артиллерией могут оказать химические снаряды с отравляющими или удушливыми газами, но при условии, что расположение батарей противника известно достаточно точно. Обстреливая батареи то обыкновенными, то химическими снарядами, весьма затрудняют их работу.

Необходимо вести борьбу и с траншейной артиллерией противника, которая может оказать сильное противодействие нашей атаке.

Траншейная артиллерия устанавливалась обычно вблизи окопов или в самых окопах и в исходящих углах для фланговой обороны искусственных заграждений смежных с ними участков. Она обнаруживает себя во время нашей усиленной разведки и атаки; тогда её расположение может быть выяснено разведкой или по фотографии с самолёта.

Борьба с траншейной артиллерией имеет весьма важное значение и должна вестись планомерно при подготовке атаки. К этой борьбе следует привлекать нашу траншейную артиллерию и миномёты.

Во время атаки каждый артиллерийский начальник обязан был перенести огонь хотя бы части орудий на обнаруженную траншейную артиллерию, действующую по атакующим войскам, чтобы её уничтожить. Каждый пехотный начальник, обнаруживший траншейную артиллерию, должен был указать её ближайшей своей батарее.

Неприятельские батареи уничтожались только при условии точной по ним пристрелки. Стрельба при помощи карты с нанесёнными на неё батареями противника и тем более по звуку выстрелов или по сбивчивым описаниям расположения батарей обычно не приводила к положительным результатам. По батареям, обнаружившим себя блеском выстрелов, дымом или пылью, бывала особенно успешна стрельба с двумя боковыми наблюдателями.

Количество и род батарей, обращенных на борьбу с артиллерией противника, должно отвечать числу и силам обнаруженных его батарей. Нельзя заранее предназначать батареи для борьбы с неприятельской артиллерией, если место её расположения и силы неизвестны.

Борьба с пулемётами противника — их уничтожение или приведение к молчанию — составляет одну из важнейших обязанностей артиллерии, так как они являются источником гибели атакующей пехоты.

Места расположения пулемётов выясняют предварительной разведкой, фотографированием с самолёта, опросом пленных и методическим изучением неприятельской позиции при долговременной позиционной стоянке.

Места пулемётов узнавались по виду бойниц, которые шире ружейных. Пулемёты располагались по большей части: во входящих углах линии окопов; на вторых и задних линиях окопов, если они превышали передние линии и с них возможно было вести ярусный огонь; в ходах сообщения, ведущих от окопов к выдвинутым вперёд сторожевым частям, причём такое фланкирующее расположение пулемётов весьма мало заметно; в ямках впереди окопов, которые обнаруживаются по характерному признаку выброшенной назад земли; иногда в небольших отдельных постройках, нередко резко выделяющихся.

Уничтожение пулемётов возлагалось преимущественно на лёгкую артиллерию, а также на траншейные орудия и миномёты. Если же пулемёты укрыты в прочные постройки (блокгаузы), то эти постройки должны быть разбиты тяжёлой артиллерией; без этого наступление может оказаться невыполнимым. Обстрел блокгаузов химическими снарядами с удушающими газами также приводил к молчанию пулемёты. При разрушении окопов артиллерийским огнём уничтожались попутно и пулемёты.

Каждый пехотный начальник, обнаруживший во время атаки неприятельский пулемёт, должен был указать его ближайшей батарее. Каждый артиллерийский начальник обязан был перенести огонь хотя бы одного орудия и точной стрельбой уничтожить замеченный или указанный ему пулемёт.

Для производства наблюдения и указания мест пулемётов необходимо содействие пехоты. Уничтожение пулемётов вообще крайне трудно, так как требует точной стрельбы, если пулемёт ясно виден; если же пулемёт не виден, то необходим большой расход боеприпасов на разрушение всего того участка, где пулемёт предполагается.

Уничтожение пулемётов, неожиданно появляющихся для противодействия продвижению вперёд наступающей пехоте, не видимых с прежних наблюдательных пунктов, возлагается на батареи, сопровождающие пехоту или находящиеся в распоряжении пехотных начальников. Артиллерийские офицеры и орудийные расчёты таких батарей должны обладать неудержимым порывом, находчивостью и отвагой, как самые бесстрашные пехотинцы.

Борьба с отдельными орудиями, миномётами, бомбомётами и ружейными батареями противника, противодействующими штурму, осуществляется так же, как борьба с пулемётами.

Разрушение оборонительных сооружений укреплённой полосы. Производительность различных орудий и примерный расход снарядов для разрушения искусственных заграждений и различных других целей указаны выше, в таблицах 1—5. Нормы, указанные в этих таблицах, относятся к оборонительным сооружениям определённого устройства и сопротивления; в каждом отдельном случае, в зависимости от дистанции, свойства разрушаемых сооружений и грунта, отступления от указанных норм неизбежны. Для разрушения окопов, которые можно фланкировать в полной мере, количество орудий и снарядов при подсчёте необходимых артиллерийских средств уменьшают в 2—3 раза против указанного в таблицах. Привлечением миномётов к разрушению окопов достигается сбережение дорогих снарядов к артиллерийским орудиям.

Для разрушения прочных построек назначаются орудия крупных калибров. Искусственные заграждения разрушаются 76-*мм* полевыми (горными) пушками и миномётами большой силы. Орудия крупных калибров применяются для уничтожения заграждений лишь в особых случаях, например, в том случае, если заграждения прикрыты скатом и неуязвимы при отлогой траектории лёгких пушек.

Орудия, занятые разрушением, не могут решать других задач; при подготовке атаки у них не может быть многочисленных переносов огня.

В период разрушения окопов и других сооружений гранатами гаубичной и тяжёлой артиллерии стрельба шрапнелью может быть

лишь частным случаем, имеющим целью, например, поражение открытых целей. Лёгкая (горная) артиллерия в этот период уничтожает заданные ей участки искусственных заграждений, ведёт борьбу с неприятельской артиллерией, поражает неприятельских стрелков, обнаруживающих себя при стрельбе по нашим разведчикам или атакующим стрелкам, уничтожает вспышками беглого огня шрапнелью перебегающие из окопов группы противника. В период подготовки атаки стрельба шрапнелью без определённой задачи, лишь с целью создания общей картины напряжённого огня, недопустима.

Фронтальная стрельба шрапнелью по окопам нормальной профили, в особенности при укрытии стрелков козырьками, недействительна. В случаях косого или флангового огня, если неприятельские стрелки не укрыты блиндажами или широкими козырьками, стрельба шрапнелью, особенно навесная, дает хорошие результаты; при наличии козырьков действительна комбинированная стрельба во фланг: часть орудий стреляет гранатой, прочие орудия — шрапнелью.

При движении пехоты в атаку район главного удара обстреливается гаубичной и тяжёлой артиллерией, преимущественно гранатами; тот же район и соседние с ним участки обстреливаются также и лёгкой и горной артиллерией, но преимущественно шрапнелью. В период атаки считалось достаточным назначать на каждое лёгкое (горное) орудие — на участке главного удара не более 20—30 *м*, а на соседних с главным участках — по 30, 40 и до 60 *м* неприятельского фронта.

При разрушении оборонительных сооружений необходимо: а) разрушить искусственные препятствия; б) расстроить сооружения на позиции противника (окопы 1-й и 2-й линий, тыловые закрытия, ходы сообщения, местные предметы в районе позиции); в) насколько возможно привести в негодность фланкирующие сооружения и подготовиться к немедленному открытию по ним огня, когда они станут проявлять себя с началом атаки.

Разрушение оборонительных построек сильно осложняется при наличии у противника широкой укреплённой полосы с многочисленными сооружениями для перекрёстной и фланговой обороны ружейным и пулемётным огнём.

«Общими указаниями» 1916 г. предлагалось, чтобы разрушение артиллерийским огнём велось или одновременно по всей глубине назначенного для захвата атакуемого участка неприятельской укреплённой полосы, или начиная с его самых дальних препятствий — с тем, чтобы для пехоты не было соблазна начинать штурм до окончания артиллерийской подготовки, лишь вследствие видимого успешного разрушения в ближайших проволочных заграждениях. Соблюдение этого правила признавалось особенно важным при молодом составе пехоты.

Весьма важно также, чтобы все оборонительные постройки противника как на переднем крае, так и внутри назначенной для атаки укреплённой полосы были разрушены артиллерией одновре-

менно с уничтожением искусственных препятствий или даже несколько ранее.

Подчёркивалось, что *«артиллерийская подготовка должна быть закончена лишь тогда, когда все преднамеченные разрушения выполнены»*.

Для разрушения заграждений основным условием стрельбы является малая дальность и отчётливое наблюдение с расстояния около 1/2 *км*, причём весь разрушаемый участок и каждая деталь препятствий должны быть ясно видны (в большую стереотрубу). Дальность стрельбы не должна превосходить указанную в табл. 3. Каждое орудие пристреливалось отдельно до 1/2 деления прицела. Желательно, чтобы наблюдатель находился в створе батареи и разрушаемого участка. Скорость стрельбы должна допускать наблюдение по возможности каждого выстрела.

При неизменном направлении огня отдельного 76-*мм* орудия, 75—100 выстрелов тротиловой гранатой с взрывателем без замедления с 2 *км* просекают в проволочном заграждении любого устройства чистый проход шириной 2—4 *м*, причём по бокам прохода получаются повреждённые (но непроходимые) участки шириной около 2 *м*.

При неизменном направлении сосредоточенного веера 76-*мм* полевой батареи (при условии пристрелки каждого орудия отдельно и дальности стрельбы около 2 *км*) и достаточном расходе гранат получают чистый участок разрушения шириной около 4—8 *м*; по сторонам прохода заграждение бывает повреждено, оставаясь, однако, непроходимым, примерно на 4 *м* в каждую сторону. Сплошная взрыхлённая полоса сомкнутых воронок получается на протяжении около 40 *м* в глубину.

При разрушении препятствий требуется непрерывное наблюдение выстрелов при полной готовности наблюдателей жертвовать собой, не полагаясь на то, что препятствие «должно быть разрушено», если по нему будет выпущено определённое расчётом число снарядов.

Пехота должна вести поверочную разведку произведённых разрушений и осведомлять артиллеристов о достигнутых результатах. Артиллерия должна сделать проходы по возможности совершенно чистыми; окончательная расчистка случайно уцелевших препятствий выполнялась пехотной разведкой и атакующими войсками.

При совместной работе артиллерии с минометами последним назначали для разрушения отдельные участки. Минометы открывали огонь после артиллерии; при этом создавалось впечатление стрельбы очень большого числа батарей, а минометы не обращали на себя внимания противника.

В том случае, если атаку нельзя было произвести немедленно после того, как разрушение искусственных заграждений было выполнено, прорывы в заграждениях обстреливались непрерывно днём и ночью не только артиллерийским, но и ружейным и пуле-

мётным огнём, чтобы не допустить противника к исправлению повреждений.

Разрушение искусственных препятствий требует большого расхода снарядов; при благоприятных обстоятельствах оно может быть исполнено пулемётным огнём, ручными гранатами, ножницами и другими средствами, причём в этом случае артиллерия обязана своим огнём прикрыть войсковые команды, разрушающие препятствия.

На успешный исход атаки большей частью нельзя рассчитывать, если искусственные препятствия, фланкирующие постройки и пулемёты не уничтожены.

Борьба с опорными пунктами обороны противника, уничтожение его фланкирующих участков окопов и сооружений имеет особенное значение. «Общими указаниями для борьбы за укреплённые полосы» (ч. I) требовалось «обезопасить продвинувшиеся вперёд атакующие части от флангового огня с опорных пунктов противника» и с этой целью или вести на них самостоятельную атаку с обязательной её подготовкой тяжёлой артиллерией, обратив особое внимание на разрушение фланкирующих построек, или обстреливать шрапнельным огнём (устроить огневую завесу) передний край опорных пунктов, обращённый к нашим продвигающимся войскам (применение химических снарядов считалось более действительным средством, чем шрапнель).

После разрушения назначенных построек артиллерия постепенно увеличивала дальность своего огня и переносила его в других направлениях, чтобы произвести на фронте и флангах участка атаки продольную и поперечные завесы, под прикрытием которых пехота могла бы передвигаться. «Продвигающаяся пехота должна всё время чувствовать, что она с фронта и флангов прикрывается могущественной, подвижной и осведомленной артиллерийской защитой», — говорилось в «Общих указаниях» (ч. 1, «Действие всех родов войск», 1916 г., § 76).

При подготовке атаки артиллерии следует обстреливать в тылу противника те местные предметы, которые заведомо дают укрытие его войскам. Полезно также производить обстрел мест расположения неприятельских штабов и магистральных путей сообщения, назначая для этих целей и отдельные орудия.

Во время артиллерийской подготовки атаки необходимо поражать войска противника, применяя с этой целью приёмы, заставляющие их выходить из убежищ под огонь атакующего, например, двинуть вперёд пехотных разведчиков до окончания подготовки, чтобы противник занял окопы для отражения их огнём; по временам увеличивать дальность огня как бы для образования огневой завесы; иногда открывать частый ружейный огонь, прервав артиллерийский и сопровождая ружейную стрельбу криками «ура»; обстреливать внутренний район неприятельских укреплений химическими снарядами, чтобы заставить противника покинуть убежища и искать спасения на более возвышенных местах, попадая под артиллерийский огонь атакующего.

Поддержка и закрепление атаки артиллерийским огнём требует соблюдения следующих основных условий:

а) необходимо стремиться к тому, чтобы противник был в неизвестности относительно времени начала пехотной атаки и преждевременно занял свои окопы, подставив себя, таким образом, под действительный огонь атакующего; выше указывалось, что *нельзя заблаговременно точно назначать по часам продолжительность подготовки атаки или точное время начала атаки* и что артиллерия должна стремиться выполнить поставленную ей задачу возможно скорее, так как затяжка артиллерийской подготовки вызывает излишнюю трату трудно подвозимых, всегда крайне необходимых и дорогих боеприпасов;

б) атака начинается лишь после того, как убедятся в разрушении искусственных препятствий; преждевременное движение войск в атаку поведёт к излишним потерям и может быть к неуспеху;

в) *значительное ослабление или перерыв огня между окончанием подготовки и началом движения пехоты в атаку недопустимы*; атаке обыкновенно предшествует огонь всех орудий в виде напряжённых вспышек различной продолжительности;

г) при необходимости атаковать под покровом темноты подготовку атаки производят обязательно днём, стремясь закончить её незадолго до наступления темноты; ночью артиллерия продолжает поддерживать огонь, по преимуществу шрапнелью, а пехота организует специальную стрельбу из винтовок и пулемётов, чтобы не допустить исправления произведённых разрушений; перед ночной атакой и в период атаки не следует повышать темп огня, чтобы не возбудить внимания противника; с началом ночной атаки огонь постепенно переносят в тыл.

Артиллерийский огонь в период дневной атаки достигает наибольшего напряжения с началом движения атакующей пехоты. Во время движения войск в атаку главный участок удара, а также фланкирующие участки и постройки обязательно обстреливают лёгкой и тяжёлой артиллерией, чтобы не допустить противника выйти из оставшихся ещё не разрушенными убежищ для встречи атаки огнём.

Тяжёлая и гаубичная артиллерия, чтобы не поражать свою пехоту, когда она находится примерно в 400 шагах от неприятельских окопов, переносит огонь с атакуемого участка на последующие линии укреплённой полосы или на ходы сообщения, согласно предусмотренному ранее разработанным планом; кроме того, огонь переносят и в стороны, преграждая путь противнику, перебегающему к атакуемому участку вдоль окопов.

Лёгкая артиллерия ведёт огонь по атакуемому и смежным с ним участкам (шириной около 1 *км*) до последней возможности, сдвигая медленно огонь впереди своей пехоты и руководствуясь при этом непосредственными наблюдениями. «Общими указаниями» (ч. II «артиллерийская», 1916 г., § 126) подчёркивалось: «Всё здесь должно быть построено на том, что артиллеристы

должны отчётливо видеть каждого атакующего пехотинца, падение своих снарядов и опознавательные знаки пехоты. В этот период главная связь — зрительная»...

Пехота должна непрерывно осведомлять артиллерию о своём движении, о своём местонахождении, о встреченных препятствиях, о занятии окопов противника, о случайных потерях от огня своей артиллерии. Батареи со своей стороны обязаны заранее назначить офицеров с телефонистами для высылки передового наблюдения в окопы тотчас же после их занятия своей пехотой. Передовые наблюдатели должны немедленно обеспечить содействие своим батареям преследовать противника огнём и отбивать его контратаки.

«*Перемещение артиллерии вперёд поднимает дух пехоты*» («Общие указания» 1916 г., ч. I, § 87). Теми же «Общими указаниями» (ч. II, § 129—134) предусматривалось, что «непосредственно с атакующей пехотой артиллерия обычно двигаться (сопровождать пехоту) не может» и что в лучшем случае вместе с пехотой, при наличии укрытых путей, можно «выкатывать вперёд штурмовые или горные пушки».

Перемещение батарей вперёд по укрытым подступам признавалось возможным только после занятия нами окопов противника, или когда его артиллерия подавлена, или дымная и пыльная завеса закрывает перемещение от наблюдения противника.

Для закрепления удачной атаки огнём выдвигались специально назначенные для этого горные батареи или лёгкие из числа переданных в распоряжение войсковых частей.

Предлагалось передвигать батареи вперёд крайне осмотрительно, на больших аллюрах, иногда поорудийно, или перекатывая орудия на руках. Перемещение производилось эшелонированно, чтобы не было ослабления огня и чтобы сзади стоящие батареи могли прикрывать огнём находящиеся впереди батареи. Гаубичные и тяжёлые батареи перемещались, если это оказывалось возможным, уже после установки лёгких батарей на новые позиции и открытия ими огня.

Во всяком случае требовалось, чтобы артиллерия была всегда проникнута желанием «движения вперёд для развития успеха и поддержки своей пехоты».

«Независимо от орудий, придаваемых пехоте и продвигающихся следом за ней, должно разработать способы перемены позиций и для прочей артиллерии», предлагалось «Общими указаниями» (ч. I, § 86).

«Наставление для борьбы за укреплённые полосы» (ч. II, изд. 1917 г.) в общем мало чем отличалось от «Общих указаний» 1916 г. Русская артиллерия в период мировой войны руководствовалась и «Наставлением» и «Общими указаниями», причём многие артиллеристы отдавали предпочтение последним.

Относительно перемещения артиллерии при совершении прорыва укреплённой полосы противника «Наставлением» 1917 г. указывалось:

«*Артиллерия должна быть всегда проникнута желанием движения вперёд для развития успеха и поддержки своей пехоты*», но непосредственно сопровождать атакующую пехоту она «*не может*» — «это бесцельная растрата своей силы». Если занята атакующей пехотой лишь первая или вторая линия окопов, «выдвигают вперёд *только* артиллерийское наблюдение», бомбомёты, лёгкие миномёты и 37-*мм* пушки (иногда «дерзко выдвинутые взводы штурмовых, горных или лёгких орудий... могут принести пользу»); заранее назначенные и подготовленные для движения батареи штурмовых, горных или лёгких пушек выдвигаются вперёд при продвижении примерно на 1 *км* за первую или вторую линию окопов противника, в особенности при овладении районом удобных для артиллерии позиций. Выдвижение вперёд этих батарей прикрывается огнем батарей, остающихся на прежних позициях. Выдвинутые батареи переходят в подчинение того командира полка, в районе которого они предназначены действовать (§ 236—239 «Наставления»).

В отношении организации борьбы с неприятельской артиллерией в «Наставлении» были даны подробные определённые указания: о необходимости непрерывного наблюдения днём и ночью с наземных пунктов на широком фронте, об использовании самолётов, привязных аэростатов, звуковых наблюдательных и искровых станций, о пристрелке и технике огня.

Даны также указания об усилении противобатарейной артиллерии, так как сила её обычно является недостаточной для обстрела всех неприятельских батарей и выяснившихся целей. Между тем с началом движения пехоты в атаку часть тяжёлых и гаубичных «батарей разрушения» обычно освобождается и может быть обращена на усиление противобатарейной артиллерии. Планом действия артиллерии должно быть предусмотрено такое усиление противобатарейных артиллерийских групп.

Вызванная условиями позиционной войны группировка артиллерии на группы разрушения главных и второстепенных элементов обороны противника, на группу разрушения заграждений и на контрбатарейную группу часто не применялась на практике, по крайней мере в 1916 г. и в начале 1917 г. Приходилось распределять артиллерию иначе главным образом вследствие бедности артиллерийских средств — количественной и качественной (последней в смысле могущества орудий).

Бо́льшую часть батарей приходилось занимать разрушением проволочных заграждений, проделыванием в них проходов, так как «если препятствия не прорваны, то рассчитывать на успешный исход атаки большей частью нельзя» (§ 143, ч. II «Наставления»). Оставшаяся меньшая часть батарей, особенно при недостаточности калибра и дальнобойности орудий, не могла справиться с задачами разрушения элементов обороны; поэтому приходилось давать эту задачу и тем батареям, которые были уже заняты на проделывании проходов в проволоке. Вследствие тех

же причин и борьба с артиллерией также нередко возлагалась на орудия среднего калибра.

Разрушение проволоки относилось, в сущности, к обязанностям орудий ближнего боя, а окончательное расчищение проходов в проволоке лежало на самой пехоте. Но орудий ближнего боя было мало, инструментов для резки проволоки (ножниц) пехота почти не имела, а если бы и имела, то проходов в заграждениях не сделала бы, так как резка проволоки под огнём в условиях позиционной войны — дело почти безнадёжное. Поэтому задача проделывания проходов отвлекала на себя большинство батарей, являлась для них задачей первой очереди, задачу же разрушения окопов приходилось выполнять по окончании первой.

Таким образом, процесс артиллерийской подготовки разделялся на две фазы: а) образование проходов в проволоке; б) разрушение окопов и, кроме того, борьба с артиллерией противника.

Не столько обеспечение внезапности, сколько ограниченность технических средств, особенно снарядов, приводила к сокращению времени на артиллерийскую подготовку до нескольких часов. Обычно атаку приурочивали к 14—16 час. дня, чтобы в случае успеха атаки оставалось 3—4 часа светлого времени на развитие удара. Проделывание проходов в проволоке, в общем весьма трудное, особенно при многополосных заграждениях, отнимало от 5 до 6 час. Нередко артиллерийская подготовка начиналась в 8—9 час. утра, вследствие чего почти не оставалось времени для выполнения второй фазы, т. е. на разрушение окопов. Между тем командование, стремясь ускорить атаку, мало считалось с её неподготовленностью. Бывало немало примеров, когда общевойсковое командование даже не обращало внимания на то, что первая задача пробивания проходов ещё не выполнена, и предлагало артиллерии поторопиться с подготовкой, т. е. и с разрушением укреплений, так как через 15—20 мин. начнётся атака. Такая недопустимая торопливость приводила к тому, что задача разрушения сводилась к поверхностному обстрелу окопов и почти всегда влекла за собой кровавую неудачу атаки.

Были и другие вредные последствия расчленения артиллерийской подготовки на два указанных периода: а) продолжительное проделывание проходов без одновременного разрушения окопов обнаруживало противнику направление будущей атаки и давало ему возможность заблаговременно усилить сопротивление в районе предстоящей атаки; б) весьма значительный расход снарядов, необходимый для последовательного решения двух задач — для пробивания проволоки и отдельно для разрушения, тогда как обилие артиллерии, преимущественно тяжёлой, у австро-германцев приводило в результате обстрела к одновременному, параллельному разрушению как окопов, так и заграждений (последнее вытекало из первого); в) сравнительно ничтожное воздействие на неприятельскую артиллерию, так как, во-первых, трудно было обнаружить укрыто стоящие батареи, особенно при отсутствии

воздушного наблюдения, а во-вторых, борьба с ними велась, так сказать, урывками лишь некоторыми батареями, периодически отрываемыми от исполнения задач по пробиванию проходов и разрушению окопов.

Наконец, задача по разрушению, возлагавшаяся за недостатком тяжёлой артиллерии крупных калибров на лёгкую полевую (дивизионную), была для последней трудно выполнимой, а иногда и непосильной. Полевые лёгкие 76-*мм* пушки, на долю которых нередко выпадала задача разрушения, справлялись с разрушением ходов сообщений и окопов лёгкого полевого типа лишь при косоприцельной и при фланговой стрельбе. При ином направлении огня и при обстреле более прочных укреплённых построек (пулемётных и орудийных гнёзд, блиндажей, фланкирующих построек и т. п.) огонь дивизионной (лёгкой) артиллерии мог иметь лишь изоляционное значение и в лучшем случае, при достаточной его плотности и интенсивности, нейтрализовать сопротивление.

«Наставлением» (ч. II, § 206—226) предусматривалось применение для прорыва укреплённой полосы подвижного заградительного огня в виде огневого вала, который должен был переноситься вперёд от рубежа к рубежу, увлекая за собой вперёд атакующую пехоту. Заградительный артиллерийский огонь должен был создать на пути неприятеля непроходимую зону поражения, чтобы преградить его контратаку или подход резервов, а также прикрыть атакующую пехоту.

Применение заградительного огня было связано с огромным расходом снарядов. Поэтому «Наставлением» предлагалось общевойсковым начальникам не злоупотреблять заградительным огнём. «*Нельзя требовать огня артиллерии во всех случаях и по тем целям, с которыми может и должна справиться пехота ружейным и пулемётным огнём*», — указывалось «Наставлением» (§ 206). Об организации и ведении заградительного огня подробнее будет сказано ниже (см. «Стрельба артиллерии»).

При подготовке атаки русская артиллерия успешно применяла особый приём с целью ввести неприятельскую пехоту в заблуждение, заставить её вылезти из убежищ ещё до начала атаки, затем нанести ей возможно бóльшие потери и деморализовать её.

Непосредственно перед атакой пехоты бывает обыкновенно сильная вспышка ураганного артиллерийского огня и затем следует атака, заставляющая артиллерию наступающего перенести огонь на тыл атакуемого участка. При этом с началом атаки получается некоторый короткий перерыв артиллерийского огня — между последней вспышкой огня по окопам и началом огня по тылу. Перерыв в артиллерийском огне служил для неприятельской пехоты сигналом к выходу из убежищ для встречи атаки пулемётным и ружейным огнём и огнём траншейных орудий.

Русская артиллерия создавала полную иллюзию начала пехотной атаки, умышленно перенося после короткой паузы огонь свой с окопов на тыл (ложный перенос огня — по терминологии наших современных уставов).

Примером может служить артиллерийская подготовка при Черновицком прорыве 9-й русской армии в мае 1915 г.

Вспышки ураганного огня в разное время артиллерийской подготовки и следовавшие за ними короткие перерывы и переносы огня в тыл, согласованные с наступлением разведчиков, заставляли австрийцев несколько раз вылезать из убежищ и занимать окопы, после чего русская артиллерия обрушивалась сильнейшим огнём на головы открывшихся неприятельских стрелков. После таких дорого стоивших для противника попыток занять свои окопы с целью встречи атакующего огнём австрийцы перестали оставлять свои убежища, и когда русская пехота действительно атаковала, то застала главную их массу укрытой в убежищах.

В числе других мер, способствующих деморализации неприятельской пехоты, защищающей оборонительные сооружения, русская артиллерия применяла ещё следующие: а) одновременно с разрушением оборонительных построек снарядами тяжёлой артиллерии, выгонявшими людей из убежищ, лёгкая артиллерия поражала их шрапнелью; б) во время артиллерийской подготовки периодически обстреливались химическими снарядами оборонительные постройки, убежища и вероятные места расположения резервов противника с целью заставить людей быть в масках, что их изнуряет и сильно понижает действительность ружейного и пулемётного огня.

Перейдём к составленным подполковником Киреем «Выводам из применения артиллерийских масс при атаке» укреплённой полосы.

По мнению Кирея, против которого нельзя возражать, сущность артиллерийской работы при атаке укреплённой позиции сводится к тому, чтобы обеспечить возможность «*в час, указанный для атаки..., поднять одновременно всю назначенную для этого* пехоту и довести её до намеченной цели».

Для достижения этого на артиллерию возлагаются следующие задачи: а) способствовать постепенному выдвижению пехоты вперёд для занятия ею исходного для атаки положения — задача лёгкой пушечной и гаубичной артиллерии, в исключительных случаях отдельных тяжёлых орудий; б) пробить проходы в проволочных заграждениях — лёгкая артиллерия; в) разбить пулемётные блиндажи, пулемёты, убежища, окопы и завалить ходы сообщения — тяжёлая артиллерия (гаубицы и осадные пушки), отчасти лёгкая артиллерия; г) устроить огневую завесу и отбивать контратаки — лёгкая и отчасти тяжёлая артиллерия; д) подготовлять атаку окопов противника вправо и влево от прорыва (расширять прорыв) — тяжёлая артиллерия и отчасти лёгкая; е) вести борьбу с неприятельской артиллерией — дальнобойные пушки тяжёлой артиллерии и лёгкая артиллерия.

Многие положения в «Выводах» Кирея являются развитием и уточнением тех идей, которые были заложены в наставлениях для боевой подготовки русской артиллерии в мирное время. Например, о том, что нельзя окончательно «подавить» неприятельскую артил-

лерию, расположенную на закрытых позициях, но можно только заставить её замолчать[1]; что *«возможность фланкирования должна быть исходной данной при выборе позиции»*, а если фланкировать нельзя, то «стремиться получить возможно косой огонь»; что для возможности фланкирования *«батареи можно ставить не только в соседней дивизии, но даже и в соседней армии, лишь бы только лучше использовать их огонь»*, т. е. участок, данный для дивизии, не должен считаться вместе с тем обязательным участком для расположения артиллерии той же дивизии и пр.

Впрочем, ниже, в г. XXII своей брошюры, Кирей говорит, что *«подавление неприятельского артиллерийского огня возможно только при помощи корректирования стрельбы с самолётов»*, но сам же оговаривается, что при скудности авиационных средств *«невыгодно уменьшать противоокопную артиллерию для сомнительных попыток борьбы с невидимыми неприятельскими батареями»*, и считает, что для этой борьбы не стоит выделять больше $^1/_6$—$^1/_7$ числа всех орудий ударной группы. Там же указывается, что на противобатарейную артиллерийскую группу будет также возложен обстрел тыла противника и потому по окончании артиллерийской подготовки, во второй период боя, противобатарейную группу необходимо усилить до $^1/_3$.

В отношении продолжительности артиллерийской подготовки у Кирея не замечается достаточно чёткой установки. В гл. V брошюры он считает, что «подготовку можно вести несколько дней», если имеется много снарядов и есть уверенность, что расстрелянные орудия будут немедленно заменены. Этот вывод сделан, очевидно, под влиянием французов, у которых в то время действовала инструкция Жоффра: «Артиллерия разрушает, пехота наводняет» (см. выше) — и артиллерийская подготовка длилась по нескольку дней в ущерб принципу внезапности. Там же Кирей оговаривает, что «при ограниченных средствах и в видах скрытности подготовку атаки лучше вести один день, в течение 7—8 часов.

В главе же XXI подчёркивается необходимость соблюдения «внезапности». В ней сказано: *«Чем продолжительней подготовка, тем больше будет у противника времени, чтобы подвести резервы и сосредоточить артиллерию...* многодневная подготовка требует большого расхода снарядов, а главное, она не даёт *внезапности*, одного из главнейших условий успеха».

Кирей считает, что только та артиллерия, которая будет обслуживать второстепенные участки на флангах прорыва, не войдёт в объединённую артиллерийскую группу и останется в распоряжении начальников участков; вся же прочая лёгкая и тяжёлая артиллерия должна быть подчинена начальнику артиллерии. Но после прорыва неприятельских окопов часть лёгкой пушечной и гаубичной артиллерии должна выдвинуться вперёд, на новые позиции.

---

[1] В маневренный период войны были случаи, когда русская артиллерия своим огнём уничтожала неприятельские батареи, стоящие открыто или на полузакрытых позициях (см. выше).

выйдя из состава объединённой группы и поступив в распоряжение начальников участков.

Работу артиллерии при прорыве Кирей разделяет на предварительную и боевую, считая первую более важной.

«Всё должно быть заранее предусмотрено и расписано до мелочей», — указывает Кирей. Но затем совершенно правильно он подчёркивает, что с началом распространения атакующей пехоты в тылу противника, т. е. когда наступает как бы полевой ближний бой, всякие расписания отбрасываются и в силу вступает творчество младших боевых начальников (командиров дивизионов и батарей), действующих сообразно обстановке.

В брошюре Кирея подробно указывается, кем и как должны производиться: предварительные работы штаба ударной группы по разведке, составлению общего артиллерийского плана, распределению артиллерии и по составлению ориентирных планов; работы по выбору и оборудованию наблюдательных пунктов и позиций, по организации связи (главнейшей связью Кирей считает командную связь командира батареи, перерыв которой «недопустим», а потому связь эта должна «устраиваться двумя совершенно самостоятельными проводами»); по производству пристрелки и ведению стрельбы (пристрелку рекомендуется производить непосредственно перед стрельбой в день атаки, чтобы заблаговременной пристрелкой не раскрывать карты противнику; пристреливать каждое орудие в отдельности, так как при извилистости неприятельских окопов и заграждений получаются обыкновенно разные прицелы для каждого орудия).

В брошюре Кирея имеется много других указаний технического характера — о ведении стрельбы при устройстве проходов в проволоке, при артиллерийской подготовке атаки, о переносах огня с началом пехотной атаки, об устройстве огневой завесы и отбитии контратаки и пр. Указывается, какую поддержку и как должна оказывать артиллерия пехоте в период её сближения с противником, а также, каким образом производится выдвижение артиллерии вперёд при успехе атаки; при этом подчёркивается, что главная задача выезжающей вперёд артиллерии — открыть возможно скорее огонь по тем целям, которые не видны с тыловых наблюдательных пунктов или которые недосягаемы для оставшихся сзади батарей, а поэтому кругозор наблюдательного пункта и выгодные свойства огневой позиции отходят на второй план.

В гл. XXVIII дан интересный пример работы артиллерии атаки при прорыве австрийской позиции 4 июня 1916 г. у Добропоуц (начальником этой артиллерии был Кирей) и приведён приказ одной из групп артиллерии.

Командир 11-го корпуса (9-й армии) решил произвести главный удар на участке в 3½ *км*.

Корпусу было придано 211 орудий; из них назначено было: а) на главный участок прорыва 159 орудий (все 35 тяжёлых, 20 полевых 122-*мм* гаубиц, 102 лёгкие и 2 горные пушки); б) на правый и левый второстепенные участки 36 лёгких пушек, 4 гаубицы

122-*мм*; в) в распоряжение командиров пехотных полков на участке главного удара 8 горных пушек; г) для стрельбы по самолётам 4 горных пушки (по 2 на дивизию). В общем 211 орудий распределены были по целям так: 94 орудия по окопам главного участка, 36 орудий по проволоке главного участка, 27 — по неприятельской артиллерии и 54 — по разным остальным целям.

В приказе даются подробные указания: об участках обстрела в первый период боя (до начала и с началом движения пехоты) и во второй период (после занятия пехотой второй неприятельской линии); о пристрелке — с 4 до 6 час. утра, о подготовке атаки — стрельба с 6 час. до 11 ч. 15 м. (с подробным расчётом времени — всего лишь около 5 час.) и количестве снарядов (всего 600 гранат, в том числе 255 гранат по проволочным заграждениям); о переносах огня, когда пехота подойдёт к опасной зоне поражения огнём своей артиллерии; о запасе снарядов; о наблюдении и связи. В приказе имеется оговорка, что секторов обстрела, указанных на второй период боя, не следует держаться «аки слепой стены», а руководствоваться действительной обстановкой, донося об изменениях начальнику артиллерийской группы.

Атака у Доброноуц удалась: русские прорвали фронт австрийцев.

Тогда же 2-му армейскому корпусу поставлена была задача прорвать в районе Язловец весьма сильные, с бетонированными постройками позиции австрийцев на фронте около 7 *км*. Главный удар наносился на участке в 2 *км*. В ударную группу было выделено 32 батальона из 48, т. е. 75%, и только 84 орудия из 156 (42 орудия на 1 *км*), т. е. немного более 50%; управление артиллерией прорыва было централизовано в руках инспектора артиллерии корпуса. Все имевшиеся в корпусе 22 тяжёлых орудия (6 пушек 107-*мм* и 16 гаубиц 152-*мм*) были включены в объединённую артиллерийскую группу, в числе остальных лёгких орудий группы были 42 пушки 76-*мм* и 20 гаубиц 122-*мм*. К группе приданы были воздухоплавательная рота и авиационный отряд.

Объединённой артиллерийской группе поставлена была задача — разрушить фланкирующие постройки и пробить проходы в проволочных заграждениях. Назначенных артиллерийских средств было недостаточно для выполнения поставленной задачи (хотя борьба с неприятельской артиллерией не была указана в задаче), вследствие чего подготовка атаки растянулась на 2½ суток, чем нарушалась внезапность, хотя для обеспечения внезапности командование предприняло ряд мероприятий.

Для удобства управления объединённая артиллерийская группа была разделена на три подгруппы; в состав каждой подгруппы вошли и лёгкие и тяжёлые пушки и гаубицы.

Артиллерийская подготовка велась методически с применением, хотя и в скромных размерах, змейковых аэростатов для наблюдения и самолётов для корректирования стрельбы.

После артиллерийской подготовки пехота на рассвете 6 июня успешно атаковала, всё время поддерживаемая артиллерийским огнём, и проникла в глубину неприятельской оборонительной по-

лосы на 2—3 *км*. На другой день, развивая успех, пехота прошла вперёд до 5 *км*, прорвав окончательно австро-германский фронт.

В 1916 г. идея централизации управления массами артиллерии ещё недостаточно чётко проникла в сознание командования русской армии (не исключая и Кирея), несмотря на истекший почти двухлетний опыт войны, и осуществлялась довольно нерешительно. При этом, очевидно, считались с недовольством начальников дивизий, которое вызывалось временным изъятием из их подчинения дивизионной артиллерии, передаваемой в объединённую группу, подчиняемую особому начальнику артиллерии.

В ударную группу выделяется у Язловец лишь 54% орудий (84 и 156) и отчасти поэтому артиллерийская подготовка затягивается на $2^1/_2$ суток, а у Доброноуц — 75% (159 из 211), и в результате артиллерийская подготовка сокращается, включая время на пристрелку, до 7 час., чем в значительно большей степени обеспечивается внезапность.

Кирей в первой части своих «Выводов» предусматривает необходимость разработки одновременно с планом атаки и плана обороны на случай наступления противника.

В условиях позиционной войны имеющаяся в распоряжении войск артиллерия, а также сформированные наспех части тяжёлой артиллерии, вооружённые преимущественно орудиями устаревших систем, взятыми из крепостей, не в силах были справиться с теми задачами, какие неизбежно ставились артиллерии с 1916 г. при всякой попытке прорыва укреплённой позиции австо-германцев.

Выше (т. I, ч. II) приведена записка полевого генерал-инспектора артиллерии от 4 ноября 1916 г., подробно объясняющая необходимость создания тяжёлой артиллерии особого назначения (ТАОН) в виде резерва главного командования. Формирование ТАОН закончено было (в большей части) к весне 1917 г., и можно считать, что с того времени главный недостаток в технических средствах русской артиллерии был в значительной мере восполнен.

Значение «техники», в первую очередь значение артиллерии, в современной войне особенно ярко сказалось на ТАОН.

При наличии ТАОН действия русской артиллерии при прорывах позиций австро-германцев в июле 1917 г. на Западном и на Юго-Западном фронтах основаны были на «Общих указаниях» и «Наставлении для борьбы за укреплённые полосы», причём артиллерия действовала во время этих прорывов вполне успешно. В последней части этого труда приведён пример — см. «Русская артиллерия на фронте 10-й армии в операции 19—23 июля 1917 г».[1]

[1] В труде подполковника Журина Б. И., изд. 1943 г., «Взаимодействие артиллерии с другими родами войск при прорыве укреплённой полосы 8-й русской армией у Станиславува» (в июле 1917 г. на Юго-Западном фронте) приводится на основании архивных документов весьма обстоятельный, интересный, подробный анализ всего хода подготовки и проведения операции прорыва русской артиллерии, в составе корпуса, дивизии и полка.

Боевые действия артиллерии в июльских операциях 1917 г. прорыва укреплённой полосы австро-германцев были успешными, несмотря даже на то, что первоначальная вполне целесообразная идея создания тяжёлой артиллерии особого назначения (ТАОН), в виде мощного «артиллерийского кулака» для нанесения сосредоточенным массовым огнём сокрушающего решительного удара в районе расположения противника на избранном для главной атаки участке, была несколько искажена.

По плану ставки, главный удар наносился на Юго-Западном фронте, куда и были направлены четыре (из шести) тяжёлые артиллерийские бригады ТАОН; на Западный и Северный фронты передано было по одной артиллерийской бригаде ТАОН; правильнее было бы дать Юго-Западному фронту пять бригад или дать две бригады Западному фронту, а Северному фронту вовсе не назначать частей ТАОН, так как этот фронт при июльском наступлении играл второстепенную, пассивную роль. Директивой ставки от 12 апреля 1917 г. Северному фронту ставилась задача: «... если обстоятельства позволят ему перейти в наступление, то направить главный удар на Митаву».

Части ТАОН, переданные фронтам, вышли из подчинения своего непосредственного старшего начальника генерала Шейдемана Ю. М. (командир 48-го корпуса) и лишились его общего руководства. Он со своим штабом оказался «не у дел», а потому генерал-квартирмейстер ставки Лукомский настоял на расформировании штаба 48-го корпуса (т. е. штаба ТАОН).

Шейдемана следовало командировать на Юго-Западный фронт, куда были направлены четыре артиллерийские бригады ТАОН. Там он поступил бы в подчинение командования фронта, но сохранил бы за собой общее руководство и мог бы оказывать влияние на правильное использование ТАОН, соответствующее тем основам, какие были установлены при её создании.

На фронтах части ТАОН были распределены по разным армиям вместо придачи к одной армии, назначенной для нанесения главного удара противнику в решающем направлении. Вместо одного артиллерийского «кулака», наносящего уничтожающий удар сосредоточенным огнём, получилось несколько сравнительно слабых «кулаков», действовавших разрозненно и не всегда правильно руководимых.

Тем не менее впервые созданные «кулаки» сильной тяжёлой артиллерии, являясь армейскими артиллерийскими резервами, независимости от командования дивизий и корпусов, допускали использование их по воле армейского или фронтового командования как могучего ударного средства. Вместе с тем подобная организация тяжёлой артиллерии, вызванная к жизни боевой необходимостью, могла гарантировать от нецелесообразного ослабления артиллерийских средств, входящих в состав органически с ними связанных войсковых соединений.

Организация ТАОН вполне себя оправдала, так как выделенные из неё артиллерийские «кулаки», несмотря на недостаточ-

но полную концентрацию их действий, своим мощным огнём вполне обеспечили атаки пехоты во время июльского наступления 1917 г.

Артиллерия при обороне укрепленной полосы

При атаке укреплённой полосы заблаговременность подготовки прорыва почти в полной мере обеспечивает планомерность действий артиллерии атакующего; напротив, при обороне инициатива противника, исключая возможность всё предусмотреть, создаёт необходимость для артиллерии обороны действовать большей частью в соответствии со сложившейся обстановкой.

Относительно действий артиллерии при обороне укреплённой полосы в «Общих указаниях для борьбы за укреплённые полосы» 1916 г. имелись следующие положения общего характера.

Главные рода войск, в том числе артиллерия, должны располагаться на укреплённой позиции «с целью наивыгоднейшего фронтального, флангового и перекрёстного обстрела занятой местности, обеспечивая себя от неприятельских покушений укрытиями разного рода и искусственными препятствиями»...

Батареи, миномёты и бомбомёты располагаются в укреплённой полосе таким образом, чтобы возможно было, кроме обстрела построек и артиллерии противника, сосредоточить огонь на каждом участке впереди и внутри полосы для поддержки пехотной обороны, увеличивающейся в глубь её. В случае неудачи обороны оказываемая пехоте огневая поддержка артиллерии должна возрастать по мере продвижения противника в глубь обороны.

Артиллерия должна так располагаться при обороне, чтобы все подступы к оборонительной полосе и появляющиеся неприятельские цели обстреливались фронтальным, фланговым и перекрёстным огнём.

Пулемёты считались «за главное орудие для фланкирования», но тем не менее требовалось, чтобы батареи (главным образом лёгкие и горные) располагались «относительно близко к первой линии своих окопов», чтобы с таких именно ОП обеспечить фланкирование соседних участков.

«Указаниями» подчеркивались основные положения:

1. Общее правило расположения артиллерии на позиции требует установления между отдельными артиллерийскими группами и батареями такой связи, чтобы в любое время можно было сосредоточить огонь по атакующему противнику независимо от принадлежности каждой отдельной группы батарей или отдельной батареи к определённому участку фронта.

2. Должно подготовить ведение сосредоточенного огня и обратить самое большое внимание на службу наблюдения».

Требовалось, чтобы артиллерия располагала наблюдательными пунктами как для обнаруживания вновь появляющихся целей, так и для корректирования стрельбы. Сеть НП должна быть такова, чтобы вся местность впереди на дальность артиллерийского вы-

стрела была хорошо видна и размечена, т. е. чтобы каждому имеющему значение местному предмету было дано особое обозначение с указанием расстояния до того НП, с которого он виден. В штабах составлялась на основании полученных данных общая схема обстрела в масштабе 500 *м* (250 саж.) в 1 дм. (25 *мм*), которая рассылалась всем начальникам до ротного командира включительно.

Требовалось применять методически наблюдение при помощи самолётов и привязных аэростатов, стремясь к быстрому использованию полученных данных.

Командир корпуса или начальник дивизии указывал участки передовой позиции укреплённой полосы, на которые должны были назначаться дежурные артиллерийские офицеры-наблюдатели. На каждый полковой участок назначалось не менее одного дежурного артиллерийского офицера и двух фейерверкеров (командиров орудий).

Задача этих наблюдателей заключалась в обеспечении связи между пехотой и артиллерией и в исполнении обязанностей вспомогательного наблюдателя для артиллерии.

У офицера-наблюдателя имелось точное крокй позиционного района с указанием названий окопных участков, разграфлённая на квадраты карты в масштабе не мельче 500 *м* в 1 дм. (25 *мм*) с указанием наблюдений и телефонной сети и тетрадь наблюдений, по которой он принимал от своего предшественника и в которую должен был заносить все наблюдения и данные, касающиеся обороны.

Офицер-наблюдатель должен был представиться начальнику участка, на который он был назначен, и командирам рот того же участка. Во время дежурства он обязан был находиться всегда в таких местах, где ему удобнее и лучше всего выполнять возложенную на него задачу, причём место его должно быть известно командованию; в частности телефонисты должны быть всегда точно осведомлены о том, где находится дежурный офицер-наблюдатель.

Офицер-наблюдатель обязан непрерывно держать начальника артиллерии своего участка в курсе положения на фронте и немедленно сообщать по телефону или доносить о всех изменениях в обстановке; так например, о каждом случае стрельбы неприятельской артиллерии, даже об отдельных выстрелах, выясняя с возможной точностью, откуда производилась стрельба, степень её напряжения, вид огня из орудий и минометов. Он передаёт своей артиллерии просьбы пехоты относительно обстрела тех или других целей и указывает цели, представляющие наибольшую опасность для пехоты: неприятельские пулемёты, минометы, батарен, отдельные орудия, стоящие в передовых окопах. Он обязан выяснять направление стрельбы неприятельской артиллерии и расстояния, производя наблюдения и выслушивая звук выстрелов, и доносить своему начальнику о полученных результатах. Он должен сообщить ему же о всех действиях своей

пехоты и о результатах её разведки. Он обязан наблюдать за стрельбой своих батарей и сообщать о её результатах; он принимает меры предосторожности, когда можно опасаться попадания своих снарядов в собственные окопы, предупреждая об этом свои батареи.

Офицер-наблюдатель должен хорошо знать все пункты на своём участке, с которых удобнее всего наблюдать за различными окопами противника, и в том случае, когда необходимо производить наблюдения одновременно с нескольких пунктов, он должен обратиться за содействием к пехоте.

При расположении артиллерии обороны на ОП требовалось точное распределение батарей по задачам.

Некоторую особо назначаемую часть лёгких орудий всякого типа (полевые и горные 76-*мм* пушки, 122-*мм* гаубицы) использовали для ближайшей обороны окопов (для отбития штурма); причём эти орудия укрывались в убежищах до минуты их действия и требовалось, чтобы действие их было преимущественно фланкирующим. В некоторых случаях такое фланкирование легче достижимо с тыловой позиции. Для отражения неприятельской атаки полевые 76-*мм* пушки признавались чрезвычайно действительными. Полевая артиллерия, назначаемая при обороне в передовые части, должна прежде всего подготовить себе позицию (ОП и НП), откуда она могла бы открыть огонь на действительную дальность — до 4 *км* — против атакующего противника.

Необходимо принять меры для перемены позиций всех родов артиллерии обороны (запасные ОП и НП, устройство закрытий, улучшение дорог, организация питания боеприпасами и пр.).

При обороне укреплённой полосы необходимо прежде всего сообразоваться с тем, что наступающий в начале атаки откроет по району обороны интенсивный артиллерийский огонь. Поэтому для расположения артиллерии обороняющегося указываются такие места, где она была бы при стрельбе незаметна для неприятельской артиллерии, укрываясь местными предметами или благодаря хорошей маскировке и устройству ложных батарей; в крайних случаях надо прибегать периодически к перемене позиций, заранее оборудованных, с подготовленными данными для стрельбы.

Главное внимание артиллерии обороняющегося в начале наступления противника сосредоточивается против его живой силы на исходных плацдармах или на таких окопах, откуда скорее всего ожидается наступление неприятельской пехоты.

Артиллерия обороны должна бороться с неприятельской артиллерией и этим облегчить положение своей пехоты. При борьбе с артиллерией атакующего необходимо поражение её вести по участкам, сосредоточивая огонь на определённых батареях, причём для обеспечения успеха следует вести по ним огонь с фланга, производя с должной точностью наземные и воздушные наблюдения.

Для привлечения артиллерийского огня противника на себя с целью облегчения этим положения своей пехоты артиллерия обороняющегося должна прибегать к обманным приёмам — ослаблять свой огонь по неприятельской артиллерии, когда её снаряды начинают поражать наши ложные батареи; наоборот, усиливать свой огонь, когда снаряды противника ложатся вблизи наших батарей; но ещё не поражают прислуги (т. е. расчёты при орудиях).

Артиллерия обороны должна обрушиться действительным уничтожающим огнём на атакующую пехоту как раз при выходе ее из закрытий, чтобы ослабить её наступательный порыв. В дальнейшем наступающая пехота противника обстреливается сильным огнём лёгких и траншейных (окопных) орудий, миномётным, бомбомётным, пулемётным и ружейным огнём, а тяжёлая артиллерия продолжает обстреливать плацдармы и ходы сообщения, чтобы первая атакующая линия противника оставалась без поддержки сзади.

В участках оборонительной укреплённой полосы, на которые ведётся атака с сильной артиллерийской подготовкой, следует держать возможно меньше пехоты, чтобы противник тратил массу выпускаемых снарядов без ощутительного ущерба для живой силы обороняющегося.

Атаки неприятельской пехоты на передние линии укреплённой полосы обороны отражались успешно обыкновенно в тех случаях, когда в ограждении участвовало много хорошо укрытых бомбомётов и пулемётов, обслуживаемых отважными бойцами.

Артиллерия обороны должна быть заблаговременно пристреляна к своим окопам и заграждениям, и эта пристрелка должна время от времени проверяться.

В случае прорыва передней части укреплённой полосы артиллерия обороны должна без всякого замедления открыть напряжённый огонь по ворвавшемуся противнику. Борьба за внутренний район укреплённой полосы, вследствие невозможности для атакующего использовать всю силу артиллерийского огня из опасения попасть в своих, обыкновенно успешно заканчивается для той стороны, у которой чувство взаимной поддержки проникло больше в сознание как начальников всех степеней, так и одиночных бойцов, и выражается в предпочтении флангового удара на противника фронтальному или по крайней мере в сочетании фронтального удара с фланговым.

В «Общих указаниях для борьбы за укреплённые полосы», в особенности в разделе части I «Оборона», как и в других уставах и наставлениях царской русской армии, немало общих мест и довольно неопределённых подходов к разрешению вопроса об управлении и подчинённости артиллерии, о её распределении и пр.

Утверждённая верховным главнокомандующим в 1917 г. ч. III «Наставления для борьбы за укреплённые полосы», трактующая о действии артиллерии при обороне укреплённой полосы, является по существу повторением ч. II «Общих указаний» 1916 г., но изло-

женной в более пространной и довольно неясной редакции, изобилующей общими местами, наряду иногда с мелочными подробностями, заимствованными отчасти из французских наставлений или из разных инструкций и наставлений, изданных на фронтах действующей русской армии (брошюра Кирея и другие).

Основные мысли ч. III «Наставления» 1917 г. (§ 1 и 2) заслуживают полного внимания, в особенности в отношении разработки общего плана обороны.

«Задача предварительной методической разработки плана обороны заключается в том, чтобы свести к минимуму импровизацию в критический момент обороны и привести действия обороняющихся к заранее обдуманным, по возможности автоматическим действиям».

Артиллеристы обороны должны быть вполне ознакомленными с сущностью плана обороны и всегда быть готовыми к необходимому проявлению инициативы в развитие этого плана. Они должны действовать со всей энергией, чутко отзываясь на все потребности пехоты, чтобы своевременно и самоотверженно приходить ей на помощь.

«*Оборона должна быть активна*», — указывалось «Наставлением», и действия всех родов войск должны быть проникнуты активностью.

Не только на атаку противника, но уже на его артиллерийскую подготовку и стягивание сил артиллерия обороны должна отвечать возможно сильным огнём, направленным против его пехоты, артиллерии и против других собранных им для удара средств.

«Наставление» требовало, чтобы «огневая активность артиллерии» как представительницы оружия дальнего и широкого действия всё время, «от начала и до конца, одухотворяла оборону», мешая во всём противнику достигнуть превосходства, необходимого ему для производства удачной атаки.

Общевойсковым начальникам предлагалось, однако, помнить, что «нельзя переложить всю работу обороны на артиллерию», как ни велико может быть её содействие, и что поэтому, независимо от артиллерийских средств, необходимо «широко использовать пулемётный и ружейный огонь, так же как минометы и бомбомёты». «Наставление» указывало, что нельзя требовать артиллерийского огня по тем целям, с которыми легко может и должна справиться своим огнём пехота.

В ч. III указываются следующие задачи артиллерии при обороне укреплённой полосы: а) в период подготовительный — бороться всё время с неприятельской артиллерией, препятствовать усилению позиции противника и обстреливать его тылы; б) в период артиллерийской подготовки — наносить «встречный удар» по неприятельскому плацдарму, обстреливать пути подхода резервов противника и подвоза боеприпасов, бороться с батареями атаки; в) во время атаки — бороться с атакующей пехотой главным образом заградительным огнём.

В отношении подчинённости и группировки артиллерии даются такие неопределённые указания теоретического характера:

а) «*Артиллерия, приданная какому-либо войсковому соединению, должна быть подчинена одному обобщающему её действия артиллерийскому начальнику*» (§ 11).

б) *Каждое войсковое соединение получает всю артиллерию,* которая, решая совокупность основных возложенных на неё задач, *работает для этого войскового соединения в его целом...*» «Армейская артиллерия во время боевых действий отдаётся в тот или другой корпус для оказания *совершенно определённого содействия* войскам корпуса в их боевых действиях» (§ 12).

в) «Указанная в § 12 группировка не должна лишать артиллерию возможности принять участие в объединённой деятельности артиллерии обороны...» (§ 14).

г) «Парализовать действия противника *не небольшими участковыми средствами, а огнём мощных объединённых арт. групп.* Чтобы избежать потери времени, при обороне *предоставляется право каждому артиллерийскому и общевойсковому начальнику* в экстренных случаях и согласно установленному плану *вводить в дело артиллерию непосредственно высшего соединения*» (§ 15) и т. д.

Указания «Наставления» о составлении плана действий артиллерии, о расположении батарей и наблюдательных пунктов отличались также неопределённостью.

«Противостоять планомерным и тщательно подготовленным действиям атакующего можно лишь таковыми же действиями обороняющегося», говорилось в «Наставлении» (ч. III, § 7). Поэтому признавались необходимыми: разработка детального плана действий артиллерии обороны в развитие задач, указанных артиллерии общим планом обороны; осуществление этого плана в соответствии с изменяющейся обстановкой; самое широкое использование артиллерийских средств обороняющегося, допуская лишь строго необходимое их дробление, имея всегда в виду объединённую, планомерную боевую работу сильной организованной артиллерии обороны, необходимую для захвата возможно шире по фронту и в глубину района сосредоточения боевых средств неприятеля. Планом следовало также предусмотреть: подготовку к переходу на последовательные тыловые полосы и к обороне их, имея в виду создать сильное, развитое в глубину сопротивление; возможность создания новых артиллерийских групп обороны и усиления существующих разными родами орудий.

«Наставление» подчёркивало, что «недостаточная разработка вопросов обороны или расчёт на благоприятные случайности заранее предрешают неуспех и тяжкие потери». А потому требовалось, чтобы в плане действий артиллерии обороны всё было «продумано, подготовлено и проконтролировано». Требования эти были неисполнимы и противоречили общим указаниям того же «Наставления», согласно которым инициатива атакующего «создаёт необходимость действий по внезапно сложившейся обста-

новке» (ч. III, § 1). В действительности, как показал опыт войны, в составленных планах оборонительных действий артиллерии было в большинстве случаев многое продумано и частью подготовлено, но не бывало проконтролировано.

Общий план обороны войскового соединения составлялся, как и план прорыва укреплённой полосы, при обязательном участии начальника артиллерии того же соединения и начальников артиллерийских групп (участков). Общий план должен был включать: а) порядок обороны каждого участка («отсека») оборонительной полосы и участие артиллерии в этой обороне; б) способ действий артиллерии в отношении подготовки и поддержки контратаки, в случае если тот или иной «отсек» позиции будет занят противником; в) порядок перехода к обороне второй или третьей линий окопов или тыловой полосы.

План действий артиллерии создавался одновременно и в развитие общего плана обороны. Артиллерийским планом предусматривалось в первую очередь осуществление «обязательного минимума содействия, даваемого артиллерией пехоте, — *прикрыть важнейшие участки заградительным огнём*». Затем предусматривалось постепенное развитие более широкой *«планомерной активной артиллерийской деятельности»*, направленной против позиционного района противника.

План действий артиллерии составляется в каждом дивизионе, группе, дивизионной и корпусной артиллерии. В плане должно быть указано для каждой батареи (отдельного взвода): что она должна делать при отбитии атаки, направленной из того участка противника, по которому главным образом работает артиллерийская группа, включающая эту батарею; что она делает при отбитии атак, направленных из соседних и дальних участков, а также в случае занятия противником одного или нескольких «отсеков» первой полосы обороны.

Планом обороны ближайшей укреплённой тыловой полосы должны быть намечены позиции батарей, наблюдательные пункты и «нормальные секторы действия батарей», исследованы и подготовлены дороги.

Имеющиеся артиллерийские средства распределяются по плану в зависимости от решения двух главных задач, «возлагаемых на артиллерию до того момента, как атакующая пехота бросится в атаку: а) борьбы с артиллерией и б) встречного артиллерийского удара по плацдарму, наполненному пехотой противника». При обороне артиллерии бывает обыкновенно недостаточно, а потому для решения указанных последовательных задач приходится нередко привлекать одни и те же части.

«Наставление» подчёркивало, что в течение подготовительного периода обороны «особое внимание обращается на борьбу с артиллерией, подавление которой в корне подрывает возможность успехов атакующего и сохраняет не только обороняемую позицию, но и свою пехоту».

«Чем больших результатов можно ожидать от борьбы с артиллерией, тем больше на неё переносится центр тяжести»,— указывалось «Наставлением» (ч. III, § 27). Предлагалось обращать «особое внимание на встречный удар по плацдарму» только в том случае, если при сложившихся условиях работы воздухоплавания и артиллерии обороны достижение перевеса над артиллерией атаки оказывалось невозможным.

Разработку плана оборонительных действий артиллерии требовалось производить *«обязательно на основании постоянно освежаемых и дополняемых личных разведок и работ на местности начальников всех степеней»*, которые должны были давать указания своим помощникам при совместных объездах и обходах позиционного района обороны.

В «Наставлении» не было прямых указаний на необходимость эшелонного расположения артиллерии обороны; имелись лишь намёки на необходимость эшелонирования. В ч. III «Наставления» имеются указания (§ 101 и 103) на то, что *«основой обороны является фланговый огонь для прострела подступов к нашим позициям:* одно орудие, стреляющее вдоль окопа, сильнее, чем четыре орудия, действующие фронтально», а также на то, что *«батареи, выдвинутые сильно вперёд на участках, соседних с атакованными* (обычно это будут лёгкие и горные батареи), дают непрерывный фланговый огонь и могут продолжать обстрел противника даже тогда, когда он глубоко проник в наше расположение». Дальше указывается, что «главной задачей *выдвигаемых вперёд батарей является оборона соседнего участка* в том случае, когда район расположения батарей противником не атакуется». При этом делается довольно неопределённая дополнительная оговорка, что в случае атаки того участка, на котором расположены выдвинутые вперёд батареи они, «выполнив возложенную на них краткую задачу фронтальной обороны, будут сняты, а главная масса огня должна быть получена с соседних участков и батарей, расположенных в глубине».

Изложенные указания «Наставления» являются довольно туманным намёком на необходимость эшелонного расположения батарей обороны и больше на необходимость эшелонирования вперёд, чем в глубину.

В отношении расположения артиллерии обороны в «Наставлении» имелись ещё указания (ч. III, § 104, 105) на то, что задачи борьбы с неприятельской артиллерией и обстрел тыла противника возлагаются главным образом на артиллерию, выдвинутую вперёд. Но так как выдвинутых вперёд батарей будет недостаточно «для выполнения такой важной и широкой задачи, как борьба с неприятельскими батареями», то придётся их усиливать, «временно выдвигая вперёд батареи, которые *по выполнении определённых, назначенных им задач возвращаются на свои нормальные позиции»*. Затем имелась непонятная оговорка, что такое временное выдвижение батарей «производится лишь до начала артиллерийской подготовки противника и одновременно небольшим числом

батарей». Указывалось между прочим, что «иногда, в особенности в горах, гаубицы найдут позиции ближе к противнику, нежели лёгкие и тяжёлые пушки». Довольно странное указание: гаубицы обладают вообще меньшей дальнобойностью, чем пушки, а потому не «иногда, в особенности в горах», а почти всегда и на всякой местности гаубицы должны располагаться ближе к противнику, чем пушки.

Указания § 104 и 105 «Наставления» служат также намёком на необходимость не только эшелонного расположения артиллерии обороны, но и на необходимость её маневрирования в смысле перемены позиций в период оборонительного боя.

Относительно расположения наблюдательных пунктов при обороне даны в ч. III «Наставления» те же указания, как и в ч. II, трактующей о действиях артиллерии при прорыве укреплённой полосы. В ч. III подчёркивались следующие общие положения: *«разрушать и поражать, не видя цели, нельзя»;* вся сеть наблюдательных пунктов должна быть расположена так, чтобы по возможности *«не оставалось ненаблюдаемых участков фронта и тыла противника»;* наблюдательный пункт располагают там, откуда хорошо видно; нельзя требовать непременного расположения наблюдательных пунктов в передовых окопах; нельзя располагать наблюдательные пункты на заметных вершинах и скучивать их; необходимо иметь запасные наблюдательные пункты; наблюдательные пункты должны иметь обеспеченную от огня противника телефонную связь, должны быть тщательно маскированы, прочно построены, иметь маскированные ходы сообщения; на основных наблюдательных пунктах должно иметь схему целей, табель стрельбы и журнал наблюдений. «Панорам требовать нельзя», категорически указывало «Наставление» (ч. III, § 111).

Организацию питания боеприпасами из тыла, устройство складов, подачу боеприпасов артиллерийскими парками, автомобилями, поездами и пр. — всё это требовалось разработать и подготовить заранее. Количество боеприпасов, выложенных на батареях, должно было обеспечить работу артиллерии при отбитии атаки, причём на батареях, питание которых во время боя было невозможно, разрешалось выкладывать запас снарядов, обеспечивающих дневную потребность, приблизительный размер которой указан в табл. 7.

«Наставление» отмечало (ч. III, § 114), что выкладывать на батареях большие запасы снарядов вообще крайне нежелательно, так как хранение в погребках, устроенных наскоро в земле, вредно отражается на балистических качествах пороха

В табл. 7 не вошли химические снаряды. Количество последних рассчитывалось в зависимости от числа батарей противника, необходимость подавления огня которых предвиделась, а также в зависимости от того, насколько вероятно в данном частном случае успешное применение химических снарядов для создания отравленных районов в расположении неприятельской артиллерии и на путях подхода резервов атакующего.

Таблица 7

ПРИМЕРНЫЙ РАСХОД СНАРЯДОВ В ДЕНЬ ОТБИТИЯ АТАКИ

Калибр и род орудия	На одно орудие	
	всего снарядов	из них шрапнелей
76-*мм* лёгкие и горные скорострельные пушки и прочие полевые пушки	250	100
107-*мм* пушки (скорострельные и обр. 1877 г.), 127-*мм* английские и 120-*мм* пушки	150	75
122-*мм* и 114-*мм* гаубицы	175	35
152-*мм* гаубицы и 152-*мм* пушки в 120, 190, 200 пуд. и 155-*мм* пушки	150	25
152-*мм* осадные пушки Шнейдера	100	20
203-*мм* гаубицы	75	10

В августе 1917 г. полевой инспектор артиллерии, по приказанию верховного главнокомандующего, сообщил для исполнения следующее распоряжение, дополняющее и разъясняющее ч. III «Наставления» в отношении обороны тылового района укреплённой полосы:

«Учитывая возможность прорыва противником нашего фронта надлежит принять все меры к тому, чтобы в вероятных местах удара организовать сильное артиллерийское содействие общему сопротивлению, активность которого выяснится в нанесении прорвавшимся неприятельским силам удара из глубины нашего расположения. Планы действий для таких ударов должны быть подготовлены. Для артиллерии тех резервных войсковых соединений, которые должны быть двинуты на активные участки, следует подготовить планы развёртывания в различных вероятных направлениях, в которых желательно нанести удар прорвавшемуся противнику. Должны быть разведаны районы позиций и наблюдательных пунктов. Весьма желательно подготовить средствами армий основную самую схематическую сеть связи, приспособив для этого имеющиеся уже магистральные линии или вместе с тем немного их дополнив. В дальнейшем при подходе войск в определённый район такая сеть связи может быть быстро развита к тем центральным пунктам, от которых, согласно вариантам плана, пойдут уже телефонные линии войсковых артиллерийских частей».

Ввиду неясности и неопределённости довольно многих указаний ч. III «Наставления» русской артиллерии при обороне укреплённой полосы приходилось руководствоваться не столько официальным «Наставлением», сколько правилами и сноровками, выработанными на местах самими войсками на практике в период продолжительного «позиционного сидения», по большей части зафиксированными в распоряжениях фронтового и армейского

командования или в полуофициальных изданиях, подобных брошюре Кирея, наставлению Замбржицкого, утверждённому Гурко, и другим.

Что же касается общих указаний второй части брошюры Кирея «Артиллерия обороны», то они сводятся к следующему:

а) При обороне главная задача артиллерии — «не впустить противника в наши окопы, а в случае неудачи — задержать дальнейшее распространение его в нашем тылу и помочь пехоте выбить его обратно».

Для разрешения этой задачи необходимо уметь устроить огневую завесу (заградительный огонь), т. е. «*сосредоточить на любом участке нейтральной зоны* в кратчайший срок огонь наибольшего числа орудий, хотя бы многие из них входили в состав других полков, дивизий, корпусов и даже армий».

Под нейтральной зоной разумеется открытая полоса между расположением своих войск и войск противника, в которой нет окопов и других укрытий, но могут быть разрушенные проволочные заграждения, затрудняющие продвижение атакующего.

б) При обороне батареи должны так стоять, чтобы они могли обстреливать окопы и ближайший тыл противника, нейтральную полосу, свои окопы и свой тыл. «Обстрел же глубины расположения противника — задача второстепенная». Поэтому позиции значительной части батарей (не менее половины) должны быть в 3 *км* и *более позади своих окопов*, чтобы иметь возможность стрелять по ним и по тыловому району своих позиций, если противник в него ворвётся. Позиции остальных батарей должны быть *ближе 3 км от своих окопов*, чтобы стрелять по нейтральной зоне, по артиллерии и тылу противника, а также и по своим окопам.

Словом, Кирей рекомендует при обороне эшелонировать позиции артиллерии в глубину, чтобы избежать переезда батарей на тыловые запасные позиции при отходе своей пехоты на вторую линию обороны и неизбежного при переезде нежелательного перерыва в артиллерийской стрельбе.

Только «*отдельные взводы или орудия, особенно 42-лин. (107-мм), горные и 3-дм. (76-мм) 1910 г. пушки полезно*», по мнению Кирея, «*ставить непосредственно за окопами* для обстрела удалённых целей и как противоштурмовые орудия».

в) «*Возможность фланкирования расположения противника и подступов к нашей проволоке должна служить отправной данной при выборе артиллерийской позиции*».

При этом Кирей отмечает, что многие с этим не считаются и не позволяют батареям становиться вне тыловых разграничительных линий своей общевойсковой части, не желая, с одной стороны, «залезать в чужой район и создавать недоразумения», с другой стороны, из опасения за целость своих батарей, за которые они отвечают, тогда как их батареи стоят в районе другой части; мно-

---

[1] Штурмовые пушки Путиловского завода.

гие считают также, что чужая батарея, ставшая в районе их части, должна им подчиняться и выполнять их задачи.

Устанавливаемые Киреем основы использования артиллерии при обороне укреплённых позиций в значительной степени расходятся с идеями обороны, проводившимися в жизнь в мирное время при подготовке командного состава в офицерской артиллерийской школе и отчасти закреплёнными «Наставлением для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. Хотя тогда имелась в виду оборона в маневренную войну, а не в позиционную, как у Кирея, тем не менее проводимые им основы, за исключением бесспорного положения о необходимости фланкирования, до известной степени верны лишь для пассивной обороны.

Главной задачей артиллерии при обороне Кирей считает сосредоточенный огонь по атакующей пехоте в нейтральной зоне, чтобы не впустить её в окопы обороняющегося, а затем в тыловом районе обороняющегося, чтобы выбить оттуда противника обратно. О борьбе с неприятельской артиллерией Кирей упоминает лишь вскользь и вообще считает, что при обороне «обстрел глубины расположения противника — задача второстепенная», а в специальной гл. XIV «Борьба с артиллерией противника» он весьма неясно говорит, что борьбу эту «можно» вести, согласно указаниям о борьбе с неприятельской артиллерией при атаке, «но, конечно, принимая во внимание имеющиеся средства и *учитывая разницу между кратковременностью атаки и продолжительностью обороны*». И затем в той же главе Кирей продолжает: а) «При всех артиллерийских и авиационных средствах, которые будут в корпусе, стоящем на пассивном участке, борьба с батареями противника не может окончиться подавлением их огня. Вероятно придётся ограничиться обстрелом плохо укрытых или сильно вредящих нам неприятельских батарей», б) «Вообще же на борьбу с батареями при этих условиях надо смотреть, как на практику нашей артиллерии, лётчиков, звуковых станций и т. п. Только путём многочисленных упражнений в боевой обстановке можно получить опытных наблюдателей и слить воедино батарею и аэроплан... На аэроплан и на аэростат надо смотреть, как на вышку, находящуюся в распоряжении артиллерийского командира».

Все эти рассуждения Кирея относятся лишь к случаю расположения одного из корпусов на пассивном участке и притом недостаточно обеспеченном средствами воздушной разведки и наблюдения.

Кирей не останавливает внимания на том, что на активном участке борьба с неприятельской артиллерией хотя и не должна быть самостоятельным отдельным актом боя, не должна быть «артиллерийской дуэлью», как говорили раньше, но неизбежна и необходима как одна из основных задач артиллерии — *подавления огневых средств противника.* Артиллерия может и должна избавить свою пехоту от поражения огнём неприятельской артиллерии, должна упреждать и срывать артиллерийскую подготовку атаки противника. Нельзя отрицать чрезвычайно больших труд-

ностей, какие представляет борьба с артиллерией, расположенной на хорошо укрытых огневых позициях, но не следует останавливаться перед этими трудностями и ничего не предпринимать для преодоления их. Труднее всего обнаружить расположение батарей на закрытых позициях и наблюдать результаты огня, направленного против укрытых батарей. Однако не только практика довоенного времени, но и опыт войны показал, что при искусной организации артиллерийской разведки и умелом наблюдении (особенно с флангов) оказывалось возможным обнаружить расположение неприятельских батарей даже с наземных наблюдательных пунктов. Большую помощь при этом могут оказать воздушная разведка и наблюдение с самолётов и змейковых аэростатов, но при обязательном условии, что те и другие защищены от нападения неприятеля с воздуха своей истребительной авиацией. Наконец, обнаружить расположение неприятельских батарей можно путём применения звукометрии и других средств современной техники. Обстрел же района расположения артиллерии противника химическими снарядами может нейтрализовать огонь последней и привести её к молчанию.

По свидетельству многих участников мировой войны из начальствующего и командного состава русских артиллеристов, нередко удавалось обнаружить неприятельские батареи с наземных наблюдательных пунктов, находимых опытными разведчиками. Ниже (см. пятую часть «Стрельба артиллерии») приводится пример борьбы с артиллерией противника 2-го отдельного тяжёлого артиллерийского дивизиона при обороне русского 17-го корпуса в районе Тарнополя в период боёв 16 — 20 июля 1917 г. Во время этих боёв артиллерии приходилось пользоваться главным образом наземными наблюдательными пунктами; некоторые неприятельские батареи, хорошо укрытые, непосредственно с наземных наблюдательных пунктов не наблюдались, но с тех же пунктов многие из них были обнаружены по вспышкам, дымкам или пыли от выстрелов. Описанные действия 2-го отдельного тяжёлого артиллерийского дивизиона подтверждают обязательность и возможность ведения контрбатарейной борьбы, несмотря на всю её трудность, для успешности ведения которой необходимы дальнобойные орудия, достаточно снабжённые боеприпасами и прочими техническими средствами, и господство в воздухе, обеспечивающее наблюдение и корректирование стрельбы. Три батареи названного артиллерийского дивизиона вели в течение нескольких дней довольно успешную борьбу с несколькими неприятельскими батареями, несмотря на многие неблагоприятные условия и на чрезвычайно слабое наблюдение с воздуха.

Утверждённые в 1912 г. «Устав полевой службы» и «Наставление для действия полевой артиллерии в бою» требовали от артиллерии обороны в условиях маневренной борьбы: а) пользуясь выгодами укрытого расположения, стремиться, «сколь возможно, погасить артиллерийский огонь противника»; б) когда выяснится направление *главной атаки* неприятеля, сосредоточивать огонь по

наступающим в этом направлении, оставляя необходимое число батарей или орудий для действия по неприятельской артиллерии, обстреливающей участок главной атаки; в) иметь в виду, что для артиллерии обороны до начала наступления неприятельской пехоты «*первыми целями* будут *преимущественно батареи*» противника и что задачей батарей обороны в этот период боя является необходимость «*расстроить* артиллерию противника, *отвлечь её огонь и не дать возможности поддерживать наступление пехоты*»; г) с началом наступления пехоты противника продолжать действовать и по его батареям, чтобы пехота обороны не подвергалась их огню и могла спокойно своим ружейным и пулемётным огнём остановить наступление неприятеля; д) считать своей обязанностью «*отвлечение огня батарей атакующего* от своей пехоты».

«*Правильное в этот период боя распределение огня между артиллерией и пехотой противника есть важнейшая обязанность артиллерийских начальников обороняющегося*», подчёркивалось «Наставлением» 1912 г. (§ 164).

Условия обороны в позиционной войне значительно отличаются от условий обороны в войне маневренной, тем не менее и в этих условиях нельзя вовсе игнорировать артиллерию атаки и позволять ей безнаказанно громить обороняющегося. Оставляя даже в стороне действия артиллерии атаки, артиллерия обороны сможет успешно исполнить свою «главную задачу», которую Кирей ведет в *сосредоточенном огне по атакующей пехоте, вошедшей в «нейтральную зону»*, лишь при соблюдении некоторых условий. Одним из таких условий является достаточная ширина «нейтральной зоны». Если же, как показал опыт позиционной войны, эта «нейтральная зона» не широка (400—600 *м*, а иногда лишь десятки шагов), то артиллерийская стрельба обороняющегося через головы защитников окопов по неприятельской пехоте, вошедшей в узкую нейтральную зону, будет опасна для своей пехоты и потребует предварительного ухода её на тыловые линии обороны. Так это и установилось на Западе по примеру германцев (см. выше — отход германцев на позицию «Зигфрид» в апреле 1917 г. в сражении на р. Эн). На Западе создалась так называемая эластическая оборона, т. е. первая линия обороны обращалась как бы в сторожевой пояс (предполье), слабо занятый живой силой, но хорошо оборудованный пулемётами. Такое предполье имело целью обманывать противника и скрывать расположение главных линий сопротивления, к которым своевременно отходили защитники предполья и откуда сохранившиеся силы обороняющегося производили контрудар. На русском фронте этот приём не применялся.

Решить задачу обстрела нейтральной зоны можно также ружейным и пулемётным огнём и огнём траншейных орудий — штурмовых пушек, бомбомётов, миномётов, которых Кирей вовсе не учитывает. Наконец, огонь по нейтральной зоне могут вести и поставленные с этой целью непосредственно за окопами 76-*мм* горные и короткие пушки обр. 1913 г. (о них Кирей пишет, но ставит им совсем иную задачу — обстрел удалённых целей).

Большую часть артиллерии обороны Кирей рекомендует располагать в 3 *км* и более позади своих окопов, чтобы иметь возможность стрелять по своим окопам и по тыловому району своих позиций, если противник в него ворвался.

Опять и это верно лишь в том случае, если пехота обороняющегося не замедлит очистить свои окопы и отойти на тыловые позиции; иначе она поведёт наседающего противника на своих плечах, и артиллерия не сможет стрелять по атакующему во избежание поражения своих.

Нельзя согласиться с Киреем, что для обстрела удалённых целей полезно ставить непосредственно за окопом 107-*мм* пушки. Не следует рисковать потерей этих ценных орудий, которые настолько тяжёлы, что их трудно будет своевременно отвести в тыл, и они станут добычей противника в случае успеха его атаки. Пушки эти по своей дальнобойности могут обстреливать удалённые цели, располагаясь в 1—1,5 *км* позади своей пехоты, где, кстати, будет много легче выбрать для них укрытую позицию, чем при расположении непосредственно за окопами пехоты.

В гл. III[1] о распределении артиллерии при обороне и об организации управления Кирей рекомендует для удобства управления и жизненной связи с пехотой всю артиллерию, не исключая тяжёлой, *разбивать на группы по числу пехотных полков, стоящих на позиции.*

«Тяжёлая артиллерия», по его мнению, *«особенно гаубичная и мортирная, нужна на участке почти каждого полка»;* поэтому, как общее правило, она должна быть разбита побатарейно, а в исключительных случаях — повзводно и даже поорудийно и подчинена соответствующим командирам артиллерийских групп. Оставлять тяжёлые батареи в подчинении своих командиров дивизионов и создавать тяжёлую «дивизионную» и «корпусную» артиллерию Кирей находит нежелательным вследствие бедности в средствах, растянутости фронтов и в связи с этим большого удаления от окопов дивизионных и корпусных артиллерийских начальников.

В гл. III указывается, что приданной к пехотной дивизии *«всей артиллерией распоряжается командир арт. бригады*, подчинённый непосредственно начальнику дивизии»; что при разбивке артиллерии на группы по числу полков «лучше нарушить штатную артиллерийскую организацию» и допустить «перемешивание батарей», чем «оторваться от пехоты»; что начальник артиллерийской группы *«подчинён только командиру арт. бригады*, поэтому при распределении начальников групп по полкам надо принимать во внимание личные отношения между ними и командирами полков», во избежание вредных недоразумений, возникающих в большинстве случаев на почве личных отношений; что *«ответственный участок каждой группы будет совпадать с полковым участком*

[1] В подлинной редакции Кирея (см. его «Артиллерия обороны», изд. «Армейского вестника», 1917 г., стр. 9—34).

обороны», поэтому необходима полная согласованность в действиях; начальник артиллерийской группы выполняет «пожелания» командира полка, с которыми он к нему обращается, но «если пожелания командира полка невыполнимы или идут вразрез с указаниями командира бригады, то решение вопроса принадлежит начальнику дивизии».

С указаниями, приведёнными в гл. III, нельзя согласиться.

Нарушение штатной организации никогда не проходит безнаказанно. Сам Кирей признаёт в той же главе, что «при вышеуказанном порядке подчинённости на каждом боевом участке будет два равноправных ответственных начальника» и что «пока дивизия стоит на месте или двигается в порядке, двоевластие особого вреда не принесёт, но если начнётся неожиданный, вынужденный, спешный отход в непредвиденном направлении, то отсутствие единоначалия может повести к нежелательным последствиям».

«Двоевластие» в военном деле совершенно недопустимо и всегда, во всех случаях, приведёт к вредным последствиям. В равной мере также недопустимо ставить распределение артиллерийских групп по полкам в зависимости от личных отношений между начальниками этих групп и командирами полков. Каждый военный работник обязан исполнять возложенные на него обязанности добросовестно по долгу перед своей родиной и её правительством, не преследуя личных целей и независимо от тех или иных взаимоотношений.

Нельзя признать вполне целесообразным рекомендуемый Киреем порядок подчинённости артиллерии, как несколько нарушающий установленную организацию.

Кирей имеет в виду достижение сосредоточенного огня обороны путём подчинения всей артиллерии, приданной дивизии, командиру артиллерийской бригады. Действительно, в обороне дивизии на нормальном фронте управление артиллерией, как правило, должно быть *централизованным*, т. е. находиться в руках старших артиллерийских начальников, но дивизионная артиллерия образует при этом группы поддержки пехоты, обычно по числу полковых участков обороны. Оставаясь в непосредственном подчинении артиллерийским начальникам, эти группы будут выполнять и огневые требования командиров пехоты, поддерживая с ними тесную связь.

Такое централизованное управление артиллерией, поддерживающей пехоту, т. е. выполняющей её требования, является вполне законным и необходимым для обеспечения взаимодействия с пехотой и в то же время для использования всех выгод сосредоточенного массированного огня артиллерии. Но нет необходимости в распределении артиллерии «строго по полковым участкам», как это находит нужным Кирей. Если по его мнению это необходимо, чтобы артиллерии «не оторваться от пехоты» и чтобы её «пожелания» артиллерия исполняла, то правильнее было бы часть артиллерии, назначенную для непосредственной поддержки пехотного полка, подчинить командиру этого полка, изъяв её из подчинения

командиру артиллерийской бригады, а еще правильнее иметь в составе пехотного полка свою организационно с ним связанную полковую артиллерию. Тогда начальник артиллерийской группы, непосредственно подчинённой командиру пехотного полка, будет исполнять не «пожелания», а приказания своего полкового командира, как это и должно быть в военном деле. Если же артиллерийская группа, вошедшая в полковой пехотный участок, останется в подчинении командира артиллерийской бригады, то могут быть случаи, когда она, занятая решением задачи в интересах всего войскового соединения (сосредоточение огня по приказанию старшего артиллерийского начальника по наступающему противнику, для подавления огня его артиллерии, для образования завесы заградительного огня и т. п.), не сможет выполнить отдельных требований пехоты.

Предлагаемое Киреем распределение по группам в полковые участки даже тяжёлой артиллерии, не создавая из неё дивизионной или корпусной артиллерии, не оправдывается его мотивами: бедность артиллерийских средств вовсе не вызывает необходимости их распыления, а наоборот; удалённость от окопов старших начальников не имела серьёзного значения при существовавших даже в то время средствах связи, да, наконец, их можно приблизить к важнейшему району позиции, имеющему решающую роль, и вовсе необязательно им находиться, как в большинстве случаев бывало, в центре дуги, образуемой общей средней линией окопов, занимаемых частями подчиненного им войскового соединения.

В остальных главах второй части брошюры Кирея заключаются в общем правильные детальные указания: а) о составлении артиллерийского плана обороны, согласно которому каждая артиллерийская группа должна иметь *«свой ответственный участок,* но для обстрела ближнего и дальнего тыла противника и борьбы с его артиллерией все батареи получат *добавочные задачи»*, т. е. этим опять подчёркивается второстепенность борьбы с неприятельской артиллерией; б) о наблюдательных пунктах и позициях, об их маскировке, о полях обстрела, о службе наблюдения и службе на батарее, о связи, о пристрелке; в главе о пристрелке имеется вполне целесообразное указание, что *«кроме своего ответственного участка, командир батареи пристреливает нейтральную зону во всех участках справа и слева, по которым позволяют стрелять наименьшие прицелы и предельные дальности орудий, хотя бы эти участки были на фронте другой дивизии или корпуса»*; *в*) о проверке готовности и слаженности артиллерии при обороне, о проверке занятий с комсоставом (умение стрелять проверялось пристрелкой одного орудия на большую дальность и *при смещении стреляющего до 2 км и более;* самое большое смещение давалось командирам батарей, вооружённых орудиями крупных калибров, и в особенности дальнобойных); г) о действиях артиллерии обороны во время сближения противника, его артиллерийской подготовки и атаки, во время контратаки (подчёркивается необходимость

проявления инициативы не только командиров групп и батарей, но даже и командиров отдельных взводов) и при отходе на тыловую позицию; д) об организации завесы заградительного артиллерийского огня; е) о взаимопомощи соседних дивизий (имеется правильное указание, что, «*помогая соседу, нельзя ограничиться поворотом туда одной фланговой батареи; надо использовать дальнобойность полностью*»).

В конце второй части даётся примерный план артиллерийской обороны и в приложениях — указания о стрельбе по воздушному флоту, о борьбе артиллерии с газами и с танками (хотя танков на русском фронте не было), о необходимых для артиллерии схемах, планах и таблицах.

Только в одной гл. XV своей брошюры, трактующей о действиях артиллерии обороны в период неприятельской артиллерийской подготовки, Кирей упоминает о стрельбе химическими снарядами. Он говорит о необходимости «заблаговременно установить путём агентуры, опроса перебежчиков, наблюдений и фотографий будущие места скопления ударной пехоты» противника и обстрела «этих мест бомбами (гранатами) и химическими снарядами», чтобы создать *контрподготовку, которая если и не разгромит противника, то причинит ему материальный и моральный вред».*

В гл. XVI своей брошюры Кирей лишь вскользь упоминает о химических снарядах, но не останавливается на том, что обстрел химическими снарядами являлся наиболее действительным средством заставить замолчать неприятельскую артиллерию. Правда, в то время химических снарядов в русской артиллерии было немного, но Кирей не мог не знать о той огромной роли, какую играли химические снаряды в борьбе с артиллерией, так как они чрезвычайно успешно применялись во время Брусиловского прорыва, активным участником которого был Кирей, и в артиллерии той же 9-й армии, при штабе которой он тогда работал.

В целях развития Брусиловского прорыва левофланговая 9-я армия Юго-Западного фронта наступала в конце июня 1916 г. на Станиславов, Галич. Австро-германцы неоднократно переходили в контратаки по всему фронту; русские отбивали контратаки и продолжали наступление. После одной такой контратаки австрийцев в районе д. Тысмянице русский 41-й армейский корпус (9-й армии), в составе 3-й Заамурской и 74-й пехотной дивизий с их артиллерией, с одной батареей 122-*мм* гаубиц и одной батареей 107-*мм* полевых тяжёлых пушек, расположился на ночлег, окопавшись на боевых позициях. В 2—3 *км* в тылу окопов 74-й пехотной дивизии был лес, по западной (ближайшей к противнику) опушке которого пролегала дорога. Ночью проезжавшие по этой дороге обозы подняли такой шум, что австрийская артиллерия открыла по ним и по площади леса сильный огонь, обнаружив себя блеском выстрелов. Русская артиллерия на огонь австрийцев не отвечала, чтобы блеском выстрелов не выдать места своих огневых позиций, а по засечкам блеска выстрелов противника нанесла на карту места расположения его батарей. С утра на другой

день все 12 батарей (72 полевые 76-*мм* пушки) 74-й и 3-й Заамурской артиллерийских бригад внезапно обрушились на артиллерию австрийцев и отчасти на окопы их пехоты, ведя стрельбу почти исключительно химическими снарядами. К огню полевых лёгких батарей присоединили свой огонь тяжёлая 107-*мм* и лёгкая 122-*мм* гаубичная батареи.

В результате неожиданного обстрела химическими снарядами у австрийцев возникла паника. Их полевая лёгкая артиллерия успела сняться с позиции и ускакать в тыл, тяжёлые орудия были брошены и захвачены русскими, бо́льшая часть пехоты австрийцев сдалась в плен.

Русский 41-й армейский корпус продолжал наступление беспрепятственно и без боя взял г. Станиславов.

Кирей в своей брошюре уделяет внимание борьбе артиллерии с танками, хотя их на русском фронте не было и он их до того времени не видел. Напротив, в брошюре его нигде не упоминается о миномётах и бомбомётах, которые были тогда у русских (бомбомёты были в достаточном количестве); в брошюре не уделяется почти никакого внимания ни траншейной, ни штурмовой артиллерии, игравшей немалую роль в позиционной борьбе. В брошюре Кирея вовсе не говорится о новых методах стрельбы артиллерии без пристрелки, как об одном из средств, обеспечивающих внезапность поражения артиллерийским огнём; недостаточно заострено внимание на корректировании стрельбы при помощи наблюдения с самолётов, имеющего большое значение для борьбы с артиллерией, и пр.

В этом отношении брошюра Кирея, несмотря на многие положительные её качества, являлась несколько отсталой от достижений артиллерийской техники даже того времени, т. е. 1916—1917 гг.

Из сопоставления приведённых выше выдержек из брошюры подполковника Кирея и официальных «Общих указаний» и «Наставления для борьбы за укреплённые полосы», изданных штабом главковерха в 1916 и 1917 гг., можно вывести заключение, что многие вопросы боевого применения артиллерии решались по существу в официальных руководствах иначе, чем в брошюре Кирея. В особенности большое различие замечается в решении вопроса о контрбатарейной борьбе, причём решение этого вопроса руководящими органами ставки главковерха следует признать более целесообразным

Во второй артиллерийской части «Общих указаний» 1916 г. подчёркивается, что «*борьба с артиллерией противника имеет громадное значение*».

Нельзя заранее предназначать батареи для борьбы с неприятельской артиллерией, если место её расположения и силы её неизвестны, а потому в официальных руководствах не было определённого требования относительно обязательного выделения специальных контрбатарейных групп. Но отсюда никак нельзя сделать вывод, что раз место и силы неприятельской артиллерии неизвестны, то не следует эту артиллерию найти и с нею бороться,

а приходится, как говорят, «сложить оружие» и предоставить ей безнаказанно разрушать и поражать нас. Не требуя обязательной организации контрбатарейных групп, «Общие указания» ч. II предлагали только применять для выполнения борьбы с артиллерией противника 76-*мм*, 107-*мм*, 120-*мм* и 152-*мм* пушки.

В отношении централизации управления артиллерией «Общими указаниями» предлагалось объединять в руках старшего артиллерийского начальника только тяжёлую, гаубичную и часть лёгкой артиллерии, изъятую из дивизий; вся же лёгкая артиллерия, выполняющая задачи непосредственного содействия пехоте, должна была оставаться в подчинении пехотных начальников тех боевых участков, в состав которых эта артиллерия была включена, т. е. в этом отношении указания официальных руководств были гораздо более определёнными, чем у Кирея.

Между прочим, на русских фронтах мировой войны ещё до объявления к руководству «Общих указаний» 1916 г., изданных ставкой, применялись для борьбы с артиллерией контрбатарейные группы, управление которыми объединялось в руках старшего артиллерийского начальника, т. е. в данном случае шли даже впереди «Указаний». Так например, на русском Западном фронте предписанием главнокомандующего фронтом 8 мая 1916 г. предложено было образовать сильную артиллерийскую группу для подавления огня неприятельской артиллерии, направленного против русского 24-го корпуса, атаковавшего Кревскую позицию. В состав группы были назначены дивизион 152-*мм* пушек 12-й тяжелой артиллерийской бригады и дивизион 152-*мм* гаубиц, имевшихся при 24-м корпусе. В целях объединения артиллерийского огня созданная артиллерийская группа была подчинена инспектору артиллерии Западного фронта генералу Шихлинскому, известному выдающемуся артиллеристу старой русской армии, бывшему руководителю офицерской артиллерийской школы. Судя по донесению генерала Шихлинского полевому генерал-инспектору артиллерии, поставленная артиллерийской группе задача была выполнена вполне успешно.[1]

Интересно познакомиться с методами использования немцами артиллерии во время единственной удачной для них операции прорыва укреплённого русского фронта, осуществлённой ими в сентябре 1917 г. по заранее продуманному и разработанному до мелочей плану, с целью овладения г. Ригой. Выше упоминалось, что прорывы австро-германцами русских Юго-Западного и Западного фронтов были лишь контрударами и производились не по заблаговременно разработанному плану.

Немцам предстояло под Ригой прорвать сильно укреплённые позиции русских, в особенности на левом берегу р. Западной Двины, занимаемые уже в течение почти двух лет и постепенно «совершенствуемые согласно последним достижениям военно-инженерной техники.

[1] ЦГВИА, 444, *л.* 151.

Главная масса русских войск (три корпуса) была сосредоточена в районе Риги, на рижской предмостной укреплённой позиции. Один корпус охранял побережье Рижского залива, один корпус оборонял участок около 100 *км* по правому берегу р. Западной Двины.

Немцы решили форсировать р. Двину возле Риги на фронте 4,5 *км* сосредоточенным кулаком из восьми пехотных и двух кавалерийских дивизий, после артиллерийской подготовки огнём 157 батарей и 21 роты минометов, сверх дивизионной артиллерии. С чрезвычайной скрытностью артиллерия заняла позиции за несколько дней до переправы, а минометы — накануне операции.

Германская артиллерия была разделена на две группы: *дивизионную*, предназначенную для поддержки пехоты, и *контрбатарейную* — 36 батарей, объединённых в руках одного особого начальника. Управление всеми минометами также было объединено в руках одного лица.

За 5 час. до начала переправы немецкой пехоты через реку артиллерия открыла непрерывный огонь химическими снарядами для нейтрализации русских батарей. Стрельба по русским батареям продолжалась 2 часа. Затем начались разрушение позиций, обстрел подступов и наиболее чувствительных пунктов, стрельба по привязным аэростатам и уничтожение проволочных заграждений особо назначенными батареями дивизионной артиллерии и почти всей массой остальной артиллерии. В то же время непрерывно продолжался интенсивный обстрел русских батарей химическими снарядами. Некоторые селения обстреливались зажигательными снарядами.

За 2½ часа до начала переправы через р. Двину немцы начали обстрел первых двух линий русских окопов из минометов.

За несколько минут до начала переправы германской артиллерией открыт был ураганный огонь. Непосредственно вслед за сильнейшей артиллерийской подготовкой, произведённой по плану, немцы переправились через Двину и сравнительно легко сбили малобоеспособную русскую пехотную дивизию, оборонявшую участок в районе переправы.

Во время самой переправы немецкие батареи вели заградительный огонь и обстреливали русские батареи химическими снарядами, а некоторые батареи тяжёлых гаубиц стреляли дымовыми снарядами, чтобы образовать дымовую завесу.

Русская артиллерия, ввиду непрекращающегося сильного обстрела химическими снарядами, оказалась не в состоянии ни достаточно интенсивно отвечать на огонь неприятельской артиллерии, ни обстреливать наступающую пехоту противника.

Этот пример ещё раз подтверждает, что обстрел химическими снарядами являлся лучшим средством нейтрализации огня артиллерии.

Немцы, развивая свой прорыв и охватывая левый фланг русских, заставили их поспешно отходить и 3 сентября заняли Ригу. Русские 6 сентября 1917 г. остановились на Венденских позициях.

ВЫВОДЫ ИЗ ОПЫТА ВОЙНЫ 1914—1917 гг. НА РУССКОМ ФРОНТЕ В ОТНОШЕНИИ ТАКТИКИ АРТИЛЛЕРИИ

Опыт мировой войны 1914—1917 гг. указал на безусловную необходимость организованности боевых действий артиллерии, выражающейся прежде всего в объединении управления огнём большей части артиллерии в руках старшего артиллерийского начальника и в своевременном сосредоточении артиллерийского огня по важнейшим целям в решающем направлении.

Централизованное управление огнём артиллерии, необходимое для достижения сосредоточенного, массированного, уничтожающего огня, не должно, однако, ограничивать проявление личной инициативы артиллерийских начальников в пределах поставленной им задачи.

Мировая война началась на русском фронте встречными сражениями на границах России с Германией и Австрией. Широкие пограничные пространства, в общем мало стеснявшие действия войск, позволяли осуществить самые смелые замыслы маневренных боевых столкновений.

На русском театре войны маневренный период тянулся приблизительно до ноября 1915 г., когда обе стороны — русские и австро-германцы — истощились, зарылись в землю и перешли к позиционной борьбе в ожидании полного достаточного обеспечения боевого снабжения армий.

На французском театре войны краткий период маневренных действий, прерванный позиционной войной в октябре 1914 г., не дал определённых выводов о применении артиллерии в маневренном сражении. Наоборот, почти 15 месяцев маневренной войны на русском фронте должны были бы дать большой опыт и те или иные выводы для использования артиллерии в разнообразных условиях обстановки маневренных боевых действий. Но верховное командование русской армии не сочло нужным ни заменять, ни дополнять «Устав полевой службы» и «Наставление для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., которыми руководствовалась в то время действующая армия, считая их вполне отвечающими боевым требованиям, предъявляемым к артиллерии в маневренный период войны.

В этот период войны выявилось большое разнообразие боевых задач, выпадающих на долю артиллерии, потребовавших для их

разрешения огромного числа орудий разных калибров, обладающих отлогой и крутой траекториями, обильно снабжённых различного типа снарядами. Опыт маневренной войны резко подчеркнул необходимость самой тесной увязки действий артиллерии с действиями пехоты и организованного планового использования артиллерийского огня, направляемого одной волей к достижению общей цели. Возросшая сложность боя потребовала от общевойсковых начальников и пехотных командиров знания свойств артиллерии, уменья ею распоряжаться и организовать её боевую работу в соответствии с её свойствами, а от артиллеристов потребовала не только уменья вести стрельбу, но и быстро оценивать тактическую обстановку и использовать своё мощное оружие в соответствии с этой обстановкой.

В общем опыт маневренного периода войны в отношении тактики артиллерии не был зафиксирован верховным командованием русской армии. Что же касается армейского командования, то оно издавало для руководства разные циркуляры, инструкции и наставления, лишь разъясняющие или дополняющие некоторые положения существующих официальных уставов и наставлений.

Высшее командование русской армии с первых дней войны и в течение всего маневренного периода войны, под тяжёлым впечатлением боевых неудач (гибель 2½ корпусов 2-й армии Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 г., неудачный штурм Перемышля осенью того же года), озабочено было прежде всего и больше всего острым недостатком в армии боевых припасов и винтовок, слабой обеспеченностью армии артиллерией вообще и тяжёлой артиллерией в особенности.

В маневренный период войны проводились мероприятия главным образом по организации, вооружению и боевому снабжению артиллерии, причём осуществлялись эти мероприятия по большей части импровизированным порядком, по крайней мере в первые годы (1914—1915 гг.) войны. Необходимые мероприятия по артиллерийской части, вызванные опытом мировой войны, в том числе и в отношении использования артиллерии в бою, получили более широкое и планомерное развитие лишь в 1916 г., т. е. уже в позиционный период войны, когда было создано при ставке главковерха управление полевого генерал-инспектора артиллерии (Упарт).

В отношении боевого использования артиллерии в условиях позиционной борьбы опыт мировой войны был всесторонне исследован верховным командованием русской армии, под руководством которого были составлены Упартом и штабом главковерха, изданные в 1916—1917 гг. «Общие указания» и «Наставление» для борьбы за укреплённые полосы и многие другие руководства, инструкции и указания по артиллерийской части (выше о них упоминалось).

Применение тактических положений вообще различно для каждого из способов ведения боя, в маневренных или в позиционных условиях, соответственно особенностям каждого из них. Позиционные условия войны, отличающиеся относительным по-

стоянством, допускают такие методы применения и боевой работы артиллерии, которые невозможны в условиях быстрого развития и непрерывно меняющейся обстановки маневренных подвижных боевых действий.

Но в большинстве случаев основные положения тактики являются для данной эпохи справедливыми для всех видов боевых столкновений — как подвижных маневренных, так и в условиях позиционной борьбы.

В общем, как указал опыт мировой войны 1914—1918 гг. на русском фронте, при использовании артиллерии в бою руководящими основаниями, обеспечивающими успех, служили следующие:

1. Главным назначением артиллерии остаётся могущественная огневая помощь своим войскам, в первую очередь своей пехоте.

В довоенное время это основное положение носило характер общей идеи, без каких бы то ни было конкретных данных, определяющих род и количество средств, необходимых для оказания действительной помощи своим войскам в тех или иных условиях боевых столкновений.

Выявившаяся во время войны чрезвычайная мощность огня артиллерии, возросшая сила ружейного и особенно пулемётного огня, необходимость уничтожения проволочных и других заграждений, разрушения окопов и укреплений, поражения укрывавшейся живой силы противника — всё это потребовало от артиллерии *борьбы за огневое превосходство,* чтобы, нейтрализовав или ослабив огонь неприятеля, обеспечить своим войскам переход к удару живой силой.

Война подтвердила необычайную силу и могущество артиллерийского огня вообще и особенно силу действия полевых 76-*мм* пушечных батарей по открытым живым целям. Самая доблестная пехота не могла противостоять огню полевых 76-*мм* пушек, если она наступала открыто и была видна с артиллерийских наблюдательных пунктов.

В конечном выводе определилось, что в сфере сильного артиллерийского и пулемётного огня противника пехота и другие войска не могут двигаться и выполнять поставленные им задачи, что необходимо добиться огневого превосходства своей артиллерии над огнём неприятеля — путём ли уничтожения его живой силы и огневых средств или только путём нейтрализации живой силы. Причём за основу применения артиллерии в бою необходимо принять: важнейшим объектом артиллерийского огня является живая сила противника; разрушение и уничтожение его укреплений и прочих материальных средств необходимо лишь постольку, поскольку это нужно для поражения его живой силы, а также для обеспечения свободного движения вперёд своей пехоты.

2. Успех боевых действий артиллерии основывается на внезапности применения сосредоточенного и массированного её огня.

Массовый сосредоточенный артиллерийский огонь, внезапно обрушивавшийся на войска противника, угрожавший уничтожением, ошеломлял неприятеля и лишал его возможности стрелять

или даже воли к сопротивлению. Этим пользовался атакующий, чтобы выполнить свою задачу и овладеть намеченным объектом действий.

Внезапность применения артиллерийского огня была положена в основу в боях последнего периода мировой войны 1914—1918 гг. не только на русском, но и на всех других фронтах.

Массирование артиллерии заключается не только в массировании артиллерийских средств, но и главным образом в массировании или сосредоточении артиллерийского огня, достигаемого искусным централизованным управлением артиллерией, а также применением соответствующих наиболее мощных систем орудий при условии максимального их использования и вполне достаточного обеспечения их боеприпасами.

К концу мировой войны глубина расположения обороны достигала 10 *км*. Для подавления огневых средств обороняющегося, рассредоточенных в такой глубокой полосе, требовалась быстрая поддержка артиллерийским огнём продвигающейся вперёд пехоты атакующего. При этом для обеспечения более тесного взаимодействия артиллерии с пехотой приходилось часть артиллерии передавать в непосредственное распоряжение пехотных командиров, т. е. прибегать к переходу от централизованного к децентрализованному управлению артиллерией. Для такого перехода без особых затруднений и без потери времени необходима была достаточно гибкая организация управления артиллерийским огнём.

При борьбе на широких фронтах также приходилось децентрализовать управление артиллерией, так как маневрирование огнём при широком фронте, особенно при слабой плотности расположения артиллерии, осуществить почти невозможно.

3. Наивыгоднейшее использование артиллерийского огня обеспечивается: целесообразной организацией огня, правильным боевым распределением артиллерии соответственно расчленению боевого порядка войскового соединения и взаимодействием орудий разных калибров сообразно их боевым свойствам.

В начале войны, в маневренный её период, боевое использование артиллерии не носило организационного характера и происходило в большинстве случаев по инициативе командиров батарей и дивизионов. В первых маневренных сражениях на русском фронте из задач артиллерии обычно предусматривалась только борьба с пехотой на дальностях примерно 2—3 *км* и с артиллерией на дальностях до 6 *км*. Война выдвинула много новых задач для борьбы артиллерии: поражение живой силы укрывшегося противника, разрушение закрытий, поражение на больших дальностях артиллерии неприятеля и его тылов, борьба с воздушным флотом, поражение броневых сил в виде броневых автомобилей и пр. (танки на русском фронте не применялись). Опыт войны указал на необходимость иметь на вооружении армии тяжёлую гаубичную и дальнобойную пушечную артиллерию, специальную зенитную артиллерию и облегчённую малокалиберную для непосредственного сопровождения и поддержки пехоты в бою,

а также для поражения пулемётов, штурмовой артиллерии, миномётов и т. д. (см. т. I, вторую часть).

Опыт войны указал на необходимость разграничения всех видов артиллерии по назначению и задачам: дивизионной — поддержка и сопровождение пехоты; корпусной — борьба с неприятельской артиллерией и поражение ближайших тылов противника, разрушение полевых укреплений; армейской (тяжёлой артиллерии особого назначения — ТАОН) — разрушение более прочных фортификационных построек и обстрел важных пунктов в дальнем тылу противника; малокалиберной и зенитной — их специальные задачи.

Словом, огонь артиллерии в целом, независимо от вида сражения — наступления или обороны, должен представлять организованную систему, основанную, с одной стороны, на разделении труда между разными видами артиллерии, с другой — на взаимодействии в процессе боя артиллерийских групп между собой и с пехотой.

4. Достижение огневого превосходства при решении боевых задач, выпадающих на артиллерию, требует предварительного расчёта необходимых артиллерийских средств — род и количество орудий, боеприпасов и пр.; в особенности для обеспечения огневого превосходства в условиях позиционной борьбы, когда требуется не только борьба с артиллерией, поражение живой силы противника и решение других частных задач, но и разрушение неприятельских оборонительных сооружений, уничтожение заграждений и прочих препятствий.

В большинстве случаев нельзя предпринимать ту или иную боевую операцию, предварительно не подсчитав необходимое количество артиллерии и боеприпасов. План операции зависит от наличия артиллерийских средств, в особенности при атаке укреплённых позиций. Войска, наносящие главный решительный удар, должны быть обеспечены артиллерийскими средствами по определённому расчёту, основанному хотя бы на приблизительных данных, выясненных опытом войны, с учётом по мере возможности применения вероятных новых средств вооружённой борьбы.

Сила и могущество артиллерийского огня обеспечиваются наличием необходимого числа орудий соответствующего калибра и конструкции, снабжённых достаточно большим количеством снарядов, правильностью постановки огневых задач и умением вести стрельбу в различных условиях боевой обстановки, имея в виду неизбежную по большей части затрату огромного расхода выстрелов, особенно в лёгких пушечных батареях.

Борьба с неприятельской артиллерией с целью прикрыть от её губительного огня свои войска оказалась одной из главных задач артиллерии.

Успех борьбы с артиллерией обеспечивался наличием дальнобойной артиллерии и воздушным наблюдением с самолётов и привязных аэростатов, а также применением химических снарядов в некоторых случаях стрельбы.

5. Боевая деятельность артиллерии при всех условиях боевой обстановки и боевых столкновений неотделима от действий пехоты.

Необходима полная согласованность действий пехоты и артиллерии, т. е. самое тесное их взаимодействие, для обеспечения непрерывной и могущественной поддержки пехоты артиллерийским огнём.

Недостаточное взаимодействие артиллерии с пехотой было крупным недочетом русской армии в сражениях первой мировой войны, в особенности в первый её маневренный период. Случалось, что пехота в наиболее тяжёлое для нее время боя оставалась без поддержки артиллерии, которая иногда стреляла не туда, куда требовалось пехоте, или не тогда, когда это было ей нужно; бывали случаи, правда редкие, что пехота попадала под огонь своей артиллерии.

Война резко подчеркнула, что для непосредственной ближайшей поддержки пехоты в наиболее опасный для неё момент атаки или отбития штурма необходима специальная, лёгкой системы, артиллерия сопровождения пехоты, а также штурмовые и траншейные орудия «ближнего боя» (так их называли).

Взаимодействие артиллерии с пехотой и другими войсками обеспечивается непрерывной и надёжно существующей связью с ними артиллерии, взаимной ориентировкой между ними, прочной организацией постоянного наблюдения и разведки, установлением общего языка для ориентировки и целеуказания и пр. Вернейшим же залогом взаимодействия служит *внутренняя органическая прочная связь между артиллерией и другими войсками,* достигаемая путём совместной работы и жизни ещё в мирное время, взаимного знакомства со свойствами и условиями боевого использования разных родов войск. Все это далеко не замечалось в старой русской армии в довоенный период её существования, как не замечалось и самого главного — необходимости правильного воспитания войск в духе единства понимания долга защиты своей родины, воспитания в каждом рядовом бойце, командире и начальнике единой высокой и сознательной дисциплины, инициативы, смелого и самоотверженного боевого порыва, решительности и непоколебимой готовности взаимной выручки.

В отношении использования артиллерии в различных условиях сражений мировой войны выводы тактики сводятся в общем к следующему.

В наступлении общая роль артиллерии, какая ей отводилась теоретически в довоенное время, подтвердилась, а именно: артиллерия, прикрытая своей сражающейся впереди пехотой, поддерживает последнюю своим огнём и *пролагает ей путь для атаки* противника, поражая его живую силу, уничтожая средства борьбы и разрушая закрытия, препятствия и укрепления, создаваемые неприятелем

В сражениях мировой войны пехота, не прикрытая во-время достаточно сильным артиллерийским огнём с фронта и с флангов от огня противника, не могла выполнять поставленных ей задач и несла напрасные потери.

Атаке пехоты должна предшествовать предварительная *подготовка огнём артиллерии.* Артиллерийская подготовка атаки должна начинаться одновременно с развёртыванием в боевой порядок и началом наступления пехоты в сфере огня неприятельской артиллерии. Артиллерийская подготовка не является самостоятельным отдельным актом боя: *непосредственным её продолжением должна служить атака пехоты.*

При наступлении артиллерийская подготовка необходима на всю глубину района расположения обороняющегося, однако не в ущерб сосредоточению массированного артиллерийского огня на решающих участках атаки.

В артиллерийской подготовке атаки главную роль играют, особенно при атаке укрывшегося или укрепившегося противника, гаубицы и тяжёлые орудия, обладающие крутой (навесной) траекторией и сильным фугасным снарядом, необходимым для разрушения закрытий и укреплений. Тяжёлая артиллерия, стреляющая снарядами большой разрушительной силы и на большие дальности, недоступные для лёгкой артиллерии, получила огромное значение не только в позиционной, но и в маневренной борьбе.

Действие тяжёлой дальнобойной и мощной артиллерии, особенно при искусном использовании ею *внезапности открытия огня*, производило ошеломляющее впечатление на пехоту. Та же артиллерия при помощи воздушного наблюдения справлялась в полной мере с задачами: гаубичная — с разрушением укреплений, опорных пунктов и закрытий, дальнобойная пушечная — успешно боролась с неприятельской артиллерией и обстреливала тылы противника.

Внезапность служит лучшим средством подготовки атаки, обеспечивающим её успех. Поэтому прежде всего, и особенно в маневренных условиях боя, необходимо всемерно стремиться к осуществлению принципа внезапности как в отношении поражения неприятеля артиллерийским огнём, так и в отношении самой атаки, а также к воздействию артиллерийского огня преимущественно на живую силу противника, и затем уже иметь в виду разрушение фортификационных и прочих сооружений неприятеля.

Опыт позиционного периода войны показал, что артиллерийская подготовка по методу разрушения позиции противника и уничтожения его артиллерии исключала использование внезапности и не могла дать большого, особенно ощутительного результата. Метод разрушения, требуя огромных артиллерийских средств и много времени, позволял живой силе неприятеля покинуть разрушаемые окопы и встретить атаку либо контратакой, либо губительным для атакующего огнём с новой, хотя бы и наспех построенной, оборонительной позиции. Артиллерийская подготовка с заменой разрушения позиций нейтрализацией живой

силы противника приводила к лучшим результатам. Метод нейтрализации, соединённый с внезапностью, позволял сосредоточивать в желаемом решающем участке неприятельского расположения массированный артиллерийский огонь такой силы, который был недостижим при методе разрушения, требовавшем рассредоточения огня артиллерии во времени и пространстве по отдельным задачам.

В условиях позиционной борьбы метод нейтрализации в сочетании с внезапностью действий признан был основным, хотя и требовал наличия богатых артиллерийских средств, оборудования различными специальными приборами, широко поставленной метеорологической службы и довольно длительного времени для подготовки артиллерии ко вступлению в бой. При этом обязательным условием обеспечения успеха являлось соединение нейтрализующего артиллерийского огня с частичным разрушением проволочных заграждений (так как танков тогда не было на русском фронте) и тех фланкирующих пулемётных гнёзд, которые представляли опасность для атакующей пехоты.

Атака пехоты, своевременно не поддержанная достаточно сильным артиллерийским огнём, не обещает успеха и легко может превратиться в собственное поражение. Поэтому при наступлении артиллерия, под прикрытием продвинувшейся вперёд пехоты и под защитой своего огня, должна постепенно продвигаться вперёд, чтобы занять новые позиции, отвечающие новым задачам пехоты и позволяющие своевременно поддержать её огнём в целях обеспечения общего успеха.

Решающий удар главных сил во всех случаях наступательного боя *должен быть поддержан сосредоточенным огнём подавляющего количества артиллерии*, превосходящей неприятельскую во всех отношениях, в том числе и в отношении могущества орудий.

При наступлении управление артиллерией должно быть настолько гибким, чтобы обеспечивать объединение действий в руках старшего артиллерийского начальника в период огневой подготовки атаки и в начальный период её развития, а при развитии наступательного боя в глубине расположения противника допускать переподчинение частей артиллерии пехотным подразделениям.

В обороне успех основан на наивыгоднейшем использовании артиллерийского и всех прочих видов огня, а также местности, фортификационных и других средств борьбы в сочетании с активными действиями и последующим переходом в наступление.

Задачи артиллерии обороны во все периоды боя — решительное поражение пехоты (при современных условиях и уничтожение танков) и *борьба с артиллерией противника.*

Артиллерия обороны должна: дальним огнём поражать наступающего в период сближения, решительно бороться с неприятельской артиллерией, стремясь к нейтрализации её огня с целью воспрепятствовать ей поражать обороняющуюся пехоту и разрушать укрепления; своим огнём остановить и стремиться уничто-

жить атакующую пехоту (теперь и танки противника), помочь своей пехоте выбить неприятеля, если он ворвётся в расположение обороняющегося; содействовать своим огнём переходу в контратаку.

Необходимо эшелонированное размещение артиллерии обороны, разбросанное не только по фронту, но и в тыловом районе в глубину. В связи с глубоким расположением обороняющейся пехоты успех обороны обеспечивается глубоким расположением артиллерии, если такое расположение позволяет вести не только непрерывный огонь по атакующему, ворвавшемуся в район оборонительной полосы, но и уничтожающий огонь на достаточную дальность перед фронтом позиции обороны.

Успех артиллерийского огня обороны основывается на искусном огневом маневрировании с использованием сосредоточенного, флангового и косоприцельного огня.

Планомерность, максимальное сосредоточение и массирование артиллерийского огня в требуемых направлениях легче всего достигается *при централизованном управлении артиллерией обороны*. Однако централизованное управление огнем артиллерии в оборонительном бою не должно ограничивать проявление личной инициативы, в *пределах поставленной артиллерии задачи*, артиллерийских начальников, начиная с командира батареи (отдельного взвода).

Во встречном бою задача артиллерии заключается, как это имелось в виду и в довоенное время, т. е. до 1914 г., в *быстром достижении огневого превосходства* над противником. Быстрота введения в бой подавляющей по силе артиллерии и решительность её искусных действий предрешают успех встречного боя.

Распределение артиллерии во встречном сражении должно соответствовать замыслу общевойскового командования. Большая часть артиллерии, включая часть дальнобойных 107-*мм* пушечных батарей, назначается в состав авангарда. Артиллерия авангарда должна поддержать вступление в бой пехоты (кавалерии) авангарда и обеспечить беспрепятственное развёртывание в боевой порядок и совершение манёвра главных сил.

Подтвердилось, что скоротечная, изменчивая обстановка встречного боя требует самых смелых действий со стороны артиллерийских начальников и особенно командиров батарей. Всем им должна быть предоставлена широкая инициатива, имеющая иногда почти решающее значение для успеха боя, однако при условии, что инициатива преследует цель достижения общей задачи боя и не нарушает тесной связи и взаимодействия с пехотой (конницей).

Действия конной артиллерии с кавалерией в маневренный период мировой войны подтвердили, что *основной задачей конной артиллерии является быстрая огневая поддержка и содействие своей кавалерии*. Однако конная артиллерия должна избегать *преждевременного открытия огня*, чтобы не выдать противнику

плана своего кавалерийского начальника, а потому действия её должны быть *согласованы по времени с действиями конницы.*

В первую очередь конная артиллерия должна своим огнём, по большей части с маскированных, иногда с закрытых позиций, содействовать выдвинутой вперёд охраняющей кавалерийской части «сковыванию» противника и лишению его свободы маневрирования; затем, частично меняя в случае надобности позиции, содействовать своим огнём манёвру своих кавалерийских частей, направленных для нанесения решительного удара; наконец, заняв, если нужно, быстро и по возможности скрытно новую позицию, преимущественно маскированную или открытую — на флангах, а иногда уступом впереди или в тылу своей атакующей конницы, обратить самый интенсивный огонь против той части неприятеля, которая непосредственно представляет угрозу своей коннице, и прежде всего против неприятельской кавалерии. Во встречном кавалерийском бою конная артиллерия должна вести огонь по конным целям почти до столкновения своей конницы с неприятельской, после чего, во избежание поражения своей конницы, переносит огонь на резервы и на артиллерию противника.

Опыт мировой войны подчеркнул, что ввиду быстротечности кавалерийского боя, недостаточной ясности и изменчивости в обстановке начальник конной артиллерии должен: действовать быстро и решительно, чтобы подготовить успех конной атаки в кратчайший срок; тщательно наблюдать за полем боя, чтобы не упустить благоприятного случая нанести противнику поражение огнём и чтобы не поражать частей своей конницы, когда они при атаке могут закрыть огонь своей артиллерии; обладать инициативой, чтобы самостоятельно разрешать без малейшего колебания вопросы о выборе целей для стрельбы, времени их обстрела, о выборе и перемене позиций, причём разрешать эти вопросы как на основе задачи, полученной от кавалерийского начальника, так и по личному почину самостоятельно в случае неполучения задачи от начальника, что нередко может случиться вследствие скоротечности боя кавалерии.

Основные идеи тактики артиллерии: *внезапность и массирование огня, глубина поражения и вытекающие отсюда сосредоточение огня и объединение действий артиллерии*, к которым австро-германцы и французы пришли лишь в итоге мировой войны 1914—1918 гг., — русская артиллерия стремилась проводить в жизнь ещё в довоенное время в 1905—1914 гг.

Однако русские артиллеристы в полной мере освоили и стали осуществлять эти основные идеи только в последний период первой мировой войны, когда необходимость их осуществления война подчеркнула в более резкой и ясной форме. Что же касается общевойскового командования русской армии, то оно, в общем, оставалось до конца войны чуждым к указанным идеям.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

СТРЕЛЬБА АРТИЛЛЕРИИ

ГЛАВА I

ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ

Успех боевой работы артиллерии всецело зависит от искусства ведения ею огня.

В отношении искусства стрельбы специальная стрелково-техническая подготовка русской артиллерии доведена была к началу первой мировой войны до высокой степени совершенства и в полной мере себя оправдала на опыте войны.

По беспристрастному свидетельству одного из виднейших русских артиллеристов, побывавшего три раза в 1914 г. в командировке в действующей армии в Галиции, вполне осведомлённого в действительном положении артиллерийского дела на фронте, — «блестящие, выше всяких похвал, действия артиллерии в техническом (стрелковом) отношении заслужили полное одобрение и восхищение; наши артиллеристы стрелять умели, они не забыли уроков полигонных стрельб, и каждый раз, когда надо, они давали то, что может дать современная артиллерия в умелых руках». [1]

Гинденбург, известный представитель командования германской армии в мировую войну, давая оценку русской армии в 1915 г., выразился, между прочим, так: «Русская артиллерия стреляет хорошо, хотя с огромным расходом снарядов».

В июне того же 1915 г. в журнале «Stuttgarter Neues Tageblatt» появилась статья военного корреспондента при главной квартире австро-венгерской армии, в которой говорилось, между прочим, следующее:

«Надо признать, что в последних боях русские обнаружили неожиданную мощь. В особенности следует отметить необычайную силу артиллерии... у Олыки, на фронте Луцка, огонь русской артиллерии оказался столь интенсивным, что создалось впечатление, будто перед нами одна митральеза, без передышки извергающая бесчисленные снаряды ... Во многих местах победа решалась неприятельской артиллерией».

---

[1] ЦГВИА, личный архив Барсукова. Отчёт генерала Карачана.

История мировой войны знает немало примеров ужасающих действий русской артиллерии по открыто расположенным или открыто двигающимся неприятельским войскам.

В первых же боевых столкновениях маневренного периода мировой войны выяснилась чрезвычайная сила огня русских полевых батарей особенно против открытой живой силы в густых построениях, в каких действовали в начале войны австро-германские войска. Наступающая пехота австро-германцев обычно представляла исключительно выгодные цели для артиллерии: боевой порядок в виде ряда сплошных густых цепей с интервалами между отдельными пехотинцами всего в один шаг, двигавшихся открыто одна цепь за другой на дистанции 100—200 шагов. Шрапнель 76-*мм* полевых пушек, эта «коса смерти», как её называли, находила себе обильную жатву в скоплении 3 000—4 000 людей открыто наступавшего неприятельского пехотного полка на площади до 2 *км* по фронту и не более 1 000 шагов в глубину. Не исключением бывало, что наступавшая таким образом австро-германская пехота, попадая под убийственный огонь шрапнели 76-*мм* полевых пушек, уничтожалась почти до последнего человека.

Полевая русская артиллерия наносила жестокое поражение и неприятельским батареям, располагавшимся в начале войны на открытых или маскированных позициях, особенно в тех случаях, если они попадали под огонь русских 122-*мм* гаубиц.

В бою 27 августа 1914 г. у Майдан-Гурно в Восточной Галиции австрийская 15-*см* тяжёлая батарея была расстреляна перекрёстным огнём русских лёгких 76-*мм* батарей и вся осталась на месте. При осмотре её оказалось: одно из орудий, видимо, пытались выкатить из окопа; около этого орудия валялась сражённая вся шестёрка лошадей подъехавшего передка и лежало несколько человек убитых. На позиции австрийской батареи были воронки от разрывов фугасных гранат, и всюду, даже на дне орудийных площадок, валялись шрапнельные стаканы. Найденная тут же неразорвавшаяся шрапнель имела дистанционную трубку, поставленную на удар. Очевидно русские батареи за недостатком гранат вели стрельбу шрапнелью на удар на большую дальность, превышающую дальность с максимальной установкой дистанционной трубки.

«Наставление для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., которым руководствовалась русская артиллерия в маневренный период войны, указывало, что артиллерия должна вести огонь непременно в видах определённых боевых задач, по вполне выясненным, достаточно важным целям, с расстояний, позволяющих нанести противнику существенный вред, и что результаты артиллерийского огня сильно повышаются при совместной стрельбе многих артиллерийских частей, *«объединённых общим управлением»*. Требовалось такое общее распределение артиллерийского огня, чтобы противник ни на одном боевом участке не мог действовать беспрепятственно, избегая, однако, «чрезмерного *дробле-*

ния огня» так как при этом нельзя «своевременно и быстро достигать решительных результатов».

«Наставление» указывало, что быстрое подавление неприятеля лучше всего достигается *«сосредоточением огня»* многих артиллерийских частей, в особенности *«при сочетании фронтального огня с фланговым»* (косоприцельным или продольным).

Сосредоточение огня легко достигается при численном превосходстве артиллерии, при отсутствии же численного превосходства может быть осуществлено последовательно путём переносов огня.

«Наставлением» 1912 г.[1] указывалось, что средством для обеспечения *действительности и своевременности* огня артиллерии служат: а) непрерывное наблюдение за противником и за местностью; б) связь и взаимный обмен результатами наблюдения между различными артиллерийскими частями и между артиллерией и войсками других родов; в) возможно более полная подготовка стрельбы; заблаговременное накопление данных для стрельбы путём пристрелки по возможно большему числу пунктов.

Артиллерии предлагалось, в виде общего правила, стрелять не стесняясь нахождением своих войск под траекториями её снарядов, и во всяком случае *вести стрельбу через головы атакующей пехоты до последней возможности.* Артиллерия обязана была принимать все меры во избежание случайного поражения своих. Пехота, со своей стороны, должна была принимать меры для обозначения мест своего нахождения с помощью опознавательных флагов, сигнальных ракет и других средств. При невозможности продолжать стрельбу через головы своих артиллерия переносила огонь на тыл и фланги неприятеля.

Лучшим средством для обеспечения возможности продолжать огонь до последнего предела служит непрерывная связь артиллерии с передовыми линиями пехоты. С этой целью в стрелковые цепи высылаются артиллерийские наблюдатели; они должны продвигаться вместе с пехотой, следить за стрельбой своих батарей, оценивать степень её безопасности для своих и результаты своих наблюдений передавать к стреляющим.

Для безопасности стрельбы через головы своих войск необходимо, чтобы они находились в достаточном удалении от орудий и от обстреливаемых целей и чтобы дальность стрельбы была не слишком мала. На ровной местности при стрельбе из полевых пушек безопасная зона начинается с расстояния около 600 *м* от стреляющих орудий, наименьшая дальность стрельбы около 2 *км*. Неровности местности значительно изменяют эти величины. Предел приближения наступающей пехоты к цели, по которой ведётся огонь, зависит от местности, видимости цели и своей пехоты, точности пристрелки, расположения стреляющих батарей и других условий, и не может быть точно установлен.

---

[1] «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г., § 78, 79—84, 86, 87, 91, 92, 93, 95.

При *первом открытии огня*, указывалось «Наставлением» 1912 г., следует избегать дальней стрельбы по маловажным и трудноуязвимым целям и во избежание преждевременного обнаружения общего расположения нашей артиллерии соразмерять число батарей, открывающих огонь, с предстоящей задачей.

Открытие огня на большие дальности допускалось в соответствии с боевой обстановкой с целью вынудить противника к преждевременному развёртыванию или для поражения особенно выгодных целей (войска в походных колоннах, кавалерия в крупных массах и т. п.) Предлагалось иметь в виду, что дальний огонь вообще не приводит к решительным результатам и увеличивает расход боеприпасов.

Огонь по данной цели продолжался, если боевая обстановка не требовала немедленной перемены цели, до тех пор, пока не будет исполнена поставленная задача, после чего переносился на новую цель или прекращался. Огонь прекращался также в случаях исчезновения цели или укрытия её от поражения, наступившей опасности для своих войск быть поражёнными своими снарядами, несоответствия результата огня с тратой снарядов и пр. Во всех случаях прекращения огня личный состав артиллерии пользовался укрытиями от неприятельского огня.

В случае прекращения огня подавленной неприятельской целью за ней организовывалось огневое наблюдение. Это особенно важно при подавлении неприятельской артиллерии, прекращение огня которой еще не служит признаком её полного расстройства.

Наблюдение имело задачей *удержание подавленных целей в парализованном состоянии.* Для наблюдения за подавленными целями назначались батареи, без дробления их огня по различным целям. Однако при наблюдении нет необходимости огонь этих батарей держать всё время направленным по подавленным целям; делались перерывы, во время которых наблюдающие батареи могли вести огонь и по другим целям. Допускалось ведение по подавленным целям медленного огня с включением в необходимых случаях коротких огневых налётов.

Временное прекращение огня допускалось в тех случаях, когда огонь неприятельской артиллерии становился подавляющим.

Согласно «Наставлению» 1912 г. право отдачи приказания о временном прекращении огня принадлежало командирам артиллерийских дивизионов и высшим над ними начальникам под их ответственность. Командиры дивизионов должны быть осведомлены, что *батареи должны вести огонь до последней возможности*, если можно предвидеть, что даже временное прекращение стрельбы пойдёт в ущерб выполнению общей задачи войск и намерениям начальника отряда, например, при поддержке атаки пехоты, при отражении атаки противника и т. п.

Главными целями для артиллерии служат *неприятельские войска*, при действии по которым необходимо уметь правильно выбирать: стрелять ли по неприятельской артиллерии, чтобы подавить её огонь, или непосредственно поражать пехоту противника.

Стрельба артиллерии *по местным предметам и фортификационным сооружениям* признавалась полезной, если этим облегчались действия своих войск. Разрушительная способность орудий, назначаемых для стрельбы по таким целям, должна соответствовать их прочности, в противном случае результат не может быть достигнут ни увеличением продолжительности стрельбы, ни увеличением количества выпускаемых снарядов.

Особенно необходимо вести стрельбу по наблюдательным пунктам артиллерийских и других войсковых начальников противника, их штабов, неприятельских разведчиков, воздушных шаров и самолетов. Требовалось обращать самое серьёзное внимание артиллерии на уничтожение неприятельских пулемётов, принимать все меры к отысканию мест их расположения.

Согласно «Наставлению» 1912 г., обязанности по управлению огнём распределяются между начальником артиллерии, командирами дивизионов и командирами батарей.

Начальник артиллерии, руководствуясь указаниями начальника отряда и общим планом боя: а) объединяет огневую работу подчинённых ему частей артиллерии и обеспечивает своевременное развитие наибольшей силы огня по важнейшим боевым участкам неприятеля, организуя сосредоточение огня по ним групп артиллерии; б) руководит огневой работой своей артиллерии, чтобы она постоянно отвечала требованиям войск других родов; в) периодически осведомляет начальника отряда о результатах, достигнутых огнём артиллерии.

Начальник артиллерии обязан проявлять самую широкую инициативу, идя навстречу нуждам других войск и намерениям начальника отряда, испрашивая в необходимых случаях новых его приказаний и не останавливаясь перед принятием вполне самостоятельных решений.

На командирах дивизионов лежит *тактическое управление огнём* подчинённых им батарей.

Командир дивизиона, руководствуясь указаниями командования: а) указывает командирам батарей цели для стрельбы, время и порядок открытия огня и его возобновления, а в некоторых случаях и прекращения огня; б) даёт указания относительно скорости стрельбы, усиления и ослабления огня в соответствии с боевой обстановкой; наблюдает за ведением огня батареями, следя и за тем, чтобы батареи своей стрельбой не стесняли одна другую; в) периодически осведомляет начальника артиллерии о результатах, достигнутых огнём дивизиона.

Внезапные изменения тактической обстановки дают командиру дивизиона право, а иногда обязывают его *самостоятельно перенести огонь за пределы участка*, назначенного старшим начальником для стрельбы дивизиона. «Наставлением» требовалось, чтобы о каждом таком случае командир дивизиона доносил начальнику артиллерии.

Техника ведения стрельбы предоставляется командирам батарей. Командир дивизиона вмешивается в их стрельбу лишь при

очевидных ошибках, приводящих к бесполезной трате снарядов. В тех исключительных случаях, когда указанная цель не понята командиром батареи — по её плохой видимости, трудности обозначения и т. п., командир дивизиона принимает меры для направления огня батареи на цель, беря иногда временное командование её огнём, но когда цель будет понята командиром батареи и стрельба по ней обеспечена, ведение огня по ней передаётся батарейному командиру.

На обязанности командира батареи лежит *ведение огня* по указанной батарее цели.

Согласно «Наставлению» 1912 г., командиры батарей имеют право оставить назначенную цель и самостоятельно перенести огонь на другую: при появлении неприятельских стрелков или пулемётов в опасной близости и при кавалерийской атаке — в случае самообороны батареи или в случае содействия соседним войскам. Но о таких переносах огня командиры батарей обязаны были донести командиру дивизиона. При разрыве же с ним связи командиры батарей могли самостоятельно переносить огонь в ближнем бою.

Относительно проявления инициативы при выборе целей для стрельбы в «Наставлении» 1912 г. имелось указание, что «*командиры батарей могут, под своей ответственностью, самостоятельно перенести огонь для использования выгодных, важных и в то же время скоропроходящих моментов боя*», например, в случае замеченного выезда или снятия с позиции неприятельской артиллерии, появления пулемётов в расстоянии их действительного огня, появления важной цели в мёртвом пространстве соседних батарей и т. п.

«Наставление» указывало, что в этих случаях командиры батарей «должны сознавать всю принимаемую ими на себя ответственность, взвешивать относительную важность целей и оценивать требования данного боевого положения» и что во всяком случае «они обязаны немедленно донести командиру дивизиона о самостоятельно исполненной перемене цели».

Такое указание «Наставления» значительно связывало командиров батарей в отношении проявления ими личной инициативы, так как офицеры старой русской армии, не исключая артиллеристов, вообще не были склонны к проявлению инициативы, а из боязни ответственности да ещё в боевой обстановке — в особенности.

Переносы огня по инициативе командиров батарей признавались «Наставлением» безусловно «*недопустимыми в минуты поддержки атаки своей пехоты и отражения удара противника*».

Офицерская артиллерийская школа при подготовке офицеров в мирное время придавала большое значение проявлению инициативы в широком смысле этого понятия, признавая её особенно необходимой при выборе целей для стрельбы в маневренных

условиях борьбы и прежде всего в условиях встречного столкновения.

Школа внушала проходившим курс командирам, что артиллерийский начальник обязан проявить инициативу и принять самостоятельное решение в тех случаях, когда требуется немедленная помощь соседним войскам или когда обстановка изменилась, а новых приказаний не получено. Проявление инициативы артиллерийскими начальниками школа признавала необходимым всемерно развивать, так как случаи выгодного действия артиллерии представляются в бою часто совершенно неожиданно и бывают обычно скоропреходящими, а свойства артиллерийского огня позволяют наносить поражение в самый короткий срок. Несмотря на всю желательность объединения управления артиллерийским огнём в руках старших начальников, школа считала необходимым предоставить свободу в выборе целей для стрельбы и командирам батарей. Но все артиллерийские командиры и начальники при выборе целей для стрельбы по личному почину обязаны были: руководствоваться прежде всего долгом взаимной выручки и поддержки своих войск; помнить, что в бою усилия всех войск должны быть направляемы к достижению одной общей задачи; доносить непосредственному старшему начальнику о принятии решения стрельбы по личной инициативе и не обстреливать по своему почину *фронтальным огнём* те цели, против которых уже рвутся снаряды своей артиллерии, допуская обстрел таких целей лишь фланговым огнём.

В маневренный период войны бывало немало положительных примеров уместного проявления личной инициативы со стороны командиров батарей и других артиллерийских начальников.

В бою у м. Тышовцы (в Восточной Галиции) 7 сентября 1914 г. командир одной из батарей 3-й артиллерийской бригады, заметивший вдалеке открыто стоящую неприятельскую батарею, стал её обстреливать. Расстояние до этой батареи оказалось так велико, что при максимальном угле возвышения орудия (76-*мм* пушки) с неподрытым сошником давали недолёты при верном направлении стрельбы. Командир батареи приказал подрыть сошники. После нескольких выстрелов гранатой при подрытом сошнике батарея противника, видимо обеспокоенная разорвавшимися вблизи гранатами, спешно снялась с позиции и ушла, не открывая огня против русских.

Но бывали и отрицательные примеры, когда некоторые артиллерийские начальники не проявляли инициативы в необходимых случаях, отговариваясь в большинстве случаев неполучением приказания.

Например, из переписки начальника штаба Юго-Западного фронта с начальником штаба 40-го армейского корпуса в мае 1915 г. по поводу неудачного расположения батарей в отношении организации анфиладного огня видно, что некоторые батареи не были пристреляны по ясно для них видимым и анфилируемым неприятельским окопам потому, что эти «окопы находятся против

фронта другой дивизии», причём, судя по переписке, это считалось только «мелким недоразумением»[1].

Офицерская артиллерийская школа обращала также большое внимание на предоставление командирам, проходящим курс школы, практики в управлении группами батарей, объединяемыми в целях достижения сосредоточенного массового огня. Однако вследствие крайне ограниченного отпуска снарядов на практические стрельбы и недостаточного числа батарей, прикомандировываемых к школе, групповые стрельбы производились обычно в составе лишь одного дивизиона и только два-три раза в период лагерного сбора в составе нескольких (3—5) дивизионов.

В маневренный период мировой войны бывали примеры вполне целесообразного применения сосредоточенного артиллерийского огня под объединённым управлением почти исключительно командиров дивизионов и редко под управлением более старших артиллерийских начальников.

Согласно «Уставу полевой службы», изданному для руководства в 1912 г., артиллерия должна: «всегда иметь в виду облегчение наступления пехоты; для этого она в начале боя обстреливает преимущественно артиллерию неприятеля, чтобы отвлечь её от своей пехоты, а когда пехота подойдёт на действительный ружейный огонь, действует преимущественно по пехоте неприятеля».

В отношении выбора целей для стрельбы артиллерии в общем не было расхождения между «Уставом полевой службы» 1912 г. и теми указаниями, какие проводились офицерской артиллерийской школой при боевой подготовке командиров русской полевой артиллерии.

Артиллерия при наступлении на *заранее укреплённую позицию* противника должна была, согласно тому же полевому уставу 1912 г., группироваться «предпочтительно на закрытых позициях и притом так, чтобы её охватывающее расположение способствовало перекрёстному обстреливанию опорных пунктов». Уставом предусматривалось, что «для разрушения опорных пунктов, укреплений и блиндажей особенно ценно применение мортирных и полевых тяжёлых батарей, соответственно расположенных». В этом указании устава возможно усмотреть необходимость подготовки атаки укреплённой позиции артиллерийским огнём, но лишь при широком понимании устава и при наличии способности к проявлению инициативы. Между тем, в общем то и другое отсутствовало среди большинства начальствующего и командного состава русской старой армии.

Согласно «Наставлению для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. выбор целей для стрельбы артиллерии: «всегда должен соответствовать тактической обстановке; артиллерия постоянно должна иметь в виду потребности войск других родов, стремясь поражать те цели, которые наиболее им вредят или наиболее стесняют их действия». «Наставлением» подчёркивалось,

[1] ЦГВИА, 108—109, л. 44—51,

что для артиллериста существенно важно уметь различать цели, более и менее важные в тактическом отношении, и что в равной степени важно уметь отказываться от выгодной в техническом отношении цели, если тактические требования побуждают направить огонь на другую цель, хотя бы и менее выгодную в смысле техники стрельбы. Для правильного понимания и целесообразного исполнения этих указаний «Наставления» 1912 г. необходима была достаточно высокая подготовка артиллерийских начальников и командиров в тактическом отношении, требовалось воспитание в них воли к безбоязненному проявлению личной инициативы. Между тем тактическую подготовку офицеров русской артиллерии к началу мировой войны нельзя считать в полной мере достаточной, а к проявлению инициативы они вообще, и старшие начальники в особенности, были мало склонны.

В период борьбы за укреплённые полосы русская артиллерия после мартовской и других боевых неудач 1916 г. стала действовать, особенно в позиционных условиях 1917 г., по строго продуманному и заранее составляемому плану, разрабатываемому в некоторых частях до мелочей.

В позиционный период войны такая постановка данного вопроса являлась необходимой, так как она была обоснована боевым опытом. К этому же стремились как союзники, так и противники России. Но и французы и германцы в своих инструкциях и директивах, изданных в последний год мировой войны, стали внушать своим войскам необходимость инициативы и решительности действий, как бы подчёркивая необходимость того и другого с неизбежным переходом от позиционной к маневренной войне. В германской инструкции «Наступательное сражение в позиционной войне», утверждённой 1 января 1918 г., говорилось между прочим: «Войсковым начальникам, не исключая низших, предоставляется полная инициатива».

В русских наставлениях, изданных в позиционный период войны (в 1916—1917 гг.), не было определённых указаний ни относительно необходимости проявления инициативы со стороны артиллерийских начальников и командиров, ни о методах сосредоточения огня артиллерии. В «Наставлении для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г. (ч. II и III) только во введении имелся намёк на необходимость проявления инициативы артиллерийскими начальниками. В ч. II «Наставления» указывалось, что нормы «Наставления» «не могут освободить начальствующих лиц от обязанности размышлять и руководить боем», а в ч. III указывалось, что заблаговременно продуманные и разработанные планы действий артиллерии для борьбы за укреплённые полосы «не освобождают начальников от обязанности непрерывно руководить боем» и что «одновременно они и не стесняют их творчества в бою, лишь значительно облегчая последнее и делая его вполне отвечающим обстановке боя...»

Несмотря на указания «Наставления для борьбы за укреплённые полосы», со стороны артиллерийских начальников и команди-

ров должное проявление инициативы далеко не всегда замечалось во время мировой войны, даже при необходимости взаимной выручки в бою.

Во вступлении ко второй части своей брошюры «Выводы из применения артиллерийских масс» подполковник Кирей свидетельствует, что «следя с наблюдательных пунктов за атаками наших позиций австрийцами и германцами, неоднократно приходилось видеть грустное явление: по наступающим цепям вели огонь только те батареи, которые были расположены позади атакуемого участка. Артиллерия соседней дивизии, а иногда и соседнего полка участия в отражении атаки либо совсем не принимала, либо оказывала самую незначительную поддержку, несмотря на полную пассивность противника на фронте».

«Между тем, отрешившись от сепаратизма, — продолжает Кирей в своём вступлении, — от обязательного заключения артиллерии в узкие рамки тыловых разграничительных линий своей дивизии и, приложивши небольшой сравнительно труд старших и младших командиров, можно и должно встретить врага заранее организованным огнём всех батарей, дальность орудий которых позволяет стрелять по атакуемому участку».

Во время мировой войны повторялась иногда та же возмутительная картина отсутствия взаимной выручки, какая наблюдалась во время русско-японской войны.

16 февраля 1905 г. во время Мукденского сражения японцы атаковали деревню Безымянную, занятую двумя ротами русских стрелков. Вследствие уничтожения закрытий артиллерийским огнём японцев и тяжёлых потерь (в одной из рот осталось только 37 стрелков) оборонявшиеся роты вынуждены были отступить. Во время этого боя, длившегося с раннего утра до полудня, в борьбе с японской артиллерией принимал участие лишь один артиллерийский дивизион. Стоявший же на позиции рядом с ним другой артиллерийский дивизион, вероятно, в силу своей принадлежности к составу другой стрелковой бригады, совершенно не угрожаемой атакой, не поддержал боевого соседа, хотя Безымянная от него находилась в сфере действительного артиллерийского огня (дальность около 2 *км*) и была хорошо видна [1].

«Наставление» 1912 г., которым русская артиллерия должна была руководствоваться до официального издания указаний и наставлений 1916—1917 гг., от неё требовало: стрельбу на поражение вести преимущественно «*сильными, короткими взрывами огня* (ураганами)», при которых определённое число выстрелов выпускалось бы в возможно меньший промежуток времени. Считалось, что огонь «ураганами» вызовет сильное моральное потрясение и материальное расстройство противника. Вместе с тем требовалось, чтобы ураганы выпускались только «*при наличности твердого убеждения в верности данных для стрельбы*»; возме-

[1] Е. З. Барсуков, Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, ГВИЗ, 1926 г., стр. 50.
Там же, стр. 47—51, см. другие примеры.

щать же неверность данных увеличением количества выпускаемых снарядов или увеличением продолжительности ураганной стрельбы запрещалось. Для удержания противника в подавленном состоянии в промежутках между ураганами, которые по самой сущности своей должны были быть кратковременными, а также для уточнения пристрелочных данных рекомендовалось вести медленный артиллерийский огонь.

Вопреки этим указаниям «Наставления» 1912 г., в русской артиллерии под давлением общевойсковых начальников, большинство которых почти не знало ни «Наставления», ни свойств артиллерии, установилось во время войны вредное начало непрерывного обсевания снарядами цели, а иногда даже довольно больших районов расположения противника массой снарядов, как это делалось во французской артиллерии, не особенно считаясь ни с важностью цели, ни с верностью данных для стрельбы и злоупотребляя во вред орудиям их скорострельностью.

В 1916 г. пришлось, чтобы положить этому предел, особым приказом наштаверха и «Указаниями для борьбы за укреплённые полосы» предписать «вывести из обихода *ураганный* и подобные ему виды огня, порождаемые неспокойным состоянием духа» и при этом подчеркнуть, что «*стрельба без ясно поставленной цели — преступная трата снарядов*».

В 1917 г. в «Наставлении для борьбы за укреплённые полосы» было довольно подробно разъяснено, что действительность стрельбы достигается не безудержным расходом снарядов, а методическим веденнем огня, целесообразным его распределением по заданному фронту противника, тщательным наблюдением каждого выстрела и производимого им разрушения. Методичный и длительный огонь давал возможность корректировать стрельбу каждого орудия и к тому же, как показал опыт войны, сильно действовал на психику противника. В условиях позиционной борьбы стрельба артиллерии имела задачей последовательное уничтожение или расстройство сил неприятеля, причём расход снарядов ставился в зависимость от важности задачи и от наличия запасов снарядов.

В обход указания «Наставления» прекратить ведение «ураганного» и ему подобных видов артиллерийского огня войсковые начальники ставили артиллерии задачи вести огонь: «интенсивный», «напряжённый», «барабанный» и т. п. Методичный артиллерийский огонь вообще не удовлетворял общевойсковое командование, не исключая высших начальников. Например, в июле 1917 г. при подготовке прорыва 10-й русской армией германской укреплённой позиции на фронте Шалудьки, Геверишки методический огонь артиллерии произвёл на самого главнокомандующего Западным фронтом впечатление «недостаточно интенсивного». По его мнению, противник под таким огнём «сидел на многих участках спокойно, хотя и достигнуты намеченные результаты разрушения». Главнокомандующий требовал вести огонь и во время артиллерийской подготовки такой интенсивности, чтобы всегда

держать противника в тревожном состоянии и воодушевлять свои войска «видимым эффектом и непрерывностью звуков от выстрелов и разрывов» [1] (см. ниже седьмую часть).

Методы стрельбы [2]

Русская артиллерия во время первой мировой войны придерживалась хорошо освоенных ею методов стрельбы, основанных на *«пристрелке» путём наблюдения «знаков разрывов»* (недолётов и перелётов) или, иначе говоря, путём *«захвата цели в вилку»*. Довоенные правила стрельбы русской артиллерии заключали в себе основательно разработанные указания главным образом о задачах и способах ведения пристрелки, затем о подготовке батареи к открытию огня, о наблюдении разрывов, о разделении огня, о признаках успешности стрельбы и скорости огня; что же касается методов ведения огня на поражение, то о них правила стрельбы содержали краткие и мало определённые указания.

С 1900 г., с началом перевооружения русской полевой артиллерии скорострельными 76-*мм* пушками, техническая подготовка к стрельбе получила первенствующее значение в деле обучения артиллерии, а угломер (впоследствии панорама), дающий возможность вести стрельбу с закрытых огневых позиций по невидимой для наводчика цели, получил самое широкое применение. За границей угломерные прицельные приспособления стали применяться позже, чем в России, за исключением Франции, артиллерия которой имела угломерный прибор гониометр с 1896 г.

Обучение артиллерии стрельбе проводилось при посредстве офицерской артиллерийской школы, которая разработала изданные в 1911 г. «Правила стрельбы и указания по применению угломера» с объяснительной запиской, составила и издала «Сведения по стрельбе полевой артиллерии», служившие настольной книгой для строевого артиллерийского офицера.

В том же 1911 г. было издано «Пособие по стрельбе полевой артиллерии» (см. выше), составленное под руководством генерала Краевского группой артиллерийских офицеров (руководители офицерской артиллерийской школы — полковники Клейненберг 1-й, Барсуков, Гобято и Синеоков, подполковник Добророльский и начальник артиллерийского полигона Петроградского военного округа полковник Лукашевич). «Пособие» состояло из четырех частей: ч. I «Общие сведения о стрельбе», ч. II «Ведение стрельбы», ч. III «Позиции», ч. IV «Обучение стрельбе».

В предисловии от составителей говорилось: «Цель издания «Пособия», кроме желания принести посильную помощь службе

---

[1] ЦГВИА, 174—756, л. 181—188.

[2] «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г., § 6, 76, 85, 94, 96. «Пособие по стрельбе полевой артилерии», 1911 г., стр. 1—140. ЦГВИА, «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», ч. II, артиллерийская, 1917 г., § 127—142. «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», ч. III, артиллерийская, 1917 г., § 115—119.

полевой артиллерии, заключается в искреннем стремлении получить самое широкое освещение затронутых вопросов путём обмена мнений и всесторонней критики», чтобы откровенные отзывы о «Пособии» послужили необходимым материалом для комиссии (образованной при Арткоме ГАУ под председательством генерала Краевского; авторы «Пособия» были членами комиссии) по пересмотру руководств и наставлений службы полевой артиллерии при разработке ею отдела о стрельбе.

В ч. I «Пособия» было пять разделов: раздел 1 — «Траектория полевых снарядов»: А) Общие понятия и термины, Б) Зависимость между некоторыми величинами, входящими в вопрос о полёте снарядов); раздел 2 — «Рассеивание траекторий и разрывов снарядов»: А) Рассеивание траекторий, Б) Рассеивание разрывов шрапнелей; раздел 3 — «Вероятность попаданий»: А) Общие понятия о вычислении вероятности, Б) Определение положения цели относительно центров падения и разрывов по результатам стрельбы; раздел 4 — «Таблицы стрельбы»; раздел 5 — «Действие полевых снарядов». В ч. II «Ведение стрельбы» заключались: «Правила стрельбы» (лёгкой, конной и горной артиллерии) с объяснительной запиской; «Указания к употреблению угломера» и «Управление огнём» — глава I — «Общие указания» о площадях, поражаемых шрапнелью и осколками тротиловых снарядов, о силе огня батареи, о значении флангового и косого огня, о сосредоточении огня и пр.; глава II — «Способы целеуказания» (по карте, по ориентиру, при помощи буссоли, графически, угломером, трансформатором, высокими разрывами); глава III — «Выбор целей для стрельбы». Часть III — «Позиции» и ч. IV — «Обучение стрельбе».

Изданные в 1911 г. официальные «Правила стрельбы» полевой артиллерии состояли из трёх отделов: в первом отделе имелись общие указания о задачах пристрелки, подготовке батареи к открытию огня, наблюдении разрывов, разделении огня, признаках успешности стрельбы и скорости огня; во втором отделе «Стрельба по войскам» заключались: а) правила пристрелки угломера (направления выстрелов), трубки (высоты разрывов) и возвышения (по дальности) при стрельбе по неподвижным войскам, видимым и невидимым с батареи, б) краткие указания по стрельбе на поражение, сущность которых сводилась (§ 99) к тому, что после получения вилки (в 5, 10 и иногда больше делений) следовало переходить на поражение с малого предела вилки, обстреливая площадь между пределами найдённой вилки скачками в 2 или 3 деления, причём получающимися наблюдениями по дальности пользовались для сужения границ обстреливаемой площади; в) особенности стрельбы по движущимся войскам; в третьем отделе «Особые виды стрельбы» помещены были способы пристрелки и ведения стрельбы по дирижаблю, привязному воздушному шару, стрельбы ночью и для разрушения препятствий.

Строевые артиллерийские офицеры в общем плохо разбирались в сравнительной ценности указаний третьего отдела и мало

ими пользовались, так как в довоенное время практические стрельбы указанного «особого» вида производились очень редко, в виде исключения.

Также редко, за недостатком снарядов, отпускаемых на практические стрельбы, производились стрельбы на поражение и на них почти не обращалось внимания.

В общем, «Правила стрельбы» 1911 г. заключали в себе главным образом правила пристрелки и содержали мало определённых указаний о ведении стрельбы на поражение, что было их недостатком.

Во введении к «Правилам стрельбы» 1911 г. указывалось, что стрельба состоит из пристрелки и стрельбы на поражение и что задача пристрелки заключается в определении направления, возвышения и установки трубки (при дистанционной стрельбе).

Там же имелись следующие общие указания:

а) Стрельба по войскам, незащищённым прочными закрытиями, ведётся шрапнелью; разрушение местных предметов производится гранатой. Граната назначается также для стрельбы по артиллерии, прикрытой щитами, но для окончательного её расстройства необходима комбинированная стрельба гранатой и шрапнелью. Такая же комбинированная стрельба может потребоваться по селениям и земляным закрытиям, занятым противником.

б) Пристрелка и стрельба на поражение ведётся командиром батареи. В случае же разделения батареи на части или одновременного обстреливания различных целей частями батареи стрельба ведётся начальниками этих частей, а на обязанности командира батареи лежит тактическое управление огнём.

При удалении наблюдательного пункта командира батареи непосредственное наблюдение за действиями батареи на огневой позиции возлагается на старшего, оставшегося на батарее, который должен принимать и передавать команды и следить за правильным и своевременным их исполнением.

в) До открытия огня должно принять меры к подготовке данных, обеспечивающих успех стрельбы. Причём при занятии позиции командир батареи, в зависимости от обстановки и имеющегося в его распоряжении времени, обязан был: выбрать или занять указанный ему наблюдательный пункт и установить непрерывное наблюдение за полем; указать место для постановки батареи на огневой позиции, при этом для обеспечения надлежащего направления фронта батареи, занимающей закрытую позицию, признавалось выгодным пользоваться буссолью; указать места передков и батарейного резерва, если он оставлен при батарее; распорядиться о порядке занятия позиции и пополнения боеприпасов; организовать связь своего наблюдательного пункта с огневой позицией батареи, с непосредственным своим начальником, с передовыми и соседними частями, а также с высланными им передовыми и боковыми наблюдателями; путём изучения местности выяснить возможные пункты появления или расположения противника и подступы к ним; направить батарею

в ориентир и подготовить исходные данные для открытия огня по важнейшим целям; выяснить данные о мёртвом пространстве и непоражаемых участках впереди своей позиции, а также о возможной поддержке своим огнём соседних частей; принять меры непосредственного охранения батареи.

Старший на огневой позиции батареи, в зависимости от обстановки и указаний командира батареи, обязан при занятии позиции: установить связь с командиром батареи и принять меры к непрерывному её поддержанию: строить параллельный веер, указывая, если найдёт необходимым, общую точку наводки; организовать связь с передками и батарейным резервом; организовать питание батареи боевыми припасами; распоряжаться маскировкой орудий и рытьём окопов.

Командиры взводов исполняют указания старшего на батарее, а начальники орудий (орудийные фейерверкеры) исполняют указания командиров взводов, ставят свои орудия на места, обеспечивая возможную горизонтальность их боевых осей; помогают орудийному расчёту уяснить точку наводки; следят за измерением наименьших прицелов и докладывают их командирам взводов.

До открытия огня по назначенной цели командир батареи: отыскивает цель, высылая для этого в случае надобности разведчиков и не останавливаясь перед переменой наблюдательного пункта; определяет протяжение цели по фронту, её фланги и глубину, положение её фронта относительно фронта батареи, род закрытий, прикрывающих цель, положение цели относительно закрытий и ближайших местных предметов, характер местности вблизи цели; подготовляет по местным предметам масштабы высот и боковых отклонений; выбирает способ ведения стрельбы, способ наводки и снаряд для стрельбы, если он не указан командиром дивизиона; определяет исходные данные для стрельбы, а в случае прямой наводки непосредственно по цели принимает меры к тому, чтобы весь личный состав батареи верно и быстро отыскал данную цель.

При наводке по угломеру стрельба, как общее правило, велась параллельным веером. Стрельба прямой наводкой в цель производилась с разделением огня по всей цели или по избранному её участку.

Для пристрелки командир батареи мог направить выстрелы против того избранного пункта или участка цели, который представлял особые выгоды для наблюдения.

Согласно «Наставлению для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., «наиболее точным приёмом для указания целей, в особенности при удалении командира дивизиона от командира батареи, является передача последнему цифровых данных угломерного прибора, определяющих направление на цель относительно направления на какой-либо ориентирный пункт»; при этом требовалось сообщать сведения о роде и свойствах цели, её удаления и пр. Передаваемые данные трансформировались команди-

рами батарей при помощи приборов или же числовым или графическим приёмом.

Хорошим средством для указания цели считались выстрелы уже направленной на неё каким-нибудь способом батареи. Но это было применимо лишь при условии, что открытие огня других батарей может быть допущено. Указание целей по местным предметам считалось ненадёжным, так как могло повести к недоразумениям, в особенности при значительном удалении принимающего указания командира от передающего.

При распознавании и указании целей необходимо пользоваться планами и картами.

В русской артиллерии для горизонтальной наводки и для отметки орудий назначался *угломер*. В довоенное время создалась чуть ли не целая «угломерная наука»: ряд книг об угломере, статей, мнемоников, графиков и разных угломерных приборов. Способы для направления орудия в цель основывались на геометрических началах подобия треугольников, свойств углов, вписанных в круг и описанных, на тригонометрических формулах и решениях треугольников и т. д. Причём все угломерные приборы служили для направления на цель разными способами одного орудия. Для целой батареи, расположенной на закрытой огневой позиции, строился «веер» — параллельный, сходящийся или расходящийся. Построение «вееров» основывалось также на геометрических началах.

Для угловых измерений пользовались биноклем, переносным угломером, стереотрубой или буссолью, а также простым приёмом — кулаком или ладонью и пальцами.

Целеуказание производилось: 1) по карте, 2) по угловой величине между какими-нибудь резко заметными предметами (ориентирами) и целью, 3) по буссоли и целлулоидному транспортиру графически или с помощью параллелограма, 4) по буссоли к угломеру Михаловского-Турова, 5) высокими разрывами пристреливавшейся батареи.

При целеуказании с помощью буссоли трансформацию, т. е. решение треугольника для определения необходимых данных, делали графически, пользуясь угловым планом и целлулоидным транспортиром. Угловой план требовал аккуратного прочерчивания линий и навыка для точной работы при измерении углов целлулоидным транспортиром.

Параллелограм даёт верное показание только в том случае, когда командир дивизиона и все командиры батарей находятся на одной линии. Для передового наблюдателя параллелограм не может применяться

Угломером-трансформатором Михаловского-Турова можно определить все необходимые данные для придания батарее желаемого направления, — но он не давал наглядности при решении треугольника, требовал довольно сложных манипуляций и был удобен в обращении при открытой установке, когда можно видеть цель.

Измерение баз и проведение телефонов для связи с командиром дивизиона требовали продолжительного подготовительного периода; при измерении баз и дистанций до цели без дальномера получались крупные ошибки, ведущие к большой неточности при целеуказании.

В батареях полевой артиллерии имелись дальномеры системы Обри, довольно простой, но несовершенной конструкции, которыми вообще не пользовались.

В крепостной артиллерии, особенно в береговых крепостях, были хорошие дальномеры системы Лауница и другие, сложного устройства, по своей громоздкости для полевой артиллерии непригодные.

Наблюдение производилось при помощи оптических приборов, призматических бинокле́й шестикратного увеличения и больших и малых стереотруб десятикратного увеличения с вращающимися на шарнирах правой и левой половинами, позволяющими по образцу перископа наблюдать из-за закрытия.

В призматических бинокля́х и стереотрубах были нанесены на особом стекле или на диафрагме деления, позволявшие измерять горизонтальные и вертикальные углы. Некоторым недостатком бинокле́й и труб являлось сравнительно небольшое поле зрения, неизбежное при большом увеличении.

Наблюдение с привязного аэростата только ещё начинали применять. В 1912 г. впервые на Лужский полигон офицерской артиллерийской школы была командирована учебно-воздухоплавательная рота, и только с 1913 г. в школе началось обучение наблюдению с привязного аэростата.

Пристрелка с помощью наблюдения с самолёта стала производиться на некоторых артиллерийских полигонах лишь за год до начала войны; например, на Клементьевском полигоне Московского округа только в 1914 г.

Офицерская артиллерийская школа неоднократно ходатайствовала о прикомандировании в её распоряжение на летний период практических стрельб авиационной части, но ходатайство школы не было удовлетворено.

Согласно «Правилам стрельбы» 1911 г. положение разрывов снарядов относительно цели по направлению, высоте и дальности определяется посредством наблюдения выстрелов.

Величина боковых отклонений снарядов оценивалась в делениях угломера при помощи бинокля с нанесённой сеткой делений, ладонью или на-глаз, если раньше подготовлен угловой масштаб боковых отклонений по местным предметам. Для более верной оценки величины бокового отклонения снаряда выгоднее находиться по возможности ближе к стреляющему орудию. Находясь в стороне от орудия, следует иметь в виду, что при правильном направлении выстрелов недолёты будут казаться отклонениями в сторону стреляющей батареи, а перелёты — в противоположную сторону.

Оценка высот разрывов производилась преимущественно при помощи бинокля с нанесённой сеткой делений или на-глаз, если раньше был подготовлен угловой масштаб высот разрывов по местным предметам. Высоты разрывов считаются от подошвы цели, если она видима. При расположении цели позади закрытия высоты разрывов считаются от верхнего края закрытия. Но при стрельбе на поражение принималась во внимание разница уровней закрытия и цели.

При клевках (разрывах при падении шрапнели) облако дыма тотчас поднимается кверху, часто имеет малую густоту и тёмную окраску вследствие перемешивания дыма с пылью или грязью. Разрывы до падения дают плотное белое облако дыма, несколько опускающееся вниз тотчас после своего появления.

Разрывы на воздухе (до падения) делятся по высоте на: а) разрывы ниже цели, облако дыма которых видно ниже цели или ниже гребня закрытия; б) низкие разрывы, дым которых виден на одном уровне с целью или гребнем закрытия; в) нормальные разрывы, которые происходят выше уровня цели или гребня закрытия до высоты в 5 делений угломера, считая эту высоту от подошвы цели или закрытия; г) высокие разрывы — до высоты от верхнего края нормальных разрывов в 10 делений угломера, считая эту высоту от подошвы цели или гребня закрытия; д) очень высокие разрывы — разрывы выше последней границы. [1]

При значительной разности уровней наблюдательного пункта и цели указанные высоты разрывов могут отличаться от их действительной величины.

Наблюдения по дальности производились относительно самой цели, если она видна, или относительно прикрывающего её закрытия. При недолёте облако дыма разорвавшегося снаряда закрывает цель или закрытие, если же облако дыма закрыто целью или закрытием, то получился перелёт.

При стрельбе по целям, расположенным на передних склонах высот, недолёт может показаться ниже, а перелёт — выше цели. В таких случаях возможно бывает судить о величине отклонения снаряда по дальности.

Вследствие тщательности применения войск к местности наблюдения по дальности относительно самой цели представляют затруднения, поэтому для таких наблюдений следует пользоваться местными предметами, положение которых относительно цели известно достоверно.

---

[1] Высоты разрывов—нормальных в 5 и высоких в 10 делений угломера показаны для 76-*мм* полевых легких пушек, для 76-*мм* горных пушек обр. 1904 г. высоты разрывов будут соответственно в 10 и 20 делений угломера; для 122-*мм* полевых гаубиц нормальные разрывы, которые происходят выше уровня цели или гребня закрытия до высоты, изменяющейся в зависимости от дистанции и боевого заряда от 5 до 15 делений угломера, а разрывы от верхнего края нормальных разрывов до удвоенной высоты предела нормальных назывались высокими.

Иногда разрывы вовсе не видны, что показывает одно из двух: либо получаются заглухания (или неразрывы) снарядов, либо облако дыма скрывается от глаз впереди лежащими предметами, причём в последнем случае видно бывает разреженное облако дыма, поднимающееся иногда по истечении некоторого времени. Вообще в таких случаях рекомендовалось: при отыскании возвышения дистанционными выстрелами поднимать разрывы уровнем, при ударной же стрельбе или изменять возвышение, соображаясь со свойствами местности, или переходить к отысканию возвышения дистанционными выстрелами.

Попадания в цель признавались только по ясно наблюдённым результатам.

При дистанционной стрельбе могут получаться «клевки», которые дают вообще менеее надёжные наблюдения по дальности, чем воздушные разрывы, так как видимость клевков в большой степени зависит от неровностей местности и свойств грунта в точке падения снаряда.

В некоторых случаях указания относительно перелётов и недолётов можно получить, наблюдая тень от облака разрыва, пыль, куски земли, брызги воды или грязи, поднимаемые при падении снарядов или осколков и пуль.

Не следует долго смотреть на цель в бинокль или зрительную трубу перед выстрелом, чтобы избежать излишнего утомления глаз. Облако дыма предпочтительно наблюдать в самый момент его появления, когда дым имеет наибольшую густоту. Некоторое выслеживание облака дыма бывает полезно только при боковом ветре, когда дым разрыва проносится мимо цели. При ветре, дующем приблизительно в направлении выстрелов, долгое наблюдение в бинокль после разрыва снаряда лишь замедляет стрельбу, напрасно утомляет зрение и даже может привести к ошибочному наблюдению, если ветер перенесёт дым на другую сторону цели.

Выстрелы, при которых различение перелёта от недолёта сомнительно, не принимались в соображение при отыскании возвышения.

В отношении признаков успешности стрельбы имелись следующие указания в «Правилах стрельбы» (лёгкой, конной и горной артиллерии), изданных в 1911 г. Самым надёжным признаком успешности стрельбы служит наносимое поражение или разрушение, производимое снарядами, если наблюдаемые результаты могут быть несомненно приписаны собственному огню.

При невозможности наблюдать поражение цели верное направление орудия характеризуется получением разрывов против обстреливаемого пункта и вместе с тем получением приблизительно равного числа отклонений снарядов вправо и влево. Правильность веера батареи характеризуется приблизительно равномерным распределением разрывов по фронту цели или обстреливаемого её участка.

Правильная установка дистанционной трубки (средняя высота разрывов) при дистанционной стрельбе на поражение характеризуется для разных дальностей различно:

а) На дальностях до 1 000 *м* высоты разрывов не должны превосходить 5 делений угломера; разрывы выше этой границы и клевки могут появляться лишь в виде исключения, как результат не вполне тщательной наводки и установки трубки вследствие волнения людей орудийного расчета, нередко охватывающего их при стрельбе на малые дальности.

б) На дальностях от 1 000 до 2 000 *м* (для горных 76-*мм* батарей обр. 1904 г. до 800 *м*) нормальные и низкие разрывы преобладают; на 2 000 *м* (для горных батарей обр. 1904 г. на 800 *м*) низкие разрывы составляют около половины выстрелов. Высокие разрывы и клевки могут происходить на этих дальностях как случайность.

в) На дальностях, превышающих 2 000 *м* (для горных батарей обр. 1904 г. 800 *м*), правильная установка трубки характеризуется преобладанием нормальных разрывов. Суммарное число разрывов низких и клевков при обыкновенной величине вертикального рассеивания должно составлять около четверти всех выстрелов. С увеличением дальности количество низких разрывов уменьшается, а количество клевков увеличивается за счёт низких разрывов.

Для оценки возвышения (средней траектории) при дистанционной стрельбе служит наблюдение недолётов и перелётов при разрывах, дающих наблюдения по дальности.

Непосредственная оценка величин интервалов разрывов признавалась возможной лишь при стрельбе на самых малых дальностях, при больших боковых смещениях или с пунктов, значительно превышающих цель, а также, иногда, при стрельбе по целям, расположенным на склонах.

При правильно отысканной трубке возвышение считалось верным, если при разрывах, дающих наблюдения по дальности, замечалось преобладание недолётов над перелётами. Если же при правильно отысканной трубке наблюдаются только недолёты, то такое возвышение считается верным, когда после увеличения высоты прицела на 3 деления с параллельным изменением установки трубки наблюдаются перелёты или преобладание перелётов. Возвышение признавалось малым лишь в том случае, если после увеличения возвышения на 3 деления всё-таки получались одни недолеты или преобладание их над перелётами.

При дистанционной стрельбе преобладание перелётов над недолётами считалось показателем того, что возвышение велико; при преобладании разрывов в воздухе равенство чисел недолётов и перелётов также считалось показателем того, что возвышение велико, особенно при короткой трубке.

При ударной стрельбе признаком правильно отысканного возвышения служит приблизительно одинаковое распределение снарядов на перелёты и недолёты. Чем ниже средняя высота разрывов

при дистанционной стрельбе, тем более признаки правильного возвышения для дистанционной стрельбы приближаются к признакам для ударной стрельбы.

В отношении скорости ведения огня в «Правилах стрельбы» 1911 г. имелись следующие общие указания. В течение пристрелки скорость огня ограничивается возможностью наблюдения отдельных выстрелов и выполнения требуемых поправок.

В целях увеличения скорости и надёжности пристрелка производилась группами выстрелов (батарейными очередями) при одинаковых возвышении и установке трубки, с настолько малыми промежутками между отдельными выстрелами, чтобы успеть лишь различить направление каждого орудия.

В некоторых случаях, например, с целью заблаговременного накопления данных для стрельбы по разным пунктам местности или при нежелании обнаруживать численность своих орудий, вели пристрелку одиночными выстрелами.

При стрельбе на поражение порядок и скорость огня обусловливаются тактической обстановкой.

Излишний расход снарядов в бою предупреждался своевременным замедлением скорости или прекращением огня. Отсутствие результатов после продолжительной стрельбы может служить признаком грубой ошибки в пристрелке, которую нельзя возместить большим количеством выпускаемых снарядов.

Для развития наибольшей скорости стрельбы, чтобы воспользоваться скоропреходящими обстоятельствами боя или достичь поражения в самый короткий промежуток времени, применялся «беглый» огонь, но с назначением не более двух патронов на 76-*мм* орудие. Непрерывный «беглый» огонь применялся лишь при самообороне батареи; для производства такого огня подавалась команда «Картечь».

В старой русской артиллерии запрещалось *скорость стрельбы увеличивать в ущерб точности наводки и установок трубок.*

Основным средством связи русской артиллерии служил проволочный телефон удовлетворительной конструкции типа «Ордонанс» с зуммером. На войну русские батареи выступили, имея каждая по две телефонных единицы с 12 *км* облегчённого кабеля (французские батареи имели лишь по 2 000 *м* провода). Кроме того, русская артиллерия умела применять сигнализацию — флажками по системе Морзе и символическую — и цепь передатчиков, но результаты работы флажками и передатчиками оказывались медленными и ненадёжными, в особенности при большом удалении наблюдательных пунктов от батареи, вследствие чего к этим двум средствам связи прибегали весьма редко. Оптические средства связи не применялись. О применении в артиллерии радиотелеграфии и радиотелефонии в довоенное время не было и речи.

Практические ночные стрельбы полевой артиллерии производились вообще редко; при этом для освещения целей обыкновенно не пользовались ни прожекторами, ни светящимися ракетами или

снарядами, ни другими осветительными средствами и в большинстве случаев освещали цели зажжёнными возле них кострами.

Артиллерия должна вести огонь по целям, наиболее сильно поражающим или наиболее мешающим движению своей пехоты. Этим основным указанием руководствовались русские артиллеристы при выборе целей для стрельбы.

Предлагалось иметь в виду, что полевые гаубицы и тяжёлая полевая артиллерия прежде всего должны назначаться для разрушения оборонительных сооружений и местных предметов, и только если разрушение их не требуется или после того как они будут разрушены, огонь гаубиц и полевых тяжёлых орудий разрешалось направлять по неприятельской щитовой артиллерии и всем другим прикрытым и открытым целям.

Выбор снаряда делался в зависимости от рода цели и её свойств.

Пушечная дистанционная шрапнель считалась главным снарядом полевой артиллерии, служащим для поражения всевозможных живых целей, за исключением лишь защищённых закрытиями.

Ударная шрапнель признавалась пригодной для поражения живых целей, защищённых плетнями, дощатыми заборами, живой изгородью, тонкими глинобитными стенами и т. п., а также для стрельбы на расстояниях, превышающих дальность дистанционного действия трубки.

Шрапнель с установкой трубки на картечь назначалась для самообороны батарей.

Пушечная граната назначалась для разрушения деревянных или не особенно прочных каменных построек и, отчасти, земляных сооружений, для действия по сельским населённым пунктам, по щитовой артиллерии; применялась при стрельбе на расстояния, превышающие дальность дистанционной шрапнели. Граната производила значительное моральное впечатление на необстрелянные войска.

Граната полевой гаубицы назначалась для стрельбы по опорным пунктам, укреплённым местным предметам, блиндированным постройкам, для разрушения земляных и других не особенно прочных фортификационных сооружений; производила при разрыве сильное моральное действие.

Шрапнель полевых гаубиц применялась для поражения войск, укрытых крутыми скатами высот, берегами оврагов, брустверами полевых укреплений, а также для поражения орудийного расчёта, прикрытого щитами.

По «Наставлению» 1912 г. (§ 96) «участок, назначенный дивизиону для действия или для наблюдения, как общее правило, не делится между батареями». Командир дивизиона обязан был принимать меры, чтобы огонь любой батареи мог быть направлен по любой цели в пределах всего дивизионного участка. Командир дивизиона устанавливал общий способ обозначения местных предметов и ориентирных пунктов литерами или названиями, а целей — номерами. Для облегчения переносов и сосредоточения огня

командиры батарей представляли командиру дивизиона пристрелянные ими данные для действия по различным целям или местным пунктам. Данные эти сообщались командирам батарей и ими выверялись. Командиры батарей должны были вести «табели» (схемы) своей стрельбы произвольной формы, в которые заносилось всё, что могло облегчить ведение огня, его переносы и сосредоточение (номера и названия целей и местных предметов, данные стрельбы по ним и пр.).

При сосредоточении огня нескольких батарей на общей цели, при малой её ширине, не превосходящей фронта батареи, веера батарей совмещались. В этом случае действительность сосредоточенного огня обеспечивалась более надёжно заблаговременной пристрелкой батарей. Фронт более широких целей делился на батарейные участки. В том случае, если батарее назначался участок или цель, шириной больше её собственного фронта, обстреливание производилось последовательным переносом параллельного веера. При этом могло быть обеспечено поражение участков до двойной ширины по сравнению с фронтом батареи. При действии батареи по весьма широкой цели допускалось распределять огонь по всему её фронту, назначая каждому орудию определённый участок и постепенно меняя, в пределах участка, направление выстрелов орудия. В исключительных случаях применялась одновременная стрельба частями батареи по разным целям вместо последовательных переносов огня целой батареи, причём огонь вёлся самостоятельно командирами полубатарей и взводов или даже орудийными начальниками, при общем руководстве командира батареи.

Офицерская артиллерийская школа рекомендовала сосредоточивать огонь нескольких батарей только по таким укрытым целям, с которыми отдельные батареи не могут справиться, причём огонь рядом стоящих батарей выгодно сосредоточивать при стрельбе разнотипными снарядами (шрапнель — граната) или при стрельбе из разнотипных орудий (пушка — гаубица). Шрапнельный огонь из однотипных орудий признавалось выгодным сосредоточивать при условии, чтобы взаимный уклон огня был не менее 1 : 4.

Во избежание непроизводительного расхода снарядов при ведении огня по собственной инициативе батарей, офицерская артиллерийская школа предлагала держаться следующих положений. При близком расположении батарей, когда можно определить, какая из соседних батарей ведёт огонь по цели, на которую сосредоточивают огонь, левая батарея должна уступать или применяться к огню правой. Если же нельзя определить, с какой стороны находится стреляющая удалённая батарея, то батарея, открывающая огонь позднее, применяется к огню ранее стреляющей батареи.

При открытии огня двух рядом стоящих батарей (уклон огня менее 1 : 4) по целям, по которым выгодно стрелять не только шрапнелью, но и гранатой, как, например, щитовая батарея противника, расположенная на открытой позиции, окоп или постройки,

занятые неприятельской пехотой, одна батарея (правая или левая) ведёт огонь шрапнелью, а другая гранатой

В том случае, если цель плохо видна (например, пехота за гребнем высоты, щитовая артиллерия на хорошо маскированной позиции) и приходится вести только шрапнельный огонь, то сосредоточенный огонь рядом стоящих батарей ведёт к бесцельному расходу снарядов и потому левая батарея должна прекращать огонь. Если же по одной укрытой цели одновременно открыли огонь две удалённые друг от друга батареи (уклон огня более 1 : 4), то батареи огня не прекращают, но батарея, открывшая огонь позднее, применяется к огню уже стреляющей батареи.

При переносах огня с одной цели на другую признавалось выгодным, чтобы батареи переносили огонь по целям, расположенным по возможности в одном направлении, так как в этом случае получается наименьшая задержка в огне и каждая батарея может держать под сильным шрапнельным огнём несколько прикрытых целей.

В общем «Правила стрельбы» 1911 г. русской артиллерии, несмотря на отсутствие в них определённых указаний о ведении стрельбы на поражение по разным целям и другие некоторые недостатки, признавались вполне целесообразными и в маневренный период мировой войны, как неоднократно приходилось об этом упоминать, русская артиллерия стреляла по этим «Правилам» весьма успешно.

Но с переходом к позиционной борьбе, когда для разрушения неприятельских укреплений и заграждений потребовалась очень точная стрельба, в особенности при сближении окопов своих с неприятельскими иногда до нескольких десятков шагов и риске при этом нанести поражение своей пехоте, необходимы были новые методы более точной пристрелки и определённые методы ведения стрельбы для поражения разнообразных целей, а для обеспечения внезапности нанесения поражения появилась необходимость ведения стрельбы даже вовсе без предварительной пристрелки, на основании исчисленных данных.

При сосредоточении значительного количества артиллерии на небольших участках позиционного фронта обычная пристрелка всех батарей затягивалась иногда на несколько часов, отнимая до 15% всего времени, назначенного для артиллерийской огневой подготовки прорыва укреплённой полосы противника. Продолжительная пристрелка обнаруживала неприятелю направление прорыва и исключала внезапность атаки. Наконец, данные для стрельбы, полученные заблаговременной пристрелкой, нередко оказывались несоответствующими, особенно если требовалась весьма точная стрельба: по данным пристрелки, полученным ранним утром, стрельба днём давала перелёты снарядов вследствие уменьшения плотности воздуха, а стрельба по данным пристрелки, полученным днём, давала вечером и ночью недолёты, иногда же приводила к опасным разрывам снарядов в расположении своей пехоты. В отношении обеспечения точности стрельбы играли роль

не только метеорологические условия, но и индивидуальные свойства каждого отдельного стреляющего орудия (расстрелянное орудие сообщает снаряду меньшую скорость и, следовательно, бросает снаряд не на ту дальность, какая указана в таблицах стрельбы, и пр.), свойства боевого заряда данной партии пороха, свойства данных партий дистанционных трубок или взрывателей и т. д.

Новые методы стрельбы, к которым перешли австро-германцы и англо-французы во время войны 1917—1918 гг., основаны были: на топографическом определении исходных данных — расстояния от орудий до цели, направления на цель, разности высот орудий и цели; на метеорологических данных состояния атмосферы — ветер, температура, влажность и плотность воздуха; на поправках, учитывающих свойства поступающих в батарею боеприпасов (расчёты этих поправок сводились в таблицу).

Русская артиллерия во время войны не имела систематических сводок и данных опытно-полигонных исследований для производства стрельбы без пристрелки. Впрочем, новые способы артиллерийской стрельбы, принятые бывшими союзниками и противниками России, не могли в полной мере *заменить пристрелку*, так как до самого конца войны данные топографической, метеорологической и балистической подготовки получались не настолько верными, чтобы по ним безошибочно производить все необходимые расчёты. Новые методы стрельбы всё-таки требовали пристрелки, но значительно её облегчали и позволяли выполнить в более короткий срок и с меньшим расходом снарядов. По этому поводу во французской инструкции по стрельбе артиллерии говорится:

«Подготовка и пристрелка взаимно дополняют друг друга: как общее правило, стрельба должна быть подготовлена так, как если бы она должна была бы вестись без пристрелки; затем следует пристрелка, выполняемая так, как будто бы ей не предшествовала подготовка».

Стрельба по сближенным участкам неприятельской укреплённой позиции, производившаяся, за недостатком у русских траншейных орудий, батареями дивизионной артиллерии, требовала весьма тщательных строгих расчётов, являлась весьма сложной и ответственной и сводилась к учёту индивидуальных свойств каждого отдельного орудия, т. е. к назначению при стрельбе разных установок прицела и уровня, принимая при этом во внимание изменение метеорологических условий (температуры, влажности и плотности воздуха, направления и силы ветра). Русская артиллерия в общем справлялась с этой трудной задачей, хотя случаи попадания в свою пехоту не были исключены. Считалась русская артиллерия и с разнообразием метеорологических условий. Батареи при обстреле сближенных передовых окопов обычно меняли установки прицелов (уровней) в ясные дни до трёх раз.

Стрельба с корректурой каждого орудия, необходимая для обстрела сближенных участков, вырабатывала в артиллеристах при её проведении напряжённую внимательность, постепенно воспи-

тывая в них уверенность в своих знаниях, умение и наблюдательность.

Австро-германская артиллерия вообще избегала обстрела участков, сближенных менее чем на 200 шагов, так как при таком обстреле часто случались разрывы снарядов в районе первых укреплённых линий своей пехоты. Для обстрела таких весьма сближенных участков австро-германцы обычно применяли огонь миномётов.

Особенности пристрелки и техники стрельбы артиллерии на поражение, выявленные в позиционный период войны на русском фронте, были зафиксированы «Наставлением для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г., особенно в ч. II («Действия артиллерии при прорыве укреплённой полосы») и отчасти в ч. III («Действия артиллерии при обороне укреплённой полосы»).

При обороне требовалось, чтобы местность и сооружения противника были тщательно изучены и чтобы батареи и отдельные взводы были пристреляны по всем целям, предназначенным им по плану артиллерийских действий. Эта пристрелка, говорилось в «Наставлении», «должна дать *возможность направить огонь в любое место совершенно точно или только с самой краткой пристрелкой*».

При обороне требовалось определять «прицел дня» проверочной пристрелкой по определённой, ясно видимой цели. Эта проверка выполнялась одним орудием на группу однотипных орудий и обычно на три различных дальности. Данные проверки сообщались батареям.

Несоответствие дневного и ночного прицелов также принималось во внимание.

Все полученные данные стрельбы помещались в виде сводок в дивизионные и групповые таблицы, в которых указывалось, по каким целям (цели занумеровывались) и какие именно батареи (взводы) пристреляны.

При прорыве укреплённой полосы заблаговременная пристрелка всей массы артиллерии, как явно подчёркивающая район предполагаемого удара, не допускалась. Разрешалось получать заблаговременно лишь грубые пристрелочные данные для орудий только некоторых батарей (ограничиваясь вилкой около 200 *м*) и при этом распределять время для пристрелки между батареями так, чтобы она имела характер и напряжённость стрельбы, производившейся и ранее.

Для орудий крупных калибров, чтобы не тратить напрасно их дорогих снарядов, рекомендовалось первоначальные данные подыскивать стрельбой однотипных орудий малого калибра.

Окончательную пристрелку предлагалось тщательно «*выполнить в день боя, непосредственно перед подготовкой атаки*» (в течение около 2—4 час.).

На второстепенных участках, удалённых от места намечаемого главного удара, разрешалось производить пристрелку накануне боя, чтобы обмануть противника.

«Наставление» (ч. II, § 128) указывало: «*Пристрелять надо каждое орудие, для чего батарейный участок делят на орудийные. Пристрелка «батареею» недопустима*».

В случае сближения с противником менее чем на 400 шагов требовалось перед началом пристрелки и артиллерийской подготовки атаки отводить незаметно назад пехоту, чтобы не поражать её своим огнём и не нервировать её.

Наблюдатели с самолётов и змейковых аэростатов должны были следить за пристрелкой и стрельбой на поражение и предупреждать стреляющего командира в том случае, если будет замечено неудовлетворительное распределение разрывов снарядов.

Начальники артиллерийских групп обязаны были о ходе пристрелки доносить начальникам артиллерии ударных корпусов и от них получали указания о переходе на поражение.

При стрельбе на поражение пыль и дым мешали наблюдениям; поэтому требовалось *окончательную* пристрелку выполнить тщательно.

«Наставлением для борьбы за укреплённые полосы» (ч. II, изд. 1917 г.) подчёркивалось, что, во-первых, действительность стрельбы достигается методическим ведением огня, целесообразным его распределением по задачам, тщательным наблюдением каждого выстрела и производимого им разрушения и что, во-вторых, «*стрельба без ясно поставленной цели — преступная трата снарядов*».

Стрельбу на разрушение требовалось вести орудиями с возможно равными промежутками между выстрелами; батарейные очереди и залпы не допускались. Методичный и длительный огонь действует на психику противника и позволяет корректировать каждое орудие. Предлагалось вести редкий огонь (примерно 10 выстрелов на орудие в час) по окопам и в первый час артиллерийской подготовки атаки, чтобы возможно было продолжать корректуру пристрелки.

В течение подготовки атаки признавалось полезным вводить противника в заблуждение. С этой целью в точно указанный командованием момент все батареи постепенно переносили огонь в тыл неприятельского расположения и значительно усиливали темп огня, подчёркивая этим как бы начало атаки.

Ночью подготовка и поддержка атаки артиллерийским огнём считалась вообще невозможной и недопустимой. «Ночная стрельба открывает расположение батарей», говорилось в «Наставлении» 1917 г. (ч. II, § 138); прибегать к ней разрешалось лишь при настоятельной надобности и как исключение, например: стрельба из орудий малых калибров для демонстрации, отбитие ночных атак по заблаговременно пристрелянным данным, чтобы мешать работам противника и беспокоить его в особенно важных участках его позиций или тыла, уничтожать неприятельские прожекторы и т. п.

В отношении продолжительности артиллерийской подготовки в «Наставлении» 1917 г. указывалось, что артиллерия должна выполнить поставленную ей задачу возможно скорее, «*но связы-*

вать артиллерию точным, часто чрезмерно коротким сроком подготовки атаки нельзя» (ч. II, § 139).

Продолжительность подготовки зависит от наличия орудий и боеприпасов, свойств укреплений противника, поставленной задачи, грунта и пр. Предполагалось, что летом возможно подготовку закончить в один день (в течение 8—10 часов) и в тот же день атаковать, чтобы противник не успел подвести большие резервы. В короткие зимние дни или при недостаточном числе орудий подготовку приходилось растянуть на два дня, причём на второй день проделывались проходы в заграждениях.

Разведку для проверки результатов произведённой артиллерийской подготовки требовалось «*выполнить быстро и энергично*».

В период позиционной борьбы 1916—1917 гг. на русском фронте известны были недопустимые «*случаи намеренной оттяжки атаки, влекущие за собой томление войск перед атакой и непроизводительный расход снарядов*».

«Наставлением» 1917 г. требовалось (ч. II, § 142) час атаки назначать с таким расчётом, чтобы «распоряжение об атаке *заведомо успело дойти по назначению*». На это необходимо было обычно не менее двух часов; в это время артиллерия обязана была продолжать огонь неизменно, хотя бы артиллерийская подготовка атаки и считалась законченной.

ГЛАВА II

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ СТРЕЛЬБЫ

Стрельба по открытым войскам [1]

Стрельба по открытым войскам производилась с успехом по правилам довоенного времени, по преимуществу из 76-*мм* лёгких и горных пушек. Попадавшие под убийственный огонь русских лёгких пушечных батарей неприятельская пехота и под огонь лёгких гаубичных батарей неприятельская артиллерия нередко совершенно уничтожались (примеры приведены выше).

В «Наставлении для борьбы за укреплённые полосы» (ч. III, § 121) имелось лишь краткое указание, что стрельбу по открытым войскам производит по преимуществу лёгкая (горная) артиллерия, чтобы заставить противника отказаться от выполнения каких-либо передвижений или работ. Стрельбы эти проводились по инициативе командиров дивизионов, а по целям, быстро преходящим, — по инициативе командиров батарей (отдельных взводов).

«Наставление», между прочим, подчёркивало что *«в пределах досягаемости ружейного и пулемётного огня»* задача стрельбы по открытым войскам *«по преимуществу выполняется войсками, занимающими первую линию окопов»*, т. е. пехотой или назначенной для обороны окопов спешенной конницей.

В «Правилах стрельбы» 1911 г. были следующие общие указания в отношении ведения стрельбы по неподвижным войскам.

Пристрелка направления (пристрелка угломера) состоит из корректуры направления веера и корректуры самого веера (направления отдельных орудий).

Величины боковых поправок определялись в делениях угломера по отклонению разрыва или края веера от избранного пункта или фланга цели. Предлагалось первую боковую поправку делать «решительной» и назначать преимущественно в целых десятках делений угломера.

---

[1] «Правила стрельбы» (лёгкой, конной и горной артиллерии), 1911 г. «Пособие по стрельбе полевой артиллерии», 1911 г. «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г. «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», ч. II, артиллерийская и III, 1917 г.

Пристрелка направления веера и самого веера считалась законченной, если разрывы снарядов распределялись приблизительно равномерно по обстреливаемому участку цели или если при сосредоточенном веере разрывы получались в пределах около 10 делений угломера.

В отношении пристрелки трубки (высоты разрывов) давались указания: подыскание надлежащей средней высоты разрывов (соответствия между возвышением и установкой трубки) при дистанционной стрельбе производится изменением установок уровня и трубки. На корректуру уровнем надо смотреть, как на корректуру неправильно определённого угла местности. При получении клевков предлагалось иметь в виду, что поправка по уровню без изменения прицела вызывает изменение дальности падения снаряда.

Поправку трубки предлагалось вообще не делать ранее наблюдения четырёх разрывов.

При значительном разнообразии высот разрывов поправку трубки следует основывать на большом числе наблюдений, если не представится возможность обнаружить и устранить причины получаемого разнообразия высот разрывов. Такими причинами могут быть непроверенные уровни и расположение орудий на разных горизонтах.

Для сохранения одной и той же средней высоты разрывов каждое изменение высоты прицела должно сопровождаться параллельным изменением установки трубки.

При стрельбе по целям, расположенным на склонах или гребнях высот, разрывы ниже цели считаются при поправках трубки, как клевки. Клевки выше цели (попадания в скат) не принимаются вовсе в расчёт для поправок трубки.

Для подыскания надлежащей установки трубки в том случае, если пристрелка по дальности производилась ударными выстрелами, делается, по окончании пристрелки, при раздельном огне, очередь выстрелов «батареею» на дистанционных разрывах. Установка трубки для этой очереди назначается с расчётом получить надлежащую среднюю высоту разрывов.

Пристрелка возвышения (по дальности) состоит в отыскании вилки, т. е. двух установок прицела (при стрельбе по уровню — при одной и той же установке уровня): меньшей (малый предел вилки), при которой наблюдаются недолёты, и бо́льшей (большой предел вилки), при которой наблюдаются перелёты.

Вилка должна быть отыскана по цели.

По цели, видимой командиром батареи или наблюдателем, вилка отыскивается относительно самой цели.

Если же цель не видна и наблюдения по дальности относительно её невозможны, то пределы вилки по цели отыскиваются по наблюдениям относительно местных предметов и гребней высот, расположенных спереди и позади цели.

В том случае, когда пристрелкой удастся определить лишь один предел вилки, для определения другого предела требовалось

принять все зависящие меры, пользуясь данными разведки, карой, сведениями от соседних частей и т. п.

Исходная установка прицела назначается в целых десятках делений, соответственно глазомерной оценке расстояния до цели. При более точном определении дальности исходная установка прицела может быть назначена с точностью до пяти делений.

Угол местности при раздельной наводке принимался во внимание назначением соответствующей исходной установки уровня.

При назначении исходной высоты прицела руководствовались следующими соображениями:

а) начинать пристрелку с перелётов, если можно опасаться поражения своих войск своими снарядами (например, при стрельбе по цели, атакуемой своей пехотой), или чтобы облегчить наблюдение (например, если цель или местный предмет, по которым ведётся пристрелка, плохо выделяется на фоне позади лежащей местности);

б) начинать пристрелку с недолётов выгодно ввиду возможности нанести уже во время пристрелки некоторое поражение, если пристрелка ведётся по самой цели.

Пристрелка шрапнелью велась, как общее правило, дистанционными выстрелами. Ударные выстрелы применялись лишь в тех случаях, когда не требовался немедленный переход на поражение, и при том на местности, благоприятствующей наблюдению падений снарядов. На расстояниях, превосходящих предел горения трубки, стрельбу надёжнее вести гранатой.

При отыскании вилки дистанционными выстрелами огонь вели обычно «батареею». Иногда тактическая обстановка или желание скрыть число пристреливающихся орудий требовали для отыскания вилки дистанционными выстрелами вести огонь частью батареи и даже отдельным орудием.

Пристрелка возвышения велась при нормальной трубке или при низкой, но при условии, чтобы клевков получалось не более половины.

Получив при первоначальном возвышении наблюдение по одну сторону цели (недолёт или перелёт), меняли возвышение скачками, в целых десятках делений, пока не получалась вилка.

Полученная вилка суживалась половинением до 5 делений. Если по условиям наблюдения такое сужение было трудно достижимым, то останавливались на 10-деленной, а в исключительных случаях и на более широкой вилке. Ограничивались получением вилки в 10 делений и в тех случаях, когда необходимо было воспользоваться скоропреходящими выгодами для обстреливания целей особенно уязвимых или опасных.

Для надёжного суждения о пределах вилки считалось необходимым иметь на каждом пределе по крайней мере по два наблюдения одного и того же знака; двум или более наблюдениям, полученным при одной и той же очереди выстрелов, придавалась особенная ценность для суждения о надёжности предела вилки. Однако в виде исключения ограничивались одним наблюдением на

пределе вилки, но с условием — при последующей стрельбе проверить его.

При получении при каком-либо возвышении нулевой вилки (одного недолёта и одного перелёта) испытываемое возвышение проверялось батарейными очередями до получения хотя бы одного наблюдения по дальности. Если при этом получались одни недолёты или одни перелёты, то возвышение увеличивали или уменьшали на 3 деления, чтобы получить вилку.

Стрельба на поражение, до предела горения трубки, производилась при разделённом огне дистанционными выстрелами — с установкой трубки на нормальный разрыв. Стрельба, в зависимости от обстановки боя и характера целей, велась или беглым огнём с назначением числа патронов на орудие, или с назначением промежутков между выстрелами, или по команде.

Поражение может производиться при нескольких или при одном возвышении. Для обстреливания глубоких целей или площадей производилась стрельба при нескольких возвышениях. Стрельба при одном возвышении допускалась по тонким целям и лишь в том случае, когда успех стрельбы при этом возвышении был очевиден.

Пристрелка по движущимся целям (войскам) велась или по самой цели или по тем местным предметам, миновать которые она не могла.

При стрельбе по движущимся войскам представляются случаи, когда в целях ускорения пристрелки возможно ограничиться одним наблюдением на пределе вилки. При этом следует иметь в виду, что из пределов вилки более важное значение имеет тот, к которому приближается цель.

При движении цели поперечно или косвенно к направлению выстрелов: а) при наводке непосредственно в цель исходную боковую установку назначали сообразно с боковым перемещением цели, б) при наводке по угломеру боковые поправки производили сообразно с боковым перемещением цели и временем, необходимым для подготовки батареи к выстрелу.

По получении вилки в 5 или 10 делений переходили на поражение на малом пределе вилки или отступив от него в сторону движения цели на 3—5 или большее число делений, соответственно скорости движения цели.

При наблюдении при каком-либо возвышении несомненного поражения цели немедленно переходили на поражение при этом возвышении или отступив от него в сторону движения цели, сообразно со скоростью её движения.

При весьма быстро наступающих целях ограничивались получением лишь малого предела вилки, выжидая на нём вступления цели в район поражения.

Стрельба на поражение движущихся войск обычно начиналась одиночными (пробными) выстрелами; по мере вступления цели в район поражения, огонь ускорялся и доводился, если было нужно, до беглого огня с назначением числа патронов на орудие.

При дальнейшей стрельбе цель держалась всё время в районе поражения, для чего возвышение изменялось скачками в 3—5 или больше делений в сторону движения цели в соответствии с его скоростью. При этом пользовались каждой, хотя бы кратковременной задержкой в движении цели для более энергичного её обстреливания или для поверки найденных возвышения и направления.

В том случае, если цель подходила к местным предметам, для которых заранее были определены направление и возвышение (пристрелкой, по карте, прежней стрельбой), она встречалась беглым огнём с назначением числа патронов на орудие.

Если цель вступала в мёртвое пространство перед батареей (при пристрелке из-за закрытия), не обстреливаемое соседними частями, то орудия выкатывались вперёд (иногда назад) для стрельбы с непосредственной прямой наводкой в цель.

Для отражения внезапной конной атаки на батарею назначался прицел 10, трубка — «картечь» и, выждав приближения цели на 500—600 *м*, командовался беглый огонь.

В отношении ведения стрельбы по цели, видимой с батареи или невидимой, в «Правилах стрельбы» 1911 г. имелись такие указания:

По цели, видимой с батареи, стрельба ведётся или с непосредственной наводкой в цель, или же с наводкой в общую для всей батареи точку. При ясно видимой цели, которую легко указать батарее, выгодно вести стрельбу с непосредственной наводкой в цель. Если же цель видна неясно или положение её трудно указать батарее, то выгоднее назначать батарее общую точку наводки.

Если батарее назначена общая точка наводки, то разделение огня и пристрелка угломера производятся командиром батареи. Если же ведётся стрельба с непосредственной наводкой в цель, то разделение огня и пристрелка угломера производятся командирами взводов, а командир батареи делает соответствующие указания командирам взводов лишь при повторяющихся ошибках с их стороны.

При стрельбе с непосредственной наводкой в цель командиры взводов делят фронт цели на-глаз, указывают орудиям своего взвода точки наводки и назначают боковую установку, принимая в расчёт ветер и наклон боевой оси.

Взводные командиры, командиры орудий (фейерверкеры) и наводчики должны были при открытии огня следить за направлением выстрелов предыдущих орудий, чтобы убедиться в правильности уяснения ими цели.

В том случае, если командирами взводов цель понята неправильно, командир батареи обязан был принять меры к её уяснению или назначить батарее общую точку наводки; если же цель понята правильно, то командир батареи подавал команду «Верно».

Если после перехода на поражение, при стрельбе с непосредственною наводкой в цель, командир батареи заметит неравно-

мерное распределение огня по фронту цели, то он делает очередь выстрелов «батареею», предупредив взводных командиров, чтобы они могли проследить и исправить направление своих орудий.

При целях в опасной близости каждый орудийный начальник (фейерверкер) самостоятельно избирал для своего орудия участок цели против себя. При этом, если у орудийного фейерверкера была полная уверенность в том, что противолежащий участок цели поражён в достаточной степени, то огонь своего орудия он переносил на соседние участки.

При стрельбе по цели, невидимой с батареи, предусматривалось два случая: командир батареи невдалеке от батареи, командир батареи значительно удалён от батареи.

В первом случае пристрелка угломера и корректура веера производились командиром батареи. Если первые выстрелы давали разрывы в стороне от цели, то назначалась общая боковая поправка всей батарее. Если же наблюдались значительные отклонения выстрелов отдельных орудий, то до назначения им поправки следовало проверить, правильно ли понята точка наводки и верна ли установка угломера.

Если по окончании пристрелки по дальности корректура веера не закончена или если пристрелка велась частью батареи, то перед переходом на поражение производится на малом пределе вилки одна или несколько очередей выстрелов «батареею» для проверки правильности направления отдельных орудий.

Во втором случае, при значительном удалении от плоскости стрельбы, командир батареи должен выводить разрывы на линию своего наблюдения. Сопровождая затем изменения прицела соответственными изменениями направления, вместе с вилкой по дальности командир батареи отыскивает боковую вилку, в пределах которой находится цель. В этом случае командир батареи не может судить о виде и ширине веера и поэтому корректуру веера выполняет старший на батарее, для чего командир батареи, со своей стороны, перед переходом на поражение делает одну или несколько очередей «батареею» на достаточно высоких разрывах, изменяя соответственно установку уровня и отдавая приказание старшему на батарее проверить и исправить веер. Старший на батарее докладывал командиру батареи о том, видны ли ему поднятые разрывы и требуется ли для исправления веера повторение подобной очереди.

«Наставлением для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. требовалось (§ 89) при стрельбе *по развернувшейся пехоте* огонь направлять по передним линиям и распределять его *по всему фронту* цели.

Признавалось также полезным обстреливать, кроме передних линий, и тыловые части противника — поддержки и резервы, стараясь при этом определить укрытые места расположения крупных резервов.

Согласно «Наставлению» 1912 г. огонь по пехоте, не защищённой закрытиями, требовалось вести *дистанционной шрапнелью.*

При стрельбе же *по селениям, земляным закрытиям и местным предметам,* занятым противником, первоначальной задачей артиллерии является ослабление огня неприятельской пехоты и лишение её свободы движения (§ 90 «Наставления» 1912 г.). С этой целью наружная окраина местного предмета или линии огня окопа должна обстреливаться *дистанционной шрапнелью* в сочетании с *ударной стрельбой гранатой.* Для сокращения расхода времени и снарядов признавалась весьма полезной заблаговременная, возможно точная пристрелка.

Признавалось также необходимым обстреливать из пушек и гаубиц внутреннее пространство местного предмета, занятого неприятелем с целью разрушения построек, производства пожаров, прекращения сообщения внутри и т. п., и держать под шрапнельным огнём тыловые и фланговые подступы, чтобы изолировать защитников помощи извне.

Согласно «Наставлению для борьбы за укрепленные полосы» 1917 г. (ч. III, § 122 и 123) *обстрел тыла противника и его путей сообщения* выполнялся по преимуществу лёгкой (горной) артиллерией, а вне досягаемости её выстрелов — 107-*мм*, 127-*мм* (5-дм) и 120-*мм* французскими пушками (120-*мм* пушки Обуховского завода и завода Виккерса применялись как исключение).

Для обеспечения успеха этой стрельбы необходима была помощь самолётов и змейковых аэростатов. Непрерывное наземное и воздушное наблюдение, обеспечивающее успех стрельбы артиллерии, заставляло неприятеля отказаться от передвижений днём. Занятые противником постройки, дома и деревни, находящиеся в пределах досягаемости артиллерийского огня, требовалось сжечь зажигательными снарядами («Указания для стрельбы 3-дм. зажигательными снарядами» изд. 1917 г.) или обстреливать периодически, чтобы сделать невозможным пребывание в них противника.

Тем же «Наставлением» 1917 г. (ч. III, § 126) предусматривалась так называемая стрельба «*в отместку*» или *ответная стрельба по окопам и тылу противника.*

Стрельба эта имела целью показать неприятелю, что мы готовы вернуть ему с избытком каждый выстрел, а нашей пехоте показать, что артиллерия открывает огонь в отместку за стрельбу противника по нашему расположению. В этих случаях огонь вели по неприятельским окопам или квартирным районам, подвергая одновременно, если возможно, обстрелу и неприятельские батареи, которые вели огонь.

Требовалось хорошо изучить позиционный район противника, определить чувствительные места его расположения и затем установить, каков должен быть ответный огонь на различные неприятельские стрельбы, беспокоющие наши войска, и занести эти ответные стрельбы в план наших артиллерийских действий.

Разрушение искусственных препятствий [1]

Рассчитывать на успешный исход атаки укреплённой позиции большей частью нельзя было, если искусственные препятствия не прорваны.

Разрушение искусственных препятствий требует большого расхода снарядов (см. выше, ч. 4, табл. 3). Поэтому с указанной целью рекомендовалось использовать не только артиллерию, но и другие средства: бомбомёты и миномёты, ручные гранаты, ножницы, удлинённые заряды.

Предпочтительно сделать большое число узких проходов (на каждую атакующую роту примерно 2—4 прохода, шириной 8—10 *м* каждый), чем немного широких проходов.

Успешность стрельбы для разрушения заграждений требует: *небольшой дальности* — от 2 до 3 *км*; *отчётливого наблюдения* — разрушаемый участок, каждая проволока должны быть хорошо видны; *твёрдого грунта у цели* (топкий или мягкий грунт при отсутствии взрывателя мгновенного действия почти исключает возможность разрушения).

Глубокие заграждения выгоднее разрушать фронтальным огнём. Узкие полосы заграждений (6—8 *м* глубиной), напротив, выгодно разрушать фланговым огнём, так как при этом, благодаря рассеиванию в направлении стрельбы, получается широкий по фронту проход.

Стрельбу предпочтительно вести полубатареями (т. е. по 3 орудия при 6-орудийной батарее), задавая каждой полубатарее прочистить свой особый проход. При этом одна батарея, работающая по-полубатарейно, может в течение 8—10 час. сделать до 6 проходов, шириной каждый 8—10 *м* (при общей глубине заграждений не более 20 *м* и при деревянных кольях), т. е. расчистить путь в заграждениях первой линии примерно для двух рот.

При фронтальном огне требовалось каждое орудие пристрелять с точностью до ½ деления прицела и так проводить пристрелку и стрельбу, чтобы для каждого орудия получалось около 20—25% недолётов относительно переднего края заграждения.

Темп стрельбы должен был допускать наблюдение каждого выстрела.

Несколько полос заграждений, разделённых промежутками в 20 *м* и более, требовалось разрушить постепенно одну за другой, производя каждый раз перед обстрелом полосы проверочную пристрелку.

Общевойсковые начальники должны указать артиллерии, где и какой ширины сделать проходы в искусственных заграждениях, причём эти указания должны быть даны общевойсковыми начальниками с наблюдательных пунктов и из передовых окопов, сличая местность с фотографическим планом. Таким же образом все

---

[1] ЦГВИА, «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», ч. II, артиллерийская, 1917 г., § 143—158.

артиллерийские начальники ставят задачи и передают указания последующим артиллерийским начальникам.

Распределение участков на местности обязательно.

Предварительно, пользуясь воздушной фотографией и данными разведки, выясняют число линий и кольев в линиях, расстояние между линиями и имеются ли заграждения перед второй и третьей линиями окопов.

Проходы в заграждениях второй и последующих линий окопов атакованной полосы следует намечать против прорывов первой линии, причём эти проходы должно проделать до начала атаки, чтобы заграждения не задержали атаки. Устройство проходов желательно закончить перед самой атакой. В том случае, если проходы сделаны, но атака задерживается, необходимо проходы непрерывно наблюдать и обстреливать при попытках неприятеля их исправить. На ночь организуется специальная стрельба пехоты и назначаются для обстреливания проходов пулемётные или бомбомётные (миномётные) батареи. Артиллерия ночью поддерживает огонь по проходам, но нельзя возлагать на неё всю ночную работу по обстрелу проходов.

Выше (см. четвёртую часть) указывалось, что для разрушения проволочных заграждений лучшими орудиями являются 76-*мм* полевые и горные пушки и что для разрушения проволочных заграждений, особо прочных или укрытых скатом, недоступных для отлогой траектории пушек, применяются полевые гаубицы (114- и 122-*мм*).

При соблюдении указанных условий возможно просечь, примерно с 2—3 *км*, проволочные заграждения из нескольких отдельных полос, при общей глубине полос проволоки и разделяющих их промежутков в 20—30 *м*. Если же общая глубина препятствий больше 20—30 *м* или будет замечено, что дальние ряды разрушаются неуспешно, то возвышение меняют на одно деление уровня.

При разрушении однополосных заграждений шириной 10 *м* и менее, техника стрельбы легче и расход снарядов меньше; в этом случае желательно иметь 30—40% недолётов, в зависимости от ширины полосы.

Проходы, сделанные в заграждениях артиллерией или миномётами, должны быть, по возможности, совершенно чистые. Окончательную расчистку препятствий, случайно уцелевших в проходах, выполняют атакующие войска.

Разрушение и обстрел оборонительных сооружений [1]

«Правилами стрельбы» 1911 г. («Стрельба для разрушения препятствий», § 136—142) указывалось, что при разрушении местных

[1] «Правила стрельбы» (лёгкой, конной и горной артиллерии), 1911 г. «Пособие по стрельбе полевой артиллерии», 1911 г. «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г. «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», 1917 г., ч. II — артиллерийская и III.

предметов и разного рода препятствий «важное значение имеют обстоятельства, увеличивающие меткость стрельбы и точность пристрелки» и что поэтому «успех стрельбы возрастает с уменьшением дистанции и при возможности наблюдения достигнутого разрушения».

При стрельбе на разрушение отыскание угла возвышения, вообще, велось ударными выстрелами гранатой. Применение дистанционных выстрелов шрапнелью признавалось возможным лишь в исключительных случаях, например, при отыскании вилки в условиях, крайне неблагоприятных для наблюдения падений снарядов. Стрельба на поражение производилась всегда гранатой.

Получив ударными выстрелами вилку в 10—15 делений, сужали её до 2—3 делений. Пределы полученной вилки проверяли, причём предел считался верным, если на нём было по крайней мере три наблюдения одного знака.

При получении на малом пределе вилки только недолётов, а на большом только перелётов, для дальнейшей стрельбы избирали возвышение, среднее между пределами вилки в 2 деления, или одно из средних при вилке в 3 деления и производили на нём батарейную очередь. Если же батарейная очередь на испытываемом возвышении не давала признаков успешности стрельбы, то делали поправку в одно деление, судя по результату наблюдений. Дальнейшая стрельба велась батарейными очередями, меняя возвышение через 1 деление, до получения признаков успеха стрельбы.

В том случае, если при отыскании вилки или при проверке её пределов получались падения по обе стороны цели или попадание, то при испытываемом возвышении производилась батарейная очередь, по результатам которой приходили к заключению, следует ли продолжать огонь на этом возвышении или сделать поправку для отыскания или поверки 3-деленной вилки, судя по имевшимся ранее наблюдениям.

Дальнейшая стрельба на поражение производилась при том возвышении, которое дало наиболее благоприятные указания для успешности стрельбы.

В «Пособии по стрельбе полевой артиллерии» 1911 г., составленном группой артиллерийских офицеров (большинство которых было из руководителей офицерской артиллерийской школы), приведён приблизительный подсчёт числа снарядов и необходимого времени для разрушения опорного пункта (стр. 121—123).

Атака опорных пунктов под прикрытием одного шрапнельного огня может оказаться безуспешной, так как противник, чувствуя себя совершенно безопасно под защитой окопов и блиндажей в то время, когда атакующая пехота, подойдя близко к противнику, закроет собой огонь своей артиллерии, откроет убийственный ружейный, пулемётный и миномётный огонь из-за бруствера и будет сильно поражать наступающую пехоту.

Успех атаки может быть обеспечен только после разрушения оборонительных сооружений противника.

Калибр орудий, необходимых для разрушения оборонительных сооружений, определяется тем соображением, чтобы каждый фугасный снаряд, попавший в сооружение, разрушал его.

Опыт осады Порт-Артура в русско-японскую войну 1904—1905 гг. указал, что для подготовки атаки на Водопроводный редут временного типа, линия огня которого была около 20 *м* по фронту и 40 *м* в глубину, японцы выпустили более 1 000 фугасных снарядов. И только после того как японцы израсходовали такое число снарядов и когда в редуте были сбиты бойницы и разбиты все блиндажи, их атака имела успех, а несколько японских атак, произведённых до разрушения редута, были отбиты. Таким образом, для успешной подготовки атаки японцы выпустили около 1,25 снаряда на каждый квадратный метр редута.

При атаке укреплённого опорного пункта необходимо рассчитывать на большой расход снарядов, имея в виду, что чем меньше израсходовано снарядов, тем слабее будут разрушены оборонительные сооружения и тем больших потерь от пехоты потребует успех атаки, тем больше шансов, что атака будет отбита.

Время для подготовки атаки на опорный пункт составители «Пособия по стрельбе полевой артиллерии» определяли следующими соображениями. Если для разрушения опорного пункта назначается одна 122-*мм* гаубичная батарея и считается достаточным израсходовать 1 000 снарядов, то, принимая скорость огня при продолжительной стрельбе 1 выстрел в 1 мин., найдём, что подготовка атаки потребует около 3 час. времени (1000 : 360). Принимая же во внимание время на выбор и оборудование позиции и то, что при стрельбе придётся сообразоваться с показаниями наблюдателей, находящихся в передовых пехотных частях, указанное время (около 3 час.) придётся увеличить.

Опыт мировой войны 1914—1917 гг. подтвердил, что артиллерия не могла в большинстве случаев совершенно уничтожить и разрушить окопы особой прочности, построенные с применением бетона и железа.

«Наставление для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г. (ч. II — артиллерийская, § 159) напоминало, что артиллерия «не уничтожает, а *всемерно ослабляет материальные и моральные силы противника*» и что «потрясённого противника добивает пехота стремительной атакой».

Сплошное разрушение всех сооружений на всём участке, избранном для нанесения главного удара противнику, обычно бывает не по силам артиллерии. А потому не должно быть *«равномерного распределения огня по всему участку главного удара»:* огонь нужно сгущать на более сильных участках и на таких, которые приходятся против мест проходов, уже сделанных в заграждениях.

Изучив во всех подробностях избранный для совершения прорыва участок укреплённой позиции противника, оборонительные сооружения на этом участке распределяют на *«главные и второстепенные»*. К главным элементам относят фланкирующие по-

стройки и изломы укреплений, блокгаузы, пулемётные блиндажи, узлы скрещения окопов и ходов сообщений, дворики и блиндажи траншейных пушек, укрытия для защитников укреплённой полосы. Планом артиллерийских действий главные элементы должны быть заблаговременно распределены между батареями и назначены к разрушению (подавлению) артиллерией или миномётами.

Второстепенные элементы желательно держать под нейтрализующим огнём лёгкой артиллерии (преимущественно гранатами), усиливаемым перед атакой часа за два (гранатой и шрапнелью) и поддерживаемым в течение атаки, чтобы загнать неприятеля в норы и не допустить с его стороны ружейного и пулемётного огня по атакующему.

Батареям требовалось назначить соразмерные силам участки и определить приблизительный расход снарядов на каждую задачу (см. выше, табл. 4 и 5).

«Наставление» указывало для предварительных соображений следующие примерные данные:

а) В составе 4-орудийной батареи, действуя фронтальным огнём в течение 8—10 час. с расстояния около 3 *км*, каждая 152-*мм* гаубица (или пушка в 120, 190 и 200 пуд.), делая 15—25 выстрелов в час, может разрушить около 20 *м* фронта заданной цели.

Гаубица 122-*мм*, стреляя несколько быстрее (в час около 20—30 выстрелов), может за то же время разрушить участок в 15—20 *м* по фронту, но более слабого сопротивления.

При фланговом огне на каждое орудие можно назначать до 40 *м*, считая по фронту противника; при этом задача будет выполнена примерно вдвое скорее.

б) Для орудий более крупных калибров величина участка исчисляется по дальности и заданному времени.

в) Для обстрела окопов и ходов сообщения на участке главного удара на каждое лёгкое (горное) орудие назначают 20—30 *м*, а на смежных участках — по 30—60 *м* неприятельского фронта. При фланговом огне назначают примерно вдвое больший участок.

г) Для второстепенных участков, не прилегающих к участку главного удара, можно считать при фронтальном огне на каждое лёгкое (горное) орудие до 60 *м* фронта.

При распределении огня для разрушения оборонительных сооружений требовалось иметь в виду *первую и вторую линию окопов*, так как защитники размещались в них примерно одинаково: в первой линии люди, отражающие атаку (приблизительно 1 человек на 2—3 *м*), во второй линии — резервы. Третья линия занималась резервами лишь в отдельных участках. Особенно важным считался обстрел ходов сообщения.

В тех случаях, когда вторая и третья линии не были видны, для корректирования пристрелки и стрельбы по ним привлекались самолёты и змейковые аэростаты. Но ввиду недостатка этих средств рекомендовалось не избирать для прорыва такие участки которые не были видны.

При обороне укрепленной полосы стрельба на разрушение окопов и сооружений атакующего противника выполнялась, в зависимости от значения возводимых им сооружений и возможности расходовать снаряды, по тем же правилам, какие были установлены для стрельбы артиллерии, обеспечивающей прорыв укреплённой полосы.

Артиллерия обороны вела стрельбу для разрушения лишь важнейших сооружений, возводимых атакующим: таких, из которых неприятель сильно беспокоит войска обороняющегося или в значительной мере угрожает обороне боевых участков и возможному переходу в наступление обороняющегося.

Предположения о стрельбе артиллерии при обороне укреплённой полосы составлялись заблаговременно начальником артиллерии боевого участка в соответствии с задачей, поставленной общевойсковым начальником того же участка.

Для успешности стрельбы на разрушение требовались: *«точная пристрелка каждого орудия, фланговый или возможно косой огонь, надлежащая дистанция, методическое ведение огня и тщательное наблюдение»* (примерно с расстояния не дальше 1 *км*). Требовалось отчётливо видеть (в стереотрубу) каждую деталь разрушаемого сооружения; запрещалось стрелять на разрушение по карте, по предположенному расстоянию между линиями окопов или при наблюдении издалека.

Скорость огня должна была допускать наблюдение каждого выстрела, как и при разрушении искусственных препятствий.

Стрельбу на разрушение укреплений рекомендовалось чередовать с обстрелом химическими снарядами.

Стрельбу на разрушение предлагалось вести «орудиями» с возможно равными промежутками между выстрелами; батарейные очереди и залпы не допускались. Методичный и длительный артиллерийский огонь, сильно действуя на психику противника, давал возможность корректировать огонь каждого орудия.

Разрушение следует закончить перед самой атакой. Сделанные разрушения непрерывно наблюдаются и обстреливаются при попытках противника их исправить — в тех случаях, когда разрушение закончено, но атака задерживается.

Борьба с неприятельской артиллерией[1]

Согласно «Наставлению для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., составленному для маневренных боевых действий, при стрельбе по батареям противника «первой задачей» является «скорейшее ослабление их огня и лишение их свободы перемещения». Составители «Наставления» были убеждены в невозможности уничтожения артиллерийским огнём неприятельских батарей, расположенных на закрытых огневых позициях; такого

[1] «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», 1917 г., ч. II, § 174—198; ч. III, § 33—61, 124, 125. «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г, § 88.

же мнения придерживалось большинство русских артиллеристов того времени. В результате ни в «Наставлении» 1912 г., ни в «Наставлении для борьбы за укреплённые полосы» нет определённого указания, что основной задачей борьбы с неприятельской артиллерией должно быть уничтожение батарей противника или хотя бы приведение их в состояние полной невозможности действовать.

По «Наставлению» 1912 г. борьба с неприятельской артиллерией сводилась к обстреливанию «более или менее широких и глубоких, в зависимости от результатов пристрелки, площадей *дистанционным шрапнельным огнём*». При этом подчёркивалось, что «огромное значение имеет косой и продольный огонь в сочетании с фронтальным», так как щиты делают артиллерию малоуязвимой с фронта.

В том случае, если артиллерия противника прекращала огонь, что не служило признаком её полного расстройства, а лишь указывало на подавление её огня, за ней организовывалось *наблюдение*, имеющее задачей удержание подавленной артиллерии в парализованном состоянии. При этом уточнялась пристрелка в видах сокращения размеров обстреливаемой площади и уменьшения расхода снарядов.

«Наставление» 1912 г. указывало, что для приведения артиллерии противника «в окончательное расстройство необходима *стрельба гранатой и комбинированная стрельба гранатой и дистанционной шрапнелью*».

Ударная стрельба гранатой, имеющая задачей разрушение материальной части, требует тщательной выверки направления выстрелов и точной пристрелки возвышения. «Наставлением» 1912 г. подчёркивалось, что подобная стрельба по артиллерии, занимающей закрытые или полузакрытые позиции, представляет значительные трудности и требует огромного расхода времени и снарядов.

«Трудность окончательного выведения батарей противника из строя заставляет предвидеть возможность борьбы с ними в течение всего боя», сказано в «Наставлении» 1912 г. (§ 88), вследствие чего для борьбы с ними приходится назначать достаточно большое количество артиллерии.

При прорыве укреплённой полосы признавалось необходимым вести огневую борьбу с артиллерией обороны с полным напряжением, изыскивая все средства, чтобы преодолеть трудности этой борьбы, так как артиллерийский огонь имеет преобладающее значение по сравнению с прочими боевыми средствами.

При обороне укреплённой полосы, в период до начала встречного артиллерийского удара, с целью нанести потери пехоте противника, собранной на исходном для атаки плацдарме, борьба с артиллерией атакующего считалась «*важнейшей* и одновременно наиболее *трудной задачей, возлагаемой на артиллерию обороны*».

Батареи на закрытых огневых позициях мало уязвимы, а потому *«нельзя предполагать, что огонь артиллерии противника будет совершенно погашен»*, — такая оговорка имелась в «Наставлении для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г. (ч. II, § 175). Но при невозможности *«уничтожения»* неприятельских батарей выступала задача *«подавления огня»*.

Успешная борьба с артиллерией возможна лишь при наличии достаточно хорошо организованного воздушного наблюдения, непрерывного искусного наземного наблюдения, при достаточном числе соответствующего типа орудий, главным образом дальнобойных, вполне обеспеченных боеприпасами.

При атаке укреплённой позиции борьбу с артиллерией обороны признано было необходимым организовать не только на участке главного удара, но и на смежных с ним участках, чтобы вести борьбу с батареями, расположенными на 4—5 *км* вне флангов участка главного удара, откуда они могли обстреливать во фланг подступы к атакуемому участку, а затем и самый участок по его занятии.

Батареи, назначенные для борьбы с артиллерией, соединялись в противобатарейные группы, которые в свою очередь делились на подгруппы.

Для обеспечения успеха борьбы с неприятельской артиллерией необходимо: заблаговременно установить непрерывное наблюдение за противником как днём, так и ночью (засечки по блеску); организовать постоянный взаимный обмен и ежедневную сводку наблюдений; предоставить в распоряжение начальника противобатарейных групп самолёты, привязные змейковые аэростаты, звукометрические посты и радиостанции.

Стрельба по неприятельским батареям, невидимым, но обнаруженным по фотографии, по звуку и другими средствами, должна корректироваться самолётами. Пристрелка орудий противобатарейной артиллерии при содействии самолётов производится систематично и заблаговременно; в день боя пристрелка только проверяется.

Борьба с артиллерией, полёты самолётов и подъёмы аэростатов усиливались и вне намеченного района прорыва, чтобы пристрелка противобатарейной артиллерии не обнаружила подготовляемого удара.

Пристрелка (и стрельба) по батареям, обнаружившим себя дымом или пылью, бывала успешной при наличии двух наблюдателей (сопряжённое наблюдение).

Для уничтожения неприятельской артиллерии (материальной части) огонь противобатарейной артиллерии должен быть прежде всего *точным*. Рассчитывать на уничтожение батарей противника за короткий промежуток времени артиллерийской подготовки атаки трудно; поэтому борьбу с неприятельской артиллерией начинали заблаговременно, заканчивая пристрелку стрельбой на поражение с расчётом уничтожения материальной части обнаружен-

ных батарей противника при расходе достаточного количества снарядов.

В «Наставлении для борьбы за укреплённые полосы» (ч. III, § 50) имелось указание, что для достижения желаемых результатов, при надёжном непрерывном наблюдении и средних условиях стрельбы, на каждое разбиваемое неприятельское орудие потребуется: 76-*мм* снарядов до 100—200 соответственно дальностям 3—5 *км*, 107-*мм* снарядов до 100—150 при дальностях 5—7 *км* и до 70 гаубичных снарядов на различных дальностях, кроме предельных.

Для уменьшения расхода снарядов и сокращения продолжительности стрельбы стремились *использовать косой или фланговый огонь*, хотя бы при этом стреляющим батареям и пришлось несколько увеличить дальности.

Согласно «Наставлению» (ч. II, § 197), огонь противобатарейной артиллерии по действующим и всем пристрелянным (хотя бы в данный момент и не действующим) батареям противника должен быть «*особенно силен, когда наша пехота двигается в атаку, занимает окопы или закрепляет их за собой*», причём в этот период боя следует иметь в виду не уничтожение неприятельских батарей, а «лишь подавление их огня», при возможно высоком темпе стрельбы.

Существенную пользу в борьбе с неприятельской артиллерией может оказать продолжительный обстрел химическими снарядами, который заставит номеров при орудиях противника работать в противогазах, что быстро их утомит и в результате приведёт неприятельскую батарею к молчанию.

«Наставление» (ч. III, § 54) предусматривало возможность *сосредоточения огня* нескольких батарей обороны *по площади*, в пределах которой тесно сгруппирована артиллерия атакующего, что бывало при значительном усилении артиллерии атаки. В этом случае каждая батарея обороны пристреливала вспомогательную цель, а затем батареи последовательно переносили огонь на указанные им участки общего района и пристреливались к этим участкам с помощью лётчика-наблюдателя. После окончания пристрелки все батареи одновременно переходили на поражение. Подобная стрельба допускалась лишь при условии, что она будет наблюдаться лётчиком во всё время её выполнения и что неприятельские батареи расположены густо на огневых позициях.

Там же, в ч. III «Наставления», даны указания о «*подавлении*» огня неприятельской артиллерии. Подавление огня должно было производиться коротким и сильным обстрелом («взрывами огня»), причём скорострельность орудий играла господствующую роль. Наиболее подходящими орудиями считались 76-*мм* полевая (горная) пушка и 107-*мм* полевая тяжёлая пушка. Комбинированная стрельба гранатой и шрапнелью заставляет личный состав батарей скрываться в убежища и прекращать стрельбу.

Выше сказано о попытках русской артиллерии применять разведку, наблюдение и корректирование огня с помощью самолётов

и привязных аэростатов, пользоваться радиосвязью, отыскивать и указывать цели с помощью самолётов, карты, звукометрических приборов и звукосветовых методов (время прохождения звука выстрела неприятельского орудия до слуха наблюдателя от момента появления блеска — вспышки — выстрела определялось по секундомеру, а затем расстояние до цели определялось по таблице, в которой указывались дальности, соответствующие отрезкам времени в секундах на прохождение звука). Там же говорилось о попытках получить беспламенный порох, чтобы лишить противника возможности определять по блеску выстрелов места расположения батарей.

Наконец, дымовая завеса, образуемая перед артиллерийскими наблюдательными пунктами противника, затрудняя ему наблюдение, служила средством к понижению действительности огня неприятельской артиллерии. С другой стороны, продолжительная, широкая и непроницаемая завеса скрывала противника, например, его накапливание или выход из окопов для атаки, а потому в применении дымовой завесы следовало быть осторожным.

Немцы широко пользовались дымовой завесой при обороне — именно в целях затруднения наблюдения и стрельбы русской артиллерии.

В октябре 1915 г. на 12-й Кавказский стрелковый полк возложена была задача овладеть участком Двинской укреплённой позиции немцев в районе Пурвиика. Для подготовки атаки была сосредоточена тяжёлая и лёгкая (пушечная и гаубичная) русская артиллерия. Командир полка, предвидя открытие немцами огня дымовыми снарядами перед русскими передовыми наблюдательными пунктами, выставил особый наблюдательный пехотный пост между русской и германской позициями, соединив его телефоном с артиллерией. Действительно, как только русская артиллерия открыла огонь по германским окопам и проволоке для образования в ней проходов, батареи немцев создали дымовую завесу перед русскими окопами и наблюдательными пунктами, сделав невозможным артиллерийское наблюдение. Только выдвинутый вперёд ближе к германским окопам наблюдатель 12-го Кавказского стрелкового полка оказался в состоянии корректировать стрельбу. Благодаря этому артиллерийским огнём были пробиты проходы в заграждениях, и кавказские стрелки, бросившись в атаку, овладели укреплённым районом Пурвиика и захватили несколько сот пленных немцев и пулемёты.

Но, как выяснилось опытом войны, главным и самым действительным средством подавления огня артиллерии явились химические снаряды, действия которых бывали особенно успешными, если стрельба ими начиналась внезапно для противника и сразу большим количеством снарядов. Хорошо пристрелявшиеся (с помощью воздушного наблюдения) батареи могли химическими снарядами подавить огонь иногда даже значительно превосходившей их по численности неприятельской артиллерии.

Русской артиллерии при борьбе с неприятельскими батареями приходилось нередко вести огонь на большие, предельные дальности. Она очень нуждалась в дальнобойных скорострельных пушках; между тем на вооружении русской артиллерии 107-*мм* скорострельных пушек обр. 1910 г. в начале войны почти вовсе не было, а в позиционный период войны, в 1916—1917 гг., было в общем недостаточно. По сформировании ТАОН приходилось назначать для борьбы с артиллерией не только 107-*мм* пушки, но и тяжёлые 120-*мм* и даже 152-*мм* пушки.

Приведём кратко описание действий русского 2-го отдельного тяжёлого артиллерийского дивизиона за время боёв 29 июня — 20 июля 1917 г. в отношении борьбы с артиллерией противника.[1]

Дивизион из трёх батарей, вооружённых 120-*мм* пушками Обуховского завода, был передан в мае 1917 г. в состав 17-го армейского корпуса (2-й армии — в районе Тарнополя). План действий корпуса сводился в общем на большей части фронта к обороне, и только левофланговая 35-я пехотная дивизия получила задачу наступать вдоль Злочевского шоссе, решение которой находилось в полной зависимости от действий соседей — 6-го и 49-го корпусов. Дивизиону поставлена была задача: борьба с неприятельской артиллерией, расположенной в трёх группах.

Судя по карте с нанесёнными на ней неприятельскими батареями, обнаруженными тем или иным путём в течение зимы и весны 1917 г., против фронта 17-го корпуса имелось до 50 батарей. Данные эти не соответствовали действительности и требовали строгой проверки. Имевшиеся аэрофотоснимки значительно устарели.

Личная разведка позиций противника, производившаяся командиром дивизиона несколько дней, почти ничего не дала. На позициях стояла тишина, лишь изредка нарушаемая одиночными выстрелами лёгких русских батарей. Неприятельская артиллерия почти вовсе не стреляла. Сведения о батареях противника, добытые путём опроса артиллерийских и пехотных наблюдателей во время обхода окопов, были весьма скудны и относились к прошедшему времени. Отношение многих пехотных солдат к артиллеристам, производившим разведку, было недоброжелательным.

Крайне необходимо было проверить имеющиеся данные о расположении неприятельских батарей воздушной разведкой, которая производилась бы ежедневно и свои наблюдения подкрепила бы фотоснимками. Между тем 17-й корпусный воздухоплавательный отряд не делал подъёмов за отсутствием необходимых материалов для добывания газа, а недавно прибывший в состав корпуса 3-й Сибирский авиационный отряд только начинал знакомиться с местностью.

---

[1] «Доклад о боевом употреблении 2-го отдельного тяжёлого дивизиона батарей 120 за время боёв с 16 июня по 7 июля 1917 г.», составленный командиром дивизиона полковником М. М. Борейша 25 августа 1917 г. Описание составлено по рукописи доклада, переданной после смерти М. М. Борейша в Воениздат.

Командир дивизиона расположил свои батареи на огневых позициях в двух группах: одна батарея (7-я) — в лесу за пассивным боевым участком корпуса, две батареи (1-я и 2-я) — в оврагах за активным участком корпуса. Командир 17-го корпуса первоначально не давал согласия на такое расположение 1-й и 2-й батарей, так как избранные для них командиром дивизиона позиции находились в районе другого корпуса (6-го), и только по получении письменного согласия командира 6-го корпуса разрешил их поставить там.

Наблюдательные пункты для командиров дивизиона и батарей были выбраны на шести разных близлежащих высотах (в том числе два запасных наблюдательных пункта).

Наблюдательные пункты для командиров дивизиона и батарей припасов были надлежащим образом оборудованы и замаскированы.

Бетонные наблюдательные пункты, устроенные военными инженерами, сильно выдавались над землёй, были хорошо видны противнику, который и разбивал их тяжёлыми снарядами. За время боёв были разбиты наблюдательные пункты всех трёх командиров батарей. По мнению командира дивизиона, лучше находиться, пожалуй, просто в открытом окопе второй линии или в ходе сообщения, имея поблизости «лисью нору» для укрытия во время обстрела, чем в бетонированном, но явно видимом противнику специальном пункте.

Осуществлена была надлежащая связь, в меру имевшихся средств связи, командира дивизиона с командирами батарей, с инспектором артиллерии корпуса, со штабами корпуса и своих дивизий (3-й и 35-й), с командиром 3-й артиллерийской бригады, с правой и левой радиостанциями, с двумя привязными аэростатами и через правый аэростат с авиационным отрядом.

Предварительная пристрелка при помощи 76-*мм* лёгких пушек не производилась, так как большинство целей находилось вне их досягаемости.

Дивизионом за время операции сделано было всего 3 287 выстрелов, из них: шрапнелью лишь 66, остальные гранатой (бомбой) — тяжёлой 55, фугасной 1 332 и лёгкой 1 834. Стрельбу приходилось вести экономно, так как шрапнельный огонь был мало действителен (вследствие плохого действия дистанционных трубок), лёгких гранат было недостаточно, а стрельба тяжёлыми гранатами ускоряла окончательный выход из строя 120-*мм* пушек, уже и без того значительно расстрелянных.

Со стороны командира 17-го корпуса и начальников пехотных дивизий к дивизиону, помимо поставленной ему основной задачи борьбы с артиллерией, неоднократно предъявлялись требования принять участие в работе артиллерии других типов по разрушению окопов, блиндажей и других сооружений, по ведению заградительного огня и пр. Командиру дивизиона стоило немало труда убедить общевойсковых начальников в том, что задачи, которые они желали возложить на его батареи, не отвечали свойствам 120-*мм*

пушек Обуховского завода. Всё же, по категорическому приказанию командира корпуса, одна из батарей дивизиона (7-я) должна была подготовиться к обстрелу первой линии окопов своей пехоты на случай занятия их противником.

Борьбу с неприятельскими батареями пришлось вести во время операции почти исключительно тяжёлому дивизиону «батарей 120»; кроме того, дивизиону приходилось иногда обстреливать глубокий тыл противника. В общем дивизион боролся с 25 неприятельскими батареями, стрелявшими во время операции почти одновременно и весьма интенсивно. При таких условиях признаком, указывающим на достаточное поражение цели, приходилось считать замолкание неприятельской батареи, хотя бы временное. С замолкавшей батареи огонь переносился немедленно на другую. Каждой батарее дивизиона приходилось бороться с 10 неприятельскими, причём бывали случаи, когда одна «батарея 120» стреляла одновременно по двум батареям противника.

Батареи противника, хорошо укрытые, непосредственно с наземных наблюдательных пунктов не наблюдались, но с тех же пунктов многие из них были обнаружены по вспышкам, дымкам или пыли от выстрелов. Наблюдатели с привязных аэростатов обнаруживали неприятельские батареи также только во время их стрельбы. Наблюдение велось и с самолётов, но работа артиллерии с ними была поставлена плохо. В течение всей операции ни разу не удалось получить фотоснимка с самолёта, чтобы наглядно убедиться в результатах стрельбы «батарей 120».

Обстрел тылов противника: дорог с движущимися по ним колоннами войск, обозов, тракторов и т. п., замеченных складов, сосредоточения войск, транспортов и пр. — наблюдался и оценивался непосредственно с наблюдательных пунктов.

Для воздушного наблюдения дивизион пользовался двумя привязными аэростатами, на которые назначались офицеры-наблюдатели от обслуживаемых батарей. Наблюдение с привязных аэростатов — дело не лёгкое и не вполне надёжное, так как зависит от состояния погоды, от освещения и других причин. За недостатком офицеров назначалось лишь по одному офицеру от батареи на аэростат. Высидеть же на нём одному весь день крайне трудно, в особенности при ветре и в постоянном ожидании атаки со стороны неприятельских самолётов, которые ежедневно по нескольку раз появлялись с целью сжечь аэростат. К этому нужно добавить почти полную беззащитность аэростатов и неуверенность наблюдателя в возможности спасения в случае аварии за недостатком парашютов (на каждом аэростате имелось лишь по одному парашюту, на котором мог спуститься только один наблюдатель).

За время июльской операции 1917 г. на Юго-Западном фронте было сожжено самолётами противника до 10 русских привязных аэростатов, все наблюдатели которых погибли. Недостаток парашютов невыгодно отражался на деле, так как наблюдатели вообще неохотно поднимались на аэростате и при появлении самолёта противника спешили скорее снизиться.

При благоприятных условиях наблюдатели с привязных аэростатов давали ценные указания о стрелявших батареях противника и корректировали стрельбу своих батарей. В бою 19 июля вследствие жестокого артиллерийского обстрела, продолжавшегося в течение почти 7 час., была прервана связь 7-й тяжёлой батареи с наблюдательными пунктами; телефонные линии трудно было чинить, так как на протяжении около 1,5 *км* они пролегали по лощине, наполненной удушливыми газами, не расходившимися благодаря безветрию. Командир дивизиона вынужден был взять в свои руки огонь 7-й батареи, пользуясь указаниями наблюдателя с привязного аэростата.

Боевой опыт показал, что для обеспечения надлежащего наблюдения с привязных аэростатов необходимо: назначать на каждый аэростат по 2 наблюдателя, чтобы они могли чередоваться; при каждом аэростате иметь парашюты на каждого наблюдателя; поднимать аэростат на возможно большую высоту и, в случае надобности, быстро его спускать; иметь надёжную охрану аэростатов — с земли в виде зенитных орудий и пулемётов, с воздуха — в виде самолётов-истребителей.

Совместная работа дивизиона с лётчиками началась 12 июля. Первая пристрелка 7-й батареи при корректуре с самолёта прошла быстро и гладко. Выпустив всего лишь 6 гранат, батарея получила четырёхделенную вилку.

Затем начались неудачи: два самолёта, в том числе истребитель, прикрывавший самолёт с наблюдателем, разбились; при сильном ветре или дожде самолёты не вылетали; вследствие порчи мотора самолёт не мог подняться; плохо работали радиостанции на самолётах и требовали урегулирования; приёмник воспринимал волны неприятельской радиостанции, которая старалась помешать работе; наблюдение и работа с самолёта, имеющего радиоустановку, возможны были лишь в то время, когда самолёт шёл по отношению к цели боком, так как при поступательном движении наблюдению мешал пропеллер, — с земли приходилось чрезвычайно внимательно следить за полётом самолёта, чтобы давать выстрелы именно в то время, когда он начинает делать поворот, иначе лётчик разрыва не видел; лётчики, попадая под сильный огонь зенитных батарей противника или будучи атакованы неприятельскими самолётами, что особенно часто случалось при вылете на корректировку без охраны своих истребителей, вынуждены были уходить, не выполнив задачи.

Вообще работа с самолётами того времени была кропотливая, зависела от многих случайностей и во время операции почти никакой пользы в смысле корректирования стрельбы не принесла. Приходилось пользоваться главным образом наземными наблюдательными пунктами, откуда неприятельские батареи обнаруживались вспышками или пылью при выстрелах, и отчасти наблюдением с привязных аэростатов.

Результаты совместной работы артиллеристов с лётчиками, продолжавшейся почти целый месяц, нужно признать более чем

скромными: пристрелялись по двум деревням, по железнодорожной станции Плухов и по пяти батареям противника.

По мнению командира 2-го отдельного тяжёлого артиллерийского дивизиона, необходимо было: самолёты для корректирования стрельбы передавать на время операции в полное распоряжение, в боевом отношении, командирам соответствующих дивизионов и артиллерийских групп для использования исключительно по своему прямому назначению (самолёты, назначенные для корректирования стрельбы дивизиона во время июльской операции, нередко выполняли задачи общевойсковой разведки или такого второстепенного характера, как перелёты из одного отряда в другой, т. е. отрывались от работы по обслуживанию стрельбы дивизиона); усовершенствовать систему самолётов и не назначать для наблюдения таких систем, в которых пропеллер мешает наблюдению лётчика при движении вперёд; прикрывать работу самолёта с наблюдателем истребителями (1—2 на самолёт-наблюдатель), которые своим вылетом должны сопровождать вылет первого; вылетать самолётам на работу во всякое время дня и даже ночью, как это делали германские самолёты (русские самолёты вылетали обычно около 5—6 час. утра, а к 8 час. работу заканчивали из боязни так называемых «воздушных ям»; под вечер не вылетали, так как наблюдению мешало солнце); ангары самолётов, назначенных для артиллерийских частей, должны быть недалеко от них и иметь с ними прочную связь; дежурный самолёт должен быть в полной готовности, в течение всего дня, к вылету по первому требованию командира артиллерийской части.

Обещанная на время операции звуковая станция В. Ж. не поступила в распоряжение командира дивизиона «батарей 120».

По адресу противоартиллерийских групп сыпались незаслуженные упрёки в бездействии в тех случаях, когда какие-нибудь хорошо укрытые неприятельские батареи начинали громить русские окопы или батареи, а между тем назначенные для борьбы с артиллерией русские батареи; не имея достаточных средств для обнаружения стреляющей артиллерии противника, не могли при всём желании помочь и защитить своих от её огня.

«Батареи 120» отдельного 2-го тяжёлого артиллерийского дивизиона подвергались обстрелу неприятельской артиллерии во время операции. Особенно сильно обстреливалась 7-я батарея, расположенная в лесу. Огневые позиции 1-й и 2-й батарей, расположенных в открытых оврагах, где было трудно замаскировать орудия от наблюдения с самолётов, обстреливались гораздо слабее. Это объяснялось тем, что кругом 1-й и 2-й батареи стояло много других, вследствие чего артиллерийский огонь противника разбрасывался. Зато наблюдательные пункты этих батарей подвергались жестокому обстрелу из орудий разных калибров, до 305 *мм* включительно, причём были разбиты построенные инженерами бетонные блиндажи, и наблюдателям пришлось отсиживаться во время обстрела в «лисьих норах», вырытых в пехотных окопах и ходах сообщения. Утром 19 июля эти окопы и ходы сообщения

противник обстрелял химическими снарядами, и среди наблюдателей обеих батарей оказались пострадавшие от ОВ.

Огневая позиция 7-й тяжёлой батареи, стоявшей на опушке редкого леса, была довольно хорошо замаскирована, но скрыть её выстрелы не удалось. Несмотря на ежедневную поливку земли впереди батареи перед началом стрельбы, всё же не удавалось вполне устранить поднимавшегося при выстреле большого облака дыма и пыли, тем более, что стояла сухая погода. Лишь только батарея открывала пристрелочный огонь, как через несколько минут над ней появлялись 2—3 германских самолёта, которые безнаказанно кружились над батареей и приёмной радиостанцией, одновременно мешая русским самолётам корректировать стрельбу своих батарей, а затем начинался обстрел батареи германской артиллерией. Чтобы скрыть батарею, приходилось временно прекращать её стрельбу.

В районе русских позиций 3 июля упал подбитый лёгкими батареями неприятельский самолёт. У одного из убитых лётчиков была найдена карта с точным обозначением на ней расположения 7-й батареи.

Противник несколько раз сильно обстреливал батарею, выпуская в день до 200—300 снарядов 110—155 *мм* калибра, но попаданий в орудия или блиндажи не было. С раннего утра 19 июля батарея подверглась обстрелу ураганным огнём нескольких неприятельских батарей, одновременно обстреливался и наблюдательный пункт командира. Непрерывный обстрел продолжался в течение 6—7 час., сперва 155-*мм* снарядами, а затем химическими. Весь район между батареей и наблюдательным пунктом наполнился ОВ, которые, благодаря полному безветрию, держались не расходясь, особенно в лощине и в лесу.

В 7-й батарее были отравлены 1 офицер и 39 солдат; многие из них теряли сознание, но, будучи вынесены из сферы ОВ на чистый воздух, довольно скоро приходили в себя и возвращались в строй.

В общем условия обстановки сложились во время операции крайне неблагоприятно для действий «батарей 120», особенно в отношении наблюдения и корректирования их стрельбы с воздуха. Тем не менее задачи по борьбе с артиллерией противника выполнялись батареями удовлетворительно. Многие неприятельские батареи, попадая под обстрел «батарей 120», приводились к молчанию — по большей части временно, некоторые вынуждены были переменить позиции.

Но бывали случаи, когда некоторые батареи противника, не видимые с наземных наблюдательных пунктов русских батарей, безнаказанно обстреливали расположение русских войск. Такие случаи имели место в начале июля, обычно во второй половине дня, когда солнце светило прямо в глаза наблюдателям на привязных аэростатах, мешая им обнаружить стрелявшие неприятельские батареи, а самолёты, как уже отмечалось, летали только по утрам. Обстрел расположения русских тяжёлыми батареями

противника часто сопровождался вылетом нескольких его самолётов, которые частью корректировали стрельбу своей артиллерии, частью атаковали привязные аэростаты, делая наблюдения с них невозможными.

Описанные действия «батарей 120» 2-го отдельного тяжёлого артиллерийского дивизиона указывают: а) на трудность контрбатарейной борьбы, для успешности ведения которой необходимо обеспечение дальнобойными орудиями, боеприпасами и прочими техническими средствами и господство в воздухе, обеспечивающее наблюдение и корректирование стрельбы; б) на обязательность и возможность ведения контрбатарейной борьбы; три «батареи 120», несмотря на почти полное отсутствие наблюдения с воздуха и другие весьма неблагоприятные условия, ведут в течение нескольких дней довольно успешную борьбу с 20—25 неприятельскими батареями.

Борьба с траншейными орудиями и пулемётами [1]

Артиллерия, назначенная для разрушения и обстрела неприятельских окопов и сооружений, вела также борьбу с траншейными орудиями и пулемётами противника.

Траншейная артиллерия иногда обнаруживалась заблаговременно воздушной разведкой (аэрофотографирование), в большинстве же случаев обнаруживала себя с началом атаки, отбивая её своим огнём. Во время атаки каждый артиллерийский начальник должен был перенести огонь хотя бы части орудий на обнаруженную или указанную ему траншейную артиллерию противника. К борьбе с траншейной артиллерией привлекались также свои траншейные пушки и миномёты.

Миномёты (и, если потребуется, бомбомёты) сводились в группы под командой артиллерийских офицеров. Группы минометов подчинялись начальнику той артиллерийской группы, в участке (секторе) которой миномёты вели огонь.

Борьба с траншейной артиллерией считалась второстепенной задачей миномётов. При надлежащем сближении с противником миномёты являются действительным средством разрушения проволочных заграждений, окопов и не особенно прочных закрытий. При недостатке артиллерии крупных калибров миномёты привлекались к разрушению тех сооружений, которые были непосильны для лёгкой артиллерии.

«Наставлением для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г. (ч. II, § 52) требовалось, чтобы группы миномётов работали *обязательно под прикрытием артиллерии:* сначала открывала огонь артиллерия, а затем уже действовали миномёты. При этом условии создавалось впечатление стрельбы только тяжёлых батарей, а действующие миномёты не обращали на себя внимания противника.

[1] «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г. «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», ч. II — артиллерийская, 1917 г., § 47—52, 199—205.

Относительно борьбы с пулемётами в «Наставлении для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. было краткое указание, что при стрельбе по пулемётам применяется «пушечная шрапнель»; что «иногда полезна граната»; что пулемёты «обстреливаются преимущественно с расстояний, превосходящих их собственную досягаемость».

Опыт мировой войны указал на чрезвычайную трудность борьбы с пулемётами, так как до начала атаки они обычно были укрыты в надёжных убежищах. Между тем до уничтожения пулемётов или до приведения их к молчанию наступление и атака оказывались нередко невыполнимыми.

Согласно «Наставлению для борьбы за укреплённые полосы» 1912 г. (ч. II, § 201—205) места расположения пулёметов выясняли фотографированием с самолёта, опросом пленных и разведкой, пользуясь долговременной позиционной стоянкой. Прочные постройки (блокгаузы), укрывающие пулемёты, требовалось разбивать огнём тяжёлых орудий. Поэтому уничтожение пулемётов не удавалось провести так скоро и просто, как это полагали и ставили задачей общевойсковые начальники.

Обнаруженный во время наступления и атаки пулемёт требовалось немедленно указать ближайшей батарее. Всякий артиллерийский начальник обязан был «принять все меры к немедленному уничтожению или приведению к молчанию каждого замеченного или указанного пулемёта».

Пулемёты уничтожались полутно при разрушении окопов и прочных построек, укрывающих пулемёты.

Как дополнительное положительное средство борьбы применялся обстрел пулемётных гнёзд и казематов (блокгаузов) химическими артиллерийскими снарядами («Указания для применения 3-дм. химических снарядов в бою» изд. 1916 г. и «Указания для применения тяжёлых химических снарядов» изд. 1917 г.)

Заградительный огонь[1]

Заградительный огонь имел целью создать на пути противника непроходимую зону поражения артиллерийскими снарядами и этим остановить его атаку, контратаку или подход резервов. Ширина указанной зоны зависела от количества имеющейся артиллерии, её расположения и обеспечения боеприпасами.

При прорыве укреплённой полосы противника артиллерия наступающего вела заградительный огонь в виде подвижного огневого вала, прикрывающего и увлекающего за собой вперёд атакующую пехоту. Применение заградительного огня требует чрезвычайно большого расхода снарядов вообще. Что же касается катящейся волны заградительного огня перед атакующей пехотой, то для образования такой волны необходимы огромные артилле-

[1] «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», 1912 г., ч. II и III.

рийские средства (орудия и снаряды), которыми русская артиллерия не обладала за всё время войны.

«Наставление для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г. (ч. II, § 206—226 и ч. III, § 73—97) не предусматривало деление заградительного огня на подвижный и неподвижный. Не только при прорыве, но и при обороне укреплённой полосы предусматривалась организация подвижного заградительного огня. Хотя при обороне и требовалось «наметить» как бы неподвижную, «заградительную полосу возможно ближе» к своей линии окопов, чтобы успеть предупредить движение противника, бросившегося в атаку (§ 80), но дальше (§ 93) указывалось, что вообще «на ближайшую неподвижную завесу» заградительного огня «надо смотреть как на обязательный минимум, даваемый всегда, когда не может быть надёжного наблюдения за движущейся целью», и что «в противном случае завеса становится подвижной, переходя с одного из подготовительных рубежей на другой сообразно обстановке».

В заградительном огне участвовала обычно лёгкая (горная) пушечная артиллерия, свободная от борьбы с неприятельской артиллерией, а также бомбомёты и миномёты, если хватала дальность их действия. Гаубицы 122-*мм* и 114-*мм* привлекались для прострела оврагов, долин с крутыми откосами и ходов сообщения. Гаубицы 152-*мм* применялись как исключение главным образом для морального воздействия. Прочие орудия вообще не должны были привлекаться.

План заградительного огня вырабатывался заблаговременно и совместно старшими общевойсковыми и артиллерийскими начальниками, основываясь на тщательном изучении на местности своих позиций и расположения противника, его тыла, подступов и вероятного расположения резервов.

При прорыве планом заградительного огня намечали рубежи, до которых должна последовательно доходить своя атакующая пехота, и впереди каждого такого рубежа намечали «полосы заградительного огня», причём эти полосы должны были охватывать избранный рубеж с тыла и с флангов. По мере захвата рубежей атакующими частями огонь переносился на последующие «заградительные полосы», отвечающие следующим намеченным к захвату рубежам. Во избежание поражения своих, между ближайшей границей заградительной полосы и линией намеченных к захвату пунктов должно быть не менее 400 шагов.

При обороне стремились к тому, чтобы заградительная полоса была расположена между своими окопами и окопами противника и возможно ближе к первой линии своих окопов — в 300—400 шагах впереди неё; при фланговом огне это расстояние может быть для гранаты всего 100 шагов и для шрапнели 150. При тесном сближении окопов для обстрела промежутков между ними прибегали к фланговому огню, к огню траншейной артиллерии, миномётов и бомбомётов. Недостаточное количество артиллерии на растянутом фронте обороны не давало возможности получить

сплошную полосу заградительного огня. В этом случае оборону менее важных или трудно доступных участков возлагали на перекрёстный или фланговый пулемётный огонь, на траншейные пушки и миномёты, имея в виду *«дать сильный артиллерийский огонь только на важных участках».*

Намеченные полосы заграждения делились на «батарейные участки». Во избежание организации длинной связи и ввиду возможности её нарушения в критический момент желательно было, чтобы каждая батарея стреляла перед собою. Обычно на батарею назначалось несколько «батарейных участков», расположенных по одному в разных заградительных районах, чтобы усилить огонь в том или ином районе, если батарея будет свободна на своём участке.

Согласно «Наставлению для борьбы за укреплённые полосы», в штабе ударного корпуса (при обороне в штабе дивизии) должна быть изготовлена и разослана во все батареи и штабы, до полковых включительно, схема заградительного огня с указанием батарей, обстреливающих соответственные участки. В штабе полка должны копировать соответственную часть схемы, чтобы каждый пехотный начальник, до ротного командира включительно, имел схему заградительной полосы, соответствующей его боевому участку.

Батареи заблаговременно пристреливаются по местным рубежам на своих участках. Пристрелку и заградительный огонь лёгкие батареи ведут шрапнелью и гранатой; артиллерия более крупных калибров стреляет преимущественно гранатой. Данные для стрельбы должны быть особенно точными для тех участков, где заградительная завеса проходит весьма близко к своим окопам. На случай закрытия дымом или газовым облаком точек отметки, на упорном брусе, укладываемом под сошник, делались отметки, дающие возможность направить орудия на тот или другой участок без точной горизонтальной наводки.

Заградительный огонь предлагалось открывать сразу «на поражение», проверяя попутно заблаговременно пристрелянные данные. Открытые участки рекомендовалось держать под редким одиночным огнём и лишь с появлением противника обрушиваться на него беглым огнём; закрытые участки днём или любые участки ночью предлагалось сразу обстреливать настолько сильным огнём, чтобы прекратить движение на этих участках.

Нормальным видом заградительного огня считалась стрельба «параллельным веером», т. е. ширина участка обстрела для батареи должна была равняться фронту батареи, но при недостатке батарей ширину участка разрешалось увеличить вдвое. Таким образом, при фронтальном заградительном огне на орудие давался участок от 30 до 60 шагов; при косом направлении огня на каждое орудие участок давался больше — от 60 до 120 шагов. Нормальной плотностью заградительного огня для лёгкой (горной) артиллерии считалось 2 разрыва на участке в 20 *м.*

Участки заградительного огня, в целях непрерывности огневой завесы, должны были соприкасаться на флангах с соседними. Вследствие значительной протяжённости участков и недостаточного количества артиллерии обыкновенно не было возможности получить сплошную полосу заградительного огня и приходилось ограничиваться лишь усиленным обстрелом главных и наиболее опасных участков.

Для своевременного открытия заградительного огня от артиллерии требовались «безотказная связь и чуткая бдительность». Открытие заградительного огня должно было следовать не позже 3 мин. после подачи сигнала, а ночью при повышенной бдительности — не позже как через ½ мин.

Продолжительность и темп стрельбы при заградительном огне, которые могут оказаться необходимыми при выполнении поставленных задач, требовалось установить заранее и указать в плане. Продолжительность заградительного огня устанавливалась в минутах, но «Наставлением для борьбы за укреплённые полосы» определённо не подчёркивалось, что заградительный огонь, особенно при обороне, необходимо вести вспышками и что продолжительность каждой вспышки должна ограничиваться самым кратким сроком — 2—3 мин. В «Наставлении» имелось только неясное указание, что после открытия заградительного огня на закрытых участках или ночью — следует «немедленно выяснить обстановку, чтобы регулировать скорость огня по потребности и своевременно его прекратить» и что «при несоблюдении этого условия получится громадный непроизводительный расход снарядов».

Заградительный огонь требовалось прекращать по указанию начальника того пехотного соединения, против участка которого огонь был открыт, или по приказанию артиллерийских начальников, убедившихся в том, что необходимость в огне миновала.

Признавалось, что миномёты и бомбомёты, ввиду медленности их стрельбы, могут служить лишь для усиления заградительной завесы, образуемой артиллерийским огнём. Обыкновенно огонь миномётов и бомбомётов сосредоточивался на определённых пунктах особой важности.

Беспорядочное применение заградительного огня, без соблюдения указанных правил, приводило к печальным результатам. Это подтверждается следующим приказом главнокомандующего армиями Западного фронта от 16 декабря 1916 г. № 975:

«В боях за Скробовские позиции 27 и 28 октября с. г.[1] заградительный огонь нашими батареями был открыт немедленно за началом артиллерийского огня противника.

Вместо того чтобы огонь большей части своих батарей направить против батарей неприятельской артиллерии, успешно обстреливавшей исключительно наши артиллерийские позиции и тыл атакованного участка от 6 до 10 час. и только после этого приступив-

[1] 10 и 11 ноября по новому стилю.

шей к разрушению передовых окопов, наша артиллерия была занята бесцельной тратой огромного количества снарядов на заградительный огонь задолго до наступления неприятельской пехоты, начавшегося после 12 час.

По полученным донесениям, столь преждевременный заградительный огонь был открыт по настоятельному требованию начальников боевых участков, о чём были осведомлены и начальники дивизий.

Последствия известны: а) дорогостоящие снаряды и энергия артиллеристов растрачены совершенно непроизводительно; б) неприятельская артиллерия безнаказанно, спокойно выполнила свою задачу; в) неприятельская пехота задолго до своего наступления ознакомилась с планом и характером нашего заградительного огня и имела полную возможность учесть это при атаке; г) наша артиллерия дымом своих снарядов и поднимаемой ими пылью покрывала впереди лежащую местность в течение всей артиллерийской подготовки противника, не могла во многих случаях усмотреть начало атаки и в нужный момент продолжала заградительный огонь так же, как вела и раньше, независимо от того, где и как наступает неприятельская пехота.

В данном случае, как и всегда, понесённая нами неудача являлась последствием многих причин. Несомненно, однако, что одной из важнейших причин неудачи был описанный выше непорядок».

Русская артиллерия стала довольно широко применять заградительный огонь в 1917 г., руководствуясь изложенными выше указаниями «Наставления для борьбы за укреплённые полосы» (ч. II и III изд. 1917 г.). Особенно удачно применялся заградительный огонь во время июльской операции 1917 г. на русском Западном фронте (см. ч. VII, «Русская артиллерия на фронте 10-й армии»). По общему плану действий артиллерии, в эту операцию предполагалось вести заградительный огонь лёгкой артиллерии в период закрепления. По более подробным планам действий артиллерии отдельных корпусов, определённо указывались: время ведения заградительного огня; рубежи по местным предметам, подлежащие обстрелу заградительным огнём; число и род орудий, назначаемых для ведения заградительного огня. Например, по плану артиллерии 1-го Сибирского корпуса заградительный огонь по определённому рубежу во время атаки должны были вести 48 лёгких орудий и 58 тяжёлых (последние из числа решавших задачи по разрушению); во II период боя на заградительный огонь по северной опушке Богушинского леса назначались 12 тяжёлых и 24 лёгких орудия, а на заградительный огонь по южной опушке того же леса — 12 тяжёлых и 12 лёгких орудий. Приказом по артиллерии 38-го корпуса, участвовавшего в той же операции, предлагалось открывать заградительный огонь с началом атаки — по закрытым или пересеченным местам частым огнём, а по открытым местам редким огнём, но быть готовым ежесекундно перейти к беглому огню в случае появления цепи или колонны противника. Распоряжением полевого инспектора артиллерии подчёрки-

валась чрезвычайная важность детальной разработки последовательного положения завес заградительного огня при атаке, особенно для того положения, которое займёт атакующая пехота и на котором она будет закрепляться в ожидании артиллерийской подготовки последующих укреплённых полос противника.

Во время операции артиллерия 20-го корпуса открывала заградительный огонь 21 июля всего на 12 мин., а 22 июля вела почти беспрерывно — вначале для поддержки своей наступающей пехоты, а затем по её требованию как для отбития, так и в ожидании контратак немцев. При атаке 22 июля артиллерия 1-го Сибирского и 38-го корпусов вела заградительный огонь некоторое время даже в виде подвижного огневого вала, сдвигая его перед своей наступающей пехотой и укрывая её дымом и пылью, поднимавшимися при разрывах снарядов. Но вообще русская артиллерия избегала вести подвижной заградительный огонь в виде катящейся перед наступающей пехотой огневой волны, так как не обладала требующимися для этого огромными средствами (орудиями и снарядами). Заградительный огонь в значительной мере помог русской пехоте почти без потерь взять опушки Новоспасского леса, Богушинский бугор, Фердинандов Нос и дойти до Поплевичского леса, где были расположены на огневых позициях неприятельские батареи.

Опыт войны указал: а) умело организованный заградительный огонь давал хорошие результаты, облегчая своей пехоте атаку и отбитие контратак противника; б) успех заградительного огня обеспечивается наличием большого числа орудий и огромного количества боеприпасов, а также внезапностью его применения; в) темп заградительного огня не должен носить характер «урагана»; необходима непрерывность разрывов артиллерийских снарядов на определённом рубеже или участке, и лишь в исключительных случаях, и притом на короткий промежуток времени, огонь может быть доведён до наибольшего напряжения.

«Наставлением для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г. предусматривалось применение заградительного огня против танков (ч. III, § 98). Предполагалось, что пехота противника может пойти в атаку под прикрытием танков. В этом случае приближение последних к нашим окопам должно было «автоматически вызывать заградительный огонь гранатами». Предполагалось производить сосредоточение огня по танку, пока он находился в полосе заградительного огня. Но когда танк приблизится к нашим окопам ближе чем на расстояние заградительного огня, этот последний предполагалось обратить для встречи вероятного главного врага, следующего за танком, т. е. атакующей пехоты противника.

В отношении применения заградительного огня при контрударе противника в «Наставлении для борьбы за укреплённые полосы» 1912 г. (ч. II, § 223—226) имелись указания, что в этом случае заградительная полоса должна быть намечена в 400 шагах впереди окопов нашей первой линии. Причём если первая линия око-

пов противника была ближе указанного предела, то неприятель мог оказаться вне заградительной полосы, но зато он ею отрезался от своего тыла.

Кроме плана заградительного огня впереди своих окопов, составляли план заградительного огня и на случай занятия противником различных участков нашей оборонительной полосы. Данные для стрельбы определяли по карте. В последнем случае рассчитывали главным образом на фланговый заградительный огонь, так как батареи, которые могли бы обстреливать занятые противником участки фронтальным огнём, едва ли могли иметь необходимые наблюдательные пункты.

При обнаружении наступления противника немедленно открывали заградительный огонь, а мортирная (гаубичная) и тяжёлая артиллерия обрушивалась (гранатами) на неприятельские окопы с целью уничтожения занимающего их противника; противобатарейная артиллерия обрушивалась на неприятельскую артиллерию, поддерживающую атаку.

ГЛАВА III

ОСОБЫЕ ВИДЫ СТРЕЛЬБЫ

Борьба с танками [1]

На русском фронте в период первой мировой войны танки не были использованы (ни в германской, ни в русской армиях их не было), но в предвидении их применения некоторые указания о борьбе с ними были даны и в брошюре Кирея (о чём уже говорилось) и в «Наставлении для борьбы за укреплённые полосы».

В ч. II «Наставления» — «Действия артиллерии при прорыве укреплённой полосы» — только упоминалось (§ 192), что при подготовке и во время атаки противобатарейная группа должна особенно внимательно выслеживать «автомобильные батареи и сухопутные броненосцы (танки), появляющиеся около окопов, и немедленно их уничтожать». В ч. III — «Действия артиллерии при обороне укреплённой полосы» — имелись более подробные, но недостаточно определённые указания. В этой части, между прочим, было сказано (§ 98 и 99), что пехота противника «может пойти в атаку под прикрытием танков» и что приближение последних к окопам обороняющегося «должно автоматически вызывать заградительный огонь гранатами» (о заградительном огне сказано ниже).

Пока танк будет проходить полосу завесы заградительного огня, по нему предполагалось вести сосредоточенный огонь, чтобы его подбить, так как «это несомненный моральный успех», говорилось в «Наставлении». Но когда танк, пройдя полосу заградительного огня, уже станет подходить к окопам обороны, заградительный огонь предполагалось направлять для встречи следующей за танком атакующей пехоты.

Считалось весьма желательным иметь на тех участках, где могут появиться танки, малокалиберные скорострельные пушки с бронебойными снарядами, которые при малых дальностях стрельбы «могут успешно действовать против сухопутного броненосца».

Но таких специальных орудий было мало, а потому «главным и лучшим артиллерийским средством борьбы с танками» остава-

[1] «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», 1917 г., ч. II и III.

лась 76-*мм* полевая или горная пушка. При «маневрировании танка вдоль фронта» обороны и при прорыве танка сквозь пехотные линии обороняющегося следовало, согласно «Наставлению», быстро выдвигать отдельные орудия (из батарей или взводов, назначенных для фланкирования соседних участков), чтобы «стараться подбить танк прямой наводкой».

Считалось, что на соответствующих дальностях орудийный щит полевых орудий позволяет не бояться пулемёта танка; если же даже танк и вооружён пушками калибром 50—75 *мм*, то в его единоборстве с полевою пушкой на стороне последней было то большое преимущество, что она представляет собой значительно меньшую цель, чем танк.

Для обеспечения своевременности выдвижения отдельных орудий (по большей части выкатывание на руках), назначаемых для подбития танка прямой наводкой, требовалось, на основании общей разведки участков местности в отношении возможности появления на них танков, распределить «районы наблюдения» между отдельными частями артиллерии на случай появления в этих районах танков, и внести это в план действий артиллерии.

Стрельба ночью [1]

Согласно «Наставлению для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г., ночная стрельба артиллерии допускалась: при атаке — преимущественно для образования в тылу атакуемого пункта огневой завесы, изолирующей его от подхода резервов; при обороне — для образования огневых преград на путях возможного движения противника.

Для обеспечения успеха ночной стрельбы требовалась тщательная подготовка засветло позиции и данных для стрельбы. При обороне артиллерия должна была располагаться против наиболее вероятных направлений атаки и заблаговременной пристрелкой подготавливать данные для встречи её огнём. Данные для стрельбы определялись засветло с возможно большей точностью. Орудиям на ночь придавалось наиболее вероятное для стрельбы направление. Переносы огня ночью признавались возможными лишь при условии заблаговременной, проверенной стрельбой подготовки угловых поворотов и дальностей или при наличии точных планов местности.

В довоенное время русская артиллерия редко практиковалась в производстве ночных стрельб, хотя в «Правилах стрельбы» 1911 г. были указания относительно таких стрельб.

Согласно «Правилам стрельбы», данные для стрельбы артиллерии ночью должны определяться пристрелкой засветло. Точкой наводки служил фонарь, укреплённый на вехе, дереве и т. п. Ре-

[1] «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г. «Пособие по стрельбе полевой артиллерии», 1911 г., «Наставление для борьбы за укреплённые полосы», 1917 г., ч. II и III.

комендовалось выставлять два фонаря. Каждое орудие отмечалось по обоим фонарям, но вся батарея пользовалась только одним из них, по указанию старшего на батарее, и переходила к другому, если первый погаснет. Веер батареи направлялся засветло в одну из целей или в один из пристрелянных пунктов местности, и орудия отмечались по фонарям. Для направления веера по другим целям пользовались заранее подготовленными данными.

Линия наблюдения командира батареи по цели, в которую был направлен веер батареи, отмечалась фонарём, укреплённым на вехе открытой стороной к командиру и выставляемом в створе цели и командирского угломера, в 20—30 шагах от него. Фонарь этот служил для проверки направления веера, если не было уверенности в правильности этого направления.

При открытии огня ночью признавалось полезным сделать первую очередь выстрелов по цели, в которую направлен веер, и, убедившись в правильности направления, перенести огонь на цель, которую желательно обстреливать.

По целям, представляющим одну или несколько светящихся точек: прожектор, бивачные огни, блеск выстрелов и т. п., считалось возможным пристреливаться и ночью, но при помощи боковых наблюдателей. Сочетание в этом случае наблюдений командира батареи с наблюдениями боковых наблюдателей даёт возможность судить об отклонениях разрывов от цели по дальности и в стороны. Оценка же высот разрывов производилась непосредственно командиром батареи.

Каждому боковому наблюдателю давался фонарь, укрепляемый на вехе. Наблюдатель становился в створе цели и своего фонаря, в 20—30 шагах от него, и свои наблюдения производил относительно этой линии.

Во время войны управление огнём ночью осуществлялось по телефону и сигналами фонарями. Пользовались показаниями переловых и боковых наблюдателей. Признавалось полезным применять при ночной стрельбе прожекторы, которыми на стрельбах в мирное время вообще не пользовались.

Ночью блеск выстрелов выдаёт расположение артиллерии на огневой позиции; поэтому для введения противника в заблуждение устраивались ложные, вспышечные батареи в достаточном удалении от действительных позиций.

В маневренный период мировой войны стрельба артиллерии ночью бывала исключением. По большей части артиллерийская стрельба с наступлением темноты прекращалась с обеих сторон, как бы по взаимному молчаливому соглашению. Нередко русские батареи снимались на ночь с огневых позиций и отводились в тыл на 2—3 *км*, где спокойно отдыхали, а на рассвете выходили вперёд и вновь занимали позиции.

В позиционный период войны, напротив, ночные стрельбы артиллерии стали довольно обычным явлением, несмотря на то, что

они вообще не рекомендовались «Наставлением для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г., в котором было указано следующее:

При атаке (ч. II «Наставления»): «Ночью подготовка и поддержка атаки огнем невозможна и недопустима. Ночная стрельба открывает расположение батарей; прибегать к ней можно лишь при настоятельной необходимости» из орудий калибром не более 152-*мм*, чтобы мешать работам противника по восстановлению разрушенного, беспокоить его в особо важных участках расположения, отбивать ночные атаки «по заблаговременно пристрелянным данным», уничтожать прожекторы. При ночной стрельбе стремились вести огонь одновременно с нескольких мест и особыми взводами, выдвинутыми на «ночные позиции»; при этом применялись пламегасители, где они имелись.

При обороне в позиционный период мировой войны (ч. III «Наставления для борьбы за укреплённые полосы», 1917 г. § 94, 123) в тех случаях, если имелись сведения о происходящем усилении противника и значительных передвижениях его по ночам, то признавалось необходимым вести ночью обстрел важных путей сообщения (в особенности перекрёстков дорог), а также отдельных районов сосредоточения неприятеля.

Систематические ночные стрельбы назначались батареям начальником артиллерии дивизии или инспектором артиллерии корпуса (для корпусной артиллерии) в виде определённых задач с указанием характера стрельбы и расхода снарядов.

При обороне ночные стрельбы производились взводами или отдельными орудиями со специальных огневых позиций, допускающих продольный обстрел важных путей (в особенности перекрёстков), по которым совершалось движение неприятеля, или районов обнаруженного сосредоточения значительных его сил, причём требовалось ночные стрельбы разнообразить, чтобы они не выливались в какой-либо определённый шаблон, к которому мог бы приспособиться противник. Предлагалось давать выстрелы через различные промежутки времени, и самые периоды огня приурочивать в последующие ночи к различным часам и на разных интервалах времени один от другого.

Систематические ночные стрельбы по тылу противника вносились в план артиллерийских действий, а временные (очередные) назначались каждый раз особо.

Заградительный огонь на ночь направлялся на важнейшие участки. При этом требовалось, чтобы орудия были наведены, точки ночной отметки зажжены, чтобы около каждого орудия находился дежурный и были приготовлены боеприпасы. Ночная и дневная разница прицелов должна быть учтена (найдена) заранее. Днём все батареи заградительного огня, не выполняющие какой-либо текущей стрельбы, требовалось направить так же, как для ночи.

Русская артиллерия вообще не обращала должного внимания на стрельбу ночью и только в июле 1917 г., после того как стали

известны немецкие сообщения, констатирующие чрезмерное ослабление и недостаточную интенсивность ночных стрельб русской артиллерии на Юго-Западном фронте. Полевой инспектор артиллерии предложил подготовить план стрельб ночью для предстоящей операции прорыва укреплённой полосы германцев на Западном фронте в районе 10-й русской армии (см. седьмую часть, «Русская артиллерия на фронте 10-й армии»). Предлагалось артиллерии огнём ночью не давать противнику возможности исправлять произведённые разрушения и свободно передвигаться и вообще не позволять противнику отдыхать ночами от артиллерийского огня.

Всю ночь на 20 июля поддерживался редкий огонь по сделанным в проволоке проходам, по разрушенным участкам, по некоторым неприятельским батареям, деревням, опушкам лесов, по железнодорожным веткам, чтобы беспокоить противника, не давать ему отдыха и не позволять передвигаться. Такой огонь повторялся и в следующие ночи операции, а в ночь на 23 июля артиллерия открывала иногда по требованию пехоты и заградительный огонь по данным, подготовленным засветло.

Опыт войны указал на необходимость подготовки артиллерии к ведению стрельбы ночью как при атаке, так и при обороне, причём ввиду трудности такой стрельбы необходимо план действия артиллерии ночью разрабатывать особенно тщательно, заблаговременно на местности и засветло.

Стрельба химическими снарядами

Во время мировой войны стрельба химическими снарядами не получила широкого применения в русской артиллерии — отчасти вследствие того, что артиллерия стала получать эти снаряды лишь в 1916 г. и в ограниченном количестве. Тогда же, в 1916 г., в действующую армию присланы были описание химических снарядов (см. т. I, часть вторая) и «Указания для применения 3-дм. (76-*мм*) химических снарядов в бою», объявленные при циркуляре ГАУ 1916 г., № 1.

До самого конца войны русская артиллерия признавала, как это предусматривалось и «Указаниями», обстрел химическими снарядами полезным лишь как «вспомогательное средство, наряду со стрельбой обыкновенными снарядами, для разрешения определённых боевых задач».

Расходовать эти снаряды при обычных во время позиционной борьбы перестрелках запрещалось.

Действительность огня достигалась только при большом количестве химических снарядов, выпущенных в короткое время; поэтому применять стрельбу химическими снарядами одиночными выстрелами или отдельными взводами не рекомендовалось.

Наиболее благоприятными условиями для действия химических снарядов являлись: тёплая погода, безветрие или слабый ветер (не сильнее 3 *м/сек*), сухой и твёрдый грунт, способствующий разры-

вам снарядов на поверхности земли, ложбины, лес и кустарник, так как там облако газов более устойчиво.

Назначение химических снарядов: сделать невозможным для неприятеля пребывание на намеченных участках его позиции и парализовать их оборонительную силу; сделать для неприятеля непроходимыми на некоторое время важные в тактическом отношении участки местности («завесная стрельба»). Обстреливание химическими снарядами открытых целей считалось невыгодным, так как картечное и фугасное действие обыкновенных снарядов признавалось более действительным.

«Указаниями» не предусматривалось назначение химических снарядов для обстрела артиллерии противника; между тем опыт войны указал, что наиболее действительным средством подавления неприятельских батарей, расположенных на закрытых позициях, является обстрел их химическими снарядами. Выше приводился пример поражения австрийцев летом 1916 г. у Станиславова в результате их обстрела химическими снарядами батареями 74-й и 3-й Заамурской артиллерийских бригад. Приводился пример обстрела химическими снарядами русской 7-й батареи «120» 2-го отдельного тяжёлого артиллерийского дивизиона в июльских боях 1917 г.

Приведём ещё пример обстрела химическими снарядами батареи противника.

В ясный, тихий день 22 августа 1916 г. на позиции у Лопушаны в Галиции (на Львовском направлении) одна из русских батарей вела огонь по окопам противника. Неприятельская батарея 15-*см* гаубиц с помощью специально высланного самолёта открыла по русской батарее огонь, который вскоре стал очень действительным. Тщательным наблюдением были обнаружены в стороне противника кольца дыма, поднимавшиеся из-за одного из гребней высот.

В этом направлении одним взводом русской батареи был открыт огонь, но ослабить огонь батареи противника не удавалось, несмотря, повидимому, на правильное направление огня взвода и правильно определённый угол возвышения. Тогда командир русской батареи решил продолжать обстрел неприятельской батареи химическими «удушающими» снарядами (нижняя часть корпуса 76-*мм* гранаты, наполненной удушающим веществом, окрашивалась выше ведущего пояса в красный цвет — см. т. I, вторую часть). Стрельба химическими 76-*мм* гранатами велась по площади за гребнем, за которым был обнаружен дым от выстрелов батареи противника, протяжением около 500 *м*, беглым огнём, по 3 снаряда на орудие, скачками через одно деление прицела. Минут через 7—8, выпустив около 160 химических снарядов, командир русской батареи прекратил обстрел, так как неприятельская батарея замолчала и не возобновляла огня, несмотря на то, что русская батарея перенесла огонь попрежнему на окопы противника и отчётливо выдавала себя блеском выстрелов.

«Наставление для борьбы за укреплённые полосы» требовало, чтобы всякий артиллерийский начальник принял все меры к безотлагательному уничтожению или приведению к молчанию каждого замеченного им или указанного ему пулемёта противника. Опыт войны показал, что эта трудная задача нередко удачно выполнялась также путём обстрела пулемётных гнёзд или пулемётных казематов химическими снарядами («Указания для применения химических снарядов в бою» изд. 1916 г.).

Русская артиллерия при ведении огня химическими снарядами руководствовалась следующими указаниями: «Внезапность открытия огня химическими снарядами существенно необходима для успеха». Ввиду этого требовалось: участки неприятельского расположения, подлежащие обстрелу химическими снарядами, заблаговременно распределять между батареями; открывать огонь одновременно всеми батареями.

Полевая 6-орудийная батарея может успешно обстреливать, параллельным веером и не меняя направления, участки не более 120 *м* по фронту. При слабом ветре от противника в нашу сторону наименьшее удаление обстреливаемых целей от своих окопов (первой линии) должно быть: при стрельбе «ядовитыми» снарядами (с синими поясами) — 1 *км*, а «удушающими» (с красными поясами) — $^1/_2$ *км*. Одновременное обстреливание одних и тех же целей химическими и фугасными снарядами недопустимо, так как сотрясение воздуха при разрыве фугасного снаряда рассеивает облако и понижает концентрацию газов, получающихся при разрыве химического снаряда.

Стрельба химическими снарядами ведется в общем согласно правилам стрельбы обыкновенными снарядами, но с учётом некоторых их особенностей, а именно: ограниченной сферы их действия; образования при разрывах сравнительно большого облака газов, могущего препятствовать наблюдению последующих выстрелов; большого влияния на действие газового облака силы и направления ветра.

Пристрелка выполняется заблаговременно фугасными снарядами или шрапнелью с целью получить батарейный веер, равный фронту батареи по ширине, и вилку в 2—3 деления прицела. При корректуре направления первой очереди химических снарядов принимают во внимание силу и направление ветра, чтобы облако газов от разрывов распространялось над обстреливаемым участком. Для корректуры возвышения первую очередь химических снарядов следует выпустить на большем пределе вилки, так как газовое облако, если разрывы будут перед целью, может затруднить дальнейшую пристрелку. При обстреливании химическими снарядами тонких целей — батарей, окопов и т. п. — нужно получить возможно более узкую вилку.

Стрельба на поражение химическими снарядами имеет целью *«образовать облако»* газов над обстреливаемым участком и некоторое время *«поддерживать»* это облако.

Для *«образования газового облака»* ведут стрельбу беглым огнём, напряжённость которого определяется командиром батареи по степени густоты газового облака. При обстреливании тонких целей огонь ведётся на одном прицеле полученной вилки, дающем большинство попаданий с наветренной по отношению к цели стороны. При отсутствии ветра или при ветре вдоль обстреливаемой цели стреляют попеременно на обоих пределах вилки, причём в этом случае допустима корректура возвышения до полделения прицела.

При *«завесной»* стрельбе химическими снарядами обстреливается полоса, широкая по фронту и лишь настолько глубокая, чтобы трудно было её перебежать с задержанным дыханием (приблизительно до 200 шагов). При выполнении этой задачи последовательно, начиная с одного края полосы, переносят веер на величину фронта батарей; затем, изменив прицел на 2—3 деления, таким же образом вновь проходят весь фронт батарейного участка, начав с того же края. Такое прохождение обстреливаемой полосы производится несколько раз до получения газовой «завесы» надлежащей плотности. Подобным же образом ведется обстрел химическими снарядами более широких и глубоких (3 и более делений прицела) целей.

Для «поддержания» газового облака требуется меньшая напряжённость огня, чем для его образования. Стрельба для поддержания облака ведётся или беглым огнём, или одиночными выстрелами, с указанием промежутка времени между выстрелами.

Приближённое представление о количестве химических снарядов и темпе стрельбы ими во время атаки могут дать следующие числа, заимствованные из «Указаний для применения 3-дм. химических снарядов в бою» изд. 1916 г.: а) для «образования» газового облака на фронте 120 *м* 6-орудийная батарея должна выпускать приблизительно в течение 2 мин. по 60 выстрелов в минуту (по 10 патронов из орудия); б) для «поддержания» облака на том же фронте — по 24 выстрела в минуту (по 4 патрона на орудие в минуту). В зависимости от условий местности и погоды темп стрельбы для создания облака и поддержания его может оказаться меньше или больше указанных норм.

Стрельба по воздушным целям [1]

В мирное время русская артиллерия не практиковалась в стрельбе по воздушным целям и к началу мировой войны не имела никаких правил такой стрельбы.

В «Наставлении для действия полевой артиллерии в бою» 1912 г. только упоминалось (§ 87), что при выборе целей важное значение имеет обстреливание наблюдательных пунктов артилл -

[1] «Наставление для действия полевой артиллерии в бою», 1912 г. «Правила стрельбы» (лёгкой, конной и горной артиллерии), 1911 г. Кирей, Артиллерия обороны, 1917 г. Б. Иванов, Борьба с воздушным врагом, 1930 г.

рии противника, пунктов расположения его начальников и их штабов, а также «воздушных шаров и летательных машин».

В «Правилах стрельбы» 1911 г. (§ 118—128) были указания о производстве стрельбы по дирижаблю и по привязному воздушному шару.

Было указано, что стрельба по дирижаблю «ведётся только дистанционными выстрелами и с непосредственной наводкой в цель» (как по движущейся цели) и что стрельба по привязному воздушному шару может производиться и «с наводкой по угломеру и уровню». И по дирижаблю и по привязному воздушному шару стрельба должна была производиться при помощи бокового наблюдателя, значительно удалённого от командира батареи и надёжно с ним связанного.

Указывалось, что с целью определения исходных прицела и трубки для обстреливания указанных воздушных целей применяется обозначенная разрывами траектория, для чего первая очередь выстрелов производится «батареею» при общем прицеле, отвечающем оцененному на-глаз расстоянию до дирижабля или привязного воздушного шара. С целью захвата их в вилку по дальности установки трубок назначаются шкалой в 10 делений, причём трубка, отвечающая скомандованному прицелу, назначается одному из средних орудий. Очередь выстрелов начиналась с орудия, имеющего наименьшую установку трубки.

С бокового наблюдательного пункта производится засечка разрывов по обе стороны дирижабля или привязного воздушного шара; два разрыва, ближайших к дирижаблю или воздушному шару, определяют для данного момента трубочную 10-деленную вилку. Если число наблюдённых разрывов окажется меньше числа стрелявших орудий, то незамеченный разрыв причисляется к перелётам.

При стрельбе из полевых пушек для придания больших углов возвышения (до 20—25°) необходимы специальные окопы; для этой же цели возможно использовать естественные крутые склоны, валики и канавы.

Стрельба на поражение по дирижаблю, в зависимости от направления и скорости его движения, должна была производиться взводной шкалой в 3—5 делений, для чего одному из фланговых взводов назначается установка трубки и прицела, численно равная одному из пределов полученной 10-деленной трубочной вилки, или отступив от него на 5—10 делений, остальные взводы последовательно уменьшают или увеличивают установки трубки и прицела на скомандованную величину. По результатам расположения разрывов назначаются шкалы установок трубок и прицела для следующих очередей выстрелов.

Стрельба на поражение по привязному воздушному шару производится в пределах найдённой трубочной вилки, скачками в 2 или 3 деления, начиная с меньшего предела, при общей для всех орудий установке трубки и прицела. По результатам даль-

нейших наблюдений стараются сузить границы обстреливаемого пространства.

Стрельба на поражение ведётся беглым огнём с назначением числа выстрелов на орудие.

В офицерской артиллерийской школе вопросами стрельбы по воздушному флоту (в частности по самолётам) интересовался чуть ли не один капитан Тарновский, изобретательская мысль которого ещё за 2—3 года до начала мировой войны стала работать в этом направлении. Но изобретения Тарновского почти не привлекали к себе внимания коллегии ученых членов Артиллерийского комитета ГАУ (отчасти потому, что Тарновский не получил законченного высшего артиллерийского образования в академии). Тарновский вынужден был передать свою идею создания зенитной артиллерии Путиловскому заводу, где она и была осуществлена инженером завода Лендером совместно с Тарновским (см. т. I, вторую часть).

К сентябрю 1914 г., ко времени начала формирования первой своей автомобильной батареи для стрельбы по воздушному флоту, Тарновский разработал теорию стрельбы по летательным аппаратам с целью поражения их не одиночными разрывами шрапнелей, а разрывами одновременно нескольких шрапнелей, образующими целую сферу поражения. Затем, в течение всего периода войны, Тарновский стремился доработать и осуществить свою идею воздушной зенитной стрельбы, обосновав её на боевом опыте стрельбы по самолётам, но добиться окончательных положительных результатов ему, по существу, не удалось. В частности, введённые Тарновским к зенитным пушкам приборы для искусственного рассеивания снарядов были впоследствии отменены ввиду их сложности, не оправдывавшейся необходимостью их применения.

Зенитная стрельба из специально спроектированных орудий системы Тарновского-Лендера имела шансы на успех, но оказалась мало действительной на практике. Статистических данных о стрельбе русской зенитной артиллерии найти не удалось, а по личному признанию Тарновского, сделанному им начальнику Упарта в конце лета 1917 г., из пушек его системы за всё время их участия в войне было сбито, вероятно, не более 5—8 самолётов противника (впрочем, нельзя при этом упускать из виду, что на обширном русском фронте войны имелось очень мало зенитных пушек Тарновского-Лендера; см. т. I.

Стрельба по воздушному флоту чрезвычайно сложна и трудна, как требующая одновременного разрешения ряда задач: определения истинного положения цели в воздушном пространстве в данный момент; предугадывания наиболее вероятного перемещения цели за некоторый последующий короткий отрезок времени и определения вытекающих отсюда вероятных данных для стрельбы; придания орудию угла возвышения и направления, определяемых по полученным данным для стрельбы, но с учётом метеорологических условий, влияющих на полёт снаряда (т. е. плотности и движения воздуха в верхних слоях атмосферы) и т. д.

Для решения всех подобных задач необходимы специальные приборы, которые автоматически определяют положение самолёта в воздухе, учитывают его дальнейшее перемещение и дают исходные данные величины прицела и установки дистанционной трубки. Приборы эти отличались в то время сложностью конструкции и при малейшей погрешности в их изготовлении, а также в связи с огромной скоростью полёта самолёта не всегда достаточно точно определяли его местоположение в воздухе.

Стрельба по самолёту вообще тем труднее, чем большей скоростью полёта и большей поворотливостью он обладает и чем короче периоды его прямолинейного движения.

В старой русской армии необходимые для противосамолётной стрельбы приборы отсутствовали; существовавшие правила этой стрельбы были неудовлетворительны. Было стремление упорядочить противосамолётную стрельбу и поставить ее на более или менее научно-практическую основу, но в общем ко времени выхода России из мировой войны тактические и технические методы борьбы русской артиллерии с воздушным противником продолжали оставаться далеко не совершенными — такими же кустарными, какими были и установки для зенитной стрельбы 76-*мм* полевых лёгких пушек. При существовавших способах стрельбы попадание в самолёт являлось скорее непредвиденной случайностью, чем искусством.

Совершенно правильно заключение Кирея, который в своей брошюре «Артиллерия обороны» о стрельбе из лёгких и горных орудий по воздушному флоту говорит, между прочим, следующее:

«Стрельба по аэроплану из лёгких и горных орудий хотя и необходима, но не действительна: вероятность попадания почти равна нулю... Поэтому лучше открыто сознаться в своей беспомощности, отказаться от надежды попасть в аэроплан и вести стрельбу, действуя на психику сидящих в нём. Имеющиеся в настоящее время наставления, графические таблицы, приборы и приспособления для стрельбы по воздушному флоту вопроса не разрешают. Рассчитывать на подбитие аэроплана лёгким или горным орудием возможно только при наличии: а) приборов, дающих быстро (в несколько секунд) величину отклонения разрыва от аэроплана в трёх координатных плоскостях, б) прибора, определяющего, хоть приблизительно, закон движения летящего аппарата, в) жизненных правил стрельбы, разработанных в соответствии с этими приборами...»

Таких приборов и правил стрельбы тогда русская артиллерия не имела; поэтому Кирей стрельбу по самолётам рекомендовал вести, действуя на психику лётчика и наблюдателя, т. е. так, чтобы разрывы шрапнели были впереди самолёта и чтобы лётчик и наблюдатель их видели, знали, что их обстреливают, и теряли бы присутствие духа.

Командование (командиры корпусов, командующие армиями) требовало обычно от батарей для стрельбы по воздушному флоту уничтожения неприятельских самолётов, не отдавая себе отчёта

в чрезвычайной трудности зенитной стрельбы и малой вероятности поражения быстро летящего самолёта при имевшихся тогда средствах борьбы. Стремление уничтожить самолёт в большинстве случаев оставалось безуспешным, что порождало немало разочарований в значении зенитной артиллерии. Между тем, по многим проверенным данным, во время войны было установлено, что попадания в части самолёта бывали нередким явлением, но самолёт, даже серьёзно повреждённый, не говоря уже о попаданиях в нежизненные его части, мог продолжать полёт и терпел аварию уже при самой посадке. Поражение же жизненных частей самолёта, благодаря небольшому их объёму, было весьма мало вероятным. Поэтому у многих русских артиллеристов сложилось во время войны убеждение, что основной задачей зенитной артиллерии является не уничтожение самолётов, а моральное «запрещающее» воздействие на лётчика. Считали, что моральное поражение лётчика будет почти обеспечено, если его самолёт окажется в сфере рассеивания снарядов батарейной очереди.

В период войны, особенно в 1915—1917 гг., появилось много разных инструкций и правил стрельбы по воздушному флоту, составленных по большей части на основании не проверенных опытом теоретических соображений. Эти инструкции и правила предлагали использовать при стрельбе по самолёту массу таблиц и приборов. Во всём этом разобраться было крайне трудно. Командиры зенитных батарей нередко предлагаемые им правила и инструкции изменяли сами в соответствии со своим боевым опытом. В результате сочетания боевой практики с теоретическими предпосылками были разработаны различные методы зенитной стрельбы Лендером и Тарновским (изобретателями 76-*мм* зенитной пушки обр. 1914 г.), Труновым, Энденом, Тиграновым, Игнатьевым, Гладковым, Кузьминским и другими.

Инструкциями и наставлениями для стрельбы по воздушному флоту предлагалось применять различные виды огня: одиночными выстрелами, батарейными очередями, беглым огнём определённым числом патронов, залпами.

В начале 1915 г. был издан одобренный Арткомом ГАУ (журнал Артиллерийского комитета 8 ноября 1914 г. № 1383) «Проект указаний для стрельбы по воздушным целям для батарей, вооружённых 3-дм. (76-*мм*) скорострельными пушками (лёгкими и конными), помещёнными на «специальных установках» (системы Розенберга или иных)». Проект этот являлся первой попыткой дать правила стрельбы по воздушным целям из 76-*мм* лёгких пушек, устанавливаемых для стрельбы на особых приспособлениях, устраиваемых из подручного материала, позволяющих придавать орудиям довольно большой угол возвышения (описание таких установок см. т. I, часть вторая).

Согласно «Проекту указаний», огонь по воздушной цели возможно было открывать при удалении её от стреляющей батареи не свыше 6 *км*, т. е. по вступлении цели в «зону возможного поражения», определяемую оптическим дальномером или глазоме-

ром. Стрельба по воздушной цели ведётся с непосредственной в неё наводкой дистанционными выстрелами. Основной задачей стрельбы было получение недолётных разрывов, кажущихся с батареи выше цели. Орудиям батареи командуется: прицел на 15—20 делений меньше дальности, определённой или предположенной до цели; трубка — короче этого прицела на 15—35 делений; угломер — с принятием во внимание деривации и бокового перемещения цели. Наводчики орудий должны были держать перекрестье панорамы (прицельную линию) несколько впереди цели. Выстрел 1-го орудия был контрольным для нахождения исправленных установок. Исправив установки угломеров, батарея ведёт огонь «по команде», непрерывный и возможно быстрый, с таким расчётом, чтобы можно было отличать разрывы снарядов каждого орудия или отдельных очередей. Если при этом наблюдались разрывы ниже цели, то для следующих выстрелов прицел увеличивался на 5—10 делений, но при той же установке трубки. При движении воздушной цели от батареи стрельбу следовало вести при прицеле на 20—30 делений больше того, который отвечает определённой до цели дальности, а трубку назначать на 5—15 делений длиннее прицела.

Боевая практика стрельб из 76-*мм* лёгких пушек с кустарных установок, производившаяся по указанным правилам, показала, что поражение воздушных целей если и бывало, то как весьма редкая случайность.

По распоряжению ГАУ, в том же 1915 г. изданы были составленные Тарновским в виде проекта «Правила стрельбы по летательным аппаратам» (аэропланам и дирижаблям) для батарей, вооружённых полевыми пушками обр. 1902 г., горными обр. 1909 г. и пушками для стрельбы по воздушному флоту обр. 1914 г. (т. е. 76-*мм* зенитной пушкой системы Тарновского-Лендера). В «Объяснительной записке» к проекту указанных «Правил стрельбы» Тарновским разобраны наиболее трудные случаи стрельбы по самолёту, а именно: когда он летит на батарею или от неё, т. е. когда углы упреждения и углы места цели быстро возрастают или убывают. «Объяснительная записка» изложена в виде отдельных графических таблиц с описанием разобранных в них 10 разных случаев. В «Правила стрельбы» Тарновский включил средние данные, полученные им как вывод из разобранных в «Объяснительной записке» случаев и из опыта стрельб по самолётам в течение первых месяцев мировой войны 1914—1918 гг.

По методу Тарновского, предложенному им в «Правилах стрельбы» в 1915 г., пристрелка производится одиночными корректируемыми выстрелами и заключается в отыскании посредством отражателя и угломера панорамы упреждения на скорость перемещения самолёта в вертикальной и горизонтальной плоскостях за время полёта снаряда. Но быстротечность зенитной стрельбы и большая маневренность самолёта исключают возможность пристрелки в обычном понимании таковой. Одиночные выстрелы почти ничего не давали для корректуры стрельбы; они могли слу-

жить лишь для учёта влияний, происходящих от метеорологических условий и отчасти для выверки приборов. Огонь батарейной очередью также не приводил к положительным результатам.

Вследствие быстроты полёта самолёта, каждую секунду меняющего своё положение в воздухе, выстрелы обычно запаздывали и тратились впустую.

Переход на поражение производился беглым огнём не прямой наводкой, а после того, как наводчики отметились по разрыву. Беглый огонь большим числом патронов деморализующе действовал на орудийный расчёт батареи, управление ею уходило из рук командира, установки производились наспех, без соблюдения необходимой точности; в результате получались в воздухе обширные огневые заслоны, но неприятельские самолёты часто не оказывались в районе этих заслонов. Беглый огонь ограниченным числом патронов (2—3 патрона) в виде коротких огневых шквалов, обрушивающихся на самолёт с некоторыми промежутками времени один от другого, производил более существенное впечатление на лётчика; при этом стрельба не была такой беспорядочной, как при беглом огне большим числом патронов. В обоих случаях стремились к тому, чтобы в зоне искусственного рассеивания разрывов оказался обстреливаемый самолёт противника.

Залповый огонь оказался наиболее целесообразным в боевой обстановке, и к этому виду огня перешли почти все русские зенитные батареи к концу войны. Исходные данные для залпа, подсчитанные более правильно в спокойном состоянии, обеспечивали получение зоны поражения уплотнённой группы одновременных разрывов, что могло иметь решающее значение для успешности зенитной стрельбы. Залповый огонь базировался не столько на скорострельности орудий, сколько на одновременном получении группы возможно большего числа разрывов в районе самолёта, т. е. на принципе стрельбы не столько пулемётной, сколько митральезной. Поэтому были во время войны предположения довести состав зенитных батарей до шести орудий (вместо четырёх) или проектировать двуствольные орудия для зенитной стрельбы (проект руководителя офицерской школы для стрельбы по воздушному флоту).

В вопросе о возможности корректирования стрельбы по самолётам мнения «зенитчиков» того времени расходились. Одни, базируясь на скоротечности зенитной стрельбы, считали корректуру невыполнимой; напротив, другие, которых было большинство, считали корректуру обязательной, полагая, что она компенсирует невозможность предварительной пристрелки и позволит исправлять отклонения разрывов от цели, являющиеся следствием ошибок в показаниях приборов и исполнения команд орудийным расчётом или следствием других, не поддающихся сколько-нибудь точному учёту балистических причин [1].

[1] Интересные обстоятельные сведения по вопросу о стрельбе по воздушному флоту во время мировой войны можно извлечь из труда Б. Иванова «Борьба с воздушным врагом», ГИЗ, 1930 г.

В 1917 г., в целях общей подготовки командного состава артиллерии, была сделана попытка издать «Инструкцию командиру полевой батареи для стрельбы по самолётам». Эту «Инструкцию» никак нельзя было считать правилами противосамолётной стрельбы, научно обоснованными и оправдавшими себя на боевой практике. По этой «Инструкции» стрельба артиллерии по самолётам считалась, в сущности, довольно безнадёжной, так как стрельба признавалась «*отличной*», *когда лётчик не выдерживал огня батареи и изменял направление*».

В том же 1917 г. отказались от подготовки всего командного состава артиллерии к производству стрельбы по самолётам и создали на фронтах действующей армии особые курсы стрельбы по воздушному флоту для подготовки специалистов только такой стрельбы лишь среди комсостава зенитной артиллерии. Но и эта попытка не привела к достаточно положительным результатам. Курсы были упразднены, и взамен курсов в конце 1917 г. создана была в Крыму специальная офицерская школа стрельбы по воздушному флоту (создателем которой и первым начальником был Тарновский — см. ниже).

На опыте практики офицерской школы стрельбы по воздушному флоту выявилась необходимость взаимодействия между зенитной артиллерией и истребительной авиацией. Было признано необходимым разграничить зоны действия каждой из них для создания наиболее выгодных условий их применения, обеспечивающих чередующееся воздействие на воздушного противника со стороны то артиллерии, то истребительной авиации.

Истребительная авиация должна действовать в воздушном районе, недоступном для огня зенитной артиллерии, т. е. в воздушном пространстве, окружающем границы досягаемости артиллерийского огня, и в сфере так называемой «мёртвой воронки», образующейся над стреляющей батареей. Эта воображаемая мёртвая воронка как бы опрокинута над стреляющим орудием, которое находится в её вершине, а дно её (или верхний потолок) будет представлять круг, радиус которого будет тем больше, чем меньше предельный угол возвышения орудия и чем выше летит самолёт над орудием. Мёртвая воронка в значительной степени уменьшает сферу зенитной стрельбы; влетевший в неё неприятельский самолёт находится в безопасности от поражения артиллерийским огнём находящейся под ним зенитной батареи и может производить её бомбёжку в границах мёртвой воронки с полной безнаказанностью. Помешать этому и заставить самолёт противника покинуть мёртвую воронку может либо свой самолёт-истребитель, находящийся в районе мёртвой воронки, либо взаимодействующая с данной батареей другая зенитная батарея.

Для обеспечения взаимодействия зенитной артиллерии с истребительной авиацией признавались желательными подчинённость их общему начальнику, взаимное изучение их свойств, воспитание сознательной дисциплины и взаимной выручки.

Кроме самолётов-истребителей, для непосредственного охранения зенитных батарей и для усиления воздушной обороны считали необходимым придавать этим батареям пулемётные взводы, которые могли бы вести стрельбу по снижающимся или атакующим батарею самолётам.

Что касается снарядов, применяемых для стрельбы по воздушному флоту, то обыкновенная полевая шрапнель оказалась мало пригодной. Наиболее пригодной оказалась бризантная граната с 28-сек. дистанционной трубкой. Граната при попадании в самолёт сильно его разрушала своими осколками, что производило подавляющее впечатление на лётчиков, которые при виде чёрного облака разрыва гранаты часто не выдерживали и из опасения поражения поворачивали обратно. Резко видимое облако разрыва гранаты облегчало и ведение стрельбы.

Таблица 8

РЕЗУЛЬТАТЫ СТРЕЛЬБЫ ПО САМОЛЕТАМ АРТИЛЛЕРИИ ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ И АНГЛИИ В ВОЙНУ 1914—1918 гг.

Название и род артиллерии	Число сбитых самолётов					Число выстрелов на один сбитый самолет			
	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	всего 1915—1918 гг.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Германская артиллерия									
а) Зенитная специальная	51	322	467	748	1 588	—	—	—	—
б) Приспособленная и зенитная—в среднем	—	—	—	—	—	11 565	9 880	7 415	5 040
Французская артиллерия									
а) Зенитная специальная	0	60	127	220	407	—	—	—	3 200
б) Приспособленная и зенитная—в среднем .	—	—	—	—	—	—	11 000	7 500	—
Английская артиллерия									
а) Зенитная специальная	—	—	—	—	—	—	—	—	1 500
б) Приспособленная и зенитная—в среднем .	—	—	—	—	—	—	—	8 000	4 500

Примечания. 1. Итальянская зенитная специальная артиллерия сбила в 1918 г. всего 129 самолетов.

2. Американская зенитная специальная артиллерия сбила всего 58 самолётов, считая расход около 600 снарядов на один сбитый самолёт.

Зенитная стрельба у бывших союзников и противников России стояла во время мировой войны на гораздо более высоком уровне. Однако, как показывают имеющиеся в литературе данные германской, французской, английской, итальянской и американской статистики, сведенные в табл. 8, число самолётов, сбитых иностранной зенитной артиллерией за время войны, сравнительно невелико и, напротив, число выстрелов на один сбитый самолёт довольно большое.

Из табл. 8, между прочим, видно, что наличие специальной зенитной артиллерии значительно снижало расход снарядов на сбитие самолётов и что по мере совершенствования приборов, необходимых для зенитной стрельбы, и прогрессирования методов этой стрельбы действительность её огня повышалась. Всё же число снарядов, требующихся для сбития одного самолёта даже из специальных зенитных орудий, оставалось весьма большим до самого конца войны — в 1918 г. во французской артиллерии 3 200 и в английской 1 500 снарядов. Показанные в примечании 2 к табл. 8 число 600 снарядов на один самолёт для американской артиллерии вызывает сомнения, тем более что участие в мировой войне американской артиллерии было сравнительно весьма кратким.

Указания о подготовке атаки в условиях борьбы за укреплённые полосы

В «Наставлении для борьбы за укрепленные полосы» (ч. II, § 227) указания относительно стрельбы артиллерии при подготовке прорыва оборонительной полосы противника сведены к следующему общему заключению:

а) противобатарейная артиллерия ведёт борьбу с неприятельской артиллерией и обстрел в тылу расположения противника;

б) тяжёлая и гаубичная (мортирная) артиллерия ударных корпусов разрушает укрепления главных элементов обороны, избранных для направления главного решающего удара;

в) минометы разрушают заграждения и окопы;

г) легкая артиллерия (а где требуется и гаубичная) делает проходы в искусственных заграждениях, обстреливает периодически, а часа за 2 до начала атаки — непрерывно, промежутки между участками разрушения, чтобы не оставлять на участке главного удара ни одного безопасного места и прекратить перемещения противника; этому содействуют и бомбомёты на заданных участках;

д) артиллерия и минометы ведут огневую подготовку также и на второстепенных участках прорыва, в различных местах, где это необходимо;

е) участки, смежные с участками главного удара, если с них атакующие части могут быть взяты под фланговый огонь, берут под обстрел (и частичное разрушение) на протяжении не менее 1 *км* с каждой стороны участка главного удара, причём обстрел этот ведёт преимущественно лёгкая артиллерия, усиленная по возможности гаубицами и минометами;

ж) артиллерия ведёт огонь также и химическими снарядами по резервам, окопам, убежищам и батареям противника.

Встречный артиллерийский удар (контрподготовка)

Согласно «Наставлению для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г. (ч. III, § 62—72) встречный артиллерийский удар имеет целью и является могучим средством для того, чтобы при обороне укреплённой полосы предотвратить выход из траншей атакующей неприятельской пехоты, и должен вестись с большим напряжением и в наиболее выгодное время, определяемое с возможно большей точностью.

Ближайшая цель встречного артиллерийского удара — нанести потери неприятельской пехоте, собранной в плацдарме и передовых траншеях, т. е. действие против живой силы, а не разрушение оборонительных сооружений противника. Короткое, но сильное действие встречного артиллерийского удара является наивыгоднейшим средством, которое даёт возможность нанести большие потери неприятельской пехоте, наполняющей доотказа убежища, а затем и траншеи непосредственно перед атакой.

Артиллерийская подготовка атаки противника, через некоторое время после её начала, позволяет определить участок позиции, куда будет направлен главный удар неприятеля и где необходимо дать особенно сильный встречный артиллерийский удар.

Обороняющемуся трудно предугадать период времени, обычно небольшой, предшествующий действительной атаке неприятельской пехоты, так как противник будет принимать все меры к тому, чтобы скрыть начало атаки. Поэтому при наличии сведений о сосредоточении в плацдармах пехоты противника, а тем более при её выходе из убежищ и появлении в окопах (параллелях), необходимо открыть самый интенсивный встречный артиллерийский огонь.

Первый «предварительный» встречный артиллерийский удар (контрудар), обеспеченный достаточным количеством боеприпасов, должен производиться методически и с таким расчётом, чтобы последующие, менее продолжительные, но более энергичные повторения встречного артиллерийского удара (с большим участием полевых пушек) были бы действительны против собранной для атаки пехоты противника.

Последующие встречные артиллерийские удары должны представлять собою каждый:

для полевых пушек — повторяющиеся через некоторые промежутки времени короткие, но сильные взрывы сосредоточенного огня по неприятельской укреплённой полосе (по траншеям, ходам сообщения, по возможности с фланкированием их шрапнелью);

для гаубиц полевой и тяжёлой артиллерии и миномётов — обстреливание тех узлов ходов сообщения и выходов из убежищ, разрушение которых затруднит противнику занятие исходных для

атаки траншей, а также разрушение наблюдательных и командных пунктов.

Повторения короткого энергичного встречного огневого удара требовалось производить каждый раз, как получались определённые сведения о сосредоточении неприятельской пехоты в окопах.

Участие миномётов во встречном артиллерийском ударе, наряду с тяжёлой артиллерией, признавалось весьма желательным, но было возможным лишь при расположении миномётов в значительном удалении за линией траншей поддержек и при условии хорошей маскировки.

План встречного артиллерийского удара требовалось разработать в предположениях об атаке различных участков обороны. В плане следовало установить продолжительность отдельных повторений встречного удара, скорость огня для различных батарей и распределение участков и целей.

Встречный артиллерийский удар производился по приказанию начальника дивизии или начальника артиллерии дивизии. Но в экстренных случаях «предоставлялось право каждому артиллерийскому и общевойсковому начальнику вводить в дело артиллерию непосредственно высшего соединения, согласно установленному плану» (§ 15 ч. III «Наставления для борьбы за укреплённые полосы»).

Естественным продолжением встречного артиллерийского удара явится заградительный огонь в том случае, если встречный удар не разобьёт наступательного порыва атакующего. Необходимость немедленного перехода в этом случае к заградительному огню от встречного артиллерийского удара предлагалось не упускать из виду всем батареям, в нём участвующим. Это относилось главным образом к полевым лёгким батареям, потому что тяжёлые батареи в большинстве случаев должны были при этом продолжать действовать по прежним заданным им целям в районе неприятельской укреплённой полосы.

Встречный артиллерийский удар признавался необходимым также при обнаружении приготовлений неприятеля к газовой атаке.

Интенсивный встречный огонь открывается в начале выпуска неприятелем каждой газовой волны с целью разбить баллоны или газопроводные трубы и нанести потери газовой команде противника. В том случае, если имелись признаки, что вслед за газовой атакой неприятельская пехота пойдёт в атаку, встречный артиллерийский удар должен быть самым энергичным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сила артиллерийского огня обеспечивается: достаточным для успеха количеством артиллерии, калибром и дальнобойностью её орудий; необходимым, и по возможности даже неограниченным, количеством боеприпасов; соответственным расположением относительно целей наблюдательных пунктов и огневых позиций артиллерии; надлежащими средствами наблюдения—

наземного, в том числе звукометрическими и светометрическими, и воздушного (самолёты и привязные аэростаты); надлежащими средствами связи; искусством организации артиллерийской разведки, наблюдения и связи и главным образом *искусством ведения артиллерийской стрельбы.*

Сила артиллерийского огня в значительной степени зависит от местности, на которой приходится действовать, и от правильного использования и свойств снарядов соответственно характеру цели.

По целям открытым отлогий шрапнельный огонь даёт самые быстрые и решительные результаты; для уничтожение открытых живых целей достаточно сравнительно небольшое количество артиллерии средних калибров и относительно немного снарядов.

По целям укрытым необходимо сочетание отлогого и крутого, прямого (фронтального) и косого (флангового) шрапнельного, осколочного и фугасного огня; для уничтожения укрытых целей и прикрывающих их закрытий требуется большое число разнообразных орудий и огромное количество снарядов.

Необходимо иметь в виду, что вообще против участков, обстреливаемых продольным огнём, требуется артиллерия в 4—6 раз меньше, чем против участков, обстреливаемых с фронта.

По прежним «Правилам стрельбы» 1911 г. считалось, что зона разрыва каждой 76-*мм* шрапнели захватывает по фронту 20 *м* и что поэтому, желая поддерживать самый сильный шрапнельный огонь, необходимо на каждые 20 *м* фронта, занятого пехотой противника, назначать одно 76-*мм* орудие. Впрочем, расчёт этот признавался допустимым только при атаке сильных окопов, когда нет возможности их разбить, и приходится, действуя одним фронтальным шрапнельным огнём, заставлять неприятеля прятаться в окопах и прекращать вместе с тем огонь по нашим атакующим войскам. При действии же против неприятеля, не успевшего укрепиться (например, во встречном бою), когда его стрелки укрываются за местными предметами и расположение их представляет ясно видимую цель по линии гребня, канавы и т. п., считался достаточно сильным шрапнельным огнём с фронта такой огонь, когда на каждое орудие приходилось по фронту до 60 *м*.

Считалось, что на твёрдом грунте тротиловые гранаты при разрыве захватывали своими осколками фронт: 76-мм — 20 *м*, а 152-*мм* — 40 *м*. Эти данные служили основанием для расчёта числа 76-*мм* и 152-*мм* орудий для действия гранатами.

Ввиду малой глубины осколочного поражения гранатами (76-*мм* — 10 *м*, 152-*мм* — 20 *м*) необходима самая точная и тщательная пристрелка. Поэтому признавалось, что поражать осколочным действием можно только ясно видимые цели, как, например, батарея на открытой позиции, и на каждое орудие назначать небольшой участок по фронту: для 76-*мм* — 20 *м*, для 152-*мм* — 40 *м*.

По укрытым живым целям огонь отдельных батарей оказывался нередко мало действительным и по ним приходилось со-

средоточивать огонь нескольких батарей — удалённых друг от друга или близко расположенных.

Цель сосредоточения огня удалённых батарей, т. е. перекрёстного сосредоточенного огня, заключается в том, чтобы поражать живые цели за прикрытиями, комбинируя фронтальный огонь с фланговым.

Сосредоточенный перекрёстный огонь даёт выгоды при стрельбе даже из однотипных орудий и однотипными снарядами. Для получения такого сосредоточенного огня необходима взаимная огневая поддержка на широком фронте, требуется маневрирование (колёсами) для занятия фланговых огневых позиций, а потому такой огонь применим главным образом в полевой артиллерии при маневренных боевых действиях.

Офицерская артиллерийская школа подчёркивала, и это подтвердил опыт войны, что в том случае, если при стрельбе по живым, укрытым спереди целям фронтальный (прямой) шрапнельный огонь одной батареи недействителен, то шрапнельный прямой огонь двух-трёх и большего числа рядом стоящих батарей, направленных в ту же цель, будет тоже недействителен.

Окопы, в зависимости от рельефа местности, так же как и хребты, лощины и овраги, никогда не имеют очертаний в виде прямых линий. Для защиты от косого и флангового огня окопы нарочно делаются в разных направлениях (зигзагами). Данную кривую или ломаную линию окопов и укреплений необходимо обстреливать в разных направлениях, чтобы разные участки этой линии обстреливать фланговым или наиболее косым огнём. Сочетание прямого (фронтального) и косого (флангового) огня имеет целью уменьшить значение естественных и искусственных прикрытий, так как укрыться против огня с двух сторон гораздо труднее, чем против огня, направленного с одной стороны. Сочетание огня тем выгоднее, чем направление выстрелов отдельных батарей сильнее отличается между собой.

Для поражения живых целей за вертикальными закрытиями предлагалось добиваться сосредоточенно-перекрёстного огня нескольких батарей только в том случае, если взаимный уклон огня батарей не менее 1 : 4, так как сочетание огня с таким взаимным уклоном даёт более решительное поражение в наиболее короткое время.

По указаниям офицерской артиллерийской школы следовало по целям, ширина фронта которых около 500 *м*, сосредоточивать огонь не более трех батарей — одна с фронта и по одной с каждого фланга. При этом указывалось, что для получения сосредоточенно-перекрёстного огня наиболее выгодно охватывающее расположение батарей, так как при таком расположении получается наибольший взаимный уклон огня соседних батарей.

При ударной стрельбе косой огонь увеличивает вероятность попадания в длинные линии оборонительных сооружений и поэтому даёт возможность в более короткий промежуток времени и с меньшим расходом снарядов, в сравнении с фронтальным, получить же-

лаемое разрушение или решительное осколочное поражение. Ввиду того, что ударная стрельба требует большой точности пристрелки, сосредоточивать огонь нескольких батарей на один участок не следует, так как это затруднит пристрелку каждой батареи; в этом случае следует каждой батарее назначать особый более узкий участок разрушаемого оборонительного сооружения или особый участок цели для поражения осколками.

Сосредоточенный огонь близко расположенных батарей даёт выгоды при стрельбе из разнотипных орудий (пушек — отлогий огонь, гаубиц — крутой или навесный огонь) или при стрельбе разнотипными снарядами (шрапнель, гранаты); такой род сосредоточения огня наиболее применим для тяжёлой полевой артиллерии и главным образом для тяжёлой артиллерии осадного типа (большой мощности).

При сочетании отлогого и крутого шрапнельного огня близко расположенных батарей, когда приходится поражать прикрытые цели, выгодно сосредоточивать пушечный шрапнельный огонь с гаубичным шрапнельным огнём в следующих типичных случаях:

1) При стрельбе по пехоте, расположенной на крутых склонах. Прямой отлогий огонь шрапнелью необходим для поражения стрелков, занимающих самый гребень, а крутой шрапнельный огонь — для поражения поддержек, расположенных на склонах за хребтом.

2) При стрельбе по живым целям за узкими и низкими закрытиями, но когда можно произвести точную пристрелку. Прямой отлогий шрапнельный огонь поражает только тогда, когда неприятельские стрелки поднимаются из-за закрытия для стрельбы; крутой шрапнельный огонь поражает расположенных за закрытиями стрелков даже в то время, когда они не стреляют и укрываются от прямого огня по ним.

3) При стрельбе по батареям, расположенным на открытой огневой позиции, когда можно произвести точную пристрелку. Причём крутой шрапнельный огонь назначается для поражения номеров орудийного расчёта, находящихся за щитами, а отлогий шрапнельный огонь — для поражения живых целей, двигающихся между орудиями и подходящих к батарее.

Сильный сосредоточенный шрапнельный огонь рядом стоящих батарей получается при расчёте длины поражаемого фронта на две батареи — пушечную и гаубичную, как и на одну, т. е. на каждое лёгкое орудие даётся участок шириной до 60 *м* и к каждой лёгкой пушечной батарее придаётся одна гаубичная батарея.

Русская артиллерия в маневренный период мировой войны стреляла вообще весьма успешно, в особенности по открытым живым целям, нанося им жестокое поражение и нередко уничтожая их буквально в самый короткий срок. При этом она руководствовалась хорошо ею освоенными в мирное время «Правилами стрельбы» 1911 г.

С переходом к борьбе в позиционных условиях мировой войны, когда потребовалось разрушение оборонительных сооружений осо-

бой прочности, уничтожение проволочных и других заграждений, внезапность нанесения поражения противнику, русской артиллерии пришлось применять новые методы более точной пристрелки и стрельбы для поражения разнообразных целей, пришлось вести стрельбу даже вовсе без предварительной пристрелки, на основании исчисленных данных, учитывая метеорологические условия, индивидуальные свойства орудий, снарядов, зарядов, партий дистанционных трубок и взрывателей и пр. Однако новые методы стрельбы артиллерии не заменили в полной мере пристрелку по «Правилам стрельбы» 1911 г., так как данные топографической, метеорологической и балистической подготовки получались не настолько верными, чтобы исчисляемые по этим данным расчёты не было необходимости проверять пристрелкой.

Для обеспечения успеха стрельбы по невидимым или по удалённым целям оказалась крайне необходимой помощь наблюдения с самолётов и змейковых аэростатов. Потребовались: воздушная разведка с аэрофотографированием, дополнительные средства инструментальной разведки, звуко- и светометрические, дополнительные средства связи — такие, как радиосвязь, и пр.

Разрушение искусственных препятствий, необходимое для обеспечения успеха атаки, потребовало стрельбы с небольших дальностей, с отчётливым наблюдением выстрелов, с большим расходом снарядов — главным образом фугасных 76-*мм* калибра.

Для разрушения оборонительных сооружений особой прочности, возводимых в период позиционной борьбы, потребовались тяжёлые орудия большой мощности, главным образом гаубицы крупного калибра, и огромный расход фугасных снарядов большого калибра. Причём для успешности стрельбы на разрушение оказалась необходимой самая точная пристрелка каждого орудия, фланговый или возможно косой огонь, тщательное наблюдение и методическое ведение огня с надлежащей, возможно небольшой дальности.

Борьба с неприятельской артиллерией как при прорыве, так и при обороне укреплённой полосы считалась важнейшей, хотя и труднейшей задачей, возлагаемой на артиллерию, причём успешная борьба с артиллерией — с задачей если не совершенного её уничтожения, то во всяком случае *подавления* её огня — была возможной лишь при хорошо организованном воздушном наблюдении, при наличии искусного непрерывного наземного наблюдения при достаточном числе соответствующего типа орудий, главным образом дальнобойных, вполне обеспеченных снарядами, в том числе химическими.

Для уничтожения артиллерии противника огонь противобатарейной артиллерии должен быть весьма точным при расходе достаточно большого количества снарядов и значительной затрате времени. Для сокращения продолжительности стрельбы и уменьшения расхода боеприпасов стремились наносить поражение косым или фланговым огнём.

При борьбе с неприятельской артиллерией приходилось нередко вести огонь на большие, предельные дальности, для чего требовались не только полевые тяжёлые 107-*мм* пушки, но и тяжёлые 120-*мм* и даже 152-*мм* пушки ТАОН. При этом стрельбу вели с помощью воздушного наблюдения и корректирования с самолётов и привязных аэростатов, а также с применением звуковых станций В. Ж. и других (последнее было весьма желательным, но за недостатком звуковых станций удовлетворительной конструкции редко осуществлялось).

Опыт мировой войны указал на чрезвычайную трудность борьбы артиллерии с пулемётами, обычно укрытыми до начала атаки в надёжных убежищах. Между тем наступление и атака оказывались нередко невыполнимыми до уничтожения пулемётов или до приведения их к молчанию. Пулемёты уничтожались, по большей части, попутно при разрушении сооружений и построек, укрывающих пулемёты; причём для обстрела пулемётных гнёзд применялись, так же как и для обстрела неприятельской артиллерии, химические снаряды.

В позиционный период войны русская артиллерия стала широко применять *заградительный огонь* с целью создать на пути противника непроходимую зону поражения артиллерийскими снарядами и этим остановить атаку, контратаку или подход резервов противника, а при прорыве неприятельской укреплённой полосы вести заградительный огонь в виде подвижного огневого вала, прикрывающего и увлекающего за собой вперед атакующую пехоту.

В маневренный период войны стрельба русской артиллерии ночью бывала исключением; напротив, в позиционный период ночные стрельбы русской артиллерии стали довольно обычным явлением, хотя «Наставлением для борьбы за укреплённые полосы» 1917 г. они вообще не рекомендовались. Только в июле 1917 г. полевой инспектор артиллерии предложил подготовить план стрельбы ночью для операции прорыва укреплённой полосы германцев на Западном фронте в районе 10-й русской армии.

Стрельба химическими снарядами не получила широкого применения в русской артиллерии отчасти потому, что снаряды эти артиллерия стала получать лишь в 1916 г. и то в ограниченном количестве. Стрельба химическими снарядами считалась вспомогательным средством, наряду со стрельбой обыкновенными снарядами, хотя имела назначением: сделать невозможным для неприятеля пребывание на участках его позиции, обстреливаемых химическими снарядами, и парализовать оборонительную силу этих участков; сделать для неприятеля на некоторое время непроходимыми важные в тактическом отношении районы местности, образовав на них так называемую «завесную стрельбу». Опыт войны указал, что наиболее действительным средством подавления неприятельских батарей, расположенных на закрытых позициях, является обстрел их химическими снарядами. При «завесной» стрельбе химическими снарядами обстреливалась полоса, широкая

по фронту, но глубиной приблизительно лишь до 200 шагов, чтобы трудно было её пробежать с задержанным дыханием.

Стрельба по воздушному флоту или так называемая «зенитная стрельба» в русской артиллерии оставалась до самого конца войны в области исканий удовлетворительного разрешения этого трудного вопроса и по существу стояла на низком уровне, что можно объяснить отчасти крайним недостатком наличия специальной зенитной артиллерии в русской армии.

В позиционный период войны, особенно в 1917 г., когда были сформированы батареи ТАОН, вооружённые мощными тяжёлыми орудиями, искусным огнём русской артиллерии производились настолько сильные разрушения неприятельских заграждений, окопов, укреплений и других оборонительных сооружений особой прочности, что в некоторых местах они буквально сравнивались с землёй, а жилые постройки, иногда целые селения, попадавшие под огонь артиллерии, обычно загорались и уничтожались нередко дотла.

В эпоху мировой войны 1914—1917 гг. русские артиллеристы, несмотря на слабость артиллерийского вооружения по сравнению с вооружением противников, несмотря на недостаток снарядов, на далеко не всегда удачное использование артиллерии общевойсковыми начальниками и на многие другие неблагоприятные условия, всё же показали, как много может дать в обстановке современной войны столь мощное оружие разрушения и уничтожения, каким является артиллерия в умелых руках, в совершенстве овладевших искусством артиллерийской стрельбы.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ

К части четвертой

1. Центральный государственный Военно-исторический архив (ЦГВИА). Дела за №№ 392, 442, 444, 683, 11 — 424, 714, 17 — 659, 32 — 914, 81—22, 81 — 77 80 — 254, 174 — 754.

Приказ штаба верховного главнокомандующего за 1916 г. № 1695. Личный архив Е. З. Барсукова: „Отчет генерала Карачана", „Полевая книжка полковника Яковлева".

2. Устав полевой службы, 1912 г.

3. Наставление для действия полевой артиллерии в бою, 1912 г.

4. Общие указания для борьбы за укрепленные полосы, ч. I и II, 1916 г.

5. Наставление для борьбы за укрепленные полосы, ч. II и III, 1917 г.

6. „Пособие по стрельбе полевой артиллерии", изд. 1911 г. Составлено группой артиллерийских офицеров (полковники Клейненберг 1-й, Барсуков, Гобято, Синеоков и Лукашевич, подполковник Добророльский) под руководством генерал-лейтенанта Краевского.

7. Е. Барсуков, Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, ГВИЗ, 1926 г. Труд удостоен премии им. М. В. Фрунзе.

8. Е. Барсуков, Русская артиллерия в мировую войну, Воениздат, т. I, 1938 г. и т. II, 1940 г. Труд удостоен Сталинской премии в 1942 г.

9. В. Ф. Кирей, Артиллерия атаки и обороны. Выводы из применения артиллерии на русском фронте в 1914 — 1917 гг., ГВИЗ, 1926 г.

10. В. Ф. Кирей. Артиллерия обороны, изд. Армейского Вестника, 1917 г.

11. Гаскуэн, Эволюция артиллерии во время мировой войны, ГИЗ, 1921 г.

12. Л. А. Кравков. Очерк развития артиллерии за последнее десятилетие, Ленинград, 1924 г.

13. В. Рогвольд, Конница 1-й армии в Восточной Пруссии (авг.-сент. 1914 г.), изд. штаба РККА, 1926 г.

14. В. Рогвольд, Усиленная разведка Маркграбова 14 (1) августа 1914 г. (Влияние мирной подготовки на боевые действия войск), изд. штаба РККА, 1926 г.

15. М. Шарсков, Очерк тактического применения войсковой артиллерии, изд. штаба РККА, 1927 г.

К части пятой

1. Правила стрельбы (легкой, конной и горной артиллерии), 1911 г.

2. Пособие по стрельбе полевой артиллерии, 1911 г.

3. Наставление для действия полевой артиллерии в бою, 1912 г.

4. Наставление для борьбы за укрепленные полосы, ч. II — артиллерийская. „Действие артиллерии при прорыве укрепленной полосы", 1917 г., ч. III — артиллерийская, „Действие артиллерии при обороне укрепленной полосы", 1917 г.

5. ГЦВИА, дело 108 — 009.

6. ГЦВИА, дело 174 — 756.

7. ГЦВИА, личный архив Е. З Барсукова. Отчет генерала Карачана.

8. Е. Барсуков, Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, 1926 г.

9. Е. Барсуков, Русская артиллерия в мировую войну, т. I, 1938 г., т. II, 1940 г.

10. Б. Иванов, Борьба с воздушным врагом, 1930 г.

11. М. М. Борейша, Доклад о боевом употреблении 2-го отдельного тяжелого дивизиона батарей „120" за время боев с 16 июня по 7 июля 1917 г.

12. Указания для применения 3-дм. (*76-мм*) химических снарядов в бою, циркуляр ГАУ 1916 г. № 1.

13. Кирей, Артиллерия обороны, 1917 г.

14. Тарновский, Правила стрельбы по летательным аппаратам (аэропланам и дирижаблям) для батарей, вооруженных полевыми пушками обр. 1902 г., горными обр. 1909 г. и пушкой для стрельбы по воздушному флоту обр. 1914 г. (т. е. 76-*мм* зенитной пушкой системы Тарновского—Лендера), изд. ГАУ, 1915 г.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ НА СХЕМАХ

Русские

76-*мм* пушка

107-*мм* пушка

122-*мм* гаубица

152-*мм* гаубица

76-*мм* полубатарея на ОП

76-*мм* батарея на ОП

76-*мм* конная батарея на ОП

122-*мм* батарея на ОП

107-*мм* батарея на ОП

152-*мм* батарея на ОП

2-я позиция 76-*мм* батареи

3-я позиция 76-*мм* батареи

Наблюдательный пункт артиллерии

Артиллерийский парк (взвод боевого питания)

Пехота в цепях

Район расположения пехотного полка

Район расположения конного корпуса

Район расположения кавалерийского (казачьего) полка или дивизии

Походная колонна пехоты с артиллерией

Походная колонна конницы с артиллерией

Походная колонна пехоты (батальон)

Пехота в обороне (1-й и 2-й эшелоны)

Пехота в наступлении (1-й и 2-й эшелоны)

2-е положение пехоты в наступлении

Конница в боевом порядке (1-й и 2-й эшелоны)

Направление наступления пехоты

Направление главного удара пехоты

Кавалерийские эскадроны (казачьи сотни) в конном строю

Направление стрельбы артиллерии

Сектор обстрела батареи

Австро-германцы

Легкая пушечная батарея на ОП

Легкая гаубичная батарея на ОП

Тяжелая пушечная батарея на ОП

Конная легкая батарея на ОП

Наблюдательный пункт артиллерии

Расположение пехотных частей

Расположение кавалерийских частей

Пехота в боевом порядке

Направление главного удара пехоты

Кавалерийские эскадроны в конном строю

Походная колонна пехоты

Походная колонна кавалерии

Пехота в цепях

СОКРАЩЕННЫЕ НАДПИСИ НА СХЕМАХ

1А — 1-я армия.
4/6 — 4-я батарея 6-й артиллерийской бригады.
1б. 22 пп — 1-й батальон 22-го пехотного полка.
1 гв. д — 1-я гвардейская дивизия.
1 гв. кд — 1-я гвардейская кавалерийская дивизия.
Гв. п. — гвардейский полк.
8 гр. п — 8-й гренадерский полк.
2 к — 2-й корпус.
1 кк — 1-й кавалерийский корпус.
1. кав. д или *1 кд* — 1-я кавалерийская дивизия.
1 кзч. д — 1-я казачья дивизия.
Квк. кд — Кавказская кавалерийская дивизия.
10 кзч. п — 10-й казачий полк.
Лндв. д — ландверная дивизия.
36 ланди. бр. — 36-я ландштурменная бригада.
Отр. — отряд.
3 пд — 3-я пехотная дивизия.
2 рпд — 2-я резервная пехотная дивизия.
3 сбр — 3-я стрелковая бригада.
3 сд — 3-я стрелковая дивизия.
Св. кзч. д — Сводная казачья дивизия.
Св. кд. — Сводная кавалерийская дивизия.
6 Сиб. сд — 6-я Сибирская стрелковая дивизия.
2/12 сп — 2-й батальон 12-го стрелкового полка.
Трк. бр — Туркестанская бригада.
2 тд — 2-й тяжелый артиллерийский дивизион.
1/59 — 1-я батарея 59-й артиллерийской бригады.

1|22 м — 1-я батарея 22-го мортирного артиллерийского дивизиона.

1 м двз — 1-й мортирный артиллерийский дивизион.

Т — тяжелый.

1, 2|Ивангор — 1-я и 2-я батареи Ивангородского тяжелого артиллерийского дивизиона.

с. — сибирский.

с. т. — сибирский тяжелый.

с. м. — сибирский мортирный.

На схеме 26 группа Балуева надписей не имеет; по условным знакам можно определить число, калибр и род батарей.

2|51 — 2-я батарея 51-й артиллерийской бригады.

1|11 т — 1-я батарея 11-го тяжелого артиллерийского дивизиона.

2 двз|51 — 2-й дивизион 51-й артиллерийской бригад.

6 кг — 6-я батарея Кавказской гренадерской артиллерийской бригады.

1|2 к. м — 1-я батарея 2-го Кавказского мортирного артиллерийского дивизиона.

3|8 т — 3-я батарея 8-го тяжелого артиллерийского дивизиона.

Лв. подгр — левая подгруппа.

Пр. — арт. гр — противоартиллерийская группа.

Ср. подгр. — средняя подгруппа.

Т. гр — тяжелая группа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть четвертая

ТАКТИКА РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ

Стр.

Глава I. Основы боевого применения артиллерии 5

Обязанности начальников 8
Артиллерийская разведка, наблюдение и связь 9
Боевой порядок артиллерии 36
Маневрирование артиллерии 68
Охранение артиллерии 81
Пополнение боевых припасов 85
Пополнение потерь 95
Артиллерия в бою 96

Глава II. Артиллерия в маневренный период мировой войны 106

Артиллерия в наступательном бою 106
Артиллерия в оборонительном бою 131
Артиллерия во встречном бою 144
Артиллерия при выходе из боя 157
Особенности ночных действий полевой артиллерии 163
Боевые действия горной артиллерии 165
Особенности боевых действий конной артиллерии 167

Глава III. Артиллерия в позиционный период войны 190

Артиллерия при прорыве укрепленной полосы 206
Артиллерия при обороне укрепленной полосы 259
Выводы из опыта войны 1914—1917 гг. на русском фронте в отношении тактики артиллерии 280

Часть пятая

СТРЕЛЬБА АРТИЛЛЕРИИ

Глава I. Общие основы 293

Методы стрельбы 304

Глава II. Основные виды стрельбы 321

Стрельба по открытым войскам 321
Разрушение искусственных препятствий 328
Разрушение и обстрел оборонительных сооружений 329
Борьба с неприятельской артиллерией 333
Борьба с траншейными орудиями и пулеметами 344
Заградительный огонь 345

Стр.

Глава III. Особые виды стрельбы 352

Борьба с танками 352
Стрельба ночью 353
Стрельба химическими снарядами 356
Стрельба по воздушным целям 359
Указания о подготовке атаки в условиях борьбы за укрепленные полосы 368
Встречный артиллерийский удар (контрподготовка) 369

Заключение 370

Приложения:
Перечень источников 377
Условные обозначения на схемах 379
Сокращенные надписи на схемах 381

Редактор инженер-полковник *Зверев П. Н.*
Технический редактор *Стрельникова М. А.* Корректор *Богоявленская М. Н.*

Г-85486 Подписано к печати 11.08.47 Изд. № 4138б Объем 24 п. л.
26,57 уч.-изд. л. В 1 п. л. 4800 тип. зн. Зак. № 8081

Цена 17 руб.

8-я типография Управления Военного Издательства МВС СССР
Отпечатано с матриц во 2-й тип. Управления Военного Издательства МВС СССР им. К. Е. Ворошилова
Зак. № 1650

ОПЕЧАТКИ

Е. З. Барсуков „Артиллерия русской армии", том III

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
5	4 снизу	Добровольский	Добророльский
79	17 „	с желательным	с нежелательным
88	5 „	полки,	парки,
123	16 сверху	7-мм	76-мм
226	11 снизу	п. 2 „6".	п. 2. „6".
232	4 „	в табл. 19	в табл. 25
258	9 и 10 снизу	независимости	независимыми
269	13 снизу	1910 г.	1910 г.[1]
339	13 сверху	и батарей	и батарей, огневые позиции и погреба для бое-

Изд. № 41386 Зак. № 1650

Стр.

Глава III. Особые виды стрельбы 352

Борьба с танками 352
Стрельба ночью 353
Стрельба химическими снарядами 356
Стрельба по воздушным целям 359
Указания о подготовке атаки в условиях борьбы за укрепленные полосы 368
Встречный артиллерийский удар (контрподготовка) 369

Заключение 370

Приложения:
Перечень источников 377
Условные обозначения на схемах 379

Редактор инженер-полковник *Зверев П. Н.*
Технический редактор *Стрельникова М. А.* Корректор *Богоявленская М. Н.*

Г-85486 Подписано к печати 11.08.47 Изд. № 4138б Объем 24 п. л.
26,57 уч.-изд. л. В 1 п. л. 4800 тип. зн. Зак. № 8081

Цена 17 руб.

8-я типография Управления Военного Издательства МВС СССР
Отпечатано с матриц во 2-й тип. Управления Военного Издательства МВС СССР им. К. Е. Ворошилова
Зак. № 1650